

Изд. № 11429.

отъ автора.

И. И. НЕПЛЮЕВЪ

И

ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ ЕГО СОСТАВѢ ДО 1758 Г.

Историческая монографія

В. Н. ВИТЕВСКАГО.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Съ приложеніемъ герба дворянъ Неплюевыхъ и портрета
И. И. Неплюева съ его факсимиле.

Въ этомъ маломъ путѣ будетъ.

Петръ Великій—о Неплюевѣ.

КАЗАНЬ.

Типо-Литографія В. М. КЛЮЧНИКОВА, Б. Проломная, соб. домъ.

1889.



инв. 16729

XXV
3-11-1a

~~инв. 16729~~

И. И. НЕПЛЮЕВЪ

и

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ ЕГО СОСТАВѢ ДО 1758 Г.

Историческая монографія

В. Н. ВИТЕВСКАГО.



ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Съ приложеніемъ герба дворянъ Неплюевыхъ и портрета
И. И. Неплюева съ его факсимиле.

~~В НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОМЪ ОТДѢЛѢ~~



КАЗАНЬ.

Типо-Литографія В. М. КЛЮЧНИКОВА, Большая Проломная улица, собственный домъ.

1889.

В. П. ПЕПЕЛОВЪ

N

ОБЪЯВЛЕНІЕ КЪМЪ ВЪ ПЕПЕЛОВЪ ЕГО СОСТАВЪ ДО 1888 Г.

ВЪВЕДЕНІЕ

В. П. ПЕПЕЛОВЪ

Дозволено цензурою. Москва, 1888 года іюня 5 дня.

Цензоръ Егоровъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Въ приложеніи къ сему издаванію находятся два экземпляра, одинъ изъ которыхъ принадлежитъ къ сему изданію, а другой къ сему изданію.

ВЪВЕДЕНІЕ

В. П. ПЕПЕЛОВЪ

Въ приложеніи къ сему издаванію находятся два экземпляра, одинъ изъ которыхъ принадлежитъ къ сему изданію, а другой къ сему изданію.

1888





Regard. Jean G. Kiersteadt

ОГЛАВЛЕНІЕ КЪ ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ.

Вмѣсто предисловія стр. V—XII.

ГЛАВА I. Происхожденіе рода Неплюевыхъ, родители, дѣтство и первоначальное воспитаніе И. И. Неплюева, стр. 1—23.

Взглядъ на исторію дворянскихъ родовъ въ Россіи, стр. 1—2.—
Баснословный характеръ сказаній о «выѣзжихъ» въ Россію родахъ, 3.—
Преданіе о Гландѣ Камбилѣ, 4.—Гланда Камбила, 5.—Исторіо-
графія герольдмейстера Колычева, 6.—Мнѣніе о «выѣзжихъ изъ
Пруссѣ» Петрова, 7.—Пруссы въ Новгородѣ, 8 и 9.—Бояринъ
Андрей Кобыла и его сыновья, 10.—Различныя мнѣнія относи-
тельно образованія прозвищъ, 11.—Особыя прозвища князей и
бояръ, 12.—Семейное преданіе о бояринѣ Теодорѣ Неплюѣ, 13.—
Начало русской геральдики, 14.—Гербъ дворянъ Неплюевыхъ, 15.—
Иноки изъ рода Неплюевыхъ, 16.—Отецъ Неплюева и князя
Мышецкіе, 17.—Мать Неплюева и самосожженіе ея отца, 18.—
Рожденіе Ив. Ив. Неплюева и кончина его отца, 19.—Дѣтство и
первоначальное воспитаніе, 20.—Родина Неплюева и близлежащіе
монастыри, 21.—Женитьба Неплюева и удаленіе въ монастырь, 22.—
Возвращеніе изъ монастыря, 23.

ГЛАВА II. Первоначальное образованіе, путешествіе за гра- ницу, экзаменъ предъ Петромъ Великимъ и назначеніе Неплюева резидентомъ въ Константинополь, стр. 24—49.

Опредѣленіе Неплюева въ школу и кончина его матери, стр. 24 и 25.—
Поступленіе Неплюева въ Морскую академію, 26.—Причины
малоуспѣшности кадетовъ, 27.—Дисциплина и содержаніе каде-
товъ, 28.—Сентъ-Илеръ и вліяніе Петра на кадетовъ, 29.—От-
правленіе русскихъ для образованія за границу, 30.—Отправленіе
Неплюева за границу, 31.—Путешествіе Неплюева до Копенга-
гена, 32.—Гардемарины на пути въ Амстердамъ, 33.—Гардемарины
въ Амстердамѣ и отѣздъ ихъ въ Венецію, 34.—Прибытіе въ Венецію
и отправленіе въ Корфу, 35.—Убіиство Квашнина-Самарина, 36.—
Нравы русской молодежи за границей, 37.—Возвращеніе гардема-
риновъ изъ Корфу въ Венецію, 38.—Костюмъ гардемариновъ и
судьба убійцы Арбузова, 39.—Отправленіе и прибытіе гардема-
риновъ въ Кадиксъ, 40.—Жизнь гардемариновъ въ Кадиксѣ, 41.—
Возвращеніе гардемариновъ въ Россію, 42.—Вліяніе заграничной
жизни на Неплюева, 43.—Высочайшій смотръ гардемаринамъ, 44.—
Экзаменъ Неплюева предъ Петромъ Великимъ, 46.—Вліяніе на

Неплюева Петра Великаго, 46. — Петръ и Неплюевъ на родинѣхъ у плотника, 47. — Назначеніе Неплюева резидентомъ въ Константинополь, 48. — Прощаніе Неплюева съ царемъ и отъѣздъ въ Царьградъ, 49.

ГЛАВА III. Дипломатическая дѣятельность Неплюева въ Турціи, стр. 50—80.

Прибытіе Неплюева въ Константинополь, стр. 50. — Поведеніе лезгинъ и отношеніе къ нимъ Турціи, 51. — Интриги Англіи и желанія Турціи, 52. — Разговоръ визиря съ Неплюевымъ и бунтъ въ Грузіи, 53. — Предосторожность Неплюева и заботы о сынѣ, 54. — Сношенія Порты съ Хивой и Даудъ-ханомъ, 55. — Англія подстрекаетъ Турцію къ войнѣ съ Россіей, 56. — Переговоры Неплюева съ рейсъ-эффенди и де-Бонакомъ, 57. — Неудовольствіе Порты противъ Неплюева, 58. — Посредничество де-Бонака въ переговорахъ Неплюева, 59. — Договоръ Неплюева съ Турціей, 60. — Петръ Великій награждаетъ Неплюева, 61. — Кончина Петра и ея вліяніе на современниковъ, 62. — Петръ Великій предъ судомъ современниковъ и потомства, 63. — Петръ Великій предъ судомъ исторіи, 64. — Отношеніе къ Неплюеву преемниковъ Петра, 65. — Отъѣздъ жены Неплюева въ Царьградъ, 66. — Болѣзнь Неплюева и назначеніе на его мѣсто Вешнякова, 67. — Возвращеніе Неплюева въ Петербургъ, 68. — Вмѣшательство Россіи въ дѣла Польши, 69. — Внутреннее состояніе Турціи, 70. — Война Россіи съ Турціей, 71. — Внутреннее состояніе Австріи, 72. — Представители Россіи на Немировскомъ конгрессѣ, 73. — Остерманъ, Минихъ и Биронъ, 74. — Неплюевъ на Немировскомъ конгрессѣ, 75. — Результаты Немировскаго конгресса, 76. — Бѣлградскій миръ, 77. — Неудовольствіе фельдмаршала Миниха, 78. — Награды по случаю заключенія Бѣлградскаго мира, 79. — Назначеніе Неплюева губернаторомъ въ Кіевѣ, 80.

ГЛАВА IV. Участіе Неплюева въ процессѣ кабинетъ-министра Волинскаго, стр. 81—100.

Судъ надъ княземъ Д. М. Голицынымъ, стр. 81. — Назначеніе Неплюева слѣдователемъ по дѣлу Волинскаго, 82. — Вліяніе на Неплюева въ этомъ дѣлѣ Остермана, 83. — Роль Остермана въ судѣ надъ Волинскимъ, 84. — Генеральное собраніе судей и приговоръ надъ Волинскимъ, 85. — Приговоръ Волинскаго къ смерти и его настроеніе предъ казнью, 86. — Волинскій предъ казнью и во время казни, 87. — Ссылка въ Сибирь дѣтей Волинскаго, 88. — Дѣлежъ имущества Волинскаго, 89. — Неправедливость обвиненія Неплюева Карновичемъ, 90. — Неплюевъ не получалъ помѣстій Волинскаго, 91. — Роль Неплюева въ судѣ надъ Волинскимъ, 92. — Личность Волинскаго и его враги изъ русскихъ сановниковъ, 93. — Причины неудовольствія русскихъ на Волинскаго, 94. — Ненависть къ Волинскому Остермана и радость Бирона, 95. — Ближайшія слѣдствія

казни Волынского, 96.—Возвращение из ссылки и замужество дочерей Волынского, 97.—Память о Волынскомъ въ потомствѣ, 98.—Волынский въ произведеніяхъ поэзіи и живописи, 99.—Волынский предъ судомъ исторіи и памятникъ на его могилѣ, 100.

ГЛАВА V. Поручение Неплюеву дѣла о разграниченіи земель между Россіей и Турціей, его вдовство, награжденіе орденомъ и деревнями, назначеніе главнымъ командиромъ Малороссіи, вторичный бракъ, арестъ Неплюева, конфискація его имѣній, оправданіе и назначеніе въ Оренбургъ, стр. 101—114.

Награды иностранныхъ пословъ, стр. 101.—Приготовленія ко встрѣчѣ турецкаго и персидскаго посольствъ, 102.—Кончина первой жены Неплюева и дѣти отъ нея, 103.—В. Я. Римскій-Корсаковъ и награжденіе Неплюева орденомъ Св. Александра Невского и деревнями въ Малороссіи, 104.—Панины, А. Б. Куракинъ и А. И. Панина, вторая жена Неплюева, 105.—Прибытіе Неплюева въ Глуховъ и перемѣны при Дворѣ, 106.—Анна Леопольдовна, интриги де-ла Шетарди и поведеніе Елизаветы, 107.—Швеція объявляетъ войну Россіи, 108.—Манифестъ Швеціи и вліяніе его на Остермина, 109.—Вступленіе на престолъ Елизаветы и награды гвардіи, 110.—Судьба Брауншвейгскаго семейства и его приверженцевъ, 111.—Арестъ Неплюева и конфискація его имѣній, 112.—Неплюевъ подъ арестомъ и на допросѣ, 113.—Отношенія къ Неплюеву Н. Ю. Трубецкаго, 114.—Оправданіе Неплюева и возвращеніе ему ордена, 115.—Назначеніе Неплюева командиромъ Оренбургскаго края, 116.—Вліяніе этого назначенія на жену Неплюева, 116.

ГЛАВА VI. Оренбургскій край до Кириллова и при немъ, стр. 118—158

Составъ населенія Оренбургскаго края, стр. 118.—Чудскіе курганы и аборигены Башкиріи, 119.—Монголо-татарскія могилы и чудскія шахты, 120.—Ископаемые памятники чудскихъ шахтъ въ Башкиріи, 121.—Башкиры не были аборигенами своей страны, 122.—Чудъ и свидѣтельства о башкирахъ древнихъ восточныхъ писателей, 123.—Мадьяры, венгры, угры и башкиры, 124.—Происхожденіе башкиръ и сходство ихъ съ татарами, 125.—Значеніе слова «башкиръ», 126.—Добровольное подчиненіе башкиръ Россіи, 127.—Позднѣйшій приростъ населенія Оренбургскаго края, 128.—Составъ пришлаго населенія въ Башкиріи, 129.—Характеръ колонизаціи края и недовольство башкиръ, 130.—Башкирскіе бунты въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в., 131.—Волненія башкиръ продолжаютъ, 132.—Намѣренія Петра Великаго и мѣры его преемниковъ, 133.—Содѣйствіе старшины Шаймова видамъ Правительства, 134.—Желаніе киргизскихъ хановъ присоединиться къ Россіи, 135.—Мнѣніе о Киргизской ордѣ Петра I и Абуль-Хаиръ-ханъ, 136.—Тевкелевъ

въ Киргизъ-Кайсацкой ордѣ, 137. — Киргизское посольство въ С.-Петербургѣ и Кирилловъ, 138. — Составъ и снаряженіе экспедиціи Кириллова, 139. — Кирилловъ въ пути и основаніе Верхнеяицкой крѣпости, 140. — Выступление Кириллова изъ Уфы въ глубь Башкиріи, 141. — Сопротивленія башкирь и основаніе первоначальнаго Оренбурга, 142. — Обратный путь Кириллова и нападеніе башкирь, 143. — А. И. Румянцевъ и его отношенія къ Кириллову, 144. — Проектъ Румянцева и Кириллова къ умиротворенію башкирь, 145. — Кирилловъ и Румянцевъ въ отношеніи къ башкирамъ, 146. — Битва Румянцева съ отрядомъ Кильмякъ-Абыза, 147. — Стойкость башкирь и храбрость яицкихъ казаковъ, 148. — Основанныя Кирилловымъ укрѣпленія, 149. — Взаимное разстояніе и населеніе крѣпостей, 150. — Результаты дѣятельности Кириллова и смерть его, 151. — Слѣдствія башкирскихъ мятежей и характеристика башкирь, 151.

ГЛАВА VII. Оренбургскій край при Татищевѣ и Урусовѣ,

стр. 153—176.

Назначеніе въ Оренбургъ В. Н. Татищева, 153. — Первоначальныя административныя распоряженія Татищева, 154. — Жалобы Татищева на взяточничество чиновниковъ, 155. — Воевода Шемякинъ и протопопъ Антипа Мартіановъ, 156. — Претензіи Мартіанова и объясненія на его жалобу Татищева, 157. — Отношенія Татищева къ Абуль-Хаиръ-хану, 158. — Неудовольствіе на Татищева Правительства, 159. — Свиданіе Татищева съ Абуль-Хаиръ-ханомъ и поведеніе киргизъ, 160. — Укрѣпленія, основанныя Татищевымъ, 161. — Понятія Татищева о вознагражденіи за трудъ, 162. — Доносы на Татищева, обвиненіе и оправданіе его, 163. — Кончина Татищева и назначеніе въ Оренбургъ князя Урусова, 164. — Каракасаль, лжеханъ Башкиріи, 165. — Каракасаль среди киргизъ и въ Башкиріи, 166. — Популярность Каракасала, рассказы и пѣсни о немъ, 167. — Каракасаль провозглашаетъ себя ханомъ Башкиріи, 168. — Допросы и пытки башкирь и озлобленіе ихъ, 169. — Мѣры и распоряженія Урусова къ поимкѣ Карасакала, 170. — Рассказы башкирь и расправа съ ними Урусова, 171. — Экзекуція башкирь и слѣдствія борьбы съ ними, 172. — Вторженіе Карасакала въ Зюнгорію и погромъ киргизовъ, 173. — Переговоры съ зюнгорами и исчезновеніе Карасакала, 174. — Заботы Урусова о безопасности Оренбургскаго края, 175. — Татаро-калмыцкая школа въ Самарѣ и смерть Урусова, 176.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ.

Съ тѣхъ поръ, какъ государственная исторія Россіи, въ тѣсномъ смыслѣ, уступила свое мѣсто исторіи народной и общественной жизни, стали обращать серьезное вниманіе и на изученіе дѣятельности отдѣльных лицъ, жизнь которыхъ можетъ быть интересной не только сама по себѣ, но и по ея отношенію къ вопросамъ политической и общественной исторіи Россіи. Ближайшее знакомство съ жизнью замѣчательныхъ лицъ въ исторіи должно служить къ опредѣленію и уясненію характера самого государства, народа и общества извѣстной эпохи, среди которыхъ жили, развивались и дѣйствовали эти лица, подчиняясь, въ той или другой степени, и сами ихъ вліянію. Особенно имѣетъ важное значеніе подробное и основательное изученіе жизни и дѣятельности тѣхъ лицъ, отъ которыхъ во многомъ зависѣла народная и политическая исторія Россіи въ XVIII вѣкѣ. Всякому образованному чело-вѣку извѣстно, какое видное и важное мѣсто во внутренней и внѣшней исторіи Россіи принадлежитъ Меншикову, Остерману, Бирону, братьямъ Шуваловымъ, Разумовскимъ, Орловымъ, Панинымъ, Потемкину, Бѣцкому, Румянцеву, Суворову и др.

Никто не будетъ оспаривать и того, что Россія имѣла не мало замѣчательныхъ людей въ прошедшихъ вѣкахъ ея исторіи и особенно въ XVIII вѣкѣ; во многихъ ея могилахъ покоится прахъ самыхъ энергичныхъ и добросовѣстныхъ работниковъ на родной нивѣ. Имена и подвиги этихъ могучихъ богатырей духа не должны умирать въ памяти потомства; передавая ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, Россія обязана сохранить ихъ до конца своего существованія. При современномъ состояніи исторической науки, дѣятельность нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ изслѣдована и обработана съ достаточной полнотою и пониманіемъ дѣла; но нельзя сказать, чтобы въ этомъ отношеніи не было и пробѣловъ: многіе изъ русскихъ государственныхъ дѣятелей еще ждутъ своихъ біографовъ и хотя строгой, но безпристрастной оцѣнки ихъ

трудова, — къ числу такихъ мужей принадлежитъ и личность И. И. Неплюева, посвятившаго свои силы болѣе чѣмъ на полвѣка пользы и преуспѣянію горячо любимой имъ Россіи. Начавъ службу при Петрѣ Великомъ въ званіи гардемарина, Неплюевъ оставилъ ее только при Екатеринѣ II, на 72 году жизни, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и то потому, что совершенно потерялъ зрѣніе.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ представляетъ собою своеобразный и типичный примѣръ учениковъ, вышедшихъ изъ практической школы Петра Великаго, подѣ влияніемъ котораго главнымъ образомъ и совершилось его воспитаніе. Неплюевъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ и примѣромъ того, какъ сильно и благотворно было влияніе могучаго генія Петра, когда оно падало не на каменистую землю и не при распутии, а на плодородную почву. Неплюевъ также является и краснорѣчивымъ подтвержденіемъ необыкновенной прозорливости Петра, его удивительной способности угадывать людей: въ самомъ началѣ служебной дѣятельности Неплюева, Петръ сказалъ о немъ: *„въ этомъ маломъ путѣ будетъ,“* — и Неплюевъ вполне подтвердилъ такое мнѣніе о немъ Преобразователя Россіи. Начавъ свое школьное образованіе на 22 году жизни, онъ 27 лѣтъ, по желанію Петра, уже занялъ постъ русскаго резидента въ Константинополѣ и вполне оправдалъ надежды, возлагаемыя на него Государемъ. Неплюевъ былъ не только опытный морякъ, храбрый воинъ, искусный инженеръ, мудрый дипломатъ, энергичный и умный колонизаторъ, но и прекрасный отецъ семейства, искренно и убѣжденно вѣрующій христіанинъ, — словомъ, Неплюевъ былъ человѣкъ, въ самомъ лучшемъ и полномъ значеніи этого понятія, что и дѣлаетъ особенно симпатичной эту славную и свѣтлую личность чисто русскаго человѣка въ исторіи Россіи XVIII вѣка.

Разносторонняя дѣятельность Неплюева была на столь многообъемлюща, что, изучая ее, мы въ то же время невольно знакомимся со многими сторонами внутренняго быта и состоянія русскаго общества въ XVIII в., равно какъ и съ дипломатическими отношеніями Русскаго Правительства къ другимъ странамъ и народамъ. Занимая постъ резидента въ Константинополѣ, Неплюевъ въ теченіе почти четырнадцати лѣтъ честно и энергично, съ опасностью собственной жизни, защищалъ интересы Россіи на востокѣ, и много содѣйствовалъ Петру Великому въ приобрѣтеніи имъ западнаго побережья Каспійскаго моря и Грузіи, удерживая Тур-

цію отъ войны съ Россіей. По возвращеніи Неплюева изъ Царьграда въ Россію, его назначили полномочнымъ министромъ на Немировский конгрессъ; ему же потомъ поручили и разграниченіе земель между Россіей и Турціей по рѣкамъ Бугу и Днѣпру, послѣ заключенія Вѣлградскаго мира; затѣмъ его опредѣляютъ губернаторомъ въ Кіевъ и главнымъ командиромъ всей Малороссіи.

Съ вступленіемъ на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, Неплюеву пришлось вынести тяжелое испытаніе: его арестовали, лишили ордена Св. Александра Невскаго и малороссійскихъ деревень, заключавшихъ въ себѣ болѣе 2000 крестьянскихъ дворовъ; но потомъ онъ былъ признанъ невиннымъ, ему возвратили орденъ и назначили его главнымъ командиромъ въ Оренбургскій край, состоявшій тогда изъ нынѣшнихъ губерній Самарской, Оренбургской, Уфимской, частию Пермской, Уральской области и Киргизъ-Кайсацкихъ степей.

Самая широкая и разносторонняя дѣятельность происходитъ въ Оренбургскомъ краѣ при Неплюевѣ: онъ устраиваетъ центральный пунктъ—нынѣшній Оренбургъ; укрѣпляетъ и заселяетъ Яицкую линію, простиравшуюся болѣе чѣмъ на 1000 верстъ; при немъ воздвигаются крѣпости и редуты по рѣкамъ: Сакмарѣ, Уралу, Ую, Міясу и Тоболу, съ цѣлію обороны и безопасности края отъ башкирѣ, калмыковъ, киргизъ и зюнгоровъ; онъ же вводитъ болѣе прочныя основы административнаго устройства среди яицкихъ (нынѣ уральскихъ) казаковъ, башкирѣ, ставропольскихъ крещеныхъ калмыковъ, нагайбаковъ и другихъ поселенцевъ Оренбургскаго края; Неплюевъ же первый заявляетъ о правахъ свободнаго человѣка и безопасность каждаго старается оградить закономъ; онъ проводитъ въ общественное сознаніе мысль о необходимости образованія и содѣйствуетъ устройству новыхъ и поддержанію старыхъ школъ, заведенныхъ Татищевымъ, для инородческаго и русскаго населенія края; Неплюевъ стремится поднять нравственный уровень народа и служащихъ и указываетъ на новые источники доходовъ и средствъ, для управленія и развитія края. Благодаря неусыпнымъ трудамъ и энергіи Неплюева, здѣсь заводятся новыя слободы; строятся православные храмы, обрабатываются нетронутыя плугомъ земледѣльца новины; прокладываются дороги, наводятся мосты чрезъ рѣки, овраги и гати; устраивается почтовый трактъ отъ Оренбурга и Троицка до Москвы и другихъ городовъ центральной Россіи; даются льготы

содержателямъ разгонныхъ и почтовыхъ лошадей; изыскиваются мѣры къ безопасности торговаго караваннаго пути въ Хиву и Бухару чрезъ киргизскія степи. Заботясь объ улучшеніи экономическаго быта башкиръ и русскихъ поселенцевъ Оренбургскаго края, Неплюевъ обратилъ особенное вниманіе на развитіе торговли и промышленности въ краѣ: при немъ завязываются торговыя сношенія русскихъ купцовъ съ среднеазіатскими народами, дающія возможность посредствомъ сбора пошлинъ покрывать всѣ расходы по содержанію администраціи и другихъ правительственныхъ функций въ краѣ, на что прежде отпускалось 50000 р. изъ казны; благодаря также инициативѣ, заботамъ и энергіи Неплюева, идетъ самая дѣятельная разработка въ рудникахъ и на заводахъ, основанныхъ купцомъ И. Б. Твердышевымъ, дворяниномъ И. П. Мосоловымъ, братьями Мясниковыми и др. лицами. Неплюевъ силою своего ума разстроилъ и грандіозные планы извѣстнаго муллы Батарши Алѣева, который вознамѣрился поднять противъ русскихъ весь магометанскій міръ. Неплюевъ не только предупредилъ опасныя послѣдствія, которыми угрожалъ бунтъ Батарши; но онъ, въ интересахъ спокойствія этого края, навсегда разорвалъ старинную дружбу башкиръ съ киргизами и, не прибѣгая къ пыткамъ и кровопролитной войнѣ, какъ это дѣлали его предшественники, положилъ навсегда конецъ совмѣстному и согласному дѣйствію этихъ народовъ противъ русской власти. По нашему мнѣнію, Неплюевъ былъ Петромъ Великимъ для Оренбургскаго края: ученикъ и любимецъ Преобразователя привелъ въ исполненіе тѣ планы, которые были предначертаны Петромъ для Оренбургскаго края и которыхъ онъ не успѣлъ осуществить, по причинѣ неожиданной его кончины. Подробное изложеніе столь обширной дѣятельности Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ мы и постараемся представить въ слѣдующемъ выпускѣ нашей монографіи.

Охарактеризовавъ личность Неплюева, хотя въ общихъ чертахъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и въ поясненіе того, какимъ образомъ явился настоящій трудъ. Симпатичная личность Неплюева приковала къ себѣ наше вниманіе еще на студенческой скамьѣ: слушая въ 1868 г. въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ университетѣ лекціи профессора Н. А. Ойрсова о колонизаціи сѣверо-восточной Россіи, мы тогда же задались мыслью ознакомиться со временемъ ближе съ жизнью и

дѣятельностью Неплюева. Въ 1870 году, по окончаніи университетскаго курса, авторъ настоящей монографіи былъ назначенъ на службу въ Уральскую войсковую гимназію; оставаясь здѣсь на службѣ до 1874 г., онъ успѣлъ собрать о дѣятельности Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ новыя данныя, которыя раньше не были ему извѣстны. Отличный знатокъ мѣстныхъ архивовъ Оренбургскаго края, покойный Р. Г. Игнатьевъ, съ которымъ авторъ настоящей монографіи вошелъ въ переписку, указалъ ему на Тургайскій областной архивъ, гдѣ хранятся дѣла по Оренбургской Экспедиціи. Между тѣмъ насталъ 1873 годъ, въ ноябрѣ котораго должно было исполниться столѣтіе со дня кончины Неплюева. Въ виду этого, мы сочли совершенно уместнымъ и своевременнымъ напомнить жителямъ Оренбургскаго края о заслугахъ Неплюева, и въ мартѣ 1873 года, прочли въ залѣ Уральского войскаго собранія пять публичныхъ лекцій, въ пользу бѣднѣйшихъ учениковъ войсковой гимназіи; лекціи эти потомъ были нами пополнены и напечатаны, въ видѣ біографическо-историческаго очерка, въ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ за 1873 — 1875 годы подъ заглавіемъ: „И. И. Неплюевъ и Оренбургъ“, причемъ авторъ получилъ только 30 отдѣльныхъ оттисковъ. Очеркъ этотъ обратилъ на себя вниманіе нашей серьезной столичной прессы: „Критическое Обозрѣніе“ (1879 г., см. № 5) и „Русская Старина“ (1879 г., см. № 8) сдѣлали о немъ, *sine ira et studio*, лестный для автора отзывъ; но самъ авторъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, сознавалъ недостатки своей работы, и потому продолжалъ собирать и группировать новыя матеріалы къ пополненію и переработкѣ своего труда. Чѣмъ болѣе скоплялось матеріаловъ и чѣмъ дѣятельнѣе шла ихъ группировка и обработка, тѣмъ яснѣе становились для него недостатки и пробѣлы первоначальной редакціи его работы о Неплюевѣ. Ближайшее и непосредственное знакомство съ оренбургскими архивами и свѣдѣнія, которыя мы получили отъ Н. Н. Неплюева^{а)}, окончательно убѣдили насъ въ необходимости снова приняться за свой трудъ, чтобы, такъ сказать, переплавить и совершенно переработать его, на основаніи вновь скопившихся матеріаловъ. Между тѣмъ, къ нашему счастью и пользѣ науки, обстоятельства

^{а)} Николай Николаевичъ Неплюевъ, сынъ Николая Ивановича Неплюева, Черниговскаго предводителя дворянства, родился въ 1851 году и кончилъ курсъ въ Императорскомъ Петербургскомъ университетѣ въ 1875 г.; онъ приходится потомкомъ И. И. Неплюева въ 4 колѣнѣ: отецъ его Николай Ивановичъ — праправнукъ Ивана Ивановича Неплюева.

сложились такъ благопріятно, что мы нашли возможнымъ не только издать текстъ въ новомъ его видѣ, но и приложить къ нему гербъ, портретъ Неплюева и нѣсколько другихъ рисунковъ, иллюстрирующихъ нѣкоторыя мѣста текста. Не дожидаясь окончанія всего труда въ печати, мы, въ виду нѣкоторыхъ соображеній, рѣшились издать покуда его начало, въ видѣ отдѣльнаго перваго выпуска, приложивъ къ нему гербъ дворянъ Неплюевыхъ и портретъ Ив. Ив. Неплюева съ его факсимиле. *Настоящій выпускъ знакомитъ читателя съ жизнью и дѣятельностью Неплюева до назначенія его въ Оренбургъ, и съ внутреннимъ состояніемъ Башкиріи до прибытія въ Оренбургскій край Неплюева.* Въ слѣдующихъ выпускахъ будетъ изложена колонизаціонная и административная дѣятельность Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ, его отношенія къ русскому и инородческому населенію, развитіе торговли и промышленности въ краѣ, бунтъ Батырши Алѣева, служебная дѣятельность Неплюева, по удаленіи изъ Оренбурга, и, наконецъ, частная жизнь этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля и человека до его кончины.

Портретъ Неплюева, приложенный къ настоящему выпуску, снятъ фотографомъ-художникомъ Императорской Академіи художествъ Г. Н. Оже съ пояснаго портрета, находящагося въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, и литографированъ на камнѣ въ типо-литографіи В. М. Ключникова. Иванъ Ивановичъ изображенъ здѣсь болѣе въ зрѣлыхъ лѣтахъ и, по нашему мнѣнію, гораздо импозантнѣе, чѣмъ на портретѣ, помѣщенномъ въ № 257-мъ Всемирной Иллюстраціи за 1873 годъ. Ко второму выпуску будутъ приложены слѣдующіе рисунки: 1) видъ иконостаса походнаго храма, пожалованнаго Петромъ Великимъ его крестнику, калмыцкому тайшѣ (князю) Петру Петровичу, внуку калмыцкаго хана Аюки; 2) Преображенскій лѣтній соборъ въ Оренбургѣ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ Золотаго, построенный при Неплюевѣ; 3) зимній соборъ въ Оренбургѣ, во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, сооруженный также при Неплюевѣ. Рисунки эти были сняты съ натуры Г. Н. Оже и рисованы на камнѣ въ типо-литографіи В. М. Ключникова Г. Е. Котельниковымъ, который рисовалъ гербъ и портретъ И. И. Неплюева, приложенные къ настоящему выпуску. Если позволятъ обстоятельства и представится возможность, то къ послѣднему выпуску авторъ желалъ-бы прило-

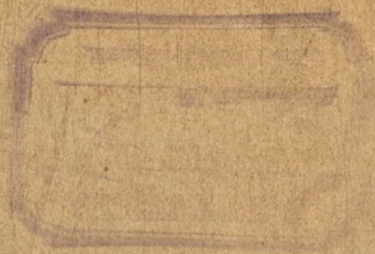
жить видъ храма, въ которомъ погребенъ Неплюевъ, и видъ его надгробнаго памятника. Всѣхъ выпусковъ авторъ предполагаетъ издать не менѣ трехъ, которые будутъ выходить приблизительно въ такомъ же объемѣ, какъ и настоящій первый выпускъ, съ дальнѣйшимъ продолженіемъ нумераціи страницъ, такъ-что лица, пріобрѣтшія первый выпускъ, могутъ потомъ получить и остальные, чтобы составить изъ нихъ одно цѣлое. Сравнительно большой форматъ книги объясняется величиною рисунковъ, заготовленныхъ равнѣе, уменьшать же ихъ не хотѣлось, хотя, при обыкновенной величинѣ, книга значительно бы выиграла въ своемъ объемѣ: тогда первый выпускъ составилъ бы не менѣ шестнадцати печатныхъ листовъ общепринятаго формата книгъ въ 8 д. листа. Для большаго удобства при чтеніи, мы раздѣлили содержаніе книги на небольшія главы, сдѣлавъ на каждой страницѣ подглавія, по совѣту почтеннаго редактора „Русской Старины“, М. И. Семевского, посѣтившаго автора 19 іюня настоящаго года, во время своего пребыванія въ Казани, и отнесшагося съ полнымъ вниманіемъ къ его труду. Ссылки на источники и небольшія примѣчанія сдѣланы нами внизу страницъ съ обозначеніемъ ихъ латинскими буквами, арабскія же цифры, встрѣчающіяся въ текстѣ, указываютъ на примѣчанія, которыя будутъ приложены къ концу книги, по окончаніи всего труда, и которыя по ихъ объему мы сочли неудобнымъ помѣстить на соотвѣтствующихъ имъ страницахъ: имѣя специальное значеніе, они могли-бы иногда отвлекать вниманіе читателя отъ содержанія текста и вредить, такъ сказать, внѣшнему изяществу книги. Когда будетъ оконченъ въ печати весь трудъ, мы намѣрены къ послѣднему выпуску приложить подробныя примѣчанія, поясняющія нѣкоторыя мѣста содержанія книги, копіи съ цѣнныхъ архивныхъ документовъ, еще неизвѣстныхъ въ печати, и алфавитный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ книгѣ, а также и опечатки, которыя почти неизбежны въ такомъ большомъ трудѣ; тогда же будутъ опубликованы имена и фамиліи тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали намъ, въ томъ или другомъ отношеніи, въ этомъ трудѣ.

Что касается отношенія настоящей работы къ ея первоначальной редакціи; „И. И. Неплюевъ и Оренбургъ“; то послѣдняя относится къ первой, какъ контуръ рисунка къ самому рисунку. Всякій, кто потрудится сличить эти двѣ редакціи, отдѣленные по времени одна отъ другой на 15 лѣтъ, убѣдится въ справедли-

ности сдѣланнаго нами сравненія объ относительномъ достоинствѣ этихъ разновременныхъ трудовъ о Неплюевѣ. Слишкомъ было-бы долго указывать на промахи, пробѣлы и неточности въ первоначальной нашей работѣ о Неплюевѣ, напечатанной въ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ; но мы считаемъ должнымъ предупредить любителя отечественной исторіи, что онъ не найдетъ тамъ того, что составляетъ здѣсь содержаніе главъ I, III, IV и V, написанныхъ нами вновь, а главы II, VI и VII переработаны по новымъ источникамъ и матеріаламъ; такую же, если не большую разницу, замѣтитъ читатель и въ слѣдующихъ выпускахъ нашего труда о Неплюевѣ въ сравненіи съ его первоначальной редакціей. Издавая теперь первый выпускъ своего труда, мы искренно желали-бы выслушать хотя строгій, но безпристрастный отзывъ о немъ людей компетентныхъ въ отечественной исторіи, чтобы потомъ можно было воспользоваться ихъ указаніями и со-вѣтами въ дальнѣйшемъ изложеніи настоящей монографіи. Все, что только было доступно намъ, сгруппировано и оцѣнено, по возможности, съ должнымъ вниманіемъ къ дѣлу и согласно требованіямъ исторической критики; но на сколь успѣшно мы выполнили свою задачу,—всецѣло предоставляемъ судить о томъ людямъ болѣе насъ опытнымъ, научно образованнымъ и вполне компетентнымъ въ специальныхъ вопросахъ отечественной исторіи.

Владиміръ Витевскій.

Казань, 15 Сентября,
1888 г.





Портрет Л. В. Ключникова

Валентин

Напрасно, мой любезный сынъ, надеждою себя ласкаешь увидѣть меня живаго; чувствую, что уже смерть моя приближается, къ чему не столько болѣзненные припадки, какъ и лѣта меня опредѣляютъ,—въ разсужденіи чего и печаль твоя должна быть умѣренна, въ чемъ я на твое благоразуміе надѣюсь; да инако и воля Господней противно. Прежде, нежели душа моя отъ тѣла разлучится, въ должности нахожусь сказать тебѣ, Николай Ивановичъ, въ послѣднее: сохраняй святую вѣру; вразумляй о той дѣтей своихъ; исполняй, по возможности, заповѣди Господни. Онъ Всевышній есть источникъ всѣхъ благъ, небесныхъ и земныхъ, и вѣруй въ Него никогда не постыдится. Сохраняй въ совершенствѣ вѣрность твою къ Ея Величеству и къ учреждаемымъ отъ нея и чрезъ нее наслѣдникамъ. Наблюдай правду во всѣхъ твоихъ дѣлахъ и поступкахъ, хотя бы иногда и непріятное что тебѣ за то понести случилось; вѣдай, что Богъ и Ея Величество правды твоея будутъ покровители. Люби свое отечество, отъ коего весь родъ твой облагодѣтельствованъ былъ и потомки будутъ, и въ защищеніе того пользы не щади не только благосостоянія, но и жизни. Я по всей возможности симъ шелъ путемъ, мой любезный сынъ, и ты всѣхъ лучше знаешь бывшія мнѣ огорченія, сколь я ихъ сносилъ терпѣливо, и наконецъ Богъ, владычествуяй всѣми, воззвалъ меня въ такое состояніе, какого только человѣку при моихъ свойствахъ ожидать было возможно. Подчиненнымъ твоимъ и паче крестьянамъ будь больше отецъ, нежели господинъ, имѣя присно въ памяти слово Божіе: «милости хочу, а не жертвы», и что они такіе же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власти, данной тебѣ гражданскими законами. Наконецъ скажу: умѣряй свою вспыльчивость; она не токмо здоровью твоему вредна, но и познанію каждаго дѣла въ точномъ его видѣ препятствуетъ.—Къ Тебѣ, Отецъ щедротъ и милосердія, обращаю молитву мою: сохрани его, дѣтей его, и весь родъ мой и вразуми ихъ совершить теченіе сѣя жизни Тебѣ удобное въ вѣрности къ Нашей Государынѣ и въ пользу отечества. Еще прости, мой любезный сынъ Николай Ивановичъ, мысленно тебя обнимаю, цѣлую; да будетъ благодать Господня надъ тобою!

(Изъ предсмертнаго письма И. И. Неплюева къ своему сыну, Николаю Ив. Неплюеву).

„Сей достопочтенный мужъ имѣлъ разумъ твердый и тонкій, дѣятельность неусыпную, правосудіе непоколебимое. Доступъ до него былъ открытъ всякому. Интересы отечества предпочиталъ онъ своей жизни. Вѣру и благочестіе соблюдалъ до конца ненарушимо; былъ врагъ вольнодумства, суевѣрія, ласкательства и потаковщиковъ. Всякія несчастія и прискорбія сносилъ съ благодареніемъ Богу, вѣруя несумнѣнно Провидѣнію Его, управляющему жребіемъ смертныхъ“.



ГЛАВА I.

Взглядъ на исторію дворянскихъ родовъ въ Россіи.—Происхожденіе рода Неплюевыхъ.—Предки и родители Ивана Ивановича Неплюева.—Его дѣтство и первоначальное воспитаніе.—Молодые годы, женитьба и добровольное удаленіе Неплюева въ монастырь.—Возвращеніе изъ монастыря.

Въ семействахъ, какъ въ зародышѣ, лежитъ и будущій человѣкъ и будущее государство. Семейство есть государство въ миниатюрѣ.

Шейбертъ.

Вопросъ о первоначальномъ происхожденіи дворянскихъ родовъ въ Россіи до сихъ поръ составляетъ проблему въ нашей исторіи; до послѣдняго времени онъ не обращалъ на себя должнаго вниманія исторической критики. Загляните въ хаотическую глубь миѳическихъ и легендарныхъ сказаній о происхожденіи «*вытѣжихъ*» въ Россію князей и бояръ, и вы убѣдитесь, что положительное и строгонаучное рѣшеніе этого вопроса составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ русской генеалогіи. Не смотря на то, важность его сознавалась издавна и въ литературѣ, и въ жизни. Еще митрополитъ Кипріанъ (Сербъ) обратилъ вниманіе на происхожденіе и родословіе знатныхъ фамилій въ своей *Степенной Книгѣ*, дошедшей до насъ въ видѣ одной части—исторіи князей, въ переработкѣ митрополита Макарія, извѣстнаго составителя *Великихъ Четьи-Миней* и редактора постановленій *Соголаваго Собора*.

Но легендарный характеръ повѣствованія о происхожденіи многихъ родовъ, искаженіе собственныхъ именъ и географическихъ названій, при всевозможныхъ анахронизмахъ, подрываютъ вѣроятность и того, что, при иныхъ условіяхъ, могло бы быть принято за фактъ. Такой же легендарный характеръ повѣствованій и панегирической тонъ замѣчается и въ *Степенной Книгѣ*, напечатанной при Екатеринѣ II, „подъ усмотрѣніемъ“ академика

Герарда-Фридриха Миллера. Князь М. М. Щербатовъ считалъ подробныя родословія необходимыми руководящими указаніями для историка. Благодаря его вліянію и руководству, Матвѣй Григорьевичъ Спиридовъ, зять кн. Щербатова, занялся собраніемъ и группировкой различныхъ извѣстій о представителяхъ родовъ древней русской аристократіи, обративъ особенное вниманіе на ихъ службы государямъ. Собравъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, массу замѣтокъ и данныхъ о представителяхъ древнихъ дворянскихъ родовъ до XVIII столѣтія, Спиридовъ въ 1810 г. началъ издавать: «*Сокращенное описаніе службъ благородныхъ російскихъ дворянъ*», и напечаталъ три части. Въ своемъ вступленіи къ этому труду^{а)}, онъ весьма краснорѣчиво говоритъ о моральномъ значеніи высокаго рода, налагающаго на продолжателей его обязанность слѣдовать доблестямъ предковъ, а не увеличивать только своимъ именемъ число членовъ этого рода. Пожаръ Москвы въ 1812 г., во время вступленія въ нее Французовъ, какъ извѣстно, истребилъ множество древнихъ памятниковъ, рѣдкихъ книгъ и драгоценныхъ для науки рукописей. Вмѣстѣ съ богатымъ собраніемъ книгъ исторіографа Карамзина и графа Мусина-Пушкина, жертвою пожара сдѣлались и шесть частей „Сокращеннаго описанія службъ благородныхъ дворянъ“ Спиридова, сгорѣвшихъ вмѣстѣ съ его домомъ; эти шесть частей его труда не только были приготовлены къ печати, а имѣли уже и цензурное разрѣшеніе на выпускъ ихъ въ свѣтъ, но Матвѣй Григорьевичъ Спиридовъ успѣлъ захватить съ собою черновыя рукописи, которыя и хранятся въ настоящее время въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ С.-Петербургѣ. Трудъ Спиридова, при всѣхъ его недостаткахъ, представляетъ по времени драгоценное и единственное въ этомъ отношеніи собраніе извѣстій о происхожденіи многихъ дворянскихъ фамилій въ Россіи. Составитель первой «*Россійской Родословной Книги*», князь П. Вл. Долгоруковъ, безъ сомнѣнія, пользовался богатымъ собраніемъ Спиридова; но ему не доставало научной подготовки для умѣлаго пользованія имъ, чѣмъ и объясняются отчасти различныя промахи и пробѣлы въ его книгѣ. Въ 1873—1876 гг., редакціей „Русской Старины“ были изданы два тома «*Русской Родословной Книги*», составленной княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Въ 1886 г. появился «*Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій*», составленный В. В. Руммелемъ, при содѣйствіи Вл. Вл. Голубцова и другихъ лицъ. Но эти почтенныя изданія, не чуждыя однакожъ пробѣловъ, нѣкоторыхъ неточностей и ошибокъ, далеко не исчерпываютъ богатаго, еще мало обработаннаго матеріала для генеалогіи

^{а)} См. т. I, стр. 15—70.

русскихъ дворянскихъ родовъ. Въ томъ же году напечатана «Исторія родовъ русскаго дворянства» П. Н. Петрова и до сихъ поръ продолжается изданіе обширнаго труда А. Барсукова: «Родъ Шереметевыхъ», первый томъ котораго былъ напечатанъ еще въ 1881 году. Не считая нужнымъ, по самому характеру настоящей монографіи, упоминать о другихъ сочиненіяхъ по исторіи дворянства въ Россіи^{а)}, мы должны признать за фактъ, что исторія русскихъ дворянскихъ родовъ въ послѣднее время вступила въ новый фазисъ своего развитія. П. Н. Петровъ и А. Барсуковъ относятся уже критически къ вопросу о происхожденіи дворянскихъ родовъ въ Россіи. „Недостаточное углубленіе,—говоритъ г. Петровъ,—въ смыслъ первоначальныхъ источниковъ, со времени переработки „Степенной Книги“ Макаріемъ, возбуждало въ составителяхъ родословцевъ желаніе блеснуть заимствованіями изъ лѣтописей, въ большинствѣ случаевъ приурочивая факты не къ дѣлу и не только допуская, но любя даже введеніе легендъ. Пользованіе тождественными сказаніями ихъ для нѣсколькихъ родовъ разомъ (одинъ изъ обычныхъ приѣмовъ составителей родословій, во второй половинѣ XVII в.) въ глазахъ изслѣдователя нашего времени прямо обличаетъ искусственность позднѣйшей фабрикаціи, подрывая всякую вѣроятность^{б)}“. Составители родословій, какъ люди „книжные“, заимствовали легендарныя сказанія изъ польскихъ генеалогическихъ и геральдическихъ твореній, бывшихъ въ большомъ распространеніи въ XVII и XVIII в., составляя ихъ переводо-компилятивнымъ способомъ изъ иностранныхъ, болѣею частію, итальянскихъ и латинскихъ изданій, появившихся съ эпохи возрожденія искусствъ и наукъ. Почти полтора вѣка такъ сочинялись русскія родословія дворянскихъ фамилій. Большая часть ихъ обыкновенно начинается съ отдаленныхъ вѣковъ баснословными именами родоначальниковъ и продолжателей родовъ, оказываясь, почти до XVI в., измышленіями праздной фантазіи; таковы, напримѣръ, легенды о родоначальникахъ многихъ фамилій въ Москвѣ, будто бы «выѣзжихъ изъ Пруссъ», или «изъ Литвы», а туда—«изъ Нѣмцевъ», или «отъ Италійской страны ветхаго Рима». Въ родословныхъ XVI в. о происхожденіи «выѣзжихъ изъ Пруссъ» также находится подборъ словъ, не выдерживающихъ исторической критики, если примѣнить къ нимъ хронологическіе расчеты, начиная съ князей Рюрикова дома, преемственность поколѣній которыхъ, какъ и

^{а)} Напр. Исторія дворянскаго сословія въ Россіи. М. Яблочкова, Спб., 1876 г. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостнаго права. Романовичъ-Славатинскаго. 1870 г. Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка. И. А. Покрай-Розица. Спб. 1872 г.

^{б)} Исторія родовъ русскаго дворянства. Спб. 1886 г., стр. 2.

самое время ихъ правленія и жизни, наиболѣе точно намъ извѣстны^{а)}. Въ концѣ XVII вѣка, составители-компиляторы баснословныхъ сказаній о родѣ, допуская всевозможныя искаженія прямыхъ и точныхъ показаній прошлаго, прибавляли столько своихъ нелѣпностей, что и вѣроятное ранѣе, со вводомъ новыхъ вымысловъ, сдѣлалось неузнаваемымъ и ни съ чѣмъ несогласимымъ. Въ царствованіе Екатерины II, сочинители печатныхъ родословій, въ родѣ игумена Ювеналія Воейкова, подкрѣпили басни своихъ предшественниковъ печатнымъ словомъ, священнымъ и неоспоримымъ доказательствомъ въ глазахъ тѣхъ людей, которые не въ состояніи отличить истину отъ вымысловъ, приправленныхъ подлинными датами изъ документовъ и указаніями о представителяхъ рода за XVII вѣкъ^{б)}. Къ числу такихъ легендарныхъ повѣствованій относится, по нашему мнѣнію, и слѣдующій рассказъ о родоначальникѣ дворянъ Неплюевыхъ, Гландѣ Камбилѣ, сообщенный намъ Н. Н. Неплюевымъ.

Сынъ *пруссаго* конунга Дивона, происходившаго отъ Литовскаго князя Литталоона, Гланда Камбила, разбитый крыжаками (орденъ меченосцевъ), долженъ былъ, по тогдашнему обычаю страны, удалиться изъ своего отечества. Въ 1250 году онъ прибылъ въ Новгородъ, во главѣ трехтысячнаго войска. Россія переживала тогда тяжелое время: она не успѣла еще оправиться отъ татарскаго погрома, и потому новгородцы радушно приняли новопришельцевъ: Пруссамъ отвели для поселенія пригородъ, до сихъ поръ удержавшій ихъ имя, а Камбилѣ Новгородское Вѣче пожаловало большія и богатяя вотчины. Но недолго жили въ мирѣ Пруссы съ Новгородомъ. Въ 1287 г. они вмѣшались въ новгородскую ссору и убили Самуила Ратышнина. Ударили въ набатъ у Св. Софіи и Св. Николая; громадныя толпы вооруженнаго народа бросились на Прусскій пригородъ; дома запылали. Много погибло и Пруссовъ и новгородцевъ въ этой отчаянной схваткѣ. Вся Прусская улица была выжжена, а домъ Гланды Камбилы былъ разграбленъ. Въ томъ же году Камбила съ двумя малютками сыновьями крестился въ Софійскомъ соборѣ^{в)}, въ присутствіи князя Дмитрія Александровича Новгородскаго, сына Св. Александра Невского^{г)}. Таинство Св. крещенія совершалъ новгородскій архіерей. При крещеніи Гланда получилъ имя Іоанна, народъ-же, по-прежнему, продолжалъ называть его Гландою Дивоновичемъ. Въ 1330 г. одинъ изъ сыновей его, знаменитый

^{а)} См. доказательство въ книгѣ П. Н. Петрова: „Исторія родовъ русск. дворянства“, Спб. 1886 г., стр. 7.

^{б)} Тамъ же, стр. 7.

^{в)} Слич. Истор. Государства Россійскаго Н. М. Карамзина, т. IV, пр. 173; т. VIII, примѣчаніе 164.

^{г)} Въ „Всемирной Иллюстраціи“ (1873 г., № 257, стр. 362) сказано, что Гланда Камбила крестился при Св. Александрѣ Невскомъ, что противорѣчитъ Исторіи: Св. Александръ Невскій скончался въ 1263 году.

бояринъ Андрей Ивановичъ, будучи уже старикомъ, переѣхалъ съ оставшеюся дружиной Пруссовъ въ Москву, къ великому князю Іоанну Даниловичу Калитѣ. Въ глубокой старости, бывши ближнимъ бояриномъ при Симеонѣ Гордомъ, Андрей Ивановичъ Кобыла (какъ его называлъ народъ), въ сопровожденіи боярина Босоволкова и большого посольства, ѣздилъ въ Тверь за великокняжеской невѣстой, Маріей Александровной Тверской, сдѣлавшейся третьею и любимую женой Симеона Гордаго^{а)}. Андрей Ивановичъ по отцѣ прозывался Камбила, но народъ называлъ его по-своему: и долго еще сохранялась въ народѣ память о добромъ бояринѣ Андрѣ Кобылѣ.

Имя Камбилы или Кабилы встрѣчается и въ памятникахъ Варминской (Эрмляндской) исторіи^{б)}. Тамъ находится дарственная запись Эрмлянденкаго капитула, данная 23 іюля 1290 года нѣкоему Кабилѣ (Cabilo) на владѣніе помѣстьемъ Налабенъ (Nalaben)^{в)}, съ тѣмъ, чтобы онъ, Кабило, и его наслѣдники, по обычаю страны, служили капитулу однимъ конемъ и однимъ вооруженнымъ ратникомъ.

Въ родословной книгѣ Русскихъ великихъ и удѣльныхъ князей и дворянскихъ родовъ, писанной полууставомъ XVII вѣка^{д)}, сказано: „Выѣхалъ изъ Нѣмецъ мужъ честенъ, именемъ Андрей Ивановичъ (въ другихъ мѣстахъ—Михайловичъ)^{е)} Кобыла“. Этимъ именемъ,—замѣчаетъ г. Барсуковъ,—начинаются все дошедшія до насъ старинныя родословныя росписи Шереметевыхъ и единоплеменныхъ съ ними Романовыхъ, Неплюевыхъ, Колычевыхъ и др. Поколѣнная роспись Шереметевыхъ, представленная 23 мая 1686 г. въ Розрядъ бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ, начинается такъ: „Родъ Пруссаго княженія владѣтеля Андрея Ивановича, а прозваніе ему было Кобыла. Приѣхалъ изъ Пруссъ отъ своихъ предѣловъ владѣтель Андрей Ивановичъ, а у него былъ сынъ Ѳеодоръ Андреевичъ“^{ж)} и т. д. Эта роспись была пред-

^{а)} Симеонъ (въ схимѣ Созонтъ) Гордый былъ женатъ три раза; первая его жена Анастасія Литовская скончалась въ схимѣ 11 марта 1345 года; вторая Евпраксія Ѳеодоровна была отослана мужемъ къ отцу, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, и еще, при жизни Симеона Гордаго, вышла за князя Ѳоминскаго, Ѳеодора Краснаго, а Симеонъ Гордый женился въ третій разъ на Маріи Александровнѣ Тверской, отъ которой имѣлъ четырехъ сыновей, умершихъ еще въ дѣтствѣ. См. И. Г. Рос., т. IV, гл. X, примѣчанія 364 и 365.

^{б)} Родъ Шереметевыхъ. А. Барсукова, Спб. 1881 г., т. I, стр. 8, прим. 12. Monumenta historiae Warmiensis. В. I. (Codex diplomaticus Warmiensis). Mainz, 1860. Diplomata, стр. 151, № 86^а.

^{в)} Нынѣ Колмска деревня того же названія въ приходѣ Петерсвальдѣ, близъ Мельзака (Mehlsack), въ 84 верстахъ отъ Кѣнигсберга на ЮЗ.—См. тамъ же.

^{д)} Рукопись Императ. Публич. библіотеки (въ собраніи И. П. Сахарова). Q. IV, 171; л. 165 на оборотѣ.

^{е)} Князь А. М. Курбскій, говоря о прародителѣ Шереметевыхъ, писалъ: „Мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Нѣмецкія земли выѣхалъ, ему же имя было Михайла: глаголютъ его быти съ роду князятъ Репскихъ“. См. „Сказанія кн. Курбскаго“. Изд. 2. Спб. 1842 г., стр. 108.

^{ж)} Барсуковъ А. Родъ Шереметевыхъ, т. I, стр. 2.

ставлена во исполненіе указа царя Оеодора Алексѣевича, отъ 27 ноября 1681 года, которымъ повелѣвалось: „Въ Розрядъ родословную книгу пополнить и которыхъ изъ родословныхъ людей имянъ въ той книгѣ въ родѣхъ не написано и тѣхъ имянъ въ той книгѣ написать къ средникомъ ихъ, и для того приносить имъ въ Розрядъ поколѣбныя росписи за руками“^{а)}. Вслѣдствіе этого указа, старая родословная книга, названная въ одной рукописи „подлинною Московскою родословною книгою“, была пополнена представленными поколѣбными росписями и вошла въ составъ такъ называемой Бархатной книги, въ которой записано, что „Шереметевы выѣхали изъ Пруссіи“^{б)}.

При Петрѣ Великомъ, 12 января 1722 года, была учреждена должность герольдмейстера и Герольдмейстерская контора при немъ, а 5 февраля того же года дана ему инструкція, что онъ долженъ составлять и утверждать гербы дворянскимъ родамъ, а „такъ-какъ это дѣло новое, т. е. какимъ порядкомъ знатныя и прочія фамиліи въ родословныхъ и прежнихъ гербахъ и вновь данныхъ содержаны быть имѣють, то прискивать и переводить пристойныя книги другихъ государствъ и что по тому изобрѣтено будетъ, о томъ доносить Сенату, а въ Сенатѣ разсмотрѣти, докладывать Намъ“^{в)}.

Герольдмейстеромъ былъ назначенъ ближній стольникъ Петра, Степанъ Андреевичъ Колычевъ, который въ томъ же (1722) году составилъ подробную записку подъ названіемъ: „Исторіографія вкратцѣ собранная изъ разныхъ хроникъ и лѣтописцевъ“^{д)}. — Повѣствованіе Колычева начинается съ Прусскаго короля Прутено, который въ 373 году по Р. Х., по причинѣ старости своей, отдалъ свою власть и королевство брату своему Вейдевуту, а самъ „опредѣлился ко идолослуженію первымъ жрецомъ въ городѣ Ромновѣ, идѣже нынѣ нѣмецкое мѣстечко Гейлигенбейль“^{е)}. Вейдевуть передъ смертію, въ свою очередь, раздѣлилъ Прусскую землю между 12 сыновьями, изъ которыхъ четвертый, Недронъ, получилъ удѣлъ на берегахъ рѣки Прегеля. Но крыжаки „край земель Недровскихъ мечемъ и огнемъ люте паче прочихъ раззорили и города Недровскихъ князей, потомковъ вышеписаннаго Недрона, до основанія истощили и разрушили“. Колычевъ говоритъ, что всѣ эти бѣдствія постигли

^{а)} А. Барсукова. Родъ Шереметевыхъ, т. I, стр. 3. Родословн. Кн. князей и дворянъ Росс. и выѣзжихъ. М. 1787 г., ч. II, стр. 403.

^{б)} Тамъ же.

^{в)} М. Яблочкова. Истор. дворянскаго сословія въ Россіи. Спб. 1876 г., стр. 413.

^{д)} Эта неизданная рукопись хранится въ архивѣ графа С. Д. Шереметева (№ 597). См. полное ея заглавіе въ книгѣ А. Барсукова: „Родъ Шереметевыхъ“, т. I, стр. 4.

^{е)} Ромнове или Ромове находилось на берегахъ Дубиссы и Нѣвьяжи. При слияніи этихъ двухъ рѣкъ, на обширной равнинѣ, находился священный, вѣчно зеленый дубъ необыкновенной толщины и высоты. См. тамъ же, стр. 6.

Недронскій удѣлъ уже въ XIII вѣкѣ, при князѣ Дивонѣ, потомкѣ Недрона въ IX колѣнѣ. Въ 1280 г. старшій сынъ Дивона, князь Руссингенъ, тѣнимый крыжаками и будучи не въ состояніи противиться имъ, „со всею своею фамиліей и съ младшимъ своимъ братомъ Камбилу, нареченнымъ Гландомъ или Гландосомъ“, крестился, а „какое имъ въ крещеніи дано имя, — говоритъ Колычевъ, — того въ лѣтописцахъ не написано, развѣ въ ихъ крыжацкихъ метрикахъ обрѣтается“. Далѣе Колычевъ рассказываетъ, что „въ 1283 г. упомянутый Гландосъ Камбила Дивоновъ сынъ, изъ дома Недрона Ведевитовича поколѣніе свое производящій, самъ прииде къ Московскому великому князю Данилѣ Александровичу всеа Россіи самодержцу, и тотъ его крестилъ въ законъ Греческаго исповѣданія, понеже онъ прежде окрещенъ былъ въ Римскую, а изъ Римскія въ Греческую, что и нынѣ всею творять латинники... А что того славнаго Камбилу или Гланда Камбиліона стали нарицать Кобыла, и то, мню, учинено съ недозрѣнія особы его. Въ томъ вѣку нареци иноземческихъ прозваній многіе не умѣли и съ истиною того прозванія знатно распознавать не умѣли или не хотѣли, а наипаче древніе писари Русскіе, недовольные въ грамматическихъ ученіяхъ, весьма иноземныя прозванія и имена отмѣняли, не дописуя вѣрно, или съ прибавкою отъ незнанія писали. Мню посему, что, вмѣсто Камбилы или Камбиліона, написали просто Кобыла отъ древнихъ писцовъ, съ убавленіемъ литеры“^{а)}.

Такимъ образомъ, рассказъ герольдмейстера Колычева составляетъ какъ-бы вариантъ того повѣствованія, которое мы привели выше, со словъ Н. Н. Неплюева, о Гландѣ Камбилѣ; существенное различіе ихъ заключается во времени выѣзда въ Россію „изъ Пруссіи“ и мѣстѣ крещенія Камбилы: по первому повѣствованію Гланда Камбила прибылъ въ Новгородъ въ 1250 г. и былъ крещенъ здѣсь съ двумя малолѣтними сыновьями въ 1287 году, а по „Исторіографіи“ Колычева — Камбила первоначально былъ крещенъ крыжаками въ 1280 г., по римско-католическому обряду, и потомъ уже въ 1283 году въ Москвѣ принялъ православіе.

П. Н. Петровъ въ своей „Исторіи родовъ русскаго дворянства“, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Одна изъ болѣе позднѣйшихъ нелѣпостей — происхожденіе Романовыхъ отъ какого-то потомка Видвута, князя Литовскаго, переселившагося „изъ Пруссіи“ въ XIII в. и, по принятіи православія, названнаго Іоанномъ. „Не стоитъ и доказывать“, — продолжаетъ онъ, — „неосостоятельность такой басни, когда о Видвутѣ не знали и родословцы даже въ XVI вѣкѣ, связывая происхожденіе литовскихъ князей

^{а)} А. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. I, стр. 6 и 7.

съ потомствомъ русскихъ князей отъ Св. Владимира, а именно отъ Ростислава Рогвольдовича, князя Полоцкаго^{а)}. Считаю нестоящимъ даже опроверженія баснословное сказаніе о Гландѣ Камбилѣ, г. Петровъ все-таки высказываетъ слѣдующія весьма остроумныя и довольно вѣроятныя соображенія о „выѣзжихъ изъ Пруссъ.“ „Легендарная основа обыкновенно прикрываетъ подъ „выѣзжими изъ Пруссъ“ новгородцевъ, порвавшихъ всякія связи съ родиной и переселившихся въ Москву. Время происхожденія рода—XIII в. была пора, когда не существовало Пруссіи, въ смыслѣ самостоятельнаго государства, и въ позднѣйшіе вѣка бывшей владѣніемъ курфюрста Бранденбургскаго до 1700 года. Откуда же могли быть въ XIII в. прусскіе подданные или прусская народность? Въ переработкѣ московскихъ книжниковъ, со временъ Грознаго, терминъ „выѣзжій изъ Пруссъ“ прямо замѣненъ яко-бы подходящимъ выраженіемъ „выѣзжій изъ Нѣмецъ“. Сводя эти два термина въ одно и находя въ лѣтописяхъ тождественность именъ мнимыхъ выходцевъ изъ Пруссіи, или Нѣмецкой земли, съ новгородскими дѣятелями, въ пользу или противъ которыхъ устраивались побоища и схватки Торговой стороны съ Софійскою, невольно Пруссовъ усматриваешь въ загородномъ концѣ Новгорода, на Прусской улицѣ; изъ нея шла и дорога въ Псковъ, такъ называемый, Прусскій путь. И жители этой улицы, поддерживая оппозицію на вѣчахъ противъ стремленій аристократической консервативной партіи, безпрестанно называются Пруссамъ. Къ чему же намъ искать чужихъ Пруссовъ за время ненахожденія ихъ въ другомъ мѣстѣ“,—спрашиваетъ г. Петровъ,— „когда тѣ же самыя имена своихъ русскихъ людей въ преемственности колѣнъ являются въ родословіяхъ московскихъ фамилій, пользовавшихся въ царской столицѣ первостепеннымъ вліяніемъ до второй половины XVI вѣка? Представители родовъ этихъ „выѣзжихъ изъ Пруссъ“—люди талантливые, энергичные, полные предприимчивости и отваги, бесплодно потратили свои труды въ подвигахъ, завоевывая Новгороду Сѣверъ; напрасно ожидали отъ захватившихъ власть въ немъ соперниковъ правъ на соучастіе въ правленіи. Борьба съ противниками довела ихъ до изгнанія только, —и тогда-то, обратя взоры на Москву, они подняли ее изъ удѣльнаго княжества до престольнаго великаго княженія и поглощенія другихъ удѣловъ, слившихся въ одно цѣлое съ Москвою въ рукахъ умнаго Ивана III Васильевича; а создавъ его мощь, какъ единодержавца, тѣ же потомки бывшихъ новгородцевъ отоместили преемникамъ гонителей предковъ ихъ—лишеніемъ самостоятельности Новгорода“^{б)}.

^{а)} См. 3 таб. рода Полоцкихъ князей въ его книгѣ: „Исторія родовъ русск. дворянства“, стр. 13.

^{б)} Исторія родовъ рос. дворянства, стр. 3.

Въ подтвержденіе этого мнѣнія мы можемъ сослаться на лѣтописи, изъ которыхъ видно, что одна изъ новгородскихъ улицъ называлась Прусской, а ея обитатели — Прусами, гораздо раньше^{а)} (вѣка за четыре) 1250 года, къ которому приурочиваютъ переселеніе въ Новгородъ Гланды Камбилы „изъ Пруссъ“. Въ лѣтописяхъ также говорится о столкновеніи жителей Прусской улицы, или Прусовъ съ новгородцами въ 1287 году, когда посадникъ новгородскій Семенъ Михайловичъ, несправедливо обвиненный въ злоупотребленіяхъ власти и потому смѣненный новгородцами, былъ спасенъ отъ озлобленной толпы новгородскимъ архіепископомъ, который скрылъ его въ Софійскомъ храмѣ, куда бунтовщики не осмѣлились проникнуть. Но испугъ Семена Михайловича, легковѣріе и жестокость согражданъ до того потрясли его, что онъ вскорѣ послѣ этого скончался, не смотря на признаніе его невиннымъ на другой же день послѣ бунта. Мятежники, однакожъ, не успокоились. Конецъ возсталъ на Конецъ, улица на улицу^{б)}. Прусы вломились въ архіерейскій дворъ и здѣсь убили Самуила Ратьшинича. Новгородцы бросились на Прусскую улицу, зажгли дома и пламя охватило храмъ Богородицы. Началась рѣзня, въ которой много погибло виновныхъ и невинныхъ гражданъ. Пруская улица была выжжена; сгорѣлъ и храмъ Богородицы^{в)}. Но въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы во время этой схватки былъ разграбленъ домъ Гланды Камбилы и что онъ крестился въ томъ же году съ двумя сыновьями, — вообще, не упоминается даже объ его имени. Еслибы дѣйствительно былъ въ это время въ Новгородѣ такой выдающійся по своему происхожденію человекъ, какъ Гланда Камбила; то трудно допустить, чтобы лѣтописецъ намѣренно умолчалъ о немъ, особенно въ виду того, что Камбила, по легендарному преданію, крестился по обряду Восточной Церкви. Вотъ почему, можетъ быть, и Н. М. Карамзинъ отнесся съ видимымъ недоумѣніемъ къ слѣдующему извѣстію, приведенному имъ въ примѣчаніи 173-мъ къ IV тому его „Ист. Гос. Россійскаго“: „Новѣйшіе повѣствователи *уверяютъ*, что отецъ Андреевъ былъ князь *Прусскій*, одинъ изъ потомковъ перваго царя Латышскаго Видвуша; что сей князь, выѣхавъ къ намъ съ двумя сыновьями, крестился въ 1287 г. и былъ названъ Іоанномъ“.

^{а)} Карамзинъ. И. Гос. Росс., т. I, примѣч. III; т. II, пр. 108; т. III, пр. 161; т. IV, пр. 173, 247, 337 и 373.

^{б)} Новгородъ имѣлъ 5 концовъ: Словенскій, Неревскій, Горичскій, Плотинскій и Людинъ; каждый конецъ состоялъ изъ нѣсколькихъ улицъ; въ каждомъ концѣ было свое Кончанское Вѣче, на которомъ избирался Кончанскій старшина. См. „Истор. двор. сословія въ Россіи“—М. Яблочкова, Спб. 1876 г., стр. 57.

^{в)} Карамзинъ. И. Г. Росс., т. IV, примѣч. 173.

Родъ дворянъ Неплюевыхъ происходитъ отъ одного родоначальника съ царствующимъ нынѣ домомъ Романовыхъ, которому старались приписать не русское происхожденіе, благодаря московскому стереотипному термину „выѣзжіи изъ Пруссѣ“, замѣненному при Іоаннѣ IV Грозномъ— „выѣзжіи изъ Нѣмецѣ“.—Пора, наконецъ, разсѣять мракъ сказочныхъ вымысловъ, которые доселѣ принимались за истину.—Романовы и соплеменные имъ Неплюевы, Шереметевы и многіе др. роды^{a)}—потомки чисто русскихъ людей, талантливыхъ и энергичныхъ московскихъ бояръ, выходцевъ изъ Великаго Новгорода, служившаго нѣкогда колыбелью нашего отечества; здѣсь начала соиздаться русская самостоятельность, русская національность, завѣщенная славными предками ихъ достойнымъ потомкамъ.

Покончивъ съ баснословными и легендарными сказаніями о происхожденіи рода Неплюевыхъ и другихъ соплеменныхъ имъ дворянскихъ семействъ, обратимся къ исторіи. Бояринъ Андрей Ивановичъ Кобыла съ 1347 г., какъ мы уже сказали раньше^{b)}, становится вполне историческимъ лицомъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ подъ 6855 (1347) годомъ читаемъ: „Женися князь великій Семень Ивановичъ въ третіе, поя за ся княжну Марію Александровну Тверскаго князя, а ѣздили по ней Андрей Кобыла да Алексѣй Босоволковъ^{c)}“.—Назначеніе боярина Андрея Ивановича сватомъ къ Тверской княжнѣ свидѣлствуетъ объ его высокомъ положеніи при Московскомъ дворѣ и объ особенномъ довѣріи къ нему великаго князя, Симеона Гордаго.

Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ правительственныхъ и частныхъ родословныхъ видно, что Андрей Кобыла имѣлъ пять сыновей, изъ которыхъ каждый носилъ особое прозвище и сдѣлался родоначальникомъ нѣсколькихъ знатныхъ семействъ: 1) Семень Жеребецъ считается родоначальникомъ Лодыгиныхъ, Коновницыныхъ, Синихъ, Горбуновыхъ, Кокоревыхъ и Образцовыхъ; 2) Александръ Елка, отъ него пошли Колычевы, сородичи Св. Филиппа, митрополита Московскаго^{d)}, Сухово-Кобылины, Стербеевы, Хлудневы и Неплюевы; 3) Василій Вантей или Ивантей имѣлъ только одного сына Григорія, умершаго бездѣтнымъ; 4) Гавріилъ Гавша положилъ основаніе роду Боборыкиныхъ; и 5) Феодоръ Кошка, отъ старшаго сына котораго пошло поколѣніе Захарьиныхъ, именовавшихся

^{a)} См. перечень ихъ въ книгѣ Петрова: „Истор. род. р. дворянства“, стр. 4.

^{b)} Стр. 4 и 5.

^{c)} Н. Собр. Русск. Лѣтоп., т. VII, стр. 210.

^{d)} См. въ журналѣ: „Др. и Нов. Россія“ статью О. М. Уманца: „Митрополитъ Филиппъ“, № 11, 1877 г., стр. 198.

потомъ Юрьевыми и наконецъ — Романовыми ^{a)}; а отъ третьяго сына — Беззубцевы, называвшіеся послѣ Шереметевыми ^{b)}.

Изъ поколѣнныхъ росписей русскихъ князей и бояръ видно, что отъ одного и того же лица чрезъ нѣсколько поколѣній образовывались новыя, совершенно различныя фамиліи. По мнѣнію Д. А. Валуева, извѣстнаго изслѣдователя мѣстничества, причина такого явленія заключается въ томъ, что каждый младшій членъ рода находилъ выгоднымъ отдѣлить себя и свое потомство отъ старшихъ, чтобы въ порядкѣ мѣстничества *„не быть утягиваему“* отъ другихъ этими старшими и общюю лѣствицею. Принимая новое имя, онъ какъ бы старался упрочить свой разрывъ съ родомъ и привести въ забвеніе свое прежнее второстепенное родовое положеніе ^{c)}. Такое мнѣніе можетъ быть принято съ большими ограниченіями. Авторъ книги: „Родъ Шереметевыхъ“, А. Барсуковъ замѣчаетъ по этому поводу: „Разные случаи мѣстничества показываютъ, однако, что всѣ такія колѣна, принявшіи особыя прозвища, все-таки продолжали считаться *однимъ родомъ* и даже вели иногда счетъ другъ съ другомъ общюю лѣствицею, если такой счетъ оказывался выгоднѣе той или другой сторонѣ“ ^{d)}. М. Г. Спиридовъ, основываясь на лѣтописяхъ, говоритъ: „въ первыя времена Россіи никогда родъ не имѣлъ особаго прозванія: всѣ знатные и первѣйшіе люди назывались собственными именами и отчествами; въ позднѣйшія же, ближайшія къ намъ времена стали называться и писаться по названіямъ княжествъ, городовъ, волостей, отчинъ, помѣстій и земель, въ ихъ владѣніи состоявшихъ“. Но и противъ этого можно возразить многое. По мнѣнію П. Н. Петрова, единичность именъ въ первоначальной лѣтописи объясняется неполнымъ знаніемъ лицъ и событій составителями лѣтописей, писавшими о многомъ съ пересказа другихъ ^{e)}. Относительно образованія *прозвищъ* Спиридовъ замѣчаетъ: „впослѣдствіи вошло въ обычай давать прозвища, качество или порокъ душевный или тѣлесный, или свойство означающія“. П. Н. Петровъ, приводя мнѣніе Спиридова, говоритъ: „Слова Спиридова, относительно образованія фамильныхъ прозвищъ, намъ кажутся неподлежащими ограниченію во времени и мѣстѣ, а основными и необходимыми отличіями у людей, жившихъ въ обществѣ, во всѣ времена“ ^{a)}. М. Яблочковъ, авторъ книги: *«Исторія дворянскаго сословія въ Россіи»*, высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее мнѣніе: „Читая родословныя, я подмѣтилъ

^{a)} Къ этой же вѣтви принадлеж. угасшая фамилія Яковлевыхъ.

^{b)} А. Барсукова: „Родъ Шереметевыхъ“, т. I, стр. 17 и 18.

^{c)} Сибирскій Сборникъ, 1845 г. Москва, стр. 39 (въ предисловіи).

^{d)} Т. I, стр. 19.

^{e)} Исторія родовъ русс. дворянства, стр. 4 и 5.

^{f)} Тамъ же.

такой законъ образованія прозвищъ. Первоначально они давались въ самой семьѣ, если въ ней было нѣсколько сыновей; если же былъ только одинъ сынъ, или же были сыновья, которые занимали какую-нибудь должность, то они не получали. Напримѣръ. Родъ Свибловыхъ: изъ Нѣмецъ пришелъ Ратша; у него сынъ Якунъ, у Якуна—Алексеѣй, у него—Гаврило да Акинфъ, у Акинфа—Иванъ, у Ивана—Андрей (пока было по одному сыну, прозвищъ нѣтъ). А у Андрея Ивановича—8 сыновей: Ѳеодоръ Свибло, Иванъ Хромой, Александръ Остей, Иванъ Бутуря, Андрей Слизенъ, Ѳеодоръ Корова, Иванъ Зеленый, Михайло^{а)}. То, что г. Яблочковъ принимаетъ какъ-бы за общее правило образованія прозвищъ, мы можемъ назвать не болѣе какъ частнымъ случаемъ, далеко необнимающимъ собою всехъ родословій съ прозвищами. Съ другой стороны, трудно допустить, чтобы бояре, изъ мѣстническихъ интересовъ или для отличія однихъ сыновей отъ другихъ, сами стали называть себя брюхатыми, кошкой, собакой, кобылой, жеребцомъ, гусемъ, ершомъ, судакомъ, рябчикомъ, клушей, крапивою, колодой, мѣшкомъ и т. п. именами, послужившими основаніемъ многихъ знатныхъ фамилій: Кошкиныхъ, Кобылиныхъ, Собакиныхъ, Клушиныхъ и т. д. По нашему мнѣнію, съ болѣею вѣроятностію можно допустить, что различныя прозвища давались членамъ одного и того же рода посторонними людьми, или вообще народомъ, часто безъ вѣдома князей и бояръ и, можетъ быть, вопреки ихъ желанію. При отсутствіи всякаго рода этикета и при тогдашней простотѣ нравовъ, народъ не стѣснялся въ характеристикѣ князей и бояръ тѣмъ или другимъ сравненіемъ или именемъ, какъ это бываетъ и нынѣ среди крестьянъ: въ рѣдкой деревнѣ вы не встрѣтите крестьянина, который не имѣлъ бы, кромѣ его обычнаго прозванія, еще особаго прозвища, и послѣднее всегда бываетъ употребительнѣе и популярнѣе, чѣмъ первое, такъ сказать, официальное. При такомъ воззрѣніи на дѣло, становятся совершенно понятными слѣдующія прозвища князей и бояръ русскихъ: Александръ Брюхатый († 1463), Василій Гребенка († 1477), Дмитрій Жилка († 1521), Симеонъ Крапива († 1368), Дмитрій Ноготь († 1375), Иванъ Смола (Оболенскій), Данило Собака (Оболенскій), Василій Каша (Оболенскій), Ѳеодоръ Брюхо († 1539), Иванъ Колодеа, Ѳеодоръ Мѣшокъ, Василій Гусь, Иванъ Ершь, Андрей Рябчикъ, Иванъ Клуша, Иванъ Бѣлка, Иванъ Заяцъ, Ив. Судокъ и т. п. Народъ могъ руководиться въ этомъ отношеніи физическими недостатками князей и бояръ (хромой, глухой, горбатый), выдающимися чертами ихъ характера (Симеонъ Гордый, Мстиславъ

^{а)} См. стр. 82. Слич. Росс. Род. Кн. Долгорукова, ч. IV, стр. 159.

Удалой), замѣчательными подвигами (Александръ Невскій, Дмитрій Донской) и несчастными случаями въ ихъ жизни (Василій Темный). Вѣроятно, въ средѣ дворянскихъ родовъ, существуютъ разныя семейныя преданія, которыя современемъ, можетъ быть, разясняютъ происхожденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ прозвищъ, при помощи филологіи. Намъ извѣстно, напримѣръ, слѣдующее преданіе о происхожденіи прозвища „Неплюй“, даннаго боярину Ѧоодору Ивановичу, ближайшему родоначальнику дворянъ Неплюевыхъ. Ѧоодоръ Ивановичъ „Неплюй“ былъ праправнукомъ боярина Андрея Ивановича Кобылы и правнукомъ его втората сына, Александра Ёлки^{а)}. Всѣ потомки боярина Кобылы, помня свое происхожденіе отъ древнихъ прусскихъ конунговъ, роднились исключительно съ семействами удѣльныхъ князей; много разъ они были въ родствѣ съ великими князьями московскими и тверскими; одна изъ тетокъ Ѧодора Ивановича была въ замужествѣ за княземъ Микулинскимъ, другая, Марія Ѧоодоровна Голтаева, за княземъ Ярославомъ Боровскимъ, а ея дочь, Марія Ярославна въ 1433 году вышла за Василія II Темнаго. Молодость Ѧоодора Ивановича, оставшагося еще въ дѣтствѣ круглымъ сиротою, протекла въ домѣ княгини Боровской въ Нижней Слободѣ (теперь Нижній Новгородъ). Переселившись въ Москву, вмѣстѣ съ Маріей Ярославной, Ѧоодоръ Ивановичъ жилъ въ домѣ своего дяди, боярина и великаго воеводы, Захарія Ивановича Кошкина, который, по совѣту Василія II Темнаго, задумалъ женить своего племянника, изъ политическихъ соображеній, на дочери одного изъ бояръ, приверженца князей Косаго и Шемяки. На предложеніе объ этомъ бракѣ, сдѣланное Ѧоодору Ивановичу Василіемъ II, потомокъ конунговъ съ гордостью отвѣчалъ, что его предки роднились исключительно съ княжескими домами, и что ему унижительно будетъ жениться на дочери простаго боярина. Тогда Василій II, — какъ гласитъ преданіе, — замѣтилъ на это: *«Неплюй, Ѧоодоръ Ивановичъ, въ колодезь: годится водички испить»*. Дѣйствительно, какъ оказалось впослѣдствіи, только свадьбою съ этой боярышней Ѧоодору Ивановичу удалось избѣжать гибели, при ослѣпленіи Василія II Шемякой. Какъ-бы въ воспоминаніе этого случая, Ѧоодоръ Ивановичъ и получилъ прозвище „Неплюй“, а его четыре сына (Гавріиль, Никита, Андрей, Иванъ) получили уже фамилію Неплюевыхъ^{б)}.

Въ концѣ XV в. фамиліи, вмѣсто прозвищъ, встрѣчаются все чаще и чаще; въ XVI вѣкѣ безъ фамиліи мы не знаемъ никого; къ этому времени боярскіе роды формируются опредѣленно, дворянское сословіе

^{а)} „Росс. Родосл. Книга“ Долгорукова, ч. IV, стр. 159.

^{б)} Это семейное преданіе сообщено намъ Н. Н. Неплюевымъ, который еще въ дѣтствѣ слышалъ его отъ мамушекъ, переданное ими, конечно, по своему.

крѣпнеть. Въ началѣ XVII вѣка являются зачатки и дворянскихъ гербовъ. Въ Польшѣ и Литвѣ гербы употреблялись гораздо раньше. Вслѣдствіе сношеній съ Литвою и Польшей, особенно въ Смутное время Московскаго междоусобицы, мысль объ употребленіи гербовъ должна была перейти и въ Россію. Сначала русскіе бояре стали дѣлать печати по образцу иностранныхъ гербовъ, но эти печати были, такъ сказать, прототипомъ настоящихъ гербовъ. Въ 1611 году бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій въ отпискѣ къ Сигизмунду III, королю польскому, употребилъ печать, на которой былъ изображенъ левъ, стоящій на заднихъ лапахъ съ поворотомъ направо. Въ 1612 году князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій запечаталъ свое письмо къ австрійскому императору печатью, которая имѣла слѣдующій видъ: въ щитѣ орелъ или коршунъ, клюющій мертвую голову; щитъ держатъ два льва; надъ щитомъ — корона, подъ щитомъ — драконъ. Въ 1675 г. стольникъ Иванъ Михайловичъ Афроимовъ къ межевой выписи приложилъ печать, изображающую одноглаваго коронованнаго орла въ щитѣ^{а)}. Но настоящихъ гербовъ не было въ Россіи до послѣдней четверти XVII в. Котошихинъ, современникъ Царя Алексѣя Михайловича, говоритъ, что Московскій Царь „грамотъ и гербовъ на дворянство и боярство никому не даетъ, потому что гербовъ никакому человѣку изложить не могутъ... Да не токмо у князей и бояръ, и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей Московскаго государства *гербовъ не бываетъ*“^{б)}. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, уничтоживъ мѣстничество, приказалъ издать для справокъ о гербахъ иностранныхъ родовъ въ Польскомъ приказѣ переводъ книги: „*Латинская книга, называемая Гербовникъ Шляхетскій Польскаго и Литовскаго народа, Околяскаго, — Orbis Polonus, издана въ Краковѣ 1641 г.*“^{в)}. Петръ Великій окончательно усвоилъ Россіи гербы. Въ табели о рангахъ^{д)}, издан. 22 января 1722 г., Петръ говоритъ, что многіе присвоили себѣ чужіе гербы, и притомъ употребляетъ слово *гербы*, не поясняя его, какъ будто говоритъ о словѣ уже хорошо вѣдѣмъ извѣстномъ. — Петръ Великій привелъ въ порядокъ старыя гербы и помогалъ составлять новыя; онъ же установилъ должность герольдмейстера, который долженъ былъ требовать отъ дворянъ доказательства ихъ благородства, а отъ тѣхъ, которые имѣютъ гербъ, — доказательствъ, отъ кого и когда онъ имъ пожалованъ; лицамъ, которыя могли доказать свое дворянство за 100 лѣтъ, приказано давать гербы^{е)}.

^{а)} Исторія двор. сословія въ Россіи, Спб. 1876 г. М. Яблочкова, стр. 233, 234.

^{б)} О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Спб. 1859 г., изд. 2, стр. 23.

^{в)} Лакіеръ. Росс. Гереальдика, кн. II, стр. 336.

^{д)} П. С. Зак. № 3890.

^{е)} Яблочковъ. Истор. двор. сословія въ Россіи, стр. 234, 235.

Въ царствованіе Павла Петровича, 20 января 1797 года, состоялся именный указъ, которымъ повелѣвалось Герольдіи составить, подъ наблюдениемъ генераль-прокурора, князя Алексѣя Борисовича Куракина „*Общій дворянскихъ родовъ Гербовникъ*“. Въ силу этого указа, всѣ дворяне обязаны были представить въ Герольдію свои родословные и гербы, съ доказательствомъ о принадлежности ихъ къ благородному сословію; при этомъ требовалось подробное описаніе содержанія эмблемъ герба и значенія ихъ, а также и объясненіе того, по какому праву и случаю присвоенъ представленный гербъ извѣстному роду ^{а)}. Въ это время въ числѣ сенаторовъ были: внукъ Ивана Ивановича Неплюева, Иванъ Николаевичъ Неплюевъ (род. 1752 г., † 1807 г.) и его дальній родственникъ Семенъ Александровичъ Неплюевъ, сынъ Александра Ивановича Неплюева, служившаго при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ генераль-кригсъ-коммиссаромъ арміи ^{б)}. По всей вѣроятности, они тогда же и представили въ Герольдію свою родословную и гербъ, съ объясненіемъ его эмблемъ ^{в)}.

Гербъ дворянъ Неплюевыхъ, приложенный нами къ книгѣ, представляетъ щитъ, раздѣленный перпендикулярно на два поля: въ правомъ, красномъ полѣ изображены два серебряные креста, одинъ подъ другимъ, и надъ ними—золотая корона; въ лѣвомъ золотомъ полѣ—дубъ. На гербѣ—дворянскіе шлемъ и корона, изъ коей выходитъ дубъ. Наметь красный, подложенный золотомъ. Щитъ держать: съ правой стороны левъ, имѣющій въ лѣвой передней лапѣ державу ^{д)} и лавровую вѣтвь во рту, а съ лѣвой—прусскій одноглавый орелъ со скипетромъ въ когтяхъ и съ масличной вѣтвью во рту. Девизъ Неплюевыхъ: Deus, honor et gloria (Богъ, честь и слава).—Когда и кѣмъ былъ составленъ этотъ гербъ, намъ неизвѣстно, значеніе же его эмблемъ слѣдующее: въ красномъ полѣ (власть) прусская королевская корона и подъ нею два креста означаютъ происхожденіе Неплюевыхъ отъ древняго конунга Пруссовъ, Летовъ, Самогитовъ и Кореловъ, Гланды Камбилы и его крещеніе съ сыновьями; въ золотомъ (священномъ) полѣ кумиропоклонный дубъ указываетъ на поклоненіе священному дубу, ихъ предковъ, князей Летовъ, которые, начиная съ Литталоона I, жившаго

^{а)} Барсуковъ А. Родъ Шереметевыхъ, т. I, стр. 9.

^{б)} Росс. Родосл. Книг. Долгорукова, ч. IV, стр. 163. Долгоруковъ говоритъ, что при Императорѣ Павлѣ былъ сенаторомъ сынъ Ивана Ивановича Неплюева, Николай Ивановичъ, но это не вѣрно: Николай Ивановичъ Неплюевъ скончался еще въ царствованіе Екатерины II. См. въ прилож. поколѣнную роспись Неплюевыхъ.

^{в)} Пергаментная книга съ описаніемъ и объясненіемъ фамильнаго герба, относящаяся ко времени Императора Павла Петровича, хранится у Николая Ивановича Неплюева, Черниговскаго губернскаго предводителя дворянства. См. въ приложеніи поколѣнную роспись.

^{д)} Въ „Истории родовъ русскаго дворянства“ П. Н. Петрова, въ числѣ другихъ гербовъ находится и гербъ дворянъ Неплюевыхъ; но мы замѣтили въ немъ слѣдующую неправильность: левъ обращенъ головою къ зрителю и лѣвой лапой придерживаетъ щитъ, не имѣя въ ней державы.

въ III вѣкѣ по Р. Хр., были верховными жрецами друидовъ (Криво-Кривейто), при священномъ дубѣ на берегахъ Вистулы (Висла). При такомъ значеніи герба, становятся понятными и прусскій одноглавый орелъ со скипетромъ, и левъ съ державою, поддерживающіе щитъ съ обѣихъ сторонъ. Этотъ гербъ во многомъ походитъ на гербы Кёнигсбергскій, Эльбингскій и другихъ городовъ, которые въ древности принадлежали потомкамъ Вейдевута, Гландѣ Камбилѣ и брату его Руссингену Дивоновичу. На данцигскихъ монетахъ, сохранившихся отъ XV и XVI вѣковъ, дѣйствительно, изображены: два креста и подъ ними корона, изъ которой выходитъ дубъ ^{a)}. Несомнѣнно, что гербъ Неплюевыхъ имѣетъ своимъ основаніемъ легендарное сказаніе о Гландѣ Камбилѣ. Въ большинствѣ случаевъ гербы фамилій, которые ведутъ свое происхожденіе отъ „выѣзжихъ изъ Пруссѣ“ и „Литвы“, имѣютъ основныя эмблемы извѣстныхъ польскихъ гербовъ. Такова въ общихъ чертахъ первоначальная исторія происхожденія „выѣзжихъ“ въ Россію бояръ и въ частности — рода дворянъ Неплюевыхъ. Обратимся теперь къ прерванному разсказу о предкахъ Ивана Ивановича Неплюева.

Мы уже знаемъ, что ближайшимъ родоначальникомъ Неплюевыхъ былъ бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Неплюй. Печальна была судьба Неплюя. Воспитанный съ дѣтства, вмѣстѣ съ братомъ Маріи Ярославны, княземъ Василиемъ Ярославичемъ Серпуховскимъ, онъ видѣлъ, какою черною неблагодарностью Василій Темный заплатилъ Василию Ярославичу за его преданность и вѣрную службу ему. Слушая клеветниковъ, Василій Темный приказалъ взять своего шурина подъ стражу и сослать въ Угличъ, а удѣлъ этого мнимаго преступника объявить великокняжескимъ достояніемъ ^{b)}. Въ 1462 году Ѳеодоръ Ивановичъ, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Ряполовскимъ, постригся въ инокъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ. Не лучше была судьба и его старшаго сына, Гавріила Ѳеодоровича: послѣ смерти правительницы Елены (матери Грознаго), на сторонѣ которой онъ былъ, Гавріилъ Ѳеодоровичъ Неплюевъ, какъ и отецъ его, постригся въ монахи и въ томъ же монастырѣ, вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, Василиемъ Андреевичемъ Шереметевымъ. Это постриженіе Гавріила Ѳеодоровича, вѣроятно, было подневольное, какъ и постриженіе В. А. Шереметева; о послѣднемъ Грозный такъ выразился въ своемъ посланіи къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Козмѣ: „Шереметевъ *неволею*, отъ бѣды постригся“ ^{c)}. Сынъ боярина-инока, Василій Гаврило-

^{a)} Лакиеръ. Русск. Гербальдика, кн. II, стр. 477, и въ Приложеніи табл. XXV, № 25. Слич. Родъ Шереметевыхъ А. Барсукова, т. I, стр. 14.

^{b)} Карамзинъ. И. Гос. Росс., т. V, стр. 204. Изд. 1842 г., Спб.

^{c)} Акты Истор. т. I, стр. 384. Слич. Родъ Шереметевыхъ А. Барсукова, т. I, стр. 77 и д.

вичъ, и внукъ, Семенъ Васильевичъ, почти безвыѣздно жили въ своихъ новгородскихъ вотчинахъ. Въ 1570 г., во время новгородскаго погрома, Семенъ Васильевичъ принужденъ былъ бѣжать изъ раззоренной усадьбы въ Литву, оставивъ жену и сына Ивана на попеченіе своей родственницы, княгини Анны Семеновны Воротынской. Правнукъ Ивана Семеновича, выросшій у княгини Воротынской, Иванъ Никитичъ и былъ отцемъ Ивана Ивановича Неплюева, перваго оренбургскаго губернатора и основателя нынѣшняго Оренбурга^{а)}.

Иванъ Никитичъ Неплюевъ родился въ 1671 году въ Новгородской области, гдѣ, въ сообществѣ съ матерью, и протекла вся его молодость. Въ правленіе царевны Софьи, бояринъ Леонтій Романовичъ Неплюевъ, двоюродный дядя Ивана Никитича, завладѣлъ всѣми родовыми вотчинами Неплюевыхъ, благодаря вліянію и содѣйствію своего друга, Василія Васильевича Голицына, приверженца Софьи. Въ началѣ августа 1689 года произошелъ окончательный разрывъ Софьи съ Петромъ, а черезъ мѣсяць (7 сентября) князю В. В. Голицыну и боярину Леонтію Романовичу Неплюеву прочли приговоръ, въ силу котораго князь Голицынъ, вмѣсто престола, попалъ въ Каргополь, гдѣ и окончилъ дни своей жизни, а бояринъ Неплюевъ былъ сосланъ въ Пустозерскъ, откуда потомъ былъ перевезенъ въ Колу. Изъ конфискованныхъ имѣній Леонтія Романовича Ивану Никитичу, какъ его племяннику, отдали всѣ древнія родовыя вотчины, въ которыхъ онъ и поселился. Неплюевъ въ своихъ Запискахъ подъ 1754 г. говоритъ: „родился мнѣ третій внукъ, коего я наименовалъ Сампсономъ по той причинѣ, что прадѣдъ мой былъ того имени, который, будучи выгнанъ отъ роднаго своего брата изъ наслѣдственнаго ему дома, дожилъ вѣкъ свой въ недостаткахъ терпѣливо, но Провидѣніе, награждающее смиренныхъ и наказующее злыхъ, не токмо тому праведному Сампсону принадлежащую, но и брату, обидѣвшему его, части доставило отцу моему^{б)}“. По сосѣдству съ Неплюевымъ находились обширныя вотчины князей Мышецкихъ. Извѣстно, что Мышецкіе составляли одинъ изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ родовъ того времени; но большая часть лицъ изъ этого рода была проникнута религіознымъ фанатизмомъ: многіе члены этого рода удалились въ свои новгородскія вотчины, не желая имѣть никакого сношенія съ „антихристомъ“, какъ они называли Петра Великаго; они старались разглашать, что „Петръ—сынъ еретическій, отъ антихриста зачался; из-

^{а)} Князь Долгоруковъ ошибочно считаетъ отцомъ Ив. Ив. Неплюева его двоюроднаго брата, Ивана Ивановича, сына Ив. Яковлевича Неплюева, — такихъ промаховъ въ книгѣ Долгорукова немало. См. ч. IV, стр. 161. Росс. Родосл. Книга.

^{б)} Р. Арх. 1871 г., стр. 663.



вель боярина Леонтія Романовича Неплюева да князя В. В. Голицына, а теперь изводитъ дядю своего роднаго, боярина Петра Абрамовича Лопухина, котораго самъ пыталъ: поливалъ двойнымъ виномъ и зажегъ“.

Мышецкіе особенно полюбили Ивана Никитича Неплюева, тѣмъ болѣе, что отецъ и дѣдъ его приняли, какъ выражались Мышецкіе, „гоненіе за вѣру и правду“, и что самъ онъ еще не поступалъ на „антихристову“ службу, къ тому же и дядя его, бояринъ Леонтій Романовичъ былъ въ ихъ глазахъ мученикомъ. Иванъ Никитичъ, конечно, не могъ не замѣтить этого и также искренно былъ расположенъ къ Мышецкимъ; особенно онъ сблизился съ княземъ Петромъ Петровичемъ Мышецкимъ, вдовцемъ, имѣвшимъ сына Θεодора и дочь Марѳу, отличавшуюся молодостью и красотой. Иванъ Никитичъ, обладая счастливой наружностью, былъ только на одинъ годъ старше княжны Мышецкой. Скоро молодые знакомцы почувствовали взаимное влеченіе, сблизились и поклялись посвятить себя другъ другу. Но влюбленнымъ предстояло преодолѣть почти непреодолимое препятствіе: старикъ отецъ никогда не согласился-бы выдать свою дочь за человѣка новой вѣры, а таковыми онъ считалъ всѣхъ, кто не принадлежалъ къ расколу. Молодые сердца и не подозрѣвали, какою дорогою цѣною судьба готовилась продать имъ взаимное счастье. Въ это время по всей Россіи зорко слѣдили за раскольниками; повсюду ихъ хватали, нерѣдко подвергали пыткамъ и замучивали иногда до смерти; наконецъ, очередь дошла и до князей Мышецкихъ. Друзья князя Петра Петровича дали ему знать изъ Москвы, что участь его уже рѣшена и что его приказали арестовать. Получивъ это печальное извѣстіе, князь Мышецкій не колебался ни минуты: онъ тотчасъ же сдѣлалъ нужныя распоряженія и вечеромъ, призвавъ дѣтей, съ особеннымъ чувствомъ поцѣловалъ и благословилъ ихъ, а на другой день добровольно сжегъ себя на кострѣ съ сотней другихъ своихъ приверженцевъ. Нужно замѣтить, что въ то время раскольники-фанатики часто подвергали себя подобной смерти: добровольно сжечь себя, по ихъ мнѣнію, значило „сподобиться вѣнца мученическаго“.— Желаніе получить мученическій вѣнецъ иногда увлекало на добровольный костеръ по двѣсти и триста человѣкъ заразъ; случалось, что на кострѣ умирали, по волѣ родителей, и несчастныя дѣти. Такъ погибли многіе члены княжескаго рода Мышецкихъ.

Самосожженіе князя П. П. Мышецкаго не спасло, однакожь, отъ конфискаціи его огромныя вотчины. Несмотря на это, Иванъ Никитичъ не измѣнилъ своему чувству и вскорѣ, послѣ смерти князя Петра, женился на его осиротѣвшей дочери, княжнѣ Марѳѣ Петровнѣ Мышецкой. Можно предполагать, что и зять Мышецкаго, влѣдствіе этого брака, поплатился большею частію своего состоянія: мы уже знаемъ, что Иванъ Никитичъ, при

ссылкѣ своего дяди Леонтія Романовича, получилъ всѣ родовыя вотчины, которыя были очень значительны; между тѣмъ, послѣ его смерти, какъ увидимъ, осталось всего 80 душъ крестьянъ. Такова въ общихъ чертахъ исторія предковъ знаменитаго колонизатора Оренбургскаго края, которую мы сочли нелишнимъ предпослать біографіи самого Ивана Ивановича Неплюева.

5 ноября 1693 года, въ Воскресенье, въ 7 часовъ утра, въ усадьбѣ „Наволокъ“ Новгородской области, у молодой четы Неплюевыхъ родился сынъ Іоаннъ. Когда мальчику минуло почти семь лѣтъ, отецъ, оставивъ его съ матерью, отправился, въ началѣ сентября 1700 года, подъ Нарву въ составъ расположеннаго тамъ войска, съ которымъ въ ноябрѣ соединился и отрядъ В. П. Шереметева; главнокомандующимъ былъ назначенъ герцогъ de Сгоу. Утромъ 19 ноября на вырубку Нарвы подоспѣлъ Карлъ XII. Ужасная вьюга ослѣпляла русское войско, недовѣрчиво относившееся къ иностраннымъ генераламъ. При первой же схваткѣ, раздались крики: „Нѣмцы измѣнили!“ — Войско пришло въ страшный безпорядокъ: бросилось бѣжать черезъ Нарову и стало бить своихъ же; только два полка, Преображенскій и Семеновскій, отчаянно защищались, герцогъ же de Сгоу сдался раньше другихъ, а 21 ноября Карлъ XII вступилъ въ Нарву. Иванъ Никитичъ Неплюевъ былъ раненъ и больной возвратился въ свою усадьбу. Съ этого времени онъ почти постоянно былъ боленъ и не покидалъ своей семьи до самой смерти, послѣдовавшей 10 іюля 1709 года, въ среду, утромъ; онъ скончался на 38 г. жизни, оставивъ 37-лѣтнюю жену и 16-лѣтняго сына. Посмотримъ, какъ и въ какомъ кругу провелъ его сынъ утреннюю пору своей жизни.

Дѣтство и отрочество И. И. Неплюева прошли въ его родной усадьбѣ, подъ заботливымъ надзоромъ любящей матери; отецъ до полученія ранъ подъ Нарвой почти постоянно бывалъ въ отлучкахъ по дѣламъ службъ. Родныхъ со стороны отца у Неплюева не было: всѣ примерли, не оставивъ потомства, и самъ Иванъ Ивановичъ былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей; ближайшими его родственниками были родные его матери, князья Мышецкіе. Родной дядя Неплюева по матери, князь Ѳеодоръ Петровичъ Мышецкій былъ уже женатъ, имѣлъ сына Ивана и дочь Марію; онъ жилъ въ деревнѣ по-сосѣдству съ своей сестрой, которая нерѣдко бывала у него и одна, и съ сыномъ. Изъ другихъ фамилій ближайшими знакомыми Неплюевыхъ были Квашнины-Самарины и Татищевы. Тихо и однообразно текли дѣтскіе и отроческіе годы Ивана Ивановича въ деревенской глуши. Первымъ учителемъ его, по тогдашнему обыкновенію, долженъ быть приходскій священникъ; но весьма вѣроятно предположеніе, что читать и писать его научила сама Марѳа Петровна: родъ князей Мышецкихъ, изъ

котораго она происходила, извѣстенъ въ исторіи не однимъ религіознымъ фанатизмомъ, но и замѣчательнымъ по тому времени образовапіемъ. Родственники Марфы Петровны, Семенъ и Андрей Денисовичи Мышецкіе путешествовали по разнымъ городамъ Россіи; въ Кіевѣ и Москвѣ учились грамматикѣ и риторикѣ и впоследствии были, одинъ за другимъ, настоятелями Выговской пустыни; кромѣ того, Андрей Денисовичъ извѣстенъ и своими сочиненіями въ защиту раскола⁽¹⁾. Доводя набожность до фанатизма и, какъ огня, боясь всякихъ *«новшествовъ»*, эти поборники старины высоко цѣнили предковъ и старину; видѣли въ нихъ послѣдователей истиннаго, неискаженнаго ученія Св. Православной Церкви; благоговѣя предъ стариной, они старались и жить по-старому. Теперь же, когда боярство быстро клонилось къ упадку, когда изъ князей—бояръ,—этихъ меньшихъ братьевъ Русскаго Царя, по выраженію Василия Темнаго,—остался только призракъ, выродившійся, наконецъ, въ ничтожныхъ гасударевыхъ холоповъ, эти люди *«измалодушившіеся»*, потерявшіе почти всякое значеніе въ глазахъ массы, думали возвыситься надъ нею, отдѣливъ себя рѣзкою чертою. Только *немногіе*, сознательно любившіе старину люди вздыхали тайкомъ о томъ времени, когда бояре, младшіе братья Царя, были любящими отцами Русскаго народа; сильные дѣйствительными заслугами и гордые любовью и уваженіемъ массъ, они не боялись жить одною общою жизнью и быть солидарными со всемъ народомъ. Къ этимъ-то *немногимъ* сознательнымъ поклонникамъ старины принадлежали и князья Мышецкіе. Всѣ эти черты были глубоко восприняты Марфой Петровной и переданы ею сыну, въ которомъ впоследствии и отразилась ихъ привлекательная сторона: *необыкновенно набожный онъ удивлялъ современниковъ либерализмомъ своихъ воззрѣній*. Мы также думаемъ, что на развитіе религіознаго чувства въ Неплюевѣ имѣли вліяніе и сосѣдніе съ его родиной монастыри. Неплюевъ, какъ мы знаемъ, родился въ деревнѣ „Наволокъ“ въ Новгородской Области. Въ настоящее время намъ извѣстны два заселенныя мѣста съ названіемъ „Наволокъ“: 1) въ Крестецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи есть погостъ Наволокъ, съ церковью во имя Св. Чудотворца Николая, состоящій въ Никольской волости и находящійся въ 8 верстахъ отъ Новгорода^{a)}; и 2) деревня Наволокъ Ракомской волости^{b)}, приписанная къ Новгородскому Сырному женскому монастырю;

(1) Арабскія цифры, встрѣчающіяся въ строкахъ, показывают примѣчанія, которыя по ихъ объему мы нашли неудобнымъ приводить здѣсь, а отнесли къ концу книги.

a) Отнош. священника Іоанна Багрянскаго отъ 24 марта 1876 г., за № 25, наход. у насъ въ рукахъ.

b) Отнош. сваяш. села Ракома Петра Георгіевскаго, отъ 13 апрѣля 1876 г., за № 19, наход. у насъ.

которое изъ этихъ поселеній было родиною Неплюева, въ точности намъ неизвѣстно; но, по нѣкоторымъ даннымъ, мы думаемъ, что Неплюевъ родился въ Наволокъ Ракомской волости Новгородскаго уѣзда; отъ села Ракома до Новгорода 7 верстъ, а отъ деревни Наволокъ—20 верстъ. Мѣстоположеніе деревни „Наволокъ“ весьма живописно. Вся эта мѣстность издревле славилась своими монастырями, какъ бы опоясавшими собою берега рѣки Волхова и Ильменя озера. На возвышенномъ и красивомъ мѣстѣ, между рѣками Волховъ и Княжевкою, въ 3 верстахъ отъ Новгорода, находится мужской первоклассный общежительный Юрьевъ монастырь, основанный въ 1030 г. при Ярославѣ I, названномъ при св. крещеніи Юріемъ⁽²⁾. Противъ Юрьева монастыря, на правомъ берегу Волхова, расположенъ Михайловскій 3-й клас. мужской монастырь, основанный въ 1348 г. Въ двухъ верстахъ отъ Юрьева монастыря и въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, былъ Пантелеймоновъ монастырь, а въ полтора верстахъ отъ него—Аркадіевскій, или Аркажъ, уничтоженные въ 1764 году. При впаденіи рѣки Деревяницы въ Волховъ, находился Воскресенскій-Деревяницкій мужской монастырь, основанный въ 1334 г. и упраздненный въ 1750 году. Кромѣ поименованныхъ монастырей, здѣсь были и другіе находившіеся или въ самомъ городѣ или за городомъ: въ 3 верстахъ отъ Новгородскаго Кремля былъ Антоніевъ 2-й кл. мужской монастырь, основанный въ 1106 г. преподобнымъ Антоніемъ Римляниномъ; въ 10 верстахъ отъ Кремля находится Хутыискій-Преображенскій первоклассный мужской монастырь; далѣе шли мужскіе монастыри: Кирилловскій, Савинъ-Вишерскій, Вязицкій-Николаевскій, и женскіе: Сырновъ-Богородицкій, Десятинъ-Богородицкій, Духовъ и Звѣринъ, находившіеся въ самомъ городѣ или близъ него^{а)}.

Такое обиліе монастырей близъ родины Неплюева и религиозное на-
правление его матери не могли не отразиться и на воспитаніи его самого. Мареа Петровна, вѣроятно, нерѣдко бывала въ этихъ монастыряхъ и одна, и съ сыномъ; монахи и монахини, безъ сомнѣнія, были постоянными по-
сѣтителями ея дома, такъ сказать, своими людьми. Церковное благолѣпіе новгородскихъ монастырей, благоговѣйное богослуженіе монаховъ, ихъ серьез-
ныя и блѣдныя лица, душеспасительныя бесѣды, — все это должно было
сильно дѣйствовать на впечатлительную и воспримчивую душу мальчика, видѣвшаго около себя религиозную и любящую мать и больного отца,

^{а)} А. Ратшина: „Полное собр. историч. свѣд. о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существ. монастыряхъ и примѣчательн. церквахъ въ Россіи“. Москва, 1852 г., стр. 369—370, 381 и 400.

который страдалъ не отъ однихъ ранъ, полученныхъ имъ подъ Нарвой, но и душевно: онъ не могъ забыть позора русскихъ при несчастной осадѣ Нарвы; выражалъ недовольство на новыя порядки, введенныя Петромъ въ войскѣ; содрогался, при воспоминаніи о томъ, какъ герцогъ de Сроу, въ самомъ началѣ сраженія, оказался на сторонѣ Шведовъ. Все это сдѣлало Ивана Никитича угрюмымъ, раздражительнымъ и, безъ сомнѣнія, не осталось безъ вліянія на его отрока-сына: болѣзненный видъ израненнаго, угрюмаго и раздражительнаго отца, кроткій и любящій взоръ матери сообщили ихъ сыну тихую грусть и ту безропотную покорность Промыслу Божію, которая впослѣдствіи постоянно охраняла Неплюева въ счастіи отъ упоенія и гордости, а въ трудныя минуты жизни, которыхъ у него, какъ увидимъ, было не мало, отъ ропота и отчаянія.

Мы уже сказали, что отецъ Неплюева скончался 10 Іюля 1709 г. Не прошло и двухъ лѣтъ, послѣ его кончины, какъ Марѳа Петровна позаботилась найти для своего сына неvěсту. Въ то время Новгородскимъ намѣстникомъ былъ Иванъ Юрьевичъ Татищевъ, внукъ Степана Лазаровича, извѣстнаго сподвижника князя Пожарскаго. У Ивана Юрьевича былъ единственный сынъ Ѳеодоръ, котораго въ это время въ живыхъ уже не было; послѣ него остались: сынъ Василій и дочь Ѳеодосія. Не имѣя своихъ дѣтей, Иванъ Юрьевичъ взялъ къ себѣ внучать-сиротъ на воспитаніе. Бывая въ домѣ Татищевыхъ и раньше, Марѳа Петровна неоднократно видѣла Ѳеодосію Ѳеодоровну, и теперь выбрала ее неvěстой своему сыну. Въ воскресенье, 6 сентября 1711 г., совершено было бракосочетаніе Ивана Неплюева съ дѣвицей Ѳеодосіей Татищевой^{а)}. Неплюевъ замѣчаетъ въ своихъ Запискахъ, что онъ женился *«по волѣ матери»*, намекая, вѣроятно, на то, что выборъ неvěсты принадлежалъ не ему, а матери, и очень возможно, что молодые люди, по тогдашнему обыкновению, мало и знали другъ друга до обрученія, а, можетъ быть, самъ Неплюевъ и не думалъ жениться или вовсе или, по крайней мѣрѣ, такъ рано. Не достигши еще 18 лѣтъ, Неплюевъ сдѣлался женатымъ помѣщикомъ, у котораго было 100 душъ крестьянъ: 80 родовыхъ и 20 душъ съ небольшимъ женинныхъ, полученныхъ за нею въ приданое. Молодые поселились въ селѣ Поддубьѣ^{б)} Новгородской области. Здѣсь 19 августа 1712 г. у Неплюевыхъ родился сынъ Адріанъ. Въ ноябрѣ 1713 года, Неплюевъ оставляетъ жену, при своей матери, въ Поддубьѣ, а самъ удаляется въ монастырь. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстно, въ какой именно монастырь путешествовалъ Неплюевъ, какими побужденіями онъ руководился,

^{а)} Ѳеодосія Ѳеодоровна была названа мною раньше, по ошибкѣ, племянницей Ив. Юрьевича Татишева. См. „Неплюевъ и Оренбургъ“, стр. 23. Уральскъ, 1873—1875 г.

удаляясь въ монастырь, и какъ текла его жизнь, во время путешествія и самаго пребыванія въ монастырѣ. Неплюевъ говоритъ въ своихъ *Запискахъ*, что онъ удалился въ монастырь «по обѣщанію», но когда дано было имъ это обѣщаніе, до брака или послѣ, и по какому поводу—изъ его Записокъ не видно. Будучи съ дѣтства окруженъ людьми религіозными, видясь перѣдко съ монахами сосѣднихъ монастырей и посѣщая самые монастыри, Неплюевъ, можетъ быть, думалъ даже поступить въ иноки, подобно своимъ предкамъ^{а)}; но мать его думала, видно, иначе, если постаралась женить сына такъ рано. Съ другой стороны, Неплюевъ жилъ при Петрѣ Великомъ, когда молодымъ дворянамъ нельзя или трудно было жить дома, ничего недѣлая, или посвятить себя исключительно созерцательной жизни въ монастыряхъ, изъ которыхъ Петръ старался сдѣлать благотворительныя заведенія и школы. Въ мартѣ 1715 года Неплюевъ возвратился изъ монастыря въ Поддубье, гдѣ оставалась его семья. Это путешествіе въ монастырь, при добровольной разлукѣ съ молодой женой, въ теченіи 16-ти мѣсяцевъ, весьма характерно: оно можетъ служить однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ религіознаго направленія Неплюева, его глубокой вѣры и ревности къ благочестію, завѣщенному отъ предковъ и развитому въ немъ умной и любящей матерью. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Неплюевъ краснорѣчиво подтвердилъ это всею своею жизнью: во дни своей славы и могущества, онъ никогда не выѣзжалъ со двора, не выслушавъ литургіи въ домової церкви, а во время путешествія имѣлъ при себѣ священника и походную церковь. Исполняя теперь свой благочестивый обѣтъ, Неплюевъ какъ-бы приготовлялся духовно къ той многополезной и многотрудной дѣятельности, которая ожидала его впереди.

^{а)} Боярину Феодору Ивановичу Неплюю, и его сыну, Гавріилу Феодоровичу, постригшимся, какъ мы знаемъ, въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ. Смотри, стр. 16.

ГЛАВА II.

Первоначальное образованіе и заграничное путешествіе Неплюева.—Возвращеніе въ Россію и экзаменъ предъ Петромъ Великимъ.—Первоначальная служба и назначеніе Неплюева резидентомъ въ Константинополь.

Въ этомъ маломъ путь будетъ.

(Петръ Великій о Неплюевѣ).

Недостатокъ средствъ къ образованію у бѣдныхъ людей и ложное направленіе въ воспитаніи дѣтей у тѣхъ, кто имѣлъ къ тому возможность, не могли скрыться отъ внимательнаго взора Петра Великаго. Стараясь устранить прежніе недостатки въ образованіи, Петръ искренно желалъ размноженія учебныхъ заведеній и предпринималъ всевозможныя мѣры къ достиженію цѣли. При немъ, какъ извѣстно, возникаетъ нѣсколько специальныхъ и общеобразовательныхъ заведеній, такъ были открыты: Морская академія, Инженерная и Новигаторская школы, Духовное училище, цыфирныя школы въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Вологдѣ и другихъ мѣстахъ. Въ 1714 г. состоялся указъ, по которому неимѣвшимъ свидѣтельства объ обученіи „цыфири“ и геометріи не позволялось жениться; впрочемъ, Петръ не оставилъ въ покоѣ и женатыхъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Неплюевъ. Лишь только явился онъ изъ монастыря въ Поддубье, какъ въ Новгородѣ пріѣхалъ князь Меньшиковъ и потребовалъ къ себѣ всѣхъ неслужащихъ дворянъ; 24 марта имъ произведенъ былъ смотръ; одни были опредѣлены на службу, другіе отданы въ ученье,—Неплюевъ былъ въ числѣ послѣднихъ. Меньшиковъ записалъ его въ Новгородскую математическую школу, хотя на рукахъ Неплюева была ужѣ порядочная семья: мать, жена и двое дѣтей^{а)}. Съ этого времени для Неплюева начинается новая жизнь. Воспитанный среди людей старой партіи, каковы были князья Мышецкіе и

^{а)} Сынъ Адріанъ 2 л. 7 мѣсяцевъ и дочь Марія 9 мѣсяцевъ.

Татищевы, хорошо помня ненависть, съ какою относились его родные и отецъ къ реформамъ Петра, Неплюевъ могъ взглянуть на новое свое положеніе, какъ на измѣну прошлому, какъ на преступленіе противъ убѣжденій своихъ предковъ, изъ которыхъ одни окончили жизнь свою въ монастырѣ, а другіе добровольно и стоически сожигали себя,—и дѣлали это изъ-за убѣжденій. Кромѣ того, Неплюеву, какъ человѣку женатому и семейному^{а)}, безъ сомнѣнія, не легко было сѣсть на школьную скамью, чтобы учиться цыфры и геометріи; но тогда не обращали на это вниманія: князь Меншиковъ приказалъ,—пришлось повиноваться. Марѳа Петровна не перенесла этого удара: во вторникъ 4 мая того же года она скончалась, имѣя всего 42 года отъ рожденія. Такимъ образомъ Неплюеву почти одновременно пришлось пережить тяжелое чувство вѣчной разлуки съ любящей матерью и горестное чувство временной разлуки съ молодой женой и малютками-дѣтьми, оставшимися въ Поддубьѣ, подлѣ свѣжей могилы ихъ бабушки, которая была погребена въ своемъ саду. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, на этомъ мѣстѣ, благодаря заботамъ и трудамъ Неплюева, воздвигнутъ былъ храмъ, во имя св. Крестителя и Предтечи Господня Іоанна; въ оградѣ этого храма до сихъ поръ уцѣлѣло нѣсколько старыхъ дубовъ, современниковъ Неплюева и его матери, украшавшихъ нѣкогда ихъ садъ.

Похоронивъ свою мать, Неплюевъ, съ покорностью Промыслу Божию и волѣ Государя, отправился въ Новгородскую школу и здѣсь усердно принялся за свое дѣло. Въ іюнѣ того же года въ новгородѣ былъ полученъ указъ, которымъ повелѣвалось выбрать изъ новгородскихъ учениковъ 84 человѣка и отправить ихъ въ Нарвскую школу. Нужно замѣтить, что двоюродная сестра Неплюева, Марія Ѳеодоровна Нарышкина, урожденная княжна Мышенская, была въ замужествѣ за Кирилломъ Алексѣвичемъ Нарышкинымъ, троюроднымъ братомъ царицы Натальи Кирилловны, матери Петра Великаго. Въ 1715 году К. А. Нарышкинъ былъ назначенъ оберъ-коммендантомъ въ Нарву и главнымъ директоромъ Нарвской навигацкой школы. Благодаря ему, Неплюевъ и былъ переведенъ 29 іюня 1715 года, въ числѣ другихъ учениковъ, въ Нарвскую навигацкую школу. Учителемъ въ этой школѣ былъ извѣстный въ то время морякъ Митрофанъ Кашиинцевъ, а ближайшимъ помощникомъ директора коммендантъ, Василій Григорьевичъ Титовъ. Но Неплюевъ находился въ Нарвской школѣ всего три мѣсяца: его родственникъ Кириллъ Алексѣвичъ Нарышкинъ вскорѣ

^{а)} Неплюевъ былъ записанъ въ Новгородскую школу 21 года и 4 мѣсяцевъ, а не 12 лѣтъ, какъ говоритъ О. Веселаго (См. Общ. Морской Слѣсокъ, Спб. 1885 г., ч. 1, стр. 278). Неплюевъ род. въ 1693 г., а въ школу поступилъ въ 1715 г., а не въ 1712 г., какъ говоритъ Веселаго; но и въ послѣднемъ случаѣ Неплюеву было бы не 12, а 19 лѣтъ.

былъ назначенъ коммендантомъ въ С.-Петербургъ, куда онъ постарался перевести и Неплюева. Между тѣмъ въ Петербургѣ 1 октября 1715 года была открыта Морская академія, проэктъ которой былъ составленъ и поданъ на разсмотрѣніе французскимъ барономъ^{а)} Сентъ - Илеромъ (Saint-Hilaire) еще въ 1713 году^{б)}. Академія помѣщалась въ небольшомъ домѣ, бывшемъ Кикина, на берегу Невы на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Императорскій Зимній Дворецъ, и состояла въ вѣденіи адмирала, графа Теодора Матвѣевича Апраксина и генераль-маіора, Григорія Петровича Чернышева, которые впослѣдствіи, какъ увидимъ, оказали большую услугу Неплюеву, обративъ на него вниманіе Петра Великаго. Директоромъ Морской академіи былъ баронъ Сентъ-Илеръ, непосредственный же надзоръ за академіей былъ порученъ Андрею Артамоновичу Матвѣеву; учениковъ въ академію велѣно было набрать изъ Ревеля, Нарвы и изъ Московской навигаціонной школы, открытой въ 1701 г. при Сухаревой баннѣ. Скоро было набрано до 300 дворянскихъ дѣтей, въ числѣ которыхъ, благодаря содѣйствію К. А. Нарышкина, былъ и Неплюевъ, поступившій въ Академію въ день ея открытія 1 октября 1715 г. Несмотря на то, что въ Морскую Академію принимали только грамотныхъ учениковъ и назначали лучшихъ учителей, успѣхи учащихся были плохи: различный возрастъ учащихся (отъ 11 до 30 лѣтъ), незнаніе учителями-иностранцами русскаго языка, отсутствіе библіотекъ, учебниковъ и учебныхъ пособій, невѣжество и загроубѣлость дворянъ того времени и неразумно-строгое обращеніе съ ихъ дѣтьми, — все это сильно тормозило ходъ занятій въ академіи. Авторъ *«Исторіи Морскаго кадетскаго корпуса»*, г. Веселаго замѣчаетъ, что русскій баричъ 17 или 18 лѣтъ считался еще неразумнымъ ребенкомъ; капризамъ его повиновалось все окружающее и ему съ дѣтства вбивалась въ голову барская спесь. Между тѣмъ нѣкоторые изъ этихъ *«неразумныхъ младенцевъ»*, еще до поступленія въ школу, живя въ деревнѣ, хаживали одинъ на одинъ на медвѣдей; другіе любили кулачные бои; многіе были уже знакомы съ чарочкой, питая къ ней особенную склонность. Бывали и такіе случаи: не привезутъ ученикамъ провізіи и хлѣба изъ дома, — собиралась компанія голодающихъ и дѣлала набѣги на кладовыя сосѣдей. Кромѣ отрицательныхъ качествъ учениковъ и загроубѣлости воспитывавшей ихъ среды, были и другія препятствія къ раціональному образованію:

^{а)} Неплюевъ, вѣроятно, и разумѣетъ Сентъ-Илера, когда говоритъ въ своихъ Запискахъ объ учителѣ *Баро* (Baron).

^{б)} О. Веселаго говоритъ, что Сентъ-Илеръ былъ принятъ въ русскую службу въ 1715 г. съ чиномъ генераль-лейтенанта и, по порученію Государя, занимался составленіемъ проэктовъ устройства морскаго училища, которые однако не были одобрены. (Общ. Морск. Спис., ч. I, 335).

учителямъ изъ иностранцевъ, — а таковыхъ было большинство, — были чужды и жизнь, и нравы, и понятія той среды, въ которой надлежало имъ дѣйствовать. Преподаваніе велось перѣдко на мало понятномъ или и совсѣмъ непонятномъ для учениковъ языкѣ. Учители-иностранцы, не принимая въ соображеніе знаній учениковъ, переполняли свою рѣчь латинскими, французскими и голландскими словами, — и деревенскіе богатыри, небожавшіеся медвѣдей, зубрили, что значить въ ариѳметикѣ *«аддицію, мультипликацію, субстракцію»* и т. п. На вопросы учителя иногда ученикъ отвѣчалъ такими предложеніями и періодами, до смысла которыхъ едва ли доберется и современный юноша, удостоенный аттестата зрѣлости. Напримѣръ, учитель спрашивалъ: Что есть ариѳметика?

— *Ариѳметика или числительница есть художество честное, независтное и всѣмъ удобопонятное, много полезнѣйшее и многохвалнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, во всякія времена явившихся изряднѣйшихъ ариѳметиковъ, изобрѣтенное и изложенное.*

— *Колигуба есть ариѳметика-практика?*

— *Есть сугуба: 1) ариѳметика-политика или гражданская; 2) ариѳметика логистика, не погражданству токмо, но и къ движенію небесныхъ круговъ принадлежащая.*

Въ одной сохранившейся отъ того времени тетрадкѣ находится слѣдующее опредѣленіе географіи: *«Географія есть математическое смѣщенное, изъясняетъ фигура или корпусъ и фикція земноводнаго корпуса, купно съ феноменами, со явленіями небесныхъ свѣтилъ солнца».*

Но еще характеристичнѣе въ этомъ отношеніи слѣдующее описаніе погони за непріятельскимъ кораблемъ: *«При разсвѣтаніи дня единъ молодой человекъ или два на верхъ, и посмотрите прилежно при восхожденіи солнца, невозможно-ль единого корабля тамо получить; съ тѣмъ восточнымъ вѣтромъ (единъ парусъ, единъ парусъ), близко при насъ такъ лежитъ онъ лавертъ телювертъ, здоокъ боордесгалсенъ, который лежитъ южно черезъ штромъ. Я вижу его здѣсь около низости, какъ есть онъ отъ насъ позади его при компасъ прямо зюйде-веста...»^{а)} и т. д. Просматривая такіе образчики опредѣленій и описаній, невольно удивляешься необыкновенно острому соображенію учениковъ того времени, которые ухитрялись же из-*

^{а)} Очеркъ истор. Морск. кад. корпуса, О. Веселаго, 1852 г. См. статью Щепкиной: „Старый гардемаринъ Петра Великаго И. И. Неплюевъ“ — въ журн. „Родникъ“ за 1888 г., № 2.

влекать кое-что изъ подобныхъ руководствъ. Грубы были нравы кадетовъ Морской академіи, но за то жестоко ихъ и наказывали.

Въ каждомъ классѣ былъ особый дядька, бывшій всегда съ хлыстомъ въ рукѣ для наказанія непокорныхъ. За важныя проступки взрослыхъ были нещадно батогами, а подростковъ — плетью; въ случаѣ же нарушенія законовъ, военныхъ или гражданскихъ, виновныхъ наказывали шпицрутенами. Иногда, впрочемъ, эти побои выводили изъ всякаго терпѣнія учениковъ и заставляли ихъ искать защиты у самого Царя: новигаторъ Угрюмовъ лично подалъ Петру Великому челобитную, въ которой жаловался, что директоръ академіи Сентъ-Илеръ, въ присутствіи учениковъ, билъ его палкой и по щекамъ^{a)}. Содержаніе учениковъ въ академіи было неудовлетворительно, — кормили ихъ плохо; когда же Петру сдѣлано было представленіе о томъ, чтобы улучшить пищу учениковъ, то онъ съ обычнымъ лапидизмомъ отвѣтилъ: „сего не надобно, ибо ученики имѣютъ большую склонность къ лакомству, чѣмъ къ ученію и службѣ“^{b)}. Директоръ академіи Сентъ-Илеръ часто ссорился съ профессоромъ Форварсономъ, съ графомъ Матвѣевымъ и съ княземъ Меншиковымъ. „Исполняя свою прихоть, выбилъ учениковъ изъ геодезической школы“, которая, по этому случаю, распоряженіемъ графа Апраксина „была изъята изъ его вѣдѣнія“^{c)}. Все это, конечно, не могло остаться безъ дурнаго вліянія на учениковъ академіи. Матвѣевъ донесъ кабинетъ-секретарю Макарову и адмиралу Апраксину, что „еслибы не было англійскихъ профессоровъ, то некому было-бы освидѣтельствовать кадетовъ; науки неоканчиваются, потому что баронъ (Сентъ-Илеръ) въ нихъ несвѣдущъ, регламенты, имъ поданные, не были его практики, а переписаны съ печатныхъ правилъ французской Морской академіи, а онъ выдалъ ихъ за новостъ; во время годового своего пребыванія въ академіи, баронъ ни одного кадета въ дальнѣйшую науку не произвелъ, а успѣховъ въ самой меньшей наукѣ свидѣтельствовать не можетъ, не только не превосходить профессоровъ, но и навигацкой науки не знаетъ; еслибы не случилось англійскихъ профессоровъ, то нельзя и въ десять лѣтъ ни одного кадета изъ науки въ науку произвести“^{d)}. — Сентъ-Илеръ, узнавъ объ этомъ доношеніи, такъ же не замедлилъ съ своей стороны нажаловаться Апраксину на Матвѣева, обругавъ его невѣждой. Апраксинъ, доводя объ этой ссорѣ до свѣдѣнія Петра, замѣчаетъ: „ежели не изволите, Ваше Величество, ихъ развести; то академія въ лучшее со-

^{a)} С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVI, стр. 309.

^{b)} Записки Порошина, Спб. 1844 г., стр. 220.

^{c)} Общ. Морск. Списокъ Ѳ. Веселаго, Спб. 1885 г., ч. I, стр. 335.

^{d)} Исторія Россіи, т. XVI, стр. 308.

стояніе никогда придти не можетъ“. Сторону Матвѣева приняли Апраксинъ и князь Меншиковъ, послѣдній даже *пригрозилъ директору палками*, чтобы, по его выраженію, „выучить французскій народъ, какъ жить“. Сентъ-Илеру оставалось выбрать одно изъ двухъ: или выйти въ отставку или же помириться съ Матвѣевымъ; французскій баронъ подавилъ въ себѣ чувство оскорбленнаго самолюбія и рѣшился на мировую, общаясь имѣть къ Матвѣеву „весь респектъ и все почитаніе“, но было уже поздно: Петръ приказалъ ввѣрить академію одному Матвѣеву, а Сентъ-Илера отставить отъ службы „для его прихотей“. Вообще французскій баронъ оказался ни къ чему неспособнымъ. Въ 1720 г., при появленіи англійскаго флота у Ревеля, Сентъ-Илеръ, выдававшій себя за знатока Россіи, находился на флагманскомъ кораблѣ; но сообщаемыя имъ свѣдѣнія своею нелѣпостью возбуждали только насмѣшки англійскихъ моряковъ^{а)}. Вотъ въ какомъ состояніи находилось третье, лучшее и высшее по тогдашнему времени, учебное заведеніе, въ которое былъ помѣщенъ Неплюевъ. Трудно было ожидать, чтобы онъ могъ что-либо вынести изъ академіи, кромѣ побоевъ и апатіи къ ученію. Однакожь, благодаря лѣтамъ, природнымъ дарованіямъ и любви къ занятіямъ, Неплюевъ сумѣлъ и здѣсь воспользоваться, чѣмъ было можно; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, о которыхъ Матвѣевъ, не смотря на свою ссору съ директоромъ академіи, доносилъ въ сентябрѣ 1716 г. кабинетъ-секретарю Макарову: „Кадеты въ наукахъ прилежно преуспѣваютъ, а солдатской экзерциціи такъ хорошо обучились, какъ-бы старые“^{б)}. Находясь въ Морской академіи, Неплюевъ имѣлъ неоднократные случаи видѣть и слышать Петра Великаго, и съ тѣхъ поръ сталъ питать къ нему то глубокое уваженіе, которое сохранялъ всю жизнь. Непосредственное вліяніе Петра на учениковъ академіи имѣло громадное значеніе; благодаря этому вліянію на учениковъ академіи, не смотря на ея неудовлетворительное состояніе, и выходили такіе замѣчательные дѣятели, какъ Неплюевъ, Татищевъ и другіе. Царь любилъ и часто посѣщалъ свою академію, бесѣдовалъ съ учителями и учениками и слѣдилъ за успѣхами послѣднихъ; здѣсь на листкахъ бумаги онъ записывалъ свои замѣтки и наставленія, поражающія глубиною ума и разносторонностью знаній. Впослѣдствіи изъ этихъ царскихъ листковъ составились цѣлыя книжечки, которые теперь хранятся въ адмиралтействѣ какъ святыня.

Забываясь объ увеличеніи и улучшеніи русскихъ школъ, Петръ хорошо сознавалъ ихъ неудовлетворительное состояніе и превосходство надъ ними

^{а)} Общ. Морск. Списокъ Ѳ. Веселаго, Спб. 1885 г., ч. I, стр. 335.

^{б)} Тамъ же, стр. 308 и 309.

западно-европейскихъ школъ, а потому лучшихъ по успѣхамъ и болѣе даровитыхъ молодыхъ людей, безъ различія сословій, онъ старался отправлять за границу, гдѣ одни должны были учиться архитектурному искусству, другіе — инженерному, третьи — горнозаводекому дѣлу и т. п., — словомъ, Преобразователь старался ввести, распространить и развить среди русскихъ такія знанія, которыя бы удовлетворяли насущнымъ потребностямъ и нуждамъ государства, — знанія реальныя, почему открываемыя имъ школы имѣли, по преимуществу, утилитарный характеръ. Широкой натурѣ Петра было тѣсно на русскихъ многоводныхъ рѣкахъ; ему было мало Бѣлаго моря и Каспія, и потому онъ простиралъ руки къ Балтійскому и Черному морямъ; по волѣ Петра „началось новое въ Россіи дѣло: строеніе кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ Государь искусство дѣла того ввести въ народъ свой, и того ради, *многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и инья государства учиться архитектуръ и управленія корабельнаго*“^{а)}. Съ этою цѣлью, на первый разъ, Царь назначилъ въ 1697 г. отправить за границу 50 комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ: изъ нихъ 28 — въ Италію, преимущественно въ Венецію, служившую тогда передовымъ отрядомъ Европы на морѣ противъ Турціи, а 22 чел. — въ Англію и Голландію. „Всѣ они, — замѣчаетъ Устряловъ, — принадлежали къ значительнѣйшимъ въ то время родамъ, и многіе впослѣдствіи, въ царствованіе Петра, прославились на поприщѣ дипломатическомъ, военномъ и гражданскомъ. При каждомъ стольникѣ велѣно быть по одному солдату, какъ для изученія морскаго дѣла, такъ, вѣроятно, и для надзора за прилежаніемъ баричей, которымъ было объявлено, чтобы они и не думали возвращаться въ Россію, безъ письменнаго свидѣтельства заморскихъ капитановъ объ основательномъ изученіи кораблестроенія и мореплаванія, *подъ страхомъ потери всего имущества*“^{б)}. Велѣдъ затѣмъ Петръ, поручивъ управленіе государствомъ своему дядѣ Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Голицыну и князю Прозоровскому, самъ отправился за границу подъ именемъ дворянина Петра Михайлова, чтобы познакомиться съ европейской цивилизаціей и научиться кораблестроенію. По установившимся тогда понятіямъ, путешествіе за границу, съ цѣлію образованія, было противно обычаямъ старины, но Петръ не обращалъ на то вниманія и энергично шелъ къ намѣченной имъ цѣли, продолжая отправлять молодыхъ людей за границу, безъ различія званія и возраста: Петръ посылалъ учиться *морскому дѣлу* моло-

^{а)} Предисловіе къ Морскому уставу.

^{б)} Н. Устрялова: „Истор. царствованія Петра Великаго“, т. II, гл. XII, стр. 315. Въ приложеніи XVIII-мъ привод. и списокъ этихъ лицъ.

дыхъ людей и «изъ простыхъ породъ» и изъ знатныхъ дворянъ; но такъ-какъ между послѣдними оказались нежелающіе, то ихъ за отказъ обложили большимъ *денежнымъ штрафомъ*^{а)}. Въ 1716 г. приказано было выбрать въ московскихъ латинскихъ школахъ пять хорошихъ учениковъ и отправить ихъ въ Персію къ посланнику Волынскому, для изученія тамъ языковъ арабскаго, турецкаго и персидскаго^{б)}. Въ томъ же году приказано было послать въ Кёнигсбергъ 40 подъячихъ, отъ 15 до 20 л. отъ роду, „молодыхъ робятъ добрыхъ и ученыхъ, которые бы могли науку воспріять“, и тамъ учить ихъ по нѣмецки, а дабы удобнѣе въ коллегіумѣ были, и послать за ними надзирателя, чтобы они не гуляли“. — Ивану Ивановичу Неплюеву также пришлось отправиться за границу, по волѣ Петра Великаго. 27 января 1716 года Петръ выступилъ въ походъ въ Мекленбургію, Данію и Голландію. — Путь его лежалъ чрезъ города: Нарву, Ригу, Либаву, Данцигъ, Шверинъ и Ростокъ, до Копенгагена. Изъ Данцига, 2 марта того же года, онъ писалъ адмиралу Апраксину: „Понеже получили мы вѣдомость изъ Италіи, что нашихъ въ Венеціи въ *морскую* службу принять хотятъ; также нынѣ изъ Франціи отзывались, что и тамъ ихъ примутъ же. Того для велите какъ наискорѣе въ Петербургъ отобрать еще изъ школьниковъ лучшихъ дворянскихъ дѣтей, и привести въ Ревель, и посадить на корабли съ первыми вмѣстѣ, чтобъ ихъ всѣхъ было 60 человекъ, а именно во всѣ три мѣста: въ Венецію, во Францію и Англію по 20 человекъ^{в)}“. Въ исполненіе этого указа, Апраксинъ 15 марта изъ Ревеля написалъ къ директору Морской академіи графу Матвѣеву, чтобы онъ немедленно выбралъ изъ *«школьниковъ»* 60 человекъ и отправилъ ихъ въ Ревель; Матвѣевъ не замедлилъ: и 21 марта того же года было отправлено въ Ревель 20 человекъ, въ числѣ ихъ находился и Неплюевъ, а 31 марта молодые дворяне прибыли въ Ревель и всѣ были опредѣлены гардемаринами во флотъ. Званіе гардемарина учредилъ Петръ Великій, опредѣливъ его такъ: *«въ бою какъ солдатъ, въ ходу какъ матросъ»*. На корабляхъ гардемарины исполняли всѣ матросскія обязанности; они носили матросскій костюмъ и получали мѣсячную порцію сухарей, крупъ и т. п., но ѣли не изъ общаго, а изъ особаго товарищескаго котла. Гардемаринамъ, опредѣленнымъ въ Ревельскій флотъ, куда былъ взятъ и Неплюевъ, было

^{а)} См. „Матеріалы для истор. Русскаго флота“ въ журн. „Морск. сборн.“ за 1868 г., кн. 2, критика и библиогр., стр. 31.

^{б)} См. въ журн. „Русск. Вѣстникъ“ за 1875 г., ноябрь, стр. 92, статью А. Рачинскаго: „Первые русскіе гардемарины за границей въ XVIII ст.“, по документамъ Моск. гл. архива М. Иностр. Дѣлъ.

^{в)} Тамъ же.

выдано парусинное платье и назначено каждому слѣдующее мѣсячное довольствіе: 2 пуда 10 ф. сухарей, 15 ф. гороху, 15 ф. крупъ, 2¹/₂ ф. соли, четверикъ ржаной муки на квасъ, 25 чарокъ вина, полторы кружки уксусу, 19 ф. ветчины, 6 ф. вялой рыбы и 2 руб. 40 коп. деньгами. Неплюевъ, по прибытіи въ Ревель, 1 апрѣля былъ опредѣленъ на корабль подъ названіемъ „Архангель Михайль“, вооруженный 52-мя пушками и имѣвшій 300 матросовъ и 200 солдатъ; капитаномъ корабля былъ англичанинъ Рю. вмѣстѣ съ Неплюевымъ на тотъ же корабль, въ числѣ другихъ десяти гардемариновъ, были опредѣлены: Василій Квашнинъ-Самаринъ, другъ его дѣтства; Василій Ивановичъ Татищевъ^{а)}, родственникъ его жены, и Мордвиновъ, оставившій послѣ себя интересныя Записки^{б)}. Изъ Шверина въ Мекленбургіи Петръ Великій послалъ въ Ревель къ капитанъ-командору Сиверсу указъ, чтобы онъ съ опредѣленною въ его начальство эскадрою шелъ въ Копенгагенъ. Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1716 г., Ревельскій флотъ, подъ командою Сиверса, отплылъ къ Копенгагену; но, достигнувъ острова Борнгольма, принужденъ былъ снова возвратиться въ Ревельскую гавань, опасаясь шведскихъ кораблей, расположенныхъ около острова Рюгена. Въ іюлѣ послѣдовалъ новый указъ Государя о вторичномъ выступленіи Ревельскаго флота къ Копенгагену, гдѣ дожидался его самъ Петръ. Вслѣдствіе этого, флотъ, въ составѣ 10 кораблей^{в)}, снялся съ якоря и 17 іюля остановился въ виду Копенгагена. Вскорѣ явился сюда Петръ и на кораблѣ „Ингерманландія“ отправился, во главѣ флота, къ самому городу, гдѣ уже находилось нѣсколько русскихъ кораблей, пришедшихъ незадолго предъ тѣмъ изъ Архангельска; здѣсь же было 6 голландскихъ военныхъ и 15 англійскихъ кораблей, кромѣ множества купеческихъ судовъ. Въ августѣ весь флотъ, въ составѣ русскихъ и иностранныхъ кораблей, долженъ былъ отплыть къ шведскому берегу, за исключеніемъ голландскихъ кораблей, отправленныхъ отъ Борнгольма въ Ревель. Петръ самъ проводилъ флотъ до Борнгольма и, въ сопровожденіи кораблей „Фортуна“ и „Арендэль“, возвратился снова въ Копенгагенъ. Въ началѣ сентября того же года, весь флотъ снова приплылъ въ Копенгагенъ, а въ концѣ сентября Петръ занялся распределеніемъ молодыхъ людей, для отправленія ихъ въ Италію, Францію и

^{а)} Бантыш-Каменскій смѣшиваетъ этого Татищева съ Вас. Никитичемъ Татищевымъ, извѣст. историкомъ XVIII в. Словарь достопамят. людей Русской земли, т. III, стр. 404 и д. Слич. Н. Попова: „Татищевъ и его время“, стр. 537.

^{б)} „Русскій музеумъ“, изд. Свиньина, Спб. 1829 г., 116.

^{в)} Въ Запискахъ Неплюева приводятся и названія этихъ десяти кораблей: Ингерманландія, Екатерина, Полтава, Михайль, Гавріиль, Рафаиль, Ілія, Илансдорфъ, Фортуна, Арендэль. — Рачинскій говоритъ, что эскадра состояла изъ 13 кораблей. См. Рус. Вѣст., 1875 г., ноябрь, стр. 93.

Англію: 20 человекъ должны были отправиться въ Францію для обученія мореплаванію, 10—въ Англію и 30 человекъ въ Венецію, которые, поступивъ тамъ на галеры, должны были на практикѣ изучить морское дѣло и управленіе галерами; Неплюевъ, по желанію Петра, былъ включенъ въ число послѣднихъ. Государь приказалъ русскому послу въ Копенгагенѣ, князю В. Л. Долгорукову выдать гардемаринамъ, сверхъ жалованья, по шести ефимковъ^{а)} и отпустить ихъ въ Амстердамъ, а самъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ государыней, отправился въ Голландію.

Въ началѣ октября гардемарины были распределены на нѣсколько группъ и на голландскомъ флотѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ Граве, отправлены въ Амстердамъ. Неплюевъ плылъ на кораблѣ „Браколъ“, вооруженномъ 52 пушками; капитаномъ корабля былъ Флозпекъ и при немъ 270 чел., включая сюда и офицеровъ. Отплывъ отъ гавани не болѣе 20 миль, флотъ долженъ былъ остановиться близъ шведскаго города Готтенбурга и простоять здѣсь трое сутокъ, по причинѣ противнаго вѣтра, лишившись притомъ трехъ кораблей, отнятыхъ Шведами. Вслѣдствіе этихъ неудачъ, флотъ повернулъ назадъ и остановился близъ Гельзенберга (на сѣверномъ берегу о-ва Зеландіи), гдѣ оставался до 26 октября. Не надѣясь болѣе на скорый попутный вѣтеръ, гардемарины послали одного изъ своихъ товарищей, П. С. Салтыкова^{б)}, въ Копенгагенъ къ князю Долгорукову, чтобы испросить у него позволеніе ѣхать въ Амстердамъ сухимъ путемъ; князь согласился, но подъ условіемъ, чтобы они ѣхали на свой счетъ. Гардемарины вошли въ соглашеніе съ датскимъ почтмейстеромъ, который взялся доставить ихъ въ Гамбургъ за 15 рейхсталеровъ съ cadaго; но за ту же плату почтмейстеръ долженъ былъ снабжать ихъ въ дорогѣ всѣмъ необходимымъ, обязавшись впрочемъ кормить ихъ, во все время пути, только одинъ разъ въ сутки. Неплюевъ говоритъ, что, наканунѣ ихъ отъѣзда, гардемаринъ Костюринъ бѣжалъ и, боясь возвратиться въ Россію, поступилъ въ датскую службу солдатомъ. Но Петръ Великій досталъ его изъ датской службы и далъ ему возможность въ отрядѣ капитана Наума Синявина отличиться въ 1719 году „на баталіи въ Балтійскомъ морѣ, при взятіи трехъ шведскихъ кораблей“, за что Костюринъ 17 іюня того же года произведенъ въ мичманы корабельнаго флота^{в)}.— Въ Гамбургѣ гардемарины прожили трое сутокъ; за квартиру здѣсь каждый изъ нихъ

^{а)} Цѣна ефимка въ 1721 г. была 80 нашихъ коп.; послѣ 1725 и 1733 г. цѣнность его считалась не меньше русскаго рубля, а иногда и больше.

^{б)} Петръ Семеновичъ Салтыковъ (1700—1772 г.), впоследствии фельдмаршалъ и побѣдитель Фридриха Великаго при Кунерсдорфѣ.

^{в)} Р. Вѣсти. 1875 г., ноябрь, стр. 96. Изъ „Общ. Морскаго Списка“ О. Веселаго (ч. I, стр. 188) видно, что Костюринъ (Алексѣй) 15 декабря 1727 г. былъ произведенъ въ унтеръ-лейтенанты и выбылъ изъ службы до 1732 г.

платилъ по двѣ гривны въ сутки. На четвертый день они отправились дальше, нанявъ лошадей до самаго Амстердама, съ платою по 12 ефимковъ съ каждаго, и въ концѣ декабря прибыли въ Амстердамъ, гдѣ въ это время находился уже и Петръ съ своей супругой и свитой, въ которой были: министр Г. И. Головицъ, П. А. Толстой, П. П. Шафировъ, посолъ князь Б. И. Куракинъ, генералъ-лейтенантъ В. Вл. Долгорукій, генералъ-лейтенантъ Н. Н. Бутурлинъ, кабинетъ-секретарь А. Макаровъ и комиссаръ Московскаго монетнаго двора, Т. Т. Левкинъ (онъ же и Топоровъ). Въ Амстердамъ гардемарины поселились на частныхъ квартирахъ, съ платою по 20 алтынъ въ недѣлю; а съ 1 января 1717 г. имъ стали выдавать, по приказанію Государя, по одному червонцу «*кормовыхъ*» каждому. Похоронивъ здѣсь своего товарища Ивана Воробьева^{а)} и оставивъ, по распоряженію Петра, Алексѣя Пушкина и Ив. Безобразова, переведенныхъ въ французскій отрядъ, остальные гардемарины, въ числѣ 26 чел., 8-го февраля отправились въ Венецію; на дорогу каждый гардемаринъ получилъ по 25 червонцевъ, при чемъ они были снабжены указомъ отъ венеціанскаго агента въ Амстердамъ, за подписью Шафирова, и паспортомъ за подписью агента Франденбурга. Въ высочайшемъ рескриптѣ, отправленномъ изъ Амстердама 7 февраля 1717 г. въ Венецію, къ бывшему тамъ русскому агенту Петру Беклемишеву, говорится: „Въ прошломъ 1715 г., по указу Нашему, велѣно чрезвычайному послу Нашему, пребывающему при Польскомъ Дворѣ, князю Григорію Ѳеодоровичу Долгорукому, объявить венеціанскому тамъ же обрѣтающемуся послу, г. Дельфину, что изъ нашего русскаго шляхетства нѣкоторые молодые люди желаютъ въ венеціанскомъ флотѣ служить; и могутъ-ли оные въ ихъ службу приняты и употреблены быть въ морскомъ флотѣ на галерахъ, въ чемъ показано будетъ отъ оной Рѣчи Посполитой (республики Венеціанской) пріятство? И помянутой венеціанской посолъ писалъ о томъ къ своей республикѣ и получа на то указъ, не только словесно, но и письменно, именемъ республики своей, обнадежилъ, что тѣ русскіе шляхтичи въ службу ихъ охотно и съ надлежащимъ трактamentомъ (содержаніемъ) приняты будутъ. Того ради нынѣ отсюда изъ русскаго молодой шляхты, которые учреждены у насъ въ гардинаринахъ, отправлено въ Венецію двадцать семь человекъ, и повелѣли мы онымъ быть въ службѣ венеціанской въ морскомъ флотѣ *на галерахъ военныхъ, а не на корабляхъ*. И тебѣ надлежитъ объ оныхъ князю

^{а)} Былъ еще Иванъ Воробьевъ, начавшій службу въ мартѣ 1716 года корабельнымъ писаремъ и потомъ бывшій корабельнымъ секретаремъ; въ 1724 г. онъ находился при главномъ командирѣ Кронштадтскаго порта, а съ 1737—1740 г. состоялъ при адмиралѣ графѣ Головинѣ (Общ. Морск. Списокъ, ч. I, стр. 88). Очевидно, это былъ другой — соименникъ и однофамилецъ Ив. Воробьева, умершаго въ Амстердамѣ.

Венеціанскому (дожу) и Сенату объявить, и домогаться, чтобъ оныя въ ихъ морскую службу приняты, и на ихъ *военныя галеры* употреблены были, безъ потерянія времени^{а)}. Въ то же время Петръ писалъ къ жившему въ Венеціи тайному совѣтнику, Саввѣ Владиславовичу Рагузинскому: „Понеже Рѣчь Посполитая Венецкая обѣщала принять въ свою морскую службу нашихъ молодыхъ дворянъ, для того посылаемъ нынѣ въ Венецію 27 человекъ^{б)}, которымъ исходатайствуйте заранѣе указъ, чтобы ихъ употребили въ свою службу на галерахъ, а не на корабляхъ,^{в)} и чтобы они раздѣлены были какъ для ученія языка, такъ и для лучшей практики навигаціи, по разнымъ судамъ, а именно на каждое судно по человеку, и чтобы ихъ сперва производили отъ нижняго чину^{д)}“.

24 февраля гардемарины были уже въ Венеціи, издержавъ въ дорогѣ по 24 червонныхъ. Въ реляціяхъ бывшаго въ Венеціи русскаго резидента Беклемишева, отъ 10 мая, написано, что „тѣ 27 человекъ русскіе шляхтичи въ венеціанскую службу опредѣлены, и на другой день отправятся на корабль въ Корфу“, а 9 іюня тотъ же резидентъ доносилъ, что „оныя 27 гардемариновъ прибыли благополучно въ Корфу, отъ генералъ-капитана приняты и опредѣлены на всякую галеру по два человека“^{е)}. — Неплюевъ въ своихъ Запискахъ также говоритъ, что онъ и его товарищи были отправлены въ Корфу 10 мая, получивъ на путевыя издержки 20 цехиновъ^{ж)}. По прибытіи въ Корфу, Неплюевъ былъ опредѣленъ на галеру „Жентела“ о 50-ти веслахъ и 21-й пушкѣ; на галерѣ находилось: 15 матросовъ, 64 солдата изъ итальянцевъ, 18 — изъ славянъ и при нихъ два прапорщика, два морскіе унтеръ-офицера, писарь, лѣкарь, капитанъ, подпоручикъ, прапорщикъ и 6 человекъ разныхъ чиновъ; обязанности гребцовъ исполняли 200 колодниковъ, такъ что весь экипажъ галеры состоялъ изъ 312 чел. На ту же галеру былъ помѣщенъ, въ числѣ другихъ, и В. И. Татищевъ, такъ-какъ оказалось невозможнымъ помѣстить каждого гардемарина на отдѣльную галеру, чего желалъ Петръ.

Въ 1718 году, во время пребыванія русскихъ гардемариновъ въ Корфу, число ихъ уменьшилось еще на двоихъ: 10-го числа января гардемарины князь Михайлъ Андреевичъ Прозоровскій бѣжалъ на Аѳонскую гору, съ случившимся въ Корфу, для собиранія милостыни, іеромонахомъ

^{а)} „Русск. Вѣстн.“ 1875 г., ноябрь, стр. 97. См. ст. Раевского. „Первые русск. гардемарины за границей въ XVIII вѣкѣ.“

^{б)} Голиковъ. Дѣянія П. Великаго, т. VI, стр. 153—154.

^{в)} Отправленные же во Францію должны были поступить на корабли.

^{д)} См. ст. Н. Г. Устрякова: „Навигаторы и гардемарины П. Великаго“, стр. 69.

^{е)} „Русск. Вѣстн.“ 1875 г., ноябрь, стр. 98.

^{ж)} Съ 1 марта 1718 г. цехину была присвоена цѣнность въ 31 ф., и жалованья съ этого числа имъ стали выдавать по два цехина безъ 1 ф., т. е. 61 фунтъ. См. тамъ же, стр. 99.

Филиппомъ изъ монастыря Св. Павла, а 4 марта гардемарины Василій Оеодоровичъ Квашнинъ-Самаринъ, другъ дѣтства Неплюева, былъ найденъ мертвымъ на улицѣ. Прозоровскій, прибывши на Аѳонскую гору, постригся тамъ въ монастырѣ Св. Павла въ иноки и былъ названъ, при постриженіи, Сергіемъ; въ послѣдствіи же онъ выѣхалъ въ Россію, поступилъ въ Невскій монастырь и служилъ во флотѣ іеромонахомъ^{а)}. Изъ гардемариновъ Прозоровскій особенно былъ друженъ съ Семеномъ Леонтьевичемъ Мордвиновымъ, котораго онъ вскорѣ и увѣдомилъ о своемъ мѣстонахожденіи чрезъ Якова Иванова, одного русскаго, бывшаго въ плѣну у Турокъ и посѣтившаго Аѳонскую гору. Ивановъ передалъ Мордвинову письмо, въ которомъ Прозоровскій, между прочимъ, просилъ переслать ему деньги, которыя обѣщался выслать ему отецъ^{б)}. Изъ слѣдствія, произведеннаго мѣстными властями, о смерти Квашнина-Самарина выяснилось, что въ ночь, когда совершилось убійство, Арбузовъ въ сѣромъ, а Самаринъ въ зеленомъ кафтанѣхъ, при шпагахъ, сидѣли въ игорномъ домѣ за собнымъ столомъ и вдвоемъ играли въ карты; когда пробило два часа (по захожденіи солнца), одинъ другому махнувъ рукою, они вмѣстѣ вышли изъ дома. Въ Венеціи напелелъ въ то время „одинъ русскій человекъ, Дмитрій Оеодоровъ, который находился въ венеціанской службѣ въ *напешскомъ полку солдатомъ*“; Оеодоровъ показалъ, что, „будучи вмѣстѣ съ Арбузовымъ въ числѣ экипажа на галерѣ „Баттарда“, онъ, Дмитрій, отъ самого Алексѣя Арбузова узналъ, что закололъ Самарина онъ“^{в)}. Въ убійствѣ Самарина заподозрили Арбузова и его товарищи. Неплюевъ сообщаетъ въ своихъ Запискахъ, что при осмотрѣ имъ убитаго, когда онъ разорвалъ на немъ рубашку и поднималъ за голову, замѣчена была имъ рана въ правомъ боку, близъ сосковъ, въ которой оказался отломленный копецъ шпаги. На допросѣ, во время слѣдствія, Неплюевъ показалъ, что у Арбузова съ Квашнинымъ-Самаринымъ „напередъ сего ссоры и драки были въ Венеціи, въ Корфу сего зими, и Алексѣй Арбузовъ, послѣ драки въ Корфу, говорилъ: ежели-де Василій Самаринъ напередки будетъ меня бить, то я его заколю, понеже я съ нимъ драться не смогу“. Арбузовъ скоро сознался въ преступленіи и на допросѣ показалъ, что наканунѣ 4-го марта онъ былъ съ Самаринымъ въ трактирѣ, откуда они отправились домой въ третьемъ часу ночи; дорогой Самаринъ пригласилъ его къ себѣ на квартиру *покурить*; но лишь только они вошли на дворъ, какъ Самаринъ схватилъ его за уши,

^{а)} Тамъ же, стр. 99 и 100.

^{б)} „Русск. Архивъ“ 1871 г., № 4. Записки Неплюева. С. Л. Мордвиновъ отецъ извѣстнаго графа Николая Семеновича Мордвинова. См. монографію В. С. Иконникова: „Графъ Н. С. Мордвиновъ“, СПб. 1873 г.

^{в)} См. ст. А. Рачинскаго: „Первые русскіе гардемарины за границей въ XVIII в.“ Р. Вѣстн. 1875 г., ноябрь, стр. 99—100.

сильнымъ ударомъ въ лобъ опрокинулъ на землю и, зажавъ ему ротъ, началъ бить. Тогда Арбузовъ, чтобы освободиться, началъ кусать понавѣшійся ему палець Самарина; но испуганный гардемарины продолжалъ его бить, приговаривая: „нѣтъ, я тебя не выпущу, а убью до смерти!“ Арбузовъ, вынувъ лѣвой рукой шпагу и побуждаемый чувствомъ самосохраненія, нанесъ нѣсколько ударовъ Самарину въ бокъ, отчего тотъ и умеръ. Неплюевъ принялъ самое горячее участіе въ этомъ дѣлѣ: онъ писалъ изъ Венеціи къ матери убитого объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось убійство, и старался утѣшить Наталю Алексѣевну, что тѣло ея сына погребено у греческой церкви, въ коей покоится мощи св. Спиридона Тримифунскаго. — Изъ письма Неплюева къ матери Самарина^{а)} видно, что денегъ послѣ убитого не осталось, а имущество его было продано за десять червонныхъ, которые были розданы Неплюевымъ на поминаніе души Самарина *по греческимъ церквамъ*. Слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Самарина, между прочимъ, обнаружило, что русскіе молодые люди, находясь за границей, посѣщали редуты^{б)}, или игорные дома, гдѣ предавались, со всѣмъ увлеченіемъ молодости, карточной игрѣ и выпивкѣ. Всѣми дѣлами гардемариновъ завѣдывали особые комиссары; они же обязаны были слѣдить и за поведеніемъ ихъ, а въ Амстердамѣ жилъ князь Иванъ Борисовичъ Львовъ, которому порученъ былъ главный надзоръ за дворянскими дѣтьми, бывшими за границей^{в)}. Къ стыду нашей молодежи того времени, комиссары бывали заведены жалобами на буйство и грубость русскихъ; имъ постоянно приходилось спасать своихъ питомцевъ изъ рукъ иностранной полиціи и отъ тюремъ, куда они попадали за неплатежъ долговъ. Въ 1712 году нашъ посланникъ писалъ изъ Лондона князю И. Б. Львову: „тщился я ублажить англичанина, которому *одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ*, но онъ 500 ф. стерл. запрашиваетъ“^{г)}. Находившійся во Франціи при гардемаринахъ капитанъ Кононъ Никитичъ Зотовъ^{д)}, сообщая въ 1717 году кабинетъ-секретарю Макарову о безпорядкахъ и буйствахъ, которые производила за границей наша молодежь, говоритъ, что „надобны къ нимъ конечно русскіе дядьки, и чтобы сродники къ нимъ присылали деньги: „ради дядьки будутъ смирно жить, а ради денегъ *по міру не будутъ ходить*“^{е)}. Ходатайствуя объ улучшеніи ихъ положенія, Зотовъ писалъ: „легче бы было видѣть ихъ смерть, нежели такую срамоту нашему отечеству, и лучше бы было ихъ перебить, что поросятъ,

^{а)} См. въ Запискахъ Неплюева. Русск. Архивъ, 1871 г., № 4.

^{б)} О редутахъ см. въ журн. „Атеней“ за 1859 г., № 7, стр. 338 и др.

^{в)} Р. Вѣстн. 1875 г., ноябрь, стр. 94.

^{д)} Сынъ Никиты Моусеевича, бывшаго учителемъ Петра Г.

нежели ими срамиться и ихъ здѣсь съ голоду морить. Я отъ своей ревности все, что имѣлъ при себѣ, имъ роздалъ: парикъ, кафтанъ, рубахи, башмаки и деньги, — однимъ словомъ, себя разорилъ^{а)}. Отчасти въ такомъ поведеніи гардемариновъ были виноваты и сами надзиратели надъ ними. Авторъ одного подметнаго анонимнаго письма рассказываетъ, какъ комиссаръ Львовъ, промѣ 1000 ефимкотъ жалованья, получая еще 400 рублей на содержаніе священника и секретаря, „сихъ персонъ никогда не имѣлъ и бралъ грабительски изъ опредѣленнаго жалованья навигаторамъ и матросамъ; какъ онъ своею лукавою *потачкой избаловалъ многихъ русскихъ господчиковъ*, присланныхъ сюда (въ Голландію) за навигацкой наукой; нѣкоторые изъ нихъ уже позакладывали и продали вещи и деревни, и деньги иждиваютъ *въ безчиніи...*»^{б)}. Жизнь въ чужихъ странахъ, вдали отъ своего отечества, казалось-бы, должна была сблизить между собой русскихъ юношей; но убійство Самарина и его обращеніе съ Арбузовымъ доказываютъ, что между ними недостаточно было развито чувство товарищеской любви, которая многое прощаетъ и многое терпитъ. Впрочемъ, Неплюевъ, благодаря твердой волѣ и стойкости характера, умѣлъ держать себя должнымъ образомъ и вдали отъ родины, и потому пользовался особенною любовію и довѣріемъ своихъ товарищей.

Намѣреніе Петра Великаго доставить молодымъ гардемаринамъ сразу военную практику на морѣ осуществилось. Венеціанская республика съ іюня 1717 года по декабрь 1718 г. вела войну съ Турціей, — и нашимъ морякамъ удалось оказать „существенный куражъ въ случаѣ корабельной баталіи венеціанскаго флота съ турецкимъ, бывшей 19 іюля 1717 года въ портѣ Паганія, въ заливѣ Елеусъ, а также при взятіи фортовъ Превезы и Воницы и при осадѣ Венеціанцами крѣпости Дульцино“. — Въ аттестатѣ, полученномъ Неплюевымъ отъ супрокомито Виценца Капелло, говорится: „Господинъ Иванъ Неплюевъ, одинъ изъ дворянъ московскихъ, на моей галерѣ въ общей кампаніи прошедшей, и во всемъ показалъ себя въ наукѣ галернаго мореплаванія способнымъ и искуснымъ“^{в)}. — Въ такомъ же родѣ получилъ Неплюевъ аттестатъ и отъ венеціанскаго генерала Пансквалиго, въ Корфу 1-го января 1718 года^{г)}. Въ началѣ 1719 года прекратились военныя дѣйствія Венеціанцевъ съ Турками и русскіе гардемарины, въ концѣ февраля, прибыли на одномъ изъ военныхъ кораблей въ Венецію, гдѣ, по приказанію Государя, неимѣвшіе средствъ, въ томъ числѣ и Неплюевъ, были обмундированы на счетъ казны русскимъ аген-

^{а)} Общ. Морск. Спосокъ. О. Веселаго, Спб. 1885 г., ч. I, стр. 157.

^{б)} С. М. Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XVI, М. 1866 г., стр. 405.

^{в)} Записки Неплюева. Русск. Архивъ, 1871 г., стр. 602.

томъ Беклемишевымъ: гардемаринамъ были спиты и выданы темносѣрые кафтаны, съ красными обшлагами и отворотами, красные камзолы, шляпы и штаны сѣрые. На костюмъ каждого вышло по 21 ефимку; гардемарины должны были дать росписки съ обязательствомъ уплатить эти деньги изъ «домовъ своихъ». — Татищевъ, Кановницинъ, Дубровский и Щербатовъ какъ болѣе состоятельные, обмундировались на свой счетъ^{а)}. Убийца Самарина, Алексѣй Арбузовъ также доставленъ былъ въ Венецію, на одномъ кораблѣ съ товарищами, *въ желѣзахъ и подъ карауломъ*. Беклемишевъ 10 февраля 1719 г. донесъ Царю: „Гардемарины, которые были по указу Вашего Царскаго Величества въ здѣшней службѣ, изъ Корфу сюда прибыли; отъ двадцати семи человѣкъ, которые сюда сперва прѣѣхали, *нынѣ всего двадцать три человека*, изъ которыхъ еще одинъ въ желѣзахъ и за карауломъ сидитъ, а именно Алексѣй Арбузовъ; сей приличился въ убивствѣ, и привезенъ подъ арестомъ: и что да повелитъ Ваше Царское Величество?“^{б)} Что отвѣтилъ на это Петръ объ Арбузовѣ, мы не знаемъ; но намъ извѣстно, что Арбузовъ бѣжалъ изъ-подъ ареста, странствовалъ за товарищами въ Испаніи, возвратиться же въ Россію съ ними вмѣстѣ онъ не рѣшился, а прибылъ въ С.-Петербургъ уже послѣ нихъ. Петръ былъ неумолимъ къ государственнымъ преступникамъ, и нравственный кодексъ онъ всецѣло подчинялъ потребностямъ государственной службы: убійство же, совершенное Арбузовымъ, не помѣшало виновнику его достигнуть чрезъ экзаменъ вступленія въ службу на родинѣ. Вице-адмиралъ Змаевичъ, экзаменовавшій Арбузова, нашелъ свѣдѣнія его въ „морской военной наукѣ“ удовлетворительными и 8 августа 1721 г.^{в)}, по опредѣленію Адмиралтействъ-Коллегіи, Арбузовъ былъ произведенъ въ унтеръ-лейтенанты галернаго флота; 5 декабря назначенъ членомъ коммисіи для содержанія фергеровъ и кригерехтовъ; 5 іюля 1733 года по новому штату зачисленъ въ лейтенанты галернаго флота; въ 1737 году былъ посланъ въ Днѣпровскую экспедицію и, находясь тамъ, скончался 20 іюля 1738 года^{д)}.

Въ Венеціи гардемарины должны были выдержать карантинъ, при чемъ Беклемишевъ далъ имъ на самонужнѣйшіе расходы денегъ 59 цехиновъ, что по русскому счету составляло по 2 гривны на человѣка. За пищу ихъ въ локандѣ dei Re Согопа заплатилъ агентъ Левъ Сѣменниковъ,

^{а)} Русск. Вѣсти. 1875 г., ноябрь, стр. 103.

^{б)} Тамъ же стр. 101.

^{в)} У Рачинскаго 1722 г.

^{д)} О. Веселаго. Общій Морской Списокъ, ч. I, стр. 19. Въ статьѣ Рачинскаго (Русск. Вѣсти. 1875 г., ноябрь, стр. 101) говорится, что Арбузовъ произведенъ былъ въ лейтенанты въ 1763 г., т. е. спустя 25 лѣтъ послѣ своей смерти, — думаемъ, что это простая опечатка, незамѣченная редакціей.

за все время пребыванія ихъ въ карантинѣ, по 10 алтынъ и 10 денегъ за человѣка. Въ началѣ апрѣля 1719 года, гардемаринамъ былъ объявленъ высочайшій указъ, по которому они должны были отправиться въ Испанію, чтобы поступить тамъ на службу къ испанскому королю Филиппу V гардемаринами на галеры. Русскій агентъ далъ имъ письмо отъ князя Бориса Ивановича Куракина, бывшаго посломъ въ Голландію, къ губернатору города Кодикса, Si Chiama Don Tomazo i Diaguez, и рекомендацію отъ бывшаго въ Венеціи испанскаго вице-адмирала на имя испанскаго консула. Получивъ на дорогу по 30 ефимковъ каждый, гардемарины въ ночь съ 4 на 5 апрѣля отправились въ путь. Неплюевъ въ своихъ Запискахъ подробно описываетъ это путешествіе чрезъ города: Кабель-Гадо, Терраферну, Феррару, Болонью, Пизу, Флоренцію, Ливорно, Геную, Женеву, Тулонъ, Марсэйль, Аликантъ, Малагу и другіе города, расположенные на пути изъ Венеціи въ Кадиксъ. Онъ съ подробностію говоритъ о разстояніи мѣстъ, объ обычаяхъ, законахъ, рѣдкостяхъ, флотахъ, о числѣ и составѣ войскъ и о многомъ другомъ, обратившемъ на себя его вниманіе. Во время своего путешествія, Неплюевъ встрѣчалъ и другихъ русскихъ дворянъ, посланныхъ за границу съ цѣлію образованія. Въ Тулонѣ находилось семь русскихъ гардемаринъ^{а)}; „учатся они,— замѣчаетъ Неплюевъ,— въ академіи съ французскими гардемаринами... навигаціи, инженерству, артиллеріи, рисовать масштабы, какъ корабли строятся, боцманству (оснащиванію кораблей), артикулу солдатскому, танцевать, на лошадяхъ ѣздить“. — Въ Амстердамѣ было до 50 чел. русскихъ, изъ которыхъ одни учились „экипажеству и механикѣ“, другіе „школьники“—всякимъ ремесламъ: мѣдному, столярному, судовымъ строеніямъ и т. п.

По прибытіи въ Кадиксъ, гардемарины поступили въ Королевскую Морскую академію, основанную по плану кардинала Альберони, а не во флотъ, который находился въ это время въ Сидиліи. Занятія ихъ въ академіи состояли въ изученіи математики, артиллеріи, фехтованья, солдатскихъ артикуловъ и танцевъ. Но занятія въ академіи не могли принести русскимъ гардемаринамъ существенной пользы, потому что они не знали испанскаго языка; Неплюевъ говоритъ: „Къ математикѣ приходили, только *безъ дѣла сидѣли*, понеже учиться невозможно, *для того, что мы ихъ языки не знали*“. Въ венеціанской службѣ наши гардемарины были заняты дѣйствительною и притомъ же боевою службою, кромѣ того, тамъ они слышали людей, говорившихъ на славянскомъ нарѣчій; а здѣсь люди

^{а)} Андрей Ивановичъ Полянскій, Воинъ Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ, Мих. Александр. Римскій-Корсаковъ, кн. Александръ Дмитріевичъ Волконскій, кн. Борисъ Семеновичъ Барятинскій, кн. Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, Александръ Гавриловичъ Жеребцовъ. (Русск. Арх., 1871 г., стр. 612. Зап. Неплюева).

боеваго дѣла должны были тратить свои силы и время на фехтованье и на прыжки въ танцахъ. Отсутствие благородныхъ развлеченій, незнаніе испанскаго языка, на которомъ велось преподаваніе, запрещеніе сходитьсѣ вмѣстѣ въ академіи, недостатокъ средствъ, — все это ужасно подавляло духовную дѣятельность гардемариновъ, такъ что одинъ изъ нихъ не выдержалъ: „*Иванъ Аничковъ сошелъ съ ума*, ибо дѣлалъ всякіе непорядки и говорилъ вздоръ“^{а)}; а 24 августа скончался князь Алексѣй Бѣлосельскій⁷⁾. У постели умирающаго товарища писали наши гардемарины торжкую, слезную просьбу, а 10 августа 1719 г. они отправили къ генераль-адмиралу графу Апраксину письмо, въ которомъ, между прочимъ, писали: „И въ венеціанской службѣ были мы въ крайнемъ убожествѣ, ежели бы житія нашего тамъ продолжилось, могли бы отъ скудости пропасть, а нынѣ приключилась и здѣсь великая нужда, ничѣмъ не меньше прежней: *первое, что голодны; второе, что имѣемъ по одному кафтану, а рубашекъ и прочаго нѣтъ*. Всепокорно и слезно молимъ Вашего Сіятельства, умилосердіе, государь, надъ нами, *чтобы намъ не пропасть безвременно*. Соизволь доложить Его Царскому Величеству, чтобы намъ быть въ службѣ, а не въ академіи, и опредѣлили бы Его Царское Величество жалованьемъ, чѣмъ бы можно намъ содержаться. Ежели мы будемъ многое число въ академіи, то практику морскую, которую мы приняли, можемъ забыть (а вновь ничего не присовокупимъ: *понеже танцованіе и шпанское ученіе къ интересу Его Царскаго Величества намъ не въ пользу*). — Ежели къ намъ Вашего Сіятельства милость не явится, истинно, государь, можемъ *отъ скудости пропасть*“^{б)}. Не смотря на эту „скудость“, русскіе гардемарины должны были каждую недѣлю имѣть три смѣны бѣлья, два раза въ недѣлю брить бороды, три раза пудрить парикъ, и расходъ за это вычитался изъ ихъ же жалованья, оставалось только 4 реала и 5 квартъ да и тѣ шли на уплату портному за чинку платья. О личной экономіи здѣсь не могло быть и рѣчи, такъ какъ жалованьемъ каждого распоряжался поручикъ компаніи гардемариновъ, а не сами гардемарины, „отчего,“ — говорить Неплюевъ, — „мы имѣли нужную пищу, а пили только воду,“ тогда какъ въ Ревелѣ имъ было приволье: тамъ они, какъ мы знаемъ, получали 25 чарокъ вина, порцію ветчины, рыбы, уксусу и т. п. Нужно также замѣтить, что не по своей волѣ оставили они и отечество; мы даже

а) 31 декабря 1728 г. Иванъ Аничковъ произведенъ въ мичмана галернаго флота, а 22 декабря 1732 г. за болѣзнію уволенъ отъ службы. (Общ. Морской Спирокъ Ѳ. Веселаго, ч. II, стр. 7). Кромѣ того, въ моряхъ служили еще три Аничковыхъ Ивана, Аничковъ Архипъ и Аничковъ Петръ. (Тамъ же ч. I, стр. 12; ч. II, стр. 7—8).

б) Русск. Вѣстникъ, 1875 г., ноябрь, стр. 107—108.

видѣли примѣры побѣговъ, а вернуться послѣ этого въ Россію нечего было и думать, и вотъ Костюринъ скрывается въ Данію, гдѣ поступаетъ въ солдаты, а князь Михаилъ Андреевичъ Прозоровскій удаляется на Аѳонъ, но Петръ Великій не растается и съ ними: онъ заставляеть и ихъ служить отечеству. Нисколько не удивительно послѣ этого, что гардемарины скучали въ Испаніи и всячески старались о дозволеніи возвратиться въ отечество. Но не скоро, по тогдашнимъ путямъ и способамъ сообщеній, достигло своего назначенія „слезное“ моленіе русскихъ „робятъ“: лишь 17 ноября прочитано было оно въ общемъ собраніи членовъ Адмиралтействъ-Коллегіи; тогда же было опредѣлено выдать гардемаринамъ жалованье на пропитаніе ихъ и выѣздъ изъ Испаніи въ Голландію по 50 офимковъ на каждого человѣка, „и оныя деньги перевесть на вексель чрезъ резидента Христофора Вранта, съ такимъ контрактомъ, чтобъ оныхъ гардемариновъ, какъ возможность допустить, вывезъ въ Голландію и отправилъ въ Россію“. 19 ноября того же года было сообщено о томъ и резиденту Вранту^{а)}. Наконецъ давно ожидаемое разрѣшеніе пришло; трудно представить себѣ радость гардемариновъ, когда они узнали, что имъ позволено было возвратиться въ отечество, котораго они не видали уже пять лѣтъ!— Въ мартѣ 1720 г. гардемарины были уже въ Амстердамѣ, а отсюда чрезъ Гамбургъ, Берлинъ, Давцигъ, Гданскъ, Мемель, Митаву, Ригу, Дерптъ и Нарву 22-го мая 1720 года прибыли въ Петербургъ. Неплюевъ остановился у капитана гвардіи, Семена Марковича Спицына, о которомъ Голиковъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „капитанъ Преображенскаго полка Спицынъ у Государя, а паче у Ея Величества въ великой милости“^{б)}.— Заграничное путешествіе стоило Неплюеву 1000 руб.: „Во весь войажъ,“— говоритъ онъ, — „издержалъ я собственныхъ 400 рублей да государевыхъ 600 рублей“^{в)}.

Немало измѣнились русскіе гардемарины съ того времени, какъ они покинули свое отечество. Съ предубежденіемъ покидали они родную страну и все-таки, не смотря на это, жизнь за границей успѣла во многомъ измѣнить ихъ воззрѣнія и привычки: то, что прежде казалось заморскою новизною, теперь было, въ ихъ глазахъ, только грубымъ подражаніемъ европейской цивилизаціи. За то съ какимъ недоумѣніемъ встрѣтили ихъ въ Россіи приверженцы старины, позволяя даже себѣ иногда подсмѣиваться надъ ихъ европейскими привычками!^{г)}—Особенно благотворно повліяло заграничное путешествіе на Неплюева, не смотря на многія неудобства его

^{а)} Тамъ же, стр. 109.

^{б)} Голиковъ, т. XXIX, стр. 322, 326.

^{в)} Голиковъ, т. XV, стр. 253. Слич. Записки Неплюева. Русск. Арх. 1871 г., стр. 635.

^{г)} Тамъ же, стр. 636.

заграничной жизни и недостаточное имъ знаніе иностранныхъ языковъ; немало различнаго рода свѣдѣній приобрѣтено было имъ въ это пятилѣтнее путешествіе. Самыя нужды и лишенія, которыя испыталъ Неплюевъ за границей, послужили въ его пользу: они были какъ бы маятникомъ въ его жизни; благодаря имъ, регулировалась воля Неплюева, проявившая себя съ такой силой въ послѣдующей его дѣятельности; онъ сдѣлался предусмотрительнымъ, предприимчивымъ и способнымъ на всякое полезное дѣло, и дѣлать только требовались терпѣніе и сила воли. Неплюевъ можетъ служить лучшимъ примѣромъ несостоятельности мнѣнія Волтина, который говорить, что дворяне, отправленные Петромъ за границу, возвратились не просвѣщеннѣе, не умнѣе, а порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были ^{а)}.

По приѣздѣ въ Петербургъ, Неплюевъ прежде всего долженъ былъ явиться къ генералъ-адмиралу, графу Апраксину, и потомъ ко всѣмъ присутствующимъ въ Адмиралтейской коллегіи. Вездѣ онъ встрѣчалъ радужный пріемъ: Апраксинъ принялъ его, какъ отецъ сына послѣ долгой разлуки, но особенно радушно, принялъ Неплюева графъ Григорій Петровичъ Чернышевъ ^{б)}, знавшій его еще въ Морской академіи: онъ подробно спрашивалъ Неплюева о заграничной жизни, объ успѣхахъ въ наукахъ, о самомъ путешествіи, съ рѣдкимъ вниманіемъ выслушивая молодаго гардемарина, и при этомъ посоветовалъ Неплюеву, чтобы онъ, когда будетъ представленъ Государю, говорилъ „безъ робости и правду“. Желая ознакомиться съ свѣдѣніями гардемариновъ, Флатманъ Змаевичъ, хорошій морякъ, предложилъ, въ присутствіи Чернышева, нѣсколько вопросовъ Неплюеву и его товарищу Кукарину ^{в)} изъ навигаціи, и оба: Змаевичъ ^{г)} и Чернышевъ остались очень довольны ихъ отвѣтами.

На четвертый день по прибытіи гардемариновъ въ столицу, Петръ далъ приказъ, чтобы прибывшіе изъ-за-границы молодые дворяне на слѣдующій день, въ пять часовъ утра, явились въ Адмиралтейскую коллегію для экзамена. Итакъ, Неплюеву—предстоялъ экзаменъ предъ самимъ Петромъ: „Не знаю, какъ мои товарищи оное приняли,“—говоритъ онъ,—

^{а)} Гротъ. Петръ Великій, какъ преобразователь Россіи. Спб. 1872 г., стр. 12. Слич. Примѣч. на истор. Деклерка, II, стр. 223.

^{б)} Г. П. Чернышевъ, умершій въ 1745 г., былъ въ это время оберъ-штеръ-критскъ-коммиссаромъ и заведывалъ пріемомъ положенныхъ на адмиралтейство суммъ и провіанта, раздачею жалованья всѣмъ морскимъ чинамъ, военными и адмиралтейскими дѣлами корабельнаго и галернаго флотовъ, нарядомъ и присылкою рекрутъ и мастеровыхъ людей, канцелярскими и аудиторскими дѣлами, аптеками, госпиталями и академическими школами. См. о немъ въ *Общ. Морск. Списки* 6. Веселаго, Спб. 1885 г., ч. I, стр. 411—413.

^{в)} Въ рукописн. экземплярѣ Записокъ Неплюева, вмѣсто Кукарина, напис. Куракинъ, у Голикова и Бантышъ-Каменскаго: Кукаринъ, а въ „Русскомъ Арх.“ (1871 г., Записки Неплюева, стр. 636, 638 и 641)—Кайсаровъ. По нашему мнѣнію—вѣрнѣе, что здѣсь рѣчь идетъ о Кукаринѣ. (См. примѣчаніе 8-е въ концѣ книги).

„а я всю ночь не спалъ, готовился, какъ на страшный судъ“^{а)}. Со страхомъ пришелъ на другой день (27 мая) Неплюевъ въ адмиралтейство, но вскорѣ явившійся сюда Чернышевъ ободрилъ его. Въ семь часовъ утра явился сюда и Петръ. Собравшіеся на экзаменъ гардемарины поклонились Государю въ ноги, прочіе присутствующіе — въ поясъ. — Опасенія Неплюева на этотъ разъ были напрасны, хотя Петръ и былъ что-то не въ духѣ: „Государь, будучи или немощенъ или повеселъ“, — замѣчаетъ Неплюевъ, — „изволилъ спросить насъ только, имѣемъ ли мы отъ командировъ тамошнихъ аттестаты, и всѣ-ль на галерахъ или иныя и на корабляхъ служили“^{б)}. Получивъ отвѣтъ, Петръ обратился къ генералъ-адъютанту Апраксину и сказалъ: „Я хочу ихъ самъ увидѣть на практикѣ, а нынѣ напишите ихъ во флотъ гардемаринами“. Но графъ Г. П. Чернышевъ съ смѣлою откровенностью возразилъ: „Грѣхъ, Государь, тебѣ будетъ: люди, по волѣ твоей, бывши отлученные отъ своихъ родственниковъ и отъ отечества въ чужихъ краяхъ, и по бѣдности ихъ сносили голодъ, холодъ и всякія нужды и учились, по возможности, желая угодить тебѣ и по достоинству своему въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а нынѣ, объѣхавъ многія государства, и возвратясь по твоей же волѣ и надѣясь за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ и будутъ наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли!“^{в)} „Я ихъ награжу“, — замѣтилъ Петръ: „пусть только одну компанію прослужатъ!“ — „Но легко-ль, Государь, гардемаринами служить такимъ, кои изъ нихъ достойны есть управлять кораблемъ или галерою?“ возразилъ Чернышевъ. — „Кто же эти достойные?“ спросилъ Петръ. Чернышевъ указалъ на Неплюева и Кукарина. — „Сіи слова, — говоритъ Неплюевъ, — наполнили меня благодарностью, страхомъ и радостію“. — Петръ обернулся къ Неплюеву и внимательно окинулъ его съ ногъ до головы своимъ пронизательнымъ орлинымъ взглядомъ. Нужно замѣтить, что Неплюевъ въ то время былъ замѣчательно хорошъ собою: высокій, стройный блондинъ, съ прекрасными голубыми глазами и чревычайно тонкими чертами лица, онъ особенно поразилъ спокойнымъ и добрымъ выраженіемъ своего въ высшей степени симпатичнаго лица. Петръ пожелалъ самъ лично присутствовать на экзаменѣ гардемаринъ и назначилъ для того въ іюнѣ полное собраніе въ адмиралтействѣ. Пѣлый мѣсяцъ прошелъ въ томительномъ ожиданіи страшнаго экзамена предъ Петромъ; Неплюевъ все это время готовился къ экзамену. Наконецъ 30 іюня гардемаринамъ дано было знать, чтобы они

а) Записки Неплюева, „Русск. Архивъ“, 1871 г., стр. 637.

б) Тамъ же.

в) Тамъ же, стр. 638.

на слѣдующій день явились въ Адмиралтейскую коллегію на экзаменъ. Не было еще и 8 часовъ, когда Неплюевъ явился въ Коллегію; въ 8 час. утра прибылъ и Петръ. Экзаменаторомъ, по предложенію Апраксина, былъ назначенъ флагманъ Змаевичъ^{а)}, отчасти уже познакомившійся съ знаніями Неплюева въ домѣ Чернышева. Экзаменъ начался вопросами изъ навигаціи, потомъ перешли къ языкамъ и прочимъ наукамъ. Неплюевъ экзаменовался послѣ другихъ; когда очередь дошла до него, Петръ, подойдя къ нему, спросилъ: „Всеми ли ты научился, для чего былъ посланъ?“— „Всемилюстивѣйшій Государь!“ отвѣтилъ Неплюевъ: „прилежалъ я по всей моей возможности; но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе считаю себя передъ Вами работою недостойнымъ, и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, Вашей ко мнѣ щедроты.“— Говоря эти слова, Неплюевъ всталъ на колѣни. Петръ позволилъ ему поцѣловать свою правую руку, и сказалъ при этомъ слѣдующія глубоко-знаменательныя слова: *«Видишь, братецъ, я и Царь, да у меня на рукахъ — мозоли, а все оттого, чтобы показать вамъ примѣръ, и хотя-бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству!»* Неплюевъ, переполненный чувствомъ глубокаго уваженія къ Вѣнценосному работнику, схватилъ мозолистыя руки Петра и осыпалъ ихъ поцѣлуями. — *«Встань, братецъ!»* сказалъ Петръ: *«и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ, но не робѣй; буде, что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи!»* — Обратившись затѣмъ къ Змаевичу, Петръ попросилъ начать экзаменъ Неплюева. Ободренный самимъ Государемъ, Неплюевъ отвѣчалъ бойко и дѣльно. Тогда Петръ сказалъ Змаевичу: *«Разспрашивай о вышнихъ знаніяхъ!»* Змаевичъ предложилъ Неплюеву нѣсколько вопросовъ изъ математики. „Милостивое одобреніе, какое я видѣлъ въ очахъ Монарха,“ — говоритъ Неплюевъ, — „сдѣлало меня неробкимъ; я рѣшилъ предлагаемыя мнѣ задачи довольно удачно.“ Петръ остался очень доволенъ его отвѣтами, и тутъ же пожаловалъ его чиномъ лейтенанта морскаго галернаго флота; тотъ же чинъ получили: Алексѣевъ и Кукаринъ; Циммермановъ и Аничковъ остались гардемаринами въ галерномъ флотѣ, а прочіе были сдѣланы унтеръ-лейтенантами галернаго флота. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ приказалъ Неплюеву состоять при своей особѣ и назначилъ его главнымъ смотрителемъ и командиромъ надъ всѣми морскими судами, строящимися въ Петербургѣ, — должность по тому времени весьма видная. Нѣкоторое время Неплюевъ состоялъ также переводчикомъ при иностранныхъ министрахъ, когда ихъ „трактовали

^{а)} Змаевичъ (Zmaewitch) въ Зап. Неплюева, напечатанныхъ въ „Отеч. Зап.“ и въ „Русск. Арх.“ названъ Зміевичемъ, что могло произойти отъ неправильнаго чтенія рукописи. (Смол. примѣч. 9 въ концѣ книги).

на новоспущенномъ кораблѣ^{а)}. Это новое положеніе доставило Неплюеву возможность весьма часто видѣть Петра, который не только словами, но и примѣромъ давалъ своему любимцу уроки честнаго и неутомимаго труда. Отсеявъ къ вліянію матери и впечатлѣніямъ заграничной жизни присоединяется вліяніе на Неплюева Петра и его общества, при воздѣйствіи которыхъ, благодаря могучему уму и характеру, выработался въ послѣдствіи изъ Неплюева самостоятельный типъ ученика, вышедшаго изъ практической школы Великаго Преобразователя Россіи. Въ своихъ Запискахъ Неплюевъ приводитъ слово въ слово нѣсколько разговоровъ съ Петромъ; какая простота въ каждомъ словѣ Императора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое теплое чувство къ родинѣ, какая отеческая заботливость даже о самыхъ незначительныхъ интересахъ послѣдняго изъ подданныхъ! — Нерѣдко также посѣщалъ Неплюевъ Змаевича и Чернышева, которые говорили ему: *„Государь тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволитъ говорить: „въ этомъ маломъ путѣ будетъ“ Дѣйствительно, проныцательность Петра, какъ увидимъ, оправдалась вполнѣ. Къ графу Г. П. Чернышеву Неплюевъ питалъ глубокое чувство уваженія и признательности, какъ къ человѣку, который первый осмѣлился указать Петру на личныя достоинства Неплюева^{б)}. Говоря о Чернышевѣ въ своихъ Запискахъ, онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Пишучи сіе, я мѣшаю благодарныя мои слезы съ чернилами, да благословитъ его Господь Богъ изобильными своими щедротами!“ — Чернышевъ, Змаевичъ и другія близкія къ Петру лица, въ свою очередь, также любили симпатичнаго и трудолюбиваго Неплюева, и постоянно внушали ему, что для снисканія и упроченія любви Государя, нужно быть постоянно прилежнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей, а главное — никогда не лгать, потому что Петръ особенно не любилъ тѣхъ, кто позволялъ себѣ лгать: правдолюбіе было самою выдающеюся чертою духовной природы Петра. Послѣ посѣщенія англійскаго парламента, онъ невольно воскликнулъ: „Весело слышать, когда сыны отечества говорятъ королю явно правду; сему-то у Англичанъ учиться должно!“^{в)} Совѣты покровителей Неплюева не остались безъ вліянія на его поведеніе. Вотъ что, между прочимъ, разсказываетъ онъ въ своихъ Запискахъ: „Однажды я пришелъ на работу, а Государь уже прежде пріѣхалъ. Я испугался и хотѣлъ бѣжать домой, больнымъ сказаться; но потомъ вспомнилъ, что Государь не любитъ неправды, пошелъ къ мѣсту, гдѣ онъ находился.*

^{а)} Голиковъ, т. X, стр. 173. Слич. „От. Зап.“, изд. Свинына 1825 г. № 59, стр. 439—443. Ср. Записки Неплюева въ „Русск. Архивѣ“, 1871 г., стр. 640—641.

^{б)} См. выше стр. 44.

^{в)} У Нартова анекдотъ 6. Сл. Грота: „Петръ Великій, какъ преобразователь Россіи“, стр. 10.

Государь сказалъ мнѣ: „Я уже, мой другъ, здѣсь! — „Виноватъ, Государь, вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся, и оттого опоздалъ!“ отвѣтилъ сконфуженный Неплюевъ. Петръ взялъ его за плечо и пожалъ такъ сильно, что Неплюевъ вздрогнулъ, зная отеческія мѣры Петра и думая, что онъ прогнѣвался; но Петръ весело и ласково сказалъ: *«Спасибо, малый, что говоришь правду: Богъ проститъ! Кто Богу не грѣшенъ, кто бабъ не влукъ?!—Вчера ты былъ въ гостяхъ, а теперь поведемъ со мной на родину!»* Неплюевъ, ободренный такой добродушной лаской и веселымъ видомъ Петра, почтительно поклонился и ставъ, по приказанію Государя, позади его одноколки, чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже въ домѣ одного изъ плотниковъ своей команды^{а)}. Войдя въ избу, Петръ поцѣловалъ родильницу и далъ ей пять гривенъ; Неплюевъ, остановившійся у двери, получилъ приглашеніе сдѣлать то же: цѣлуя родильницу, Неплюевъ далъ ей гривну. „Что далъ поручикъ?“ спросилъ Петръ, обратившись къ родильницѣ. Она показала полученную ею гривну. — „Э, братъ, я вижу, ты даришь не позаморски!“ сказалъ съ улыбкой Государь. — „Нечѣмъ мнѣ, Царь-Государь, дарить много“, — отвѣчалъ Неплюевъ: „дворянинъ я бѣдный, имѣю жену и дѣтей, и когда бы не Ваше царское жалованье, то бы, здѣсь живучи, и ѣсть было нечего!“ — Петръ началъ спрашивать его, сколько у него крестьянъ и гдѣ они находятся. Между тѣмъ вошелъ хозяинъ съ деревянной тарелкой въ рукахъ, на которой была рюмка водки. Петръ выпилъ и закусилъ пирогомъ съ морковью, лежавшимъ на столѣ. Затѣмъ радушный хозяинъ поднесъ и своему командиру, который, по его словамъ, „отъ роду не пивая горячаго вина“, отказался; но Петръ сказалъ: „откушай, сколько можешь, не обижай хозяина!“ — Неплюевъ выпилъ, а Петръ, отломивъ и подавая ему кусокъ пирога съ морковью, примолвилъ: *„Замы! Это родимая, а не итальянская нища“*^{б)}.

По сдачѣ экзамена и опредѣленіи на мѣсто, Неплюевъ пожелалъ перевести въ Петербургъ и свое семейство. Съ этой цѣлью былъ отправленъ въ Поддубье Татищевъ, братъ его жены, который съ удовольствіемъ исполнилъ возложенное на него порученіе: Федосья Федоровна и дѣти скоро прибыли въ столицу и, наконецъ, свидѣлись съ дорогимъ человѣкомъ, послѣ долгой разлуки. Но не прошло и году, какъ Федосья Федоровна снова должна была разстаться съ мужемъ. Петръ искалъ человѣка, кото-

^{а)} Въ рукописи и у Свинына ошибочно: „полковнику“, вм.: „плотнику“, у Голицова: „плотнику.“

^{б)} Записки Неплюева. Русск. Архивъ, 1871 г., № 4, стр. 642 и 643. См. у Голицова т. XV, стр. 257.

рый бы могъ занять постъ резидента при Константинопольскомъ Дворѣ, и выборъ его, къ удивленію всѣхъ знатныхъ, палъ на бѣдняка Неплюева, несмотря на его двадцатисемилѣтній возрастъ. Назначеніе это, по словамъ самого Неплюева, состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ началѣ января 1721 года во Дворцѣ происходилъ большой обѣдъ для первыхъ чиновъ и офицеровъ гвардіи и флота. Государь съ сановниками сидѣлъ за особымъ столомъ; офицеры обѣдали въ другой комнатѣ. Нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и Неплюевъ, вошли потомъ въ столовую, гдѣ находился Государь. Въ это самое время Петръ велъ разговоръ о томъ, что ему нуженъ человѣкъ, знающій итальянскій языкъ, который бы могъ занять постъ резидента въ Царьградѣ. А. Т. Головкинъ,^{a)} къ которому обратился Петръ съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ такого человѣка, отвѣтилъ отрицательно. — „А я такъ знаю и очень достойнаго!“ замѣтилъ на это графъ Апраксинъ, — „но та бѣда, что онъ бѣденъ.“ — Бѣдность не бѣда!“ сказалъ Петръ: „этому скоро можно помочь, но кто онъ такой?“ — „Онъ за тобою стоитъ,“ отвѣтилъ Апраксинъ. Петръ оглянулся и сказалъ: „ихъ много стоитъ!“ — Твой *хваленый-то*, что у галернаго строенія!“ продолжалъ Апраксинъ. — „Это правда, Федоръ Матвѣевичъ,“ — отвѣчалъ Петръ, — „но мнѣ хотѣлось бы его при себѣ оставить, однакожь, быть такъ!“ — По окончаніи обѣда, когда всѣ встали съ своихъ мѣстъ, Апраксинъ поздравилъ Неплюева съ постомъ резидента и за руку подвелъ его къ Петру. Новый резидентъ, упавъ въ ноги Государю, началъ цѣловать и орошать ихъ благодарными слезами, называя Петра отцемъ своимъ. Государь, поднимая его, сказалъ: *«Не кланяйся, братецъ, я вѣкъ отъ Бога приставникъ и должность моя — смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошо будешь, не мнѣ, а богу себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я истецъ: ибо Богъ отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобы злomu и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи върой и правдой! Вначалѣ Богъ, а при Немъ и я долженъ буду не оставить»*. Новому Константинопольскому резиденту положено три тысячи въ годъ жалованья и велѣно выдать тысячу рублей на подъемъ^{b)}. 25 февраля Неплюевъ получилъ указъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ объ отправленіи его на новую должность, а на слѣдующій день (26 февраля) ему вручена инструкція и дана прощальная аудіенція у Импе-

^{a)} Александръ Гавриловичъ, второй сынъ государственнаго канцлера, Гавріила Ивановича Головкина. (1660—1734 г.), умершій въ 1760 г.

^{b)} Записки Неплюева, стр. 645. Слич. у Голицева т. VIII, стр. 132, 278; т. X, стр. 180; Бантишъ-Каменскаго: „Словарь достоп. людей“, ч. II, стр. 491.

ратора. Петръ принялъ Неплюева весьма ласково, далъ ему необходимыя наставленія и, благословляя его въ путь, поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ: *«прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться!»*—Это было послѣднее личное свиданіе Неплюева съ Петромъ; Неплюевъ сильно былъ потрясенъ этой разлукой, какъ будто онъ предчувствовалъ, что болѣе не увидитъ обожаемаго имъ Императора. Отъ Государя Неплюевъ зашелъ къ „министрамъ“, прося ихъ не оставлять его своею помощію на новомъ мѣстѣ; побывалъ у морскихъ командировъ и у флагмана Змаевича; послѣдняго просилъ, въ случаѣ нужды, не оставлять его семейства и „деревнюшекъ“. Неплюевъ счелъ также долгомъ зайти къ графу Апраксину, чтобы поблагодарить его за оказанныя благодѣянія и попросить о неоставленіи своего семейства, которое должно было остаться въ Россіи.—„Дуракъ!“ произнесъ Апраксинъ, лишь только увидѣлъ вошедшаго къ нему Неплюева. Неплюевъ сконфуженно замѣтилъ, что онъ не знаетъ, чѣмъ могъ прогнѣвать его сіятельство. „Дуракъ!“ повторилъ графъ: „съ чѣмъ ты жену-то да дѣтей оставляешь?—Вѣдь имъ только что по міру ходить! Для чего ты не выпросилъ имъ у Государя, по крайней мѣрѣ, производства прежняго своего жалованья?“—„Я не смѣлъ просить,“—отвѣчалъ Неплюевъ,—„да и не думалъ о томъ.“—„Потому-то ты и дуракъ,“—сказалъ Апраксинъ,—„да, добро, помиримся! Коли будешь хорошо служить, такъ Государь тебя не оставитъ: онъ и вчера со мной о тебѣ говорилъ. Прикажи женѣ своей, чтобы она, буде въ чемъ нуждаться будетъ, за всемъ ко мнѣ присылала: я ее не оставлю.“—„Я намѣренъ отправить жену въ деревнюшку свою,“—отвѣтилъ Неплюевъ: „ибо здѣсь содержать ее не въ состояніи.“—„Экъ бѣда какая!“ возразилъ графъ,—„такъ вели ей писать ко мнѣ изъ деревнюшки, это все равно!“^{а)}—Поблагодаривъ графа за его заботы, Неплюевъ отправился къ Г. П. Чернышеву, который, по обыкновенію, весьма радушно принялъ его и, прощаясь съ нимъ, совѣтовалъ ему продолжать службу вѣрно и усердно. По совѣту Чернышева, Неплюевъ побывалъ предъ отъѣздомъ и у графа Остермана, который далъ Неплюеву многіе „полезныя совѣты“, но это знакомство съ Остерманомъ, какъ увидимъ дальше, дорого стоило Неплюеву. 9 марта, простившись съ своими знакомыми и товарищами, Неплюевъ покинулъ Петербургъ, откуда онъ вмѣстѣ съ семействомъ отправился въ Поддубье, гдѣ пробылъ только два дня. Оставивъ здѣсь жену съ малолѣтними дѣтьми, онъ самъ, съ старшимъ сыномъ Адріаномъ, поѣхалъ въ Москву; здѣсь онъ получилъ подъемныя деньги и направился уже къ мѣсту своей службы, въ Царьградъ.

^{а)} Зап. Неплюева, стр. 645—646. „Русск. Арх.“ 1871 г.

ГЛАВА III.

Дипломатическая дѣятельность Неплюева въ Турціи.—Завоеваніе персидскихъ областей и приобрѣтеніе Россіей западнаго побережья Каспійскаго моря.—Кончина Петра Великаго и отношенія къ Неплюеву ближайшихъ преемниковъ Петра.—Болѣзнь и возвращеніе Неплюева въ С.-Петербургъ.—Назначеніе Неплюева полномочнымъ министромъ на Немировскій конгрессъ.—Результаты войны Россіи съ Турціей.—Бѣлградскій миръ и отношеніе къ нему иноземнаго правительства въ Россіи.—Неплюевъ назначается Кіевскимъ губернаторомъ и полномочнымъ министромъ по разграниченію земель между Россіей и Турціей.—Замыселъ Остермана противъ Волынскаго.

«И, ей, Богомъ свидѣтельствуюсь, что весь смыслъ мой употребилъ сдѣлать Его Императорскому Величеству угодное; но какъ принято будетъ, и могъ ли предусмотрѣть все виды пользы, того не знаю и сіе меня мучитъ смертельно, и доколѣ не возьмѣю на оное отвѣта, въ страданіи останусь.

(Изъ письма Неплюева къ гр. Остерману).

Болѣе пяти мѣсяцевъ былъ Неплюевъ въ пути, и только 8-го сентября 1721 г. прибылъ въ Константинополь^{а)}, а 17 сентября, вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ Даниловымъ, имѣлъ аудіенцію у султана Ахмета, побывавши предварительно у его визиря, Ибрагима.

Занимая постъ резидента въ Константинополѣ, Неплюевъ не только сумѣлъ поддержать дружескія отношенія Россіи съ Портою, но отклонилъ даже неудовольствіе Турецкаго Дивана, по случаю завоеванія Петромъ Великимъ персидскихъ областей. Чтобы не дать Туркамъ утвердиться на Каспійскомъ морѣ, Петръ спѣшилъ овладѣть прикаспійскими областями Персіи. Христіанское населеніе Персіи: Армяне и Грузины не только не противились этому, а, напротивъ, сами прибѣгли къ покровительству Русскаго Императора, зато магометанское народонаселеніе, закавказскіе Лезгины, овладѣвшіе Шемахою, побившіе и ограбившіе находившихся тамъ русскихъ купцовъ, готовы были отдаться во власть султана.

Въ 1722 году, когда Петръ готовился отправиться въ персидскій походъ, Неплюевъ доносилъ, что Лезгинцы, признавая себя одного съ Турками закона, просятъ покровительства султана, считая его своимъ верховнымъ государемъ; послы ихъ заявили, что Лезгинцы, въ знакъ подданства,

^{а)} Неплюевъ, по всей вѣроятности, ѣхалъ въ Царьградъ сухимъ путемъ: опасаясь появленія русскихъ кораблей на Черномъ морѣ, султанъ требовалъ, чтобы „послы Русскаго Царя не ходили моремъ, а проѣзжали въ Константинополь сухимъ путемъ“. См. „Др. и Нов. Рос.“, 1877 г., № 7, стр. 266.

чеканять уже монету съ именемъ султана Ахмета и каждую пятницу молятся за него Богу въ мечетяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ лезгинскіе послы просили, чтобы Порта отправила къ нимъ немедленно пашу для управленія. Опасаясь враждебныхъ отношеній со стороны Персіи и Россіи, Порта содержала это дѣло въ большой тайнѣ и заявила лезгинскимъ посланнымъ, что султанъ принять ихъ подъ свое покровительство не можетъ, хотя бы и желалъ того, такъ какъ это вызвало бы подозрѣніе и Персіи, и Россіи, которая раздражена погромомъ ея купцовъ въ Шемахѣ; но, что онъ, султанъ, не подастъ помощи противъ нихъ шаху. 21 апрѣля Неплюевъ посѣтилъ визиря и сообщилъ ему, что персидскіе бунтовщики побили въ Шемахѣ русскихъ купцовъ и разграбили ихъ товары, за что Русскій Императоръ требуетъ отъ шаха удовлетворенія, а бунтовщики, боясь мести Россіи, просятъ, какъ говорятъ, Порту о покровительствѣ. Визирь отвѣтилъ, что дѣйствительно были у нихъ какіе-то люди съ устною просьбою о покровительствѣ, обѣщаясь быть въ зависимости отъ Порты, но что Порта требовала отъ нихъ письменнаго заявленія объ ихъ желаніи. „Мы знаемъ“, — говорилъ визирь, — „что эти бунтовщики сдѣлали немалую обиду русскимъ купцамъ, а потому, если и письменно будутъ просить у насъ покровительства; то мы ихъ защищать не будемъ, пока вашъ Государь не получитъ полного удовлетворенія“^{а)}.

Французскій посоль, узнавъ о томъ, между прочимъ, высказалъ Неплюеву, что если Россія ограничится только прикаспійскими провинціями и не будетъ приближаться къ турецкимъ границамъ, со стороны Арменіи и Грузіи; то Порта останется равнодушною, а, можетъ быть, что и себѣ возьметъ со стороны Вавилона. Неплюевъ, въ отвѣтъ на это, заявилъ, что Русскій Императоръ и самъ не желаетъ разрушать Персидское государство и другихъ къ тому не допустить. „Такъ всегда говорятъ въ началѣ,“ — замѣтилъ французскій посоль, — „а я говорю, какъ добрый другъ, что ни вы Туркамъ, ни Турки вамъ воспрепятствовать не могутъ; но лучше къ турецкимъ границамъ не приближаться, а преслѣдовать свою цѣль и поскорѣ овладѣть прикаспійскими областями. Донесите вашему Государю, чтобъ онъ письменно не заявлялъ Портѣ, что не хочетъ никакихъ завоеваній въ Персіи, да и сами вы на словахъ отходите, потому что нынче обяжетесь на письмѣ, а завтра явятся такія обстоятельства, которыя заставятъ совершенно иначе дѣйствовать“^{б)}. Между тѣмъ, Персидскій шахъ обратился въ Константинополь съ просьбою о помощи противъ тѣснившаго

^{а)} С. М. Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XVIII, стр. 60.

^{б)} Тамъ же.

его Магомета Мирвенса; но турецкіе министры рѣшили, что нельзя помогать шіиту противъ суннита, а надобно объявить Мирвенсу, что если онъ признаетъ свою зависимость отъ султана, Порта не будетъ препятствовать ему овладѣть Персіею. Въ то же время Англія, исконная соперница Россіи въ Турціи, старалась внушить Портѣ разныя подозрѣнія по отношенію къ Русскому правительству: англійскій посоль увѣрялъ визиря, что Русскій Императоръ намѣренъ объявить войну Даніи, сблизиться съ Вѣнскимъ Дворомъ и женить своего внука, великаго князя Петра, на племянницѣ Цесаря; и что, если эти двѣ сильныя имперіи соединятся, тогда будетъ плохо и Портѣ, и Англіи. Кромѣ того, австрійскій резидентъ и послы англійскій и венеціанскій распустили слухъ, что Русскій Императоръ, во главѣ стотысячнаго войска, вступилъ уже въ Персію, и Турціи угрожаетъ большая опасность: когда русскіе возьмутъ часть Грузіи и провинціи Эриванскую и Ширванскую, тогда турецкіе подданныя, Грузины и Армяне, сами поступятъ подъ защиту и покровительство Россіи. Вскорѣ французскій посоль сообщилъ Неплюеву, что жители той области, гдѣ главный городъ Тифлисъ, просили помощи у Порты, и Эрзерумскому пашѣ велѣно защищать ихъ, предварительно занявъ Тифлисъ и Эривань. Подъ вліяніемъ этихъ событій и толковъ, Неплюевъ писалъ въ Петербургъ: „По моему мнѣнію, весьма нужно для персидскихъ дѣлъ посла французскаго наградить; а мнѣ очень трудно отъ внушеній другихъ министровъ: внушаютъ Портѣ, что Русскій Государь уменъ и Турокъ обманываетъ миромъ; теперь возьметъ персидскія провинціи, и если султанъ не воспрепятствуетъ ему въ этомъ оружіемъ, то онъ съ той стороны нападетъ на Турцію“^{а)}.

Въ августъ того же года, секретарь рейсъ-эффенди тайно сообщилъ переводчику русскаго посольства Мальцеву, что если Русскій Императоръ не пойдетъ далѣе Шемахи, которою можетъ овладѣть за оскорбленіе въ ней Лезгинцами русскихъ купцовъ, то Порта этому не воспрепятствуетъ, хотя ей и будетъ непріятно; но если Русскій Государь, по взятіи Шемахи, захочетъ покорить Имеретинцевъ и Грузинъ, то Порта этого допустить никакъ не должна. Дѣйствительно, Порта не препятствовала вступленію русскихъ войскъ въ персидскія владѣнія, думая, что Русскій Государь хочетъ только наказать Лезгинцевъ за побои и грабежи русскихъ купцовъ.

Визирь пригласилъ Неплюева къ себѣ, въ его присутствіи досталъ изъ мѣшка донесенія Крымскаго хана, Азовскаго пашы и Лезгинцевъ, и сказалъ: „Вашъ Государь, преслѣдуя своихъ непріятелей, вступаетъ въ области, зависящія отъ Порты; это развѣ не нарушеніе вѣчнаго мира? Если

^{а)} Тамъ же, стр. 61.

бы мы начали войну съ Шведами и пошли ихъ искать черезъ ваши земли, то чтобы вы сказали?—И къ Лезгинцамъ по такому малому дѣлу не слѣдовало твоему Государю собственною особою съ великими войсками идти, могъ бы удовлетвореніе получить и чрезъ наше посредство. Мы видимъ, что Государь вашъ сорокъ лѣтъ своего царствованія проводилъ въ постоянной войнѣ: хотя бы на малое время успокоился и далъ покой друзьямъ своимъ, а, если онъ желаетъ нарушить съ нами дружбу, то могъ бы и явно объявить намъ войну; мы, слава Богу, въ состояніи отпоръ сдѣлать“^{а)}. — „Не могу вѣрить,“ — отвѣчалъ Неплюевъ, — „чтобъ Государь мой вступилъ въ предѣлы Оттоманской Имперіи; что же касается Лезгинцевъ, то Государь мой заблаговременно далъ знать султану о движеніи своихъ войскъ противъ нихъ, потому что получить удовлетвореніе можно только оружіемъ: шахъ доставить удовлетвореніе не въ силахъ.“ Визирь, уклонившись отъ прямого разговора, жаловался, что турецкіе подданные терпятъ большія обиды отъ казаковъ и отъ пограничнаго начальника Ивана Хромаго, и что Порта также имѣетъ право требовать за это удовлетворенія. Но разговоръ, начавшійся жесткими словами, кончился очень дружелюбно. Неплюевъ увѣрилъ визиря, что дружба между обѣими высокими имперіями, какъ храмина, построенная на камнѣ, которой вѣтры не поколеблѣютъ; а визирь, въ свою очередь, объявилъ, что Порта желаетъ заключить съ Россіею оборонительный и наступательный союзъ: „этимъ союзомъ,“ — сказалъ визирь, — „мы будемъ страшны всему свѣту; Цесарь римскій — съ Польшею и Венеціею въ союзѣ, и объ этомъ дали намъ знать, для показанія силы своей стороны; и хотя мы, Турки, съ Русскими разной вѣры, но это не препятствіе, потому что вѣра относится къ будущей жизни, а на этомъ свѣтѣ союзы заключаются не по вѣрѣ, а по государственному интересу“^{б)}.

Въ скоромъ времени, послѣ этой бесѣды, Неплюевъ узналъ, что персидскіе подданные, Грузины, имѣющіе столицю Тифлисъ, взбунтовались противъ Персидскаго шаха и дѣлаютъ набѣги на подданныхъ Порты. Вслѣдствіе этого Турецкій Диванъ рѣшилъ, чтобы ерзерумскій паша съ 50000 войска вступилъ въ Персидскую Грузію и сдержалъ ея жителей; Неплюеву было объявлено, что Порта дѣлаетъ это въ видахъ охраненія себя и Персидскаго шаха, а не съ цѣлю овладѣнія Грузіею. Извѣщая о томъ Петра, Неплюевъ писалъ: „Видя здѣшнія замѣшательства, я общалъ визирскому кегаѣ и рейсъ-эффенди по тысячѣ червонныхъ, чтобы

^{а)} Тамъ же, стр. 62.

^{б)} Тамъ же, стр. 62 и 63.

они постарались сохранить дружбу, пока Порты получить отвѣтъ Вашего Величества чрезъ своего посланнаго, къ Вамъ отправленнаго; турецкія слова и дѣла не постоянны: можетъ произойти бунтъ, или визирь перемѣнится, или къ Татарамъ склонится, или Татары самовольно нападутъ на русскія предѣлы, и отъ подобнаго случая можетъ произойти ссора; поэтому соизвольте на границахъ остерегаться и приготовляться къ войнѣ. Порты принимаетъ въ свое подданство Даудъ-хана, и хочетъ сначала овладѣть Персидскою Грузіею, а потомъ вытѣснить русскіе войска изъ Дагестана. — Разсуждаютъ здѣсь, какъ знатные люди, такъ и простой народъ, чтобы имъ двинуться всею силою противъ Россіи, безпрестанно посылается аммуниція и артиллерія въ Азовъ и Эрзерумъ. Видя все это, я письма нужны черныя сжегъ, а иные переписалъ въ цифры, а сына моего^{а)} поручилъ французскому послу, который отправилъ его въ Голландію^{б)}. Самъ я готовъ варварскія озлобленія терпѣть, и послѣднюю каплю крови за имя Вашего Величества и за отечество пролить, но повели, Государь, послать указъ въ Голландію князю Куракину^{в)}, чтобы сына моего своею протекціею не оставилъ; повели опредѣлить сыну моему жалаванье на содержаніе и ученіе и отдать его въ академію для сціенціи учиться иностраннымъ языкамъ, философіи, географіи, математикѣ и прочихъ историческихъ книгъ чтенію; умилившись, Государь, надъ десятилѣтнимъ младенцемъ, который со временемъ можетъ Вашему Величеству заслужить^{г)}. Изъ этого донесенія видно, что положеніе Неплюева въ Константинополѣ сдѣлалось не безопаснымъ; но онъ не унывалъ и съ прежней энергіей продолжалъ свое дѣло. Между тѣмъ распространился слухъ, что Русскій Императоръ находится въ дружескихъ сношеніяхъ съ Персидскимъ шахомъ; что между Россіею и Персіею готовится союзъ противъ бунтовщиковъ; султанъ получилъ отъ Татаръ подметное письмо, въ которомъ упрекали его за неосмотрительность: „Министры тебя обманываютъ“, — говорилось въ письмѣ: „ты не узнаешь, какъ русскій Царь разорить половину твоего государства!“ — Султанъ призадумался, хотѣлъ казнить визиря, противъ котораго готовился и бунтъ въ народѣ; но находчивый визирь сохранилъ жизнь и удержалъ за собою постъ тѣмъ, что приказалъ войскамъ двинуться въ Грузію; говорили также, что, для успокоенія народа, пущенъ былъ слухъ, что Лезгинцы нанесли страшное пораженіе русскому войску, и что

^{а)} Адрианъ Ивановичъ Неплюевъ, бывшій потомъ статскимъ совѣтникомъ и резидентомъ въ Константинополѣ, скончался въ лѣтахъ своего дѣда, на 38 г. отъ рожденія.

^{б)} Сынъ Неплюева Адрианъ былъ отправленъ черезъ Мальту и Францію въ Амстердамъ, въ сопровожденіи дядьки.

^{в)} Князь Борисъ Ив. Куракинъ, у котораго жилъ десятилѣтній сынъ Неплюева, Адрианъ.

^{г)} С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 63.

самъ Императоръ едва успѣлъ сѣсть на корабль и отплыть въ Астрахань. Неплюевъ вскорѣ узналъ, что Порта вошла въ сношеніе съ Хивою о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ противъ Россіи. Въ началѣ ноября когдѣ великаго визиря сообщилъ Неплюеву приказаніе Порта написать Императору, чтобъ онъ удалился изъ персидскихъ владѣній, такъ какъ пребываніе его тамъ съ русскимъ войскомъ внушаетъ сильное подозрѣніе всѣмъ окрестнымъ государямъ, что не могутъ быть покойны и Турки.

Въ концѣ 1722 года, когда въ Константинополѣ получено было достовѣрное извѣстіе, что Петръ возвратился изъ Дербента назадъ, великій визирь прислалъ сказать Неплюеву, что этимъ возвращеніемъ Русскаго Государя уничтожены всѣ подозрѣнія, и что Порта желаетъ не только сохранить, но и усилить заключенный прежде съ Россіею союзъ. Въ то же время Порта спѣшила извлечь изъ этого свои выгоды: къ Даудъ-беку послана была особая грамота, которой онъ принимался въ подданство Турціи на правахъ Крымскаго хана; той же грамотой ему вручался ханскій титулъ и власть надъ Дагестаномъ и Ширваномъ. Кромѣ того, Порта старалась склонить его къ завоеванію и другихъ ближайшихъ персидскихъ областей, обѣщая отдать ихъ въ его же владѣніе; при этомъ Даудъ-бекъ всѣми средствами долженъ былъ стараться о вытѣненіи русскаго гарнизона изъ Дербента и другихъ окрестныхъ мѣстъ; ему обѣщано было вспоможеніе войскомъ и послано 30000 червонныхъ. Неплюеву за 100 червонныхъ удалось достать копію съ грамоты къ Даудъ-беку и съ инструкціи, которой былъ снабженъ отпавленный къ нему посолъ. Между тѣмъ Петръ, еще ничего не зная объ этомъ, поручилъ Неплюеву войти въ сношеніе съ Портой насчетъ персидскихъ областей. Въ февралѣ 1723 г. великій визирь пригласилъ къ себѣ Неплюева и объявилъ ему, что, если Русскій государь вступитъ съ войскомъ въ персидскія владѣнія, то Даудъ-бекъ, Мирвензъ и всѣ тамошніе народы противъ него составятъ союзъ, и Порта, по единоволю, какъ защитница магометанскихъ народовъ, вынуждена будетъ также вооружиться. „Слѣдствія войны неизвѣстны“, — сказалъ визирь, — „и если бы даже вашему Государю удалось завладѣть нѣкоторыми провинціями, то удержать онъ ихъ не можетъ, потому что всѣ тамошніе народы магометане, и будутъ стараться всѣми средствами Русскихъ отъ себя выгнать. Всякій бы желалъ для себя большихъ пріобрѣтеній“, — заключилъ визирь, — „но равновѣсіе сего свѣта не допускаетъ: на примѣръ, и мы бы послали войско противъ Италіи и противъ малосильныхъ государей, но другіе государи не допустятъ; поэтому и мы за Персіею смотримъ“. ^{а)} Спусти два дня

^{а)} Тамъ же, стр. 65 и 66. Листъ отъ ~~Ахмедъ-ханъ~~ Ахмедъ-ханъ, ~~Ахмедъ-ханъ~~ Ахмедъ-ханъ.

послѣ этого разговора, къ Неплюеву явился переводчикъ Порты и доложилъ, что на общемъ совѣтѣ постановлено сообщить Русскому государю чрезъ его резидента, что Персія теперь въ подданствѣ у Порты, и потому, если онъ считаетъ себя въ правѣ искать что-либо на Лезгинцахъ или Мирвензѣ, пусть обращается съ своими требованіями къ Портѣ, а войска свои долженъ вывести изъ персидскихъ областей, въ противномъ случаѣ Порта вынуждена будетъ вступить съ нимъ изъ-за Персіи въ войну. Въ то же время переводчикъ Порты конфиденціально сообщилъ Неплюеву, что на дняхъ англійскій посоль вручилъ Портѣ меморіаль на турецкомъ языкѣ о томъ, что Русскій государь собираетъ огромное войско и намѣревается выступить въ походъ противъ Дагестана, желая распространить свои владѣнія до Чернаго моря; тотъ же меморіаль старался ободрить Порту, что война съ Россіей не должна представлять трудностей, такъ какъ Русскій Государь не находится въ дружбѣ ни съ кѣмъ: всѣ европейскіе государи—враги его.

Неплюевъ постарался увидаться съ французскимъ посломъ де-Бонакомъ и спросилъ его мнѣнія; де-Бонакъ категорически сказалъ: „Донесите своему Двору, что все дѣло въ двухъ словахъ: сохранить миръ съ Турціею и не вступать въ персидскія дѣла; продолжать войну въ персидскихъ областяхъ—разорвать миръ съ Турціею“. Неплюевъ, дорожившій совѣтами де-Бонака, подарилъ ему два соболя мѣха въ 1,300 руб. Въ дѣйствительности же Порта не желала войны съ Россіей, а ей, подъ разными застрачиваньями, хотѣлось прежде всего овладѣть христіанскою Грузіею, такъ какъ переходъ ея во власть Россіи угрожалъ Турціи быть отрѣзанною отъ всего магометанскаго населенія Кавказа; но Петра трудно было застрачивать, тѣмъ болѣе, что пріобрѣтеніе Кавказскаго побережья онъ считалъ необходимымъ дополненіемъ къ занятію побережья Балтійскаго моря. Въ началѣ апрѣля онъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія и приготовленія къ войнѣ съ Турками, назначивъ князя Мих. Мих. Голицына главнокомандующимъ Украинской арміей, а 9 апрѣля велѣлъ написать Неплюеву: „Наши интересы отнюдь не допускаютъ, чтобы какая другая держава, чья-бъ она ни была, на Каспійскомъ морѣ утвердилась; а что касается Дербента и другихъ мѣстъ, въ которыхъ наши гарнизоны находятся, то они никогда во владѣніи персидскихъ бунтовщиковъ, ни Лезгинцевъ, ни Мирвенза не бывали, а по собственному ихъ письменному и словесному прошенію, какъ то бывшему при Дворѣ нашемъ турецкому послу явлено доказано, подъ покровительство наше добровольно отдались; и если Порта, въ противность вѣчному миру, будетъ принимать подъ свое покровительство Лезгинцевъ, нашихъ явныхъ враговъ; то тѣмъ менѣе должно быть противно

Портѣ, что мы принимаемъ подъ свое покровительство народы, неимѣющіе никакого отношенія къ Портѣ и находящіеся въ дальнемъ отъ нея разстояніи, на самомъ Каспійскомъ морѣ, *до котораго намъ никакую другую державу допустить нельзя*. Если Порты, безо всякой со стороны нашей причины, хочетъ нарушить вѣчный миръ, то мы предаемъ такой беззаконный поступокъ суду Божию, и къ оборонѣ своей, съ помощію Божіею, потребные способы найдемъ ^{а)}.

Наконецъ русское войско отправилось въ Баку, а Турція все не объявляла войны Россіи, не смотря на постоянное подстрекательство англійскаго посла, увѣрявшаго Порту, что его король, вмѣстѣ съ Датскимъ, хочетъ напасть на Россію. Петру особенно не правилось стремленіе Турокъ утвердиться въ Грузіи и Арменіи. Съ 14-го іюля и по 8-го августа русскій резидентъ имѣлъ три конференціи съ рейсъ-эффенди и де-Бонакомъ; послѣдній былъ приглашенъ въ качествѣ посредника. Неплюевъ заявилъ, что Русскій Императоръ, не смотря на убытки, причиненные Лезгинцами русской торговлѣ, не пошлетъ противъ нихъ своихъ войскъ, если Порты прикажетъ имъ оставить въ покоѣ тѣ города, въ которыхъ расположены русскіе гарнизоны, и не будетъ вводить своихъ войскъ въ персидскія провинціи, Арменію и Грузію, до тѣхъ поръ, пока между Россіею и Турціей не послѣдуетъ окончательнаго соглашенія насчетъ персидскихъ дѣлъ. Рейсъ-эффенди, отрицая всякое право Россіи на Грузію, Арменію и на прикаспійскія области, говорилъ, что Порты, напротивъ, имѣетъ на нихъ полное право, особенно потому, что народы, населяющіе эти области, исповѣдуютъ магометанскую вѣру, и владѣльцы ихъ сами просили Порту объ освобожденіи ихъ отъ русской власти. Неплюевъ замѣтилъ, что такой взглядъ на дѣло противорѣчитъ политическимъ правамъ, — вѣра не служитъ опредѣленіемъ границъ; еслибы послѣднія опредѣлялись по вѣрѣ, то во всемъ свѣтѣ не было бы мира: сколько христіанскихъ народовъ подъ властію Порты, а магометанскихъ — подъ властію Россіи! Неплюевъ рѣшительно заявилъ, что Русскій Императоръ не допуститъ къ Каспійскому морю ни какой другой державы, тѣмъ болѣе Турціи. Между тѣмъ англійскій посланникъ продолжалъ интриговать и наущать Порту противъ Россіи, внушая ей, что въ Россіи происходятъ замѣшательства и что война съ ней не опасна. Въ исходѣ 1723 года Неплюевъ, по указу отъ своего Двора, предложилъ, въ новой конференціи съ рейсъ-эффенди и де-Бонакомъ остановить военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. Порты, овладѣвшая уже Тифлисомъ, отвѣчала, что она готова остановить дѣйствія своихъ войскъ, но не раньше, когда они займутъ

а) Тамъ же, гл. 14, стр. 100.

города Эриванъ и Генджу. Впрочемъ, тутъ же было рѣшено съ обѣихъ сторонъ послать командующимъ войсками приказъ, чтобы они не нарушали между собою дружескихъ отношеній, пока дѣло не будетъ окончено на дальнѣйшихъ конференціяхъ въ Константинополѣ. Вдругъ Порта узнаеть, что въ Петербургѣ заключенъ миръ между Россіей и Персіей. Въ конференціи 23 декабря рейсъ-эффенди выразилъ свое удивленіе, что Россія заключаетъ миръ съ Персіей, въ которой нѣтъ государя и которая подвластна Турціи. Неплюевъ отвѣчалъ, что Россія заключила миръ съ Тохмасибомъ, который занялъ персидскій престолъ законнымъ образомъ послѣ отца, и предлагалъ, чтобы турецкія войска не переходили р. Куръ, Шемаха же могла остаться во владѣніи Даудъ-бека подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы городъ не былъ укрѣпленъ и чтобы турецкихъ войскъ тамъ никогда не было. Рейсъ-эффенди стоялъ на своемъ, доказывая, что Персія вся принадлежитъ султану, что Тохмасибъ не можетъ быть законнымъ шахомъ, потому что отецъ его живъ, хотя и въ плѣну. Въ конференціи 30 декабря рейсъ-эффенди сообщилъ Неплюеву, что народъ готовъ свою кровію защищать Персію; поэтому Порта желаетъ только договариваться о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся русскіе гарнизоны, а до другаго ни до чего Россіи дѣла нѣтъ. Неплюевъ отвѣчалъ, что онъ остается при прежнихъ предложеніяхъ. Черезъ два дня къ нему явился переводчикъ Порты, чтобы получить отъ Неплюева окончательный отвѣтъ, принимаетъ онъ или нѣтъ условія Порты. Неплюевъ съ прежней стойкостью отвѣчалъ: „Безъ указу Государя моего, этихъ условій принять не могу!“ — „Въ такомъ случаѣ,“ — сказалъ переводчикъ, — „объявляется война, и ты долженъ избрать одно изъ трехъ: или возвратиться въ отечество, или быть при визирѣ въ походѣ, или жить въ Царьградѣ простымъ человѣкомъ, ибо Порта съ этой минуты тебя болѣе не признаетъ за министра. Хотя у насъ и нѣтъ обычая при такихъ случаяхъ оставлять министровъ на свободѣ, однако *для тебя дѣлается исключеніе за твое доброе поведеніе.*“ — Неплюевъ, оставаясь при своемъ мнѣніи, выбралъ возвращеніе въ Россію и тотчасъ же послалъ за паспортомъ, но ему паспорта не дали; а между тѣмъ де-Бонакъ старался внушить Портѣ, что война съ Россіей для Турціи будетъ тяжела, потому что персидскій народъ не расположенъ къ Туркамъ; при этомъ де-Бонакъ сообщилъ, что онъ имѣетъ отъ французскаго посла въ Петербургѣ Кампредона вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Россія сама не начнетъ войны, если Порта первая не нарушитъ мира. Вслѣдствіе этихъ внушеній, Порта рѣшила только приготовляться къ войнѣ, но самой войны не начинать. Вскорѣ Неплюеву дана была приватная аудіенція у великаго визиря, куда приглашенъ былъ и де-Бонакъ. Неплюевъ старался увѣрить великаго ви-

зиря, что причиною всѣхъ недоумѣній послужили предложенія слишкомъ общія и неопредѣленные, а еслибы обѣ стороны откровенно высказали свои желанія, то дѣло давно бы кончилось миромъ. — „Резидентъ говоритъ совершенную правду.“ — сказалъ визирь, — „и Порта объявить, чего желаетъ. Положимъ, что у шаха Гуссейна было три сына: одинъ турецкій государь, другой русскій, а третій меньшей — Тохмасибъ; по смерти Гуссейна, каждому изъ нихъ слѣдуетъ имѣть свою часть. Россійскій государь взялъ уже свою долю; теперь слѣдуетъ Портѣ получить свою, и пусть французскій посолъ, какъ посредникъ, выдѣлитъ каждому надлежащую часть, чтобы никому обидно не было.“ — „Очень благодаренъ за такую честь,“ — отвѣчалъ де-Бонакъ, — „только по моему раздѣлу наибольшая часть слѣдуетъ младшему, и я буду держать его сторону, какъ самаго слабаго.“ — Визирь самъ было началъ дѣлать; но Неплюевъ и де-Бонакъ заявили, что безъ новыхъ указовъ изъ Россіи рѣшить дѣло окончательно нельзя; почему де-Бонакъ предложилъ отправить, съ этой цѣлю, въ Петербургъ своего племянника Дальона. Визирь, изъявивъ на это полное согласіе, прибавилъ, что онъ желаетъ заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза между Россіей, Турціей и Франціей, *на Англію же положиться нельзя и ссориться, съ угодой ей, съ Россіей не слѣдуетъ: обманетъ.* Не смотря на это, англійскій посолъ продолжалъ интриговать и увѣрялъ Порту, что если она объявитъ войну Россіи, то получить должное вспоможеніе не только отъ короля Англійскаго, но и отъ всего народа. Между тѣмъ Дальонъ отправился въ Петербургъ и, въ началѣ мая, въ сопровожденіи русскаго курьера, возвратился въ Константинополь. Когда у Неплюева открылись конференціи съ турецкими министрами, онъ сейчасъ же замѣтилъ перемѣну въ тонѣ у Турокъ: визирь велъ себя такъ, какъ будто совершенно забылъ объ условіяхъ, предложенныхъ имъ раньше; теперь Порта не хотѣла и слышать объ ограниченіи будущихъ своихъ завоеваній въ Персіи. Французскій посолъ де-Бонакъ, получившій передъ тѣмъ 2,000 червонныхъ отъ Русскаго Двора и на 1,300 р. собольихъ мѣховъ отъ Неплюева, теперь тоже открыто потянулъ на сторону Порты: „Развѣ вы хотите ослушаться указа Государя своего, что моихъ совѣтовъ не принимаете? Или подозреваете меня во враждѣ къ Россіи?“ спрашивалъ онъ удивленнаго его поведеніемъ Неплюева. „Но Государь вашъ,“ — продолжалъ де-Бонакъ, — „не такъ смотритъ на дѣло: онъ своеручно изволилъ мнѣ писать, чтобъ настоящіе переговоры, какъ можно скорѣе, приводить къ концу и во всемъ положиться на меня; если вы не отступите отъ своего требованія, то я слагаю съ себя посредничество!“ Въ другой разъ, когда Неплюевъ посѣтилъ де-Бонака, послѣдній сказалъ, что онъ не хочетъ съ нимъ больше и говорить, и выслалъ его

изъ своего дома. Положенію русскаго резидента было крайне неловко и затруднительно. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ Петру о трудностяхъ при заключеніи договора: „Больше того нынѣ безъ войны получить было нельзя; но хотя не очень ясно, однако сущность дѣла вся внесена. *Отъ французскаго посла, вмѣсто помощи, были только одни препятствія*; при этомъ трактаты разъ десять переправляли; я желалъ, чтобы все ясно было, а французскій посолъ при Туркахъ прямо говорилъ, что резидентъ спорить недѣльно, въ турецкомъ проэктѣ разумѣется все то, чего онъ требуетъ; а племянникъ его Дальонъ, какъ ребенокъ, при переводчикѣ Порты, сказалъ: „не знаешь ты, что мы имѣемъ изъ Россіи проэктъ за подписаніемъ министерскимъ и во всемъ уполномочены,“ и нѣкоторые слова о Лезгинцахъ говорилъ; но переводчикъ Порты этого Туркамъ, по моей просьбѣ, не сказалъ. Дальонъ, по пріѣздѣ въ Царьградъ, прежде свиданія съ посломъ, прямо взялъ былъ къ визирю, и тамъ, невоздержаніемъ ребяческимъ, сказалъ, что Ваше Величество на всѣ турецкія предложенія склонились, кромѣ самыхъ неважныхъ пунктовъ, и ихъ резидентъ имѣетъ право устранить; сказалъ также, что вы сильно желаете мира“^{а)}.

Нѣсколько разъ исправленный договоръ, наконецъ, былъ заключенъ 27 іюня 1724 г.^{б)} Для обмѣна ратификацій отправленъ былъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посланникомъ генералъ-маіоръ Александръ Ив. Румянцевъ^{в)}, которому было поручено, вмѣстѣ съ комиссарами Порты, и разграниченіе русскихъ и турецкихъ владѣній. По этому трактату Россія получила право на владѣніе мѣстами, лежащими на западномъ берегу Каспійскаго моря, и всѣми дистриктами и окрестностями Дербента, Баку, Гиляни, Мазандерана и Астрабада до рѣки Оссы.

Такимъ образомъ Неплюевъ, благодаря своему уму, энергіи и преданности Государю и отечеству, достигъ возможныхъ и желаемыхъ результатовъ предпринятаго Петромъ персидскаго похода; но самъ онъ не былъ убѣжденъ въ важности заключеннаго имъ трактата; онъ боялся, что заключенный имъ договоръ не удовлетворитъ Петра. — Отправляя въ Петербургъ переводчика Мальцева съ этимъ трактатомъ, Неплюевъ просилъ особыми письмами Г. П. Чернышева и А. И. Остермана заступиться за него, въ случаѣ неудовольствія со стороны Петра. „Отпуская сего курьера“, — писалъ онъ Чернышеву, — „и въ ожиданіи, какъ мои дѣла приняты будутъ, *нахожусь съ безмѣрнымъ страхомъ*, и если оныя, къ несчастію моему, неугодны окажутся Его Императорскому Величеству, то, поистинѣ, *я живу*

^{а)} Тамъ же, стр. 72.

^{б)} Записки Неплюева, стр. 649. У С. М. Соловьева сказано почему то, что „договоръ былъ подписанъ 12 іюня“ (Истор. Россіи, т. XVIII, стр. 73).

^{в)} С. М. Соловьевъ называетъ его бригадиромъ.

болѣе не желаю»^{а)}. Въ письмѣ къ Остерману Неплюевъ говоритъ: „Ей, ей, Богомъ свидѣтельствуюсь, что весь смыслъ мой употребилъ сдѣлать Его Императорскому Величеству угодное; но *какъ принято будетъ*, и могъ ли я предусмотрѣть всѣ виды пользы, того не знаю, и *сѣ меня мучитъ смертельно*, и доколѣ не возьмѣю на оное отвѣта, въ страданіи останусь“^{б)}.—Видно, что Неплюева сильно беспокоила неизвѣстность, какъ отнесется къ заключенному имъ трактату самъ Петръ. Но молодой резидентъ не даромъ *«весь смыслъ употребилъ»*, при заключеніи трактата съ Портою, — Остерманъ писалъ ему: „Пакетъ вашъ и письма всѣ партикулярныя распечатаны въ Коллегіи того же дня, въ присутствіи Императора; я только предварительно могу васъ увѣдомить и поздравить, что Его Императорское Величество не токмо въ томъ поступокъ вашъ апробовать, но и наградить васъ чиномъ, деревнями и для фамиліи вашей жалованьемъ соизволилъ“^{в)}.—Неплюевъ получилъ это отрадное письмо на ассамблеѣ у цесарскаго министра; томившая его неизвѣстность, уныніе и страхъ, овладѣвшіе имъ со дня заключенія трактата, миновались, а 29 августа онъ получилъ указъ, подтверждавшій письмо Остермана, о награжденіи его чиномъ морскаго капитана перваго ранга и 400 душъ крестьянъ въ Устюжно-Желѣзопольскомъ уѣздѣ; женѣ и дѣтямъ Неплюева, значилось въ томъ же указѣ, положено производить выдачу полного жалованья по его чину изъ Адмиралтейской Коллегіи, а сыну Адріану, находившемуся въ это время въ Голландіи, выдавать по 300 р. въ годъ, съ обязательствомъ, чтобы онъ обучался математикѣ и другимъ наукамъ, чего искренно желалъ его отецъ. Такъ, исполняя свое слово Петръ, обѣщавшійся не оставлять Неплюева за вѣрную и полезную службу отечеству!—Облагодѣтельствованный своимъ Императоромъ, Неплюевъ не потерялъ довѣрія, любви и уваженія и въ Константинополѣ: султанъ Ахметъ не могъ нахвалиться имъ; визирь Ибрагимъ-паша сдѣлался его другомъ и подарилъ ему соболью шубу и лошадь съ уборомъ. Оказалось, что Петръ не ошибся, назначивъ Неплюева резидентомъ въ Константинополь: Неплюевъ не только хорошо понималъ планы Преобразователя, но и умѣлъ энергично выполнять ихъ.

Идея вѣрнаго и полезнаго служенія отечеству, которую выражалъ Петръ, нашла въ Неплюевѣ благотворную почву — и ученикъ достойно оцѣнилъ своего Великаго учителя: Петръ былъ для Неплюева идеаломъ государственнаго служенія и любви къ отечеству; Неплюевъ питалъ къ нему и личную привязанность. Вотъ почему особенно тяжела была для него неожиданная вѣсть о кончинѣ любимаго имъ Императора и трудолюбивѣй-

^{а)} Зап. Неплюева. „Русск. Арх.“, 1871 г. стр. 649.

^{б)} Тамъ же, 650.

^{в)} Тамъ же.

шаго человѣка.—Глубокая скорбь поселилась въ душѣ Неплюева, когда онъ узналъ о кончинѣ Петра,—онъ говоритъ въ своихъ Запискахъ: «1725 году въ февраль мѣсяцъ получилъ я плачевное извѣстіе, что Отецъ Отечества, Петръ, Императоръ I, отиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами,»—продолжаетъ Неплюевъ,—«какъ по должности о моемъ Государь, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ, и, ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ, да иначе бы мнѣ и грѣшно было: сей Монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди^{а)},—однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ; а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ государь и отецъ милосердый; да вчинитъ Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными!»—Неплюевъ и послѣ не могъ говорить о Петрѣ безъ слезъ. Голиковъ передаетъ, что, когда онъ просилъ Неплюева разсказать что-нибудь о Петрѣ, то Неплюевъ обыкновенно говаривалъ при этомъ: «Эвоя, братецъ, ты опять хочешь, чтобы я плакалъ!»^{б)} Благоговѣніе Неплюева къ памяти Петра замѣтно и въ его Запискахъ: разсказывая о немъ, онъ видимо оживляется и становится менѣе скупымъ на подробности.—«Необыкновенное величіе, соединенное съ безсиліемъ всѣхъ умовъ человѣческихъ»,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—«строгое требованіе исполненія обязанностей, строгое требованіе правды, умѣнье выслушивать возраженія самыя рѣзкія, чрезвычайная простота, общительность, благодушіе,—все это сильно привязывало къ Петру лучшихъ людей, имѣвшихъ случай сближаться съ нимъ, и поэтому легко понять впечатлѣніе, произведенное на нихъ вѣстью о кончинѣ Императора^{в)}.»^{с)} Дѣйствительно, кончина Петра Великаго вызвала слезы не у одного Неплюева: когда въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ прочитанъ былъ манифестъ о смерти Императора, то по всему храму раздались громкіе вопли присутствующихъ: „Воистинну“,—говоритъ очевидецъ,—„такого ужаса народнаго отъ рожденія моего я никогда не видалъ и не слыхалъ, что, какъ слышно, и по всѣмъ приходамъ и улицамъ по той же публикаціи чинилось“^{д)}. Другой современникъ говоритъ: „хотя вѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами, однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ, и мы, имѣвшіе счастье находиться при семъ Монархѣ, умремъ вѣрными ему, и горячую любовь нашу къ зем-

^{а)} У Голикова (т. XI, стр. 261—262) сказано такъ: „научилъ насъ узнавать свои дарованія и способности“.

^{б)} Голиковъ, т. XV, стр. 273. Слич. Подл. анекдоты о Петрѣ Велик. Штелина, Москва, 1830 г., ч. IV, анекдотъ 119, стр. 209.

^{в)} С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 262.

^{д)} Зап. Императорск. Акад. Наукъ, т. IV, к. I, стр. 66.

ному богу погребемъ вмѣстѣ съ собою.“^{а)} И какъ было не оплакивать умершаго Императора, какъ было не благоговѣть предъ величіемъ его генія современникамъ и особенно людямъ близкимъ къ Петру, когда, спустя почти полвѣка послѣ его кончины, у лучшихъ людей невольно вырывались такіе слова: „это истинно богъ былъ на землѣ, во времена отцевъ нашихъ!“^{б)}—Историки, ораторы и стихотворцы уподобляли Петра божеству. Штелинь передаетъ анекдотъ, какъ престарѣлый солдатъ Кирилловъ, служившій при домѣ Нижегородскаго архіерея, имѣлъ у себя маленькій финифтяный портретъ Петра Великаго, который находился у него въ переднемъ углу вмѣстѣ съ иконами и предъ которымъ онъ молился, зажигая свѣчу, каждую ночь^{в)}. Воспитатель великаго князя Павла Петровича, Порошинъ особенно любилъ бесѣдовать съ своимъ царственнымъ питомцемъ о дѣлахъ его прапрадѣда^{г)}, хотя юному Наслѣднику престола приходилось выслушивать отъ лицъ почему-либо недовольныхъ реформами Петра и такіе отзывы, что Петръ часто напивался пьянъ и билъ министровъ своихъ палкою; что только-де и извѣстно государей-драчуновъ по исторіи, что Петръ I да Вильгельмъ, король Пруссій, отецъ Фридриха Великаго; что Петръ писывалъ въ письмахъ: „Минъ-Геръ Адмиралъ“ и подписывался „Питеръ“ и т. п.^{д)}—Но кто же изъ людей не имѣлъ и не имѣетъ недостатковъ?—Кто будетъ утверждать, что ихъ не имѣлъ и Петръ?—Нашъ достопочтенный историкъ, покойный С. М. Соловьевъ, говоря о нравственныхъ качествахъ Петра, замѣчаетъ: „у Петра была старинная русская богатырская природа; онъ любилъ широту и просторъ. Но богатырскимъ силамъ соотвѣтствовали и страсти, неумѣренные правильнымъ искуснымъ воспитаніемъ. Одна наблюдательная женщина-современница отзывалась о Петрѣ, что это былъ *очень хороший и очень дурной человекъ*. Не отвергая и не умаляя черной стороны характера Петра Великаго, не забудемъ стороны свѣтлой, которая превѣшивала черную и могла такъ сильно привязывать къ нему людей“^{е)}. Не можетъ быть, чтобъ и Неплюевъ не зналъ нѣкоторыхъ недостатковъ Петра; навѣрно, ему хорошо были извѣстны семейныя дѣла Петра, которые для людей нравственно-цѣльныхъ и религіозныхъ дѣлаютъ не совсѣмъ привлекательной личность Преобразователя. Но благодаря громадности тѣхъ заслугъ, которые были оказаны

^{а)} Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 262.

^{б)} Слова графа Чернышева. Записки Порошина, стр. 327.

^{в)} Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, Москва, 1830 г., ч. IV, анекд. 120, стр. 211—214.

^{г)} Тамъ же, стр. 86, 100, 103, 104, 112, 117, 118, 126, 143, 327 и др.

^{д)} Тамъ же, стр. 103—104. Слич. въ журн. „Русск. Старина“ (за 1879 г., № 6) манускриптъ Петра Великаго.

^{е)} С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 259.

Петромъ отечеству, темныя пятна въ его жизни не могли затмить свѣтлаго и величаваго образа Петра въ глазахъ любимаго и любящаго ученика и благодарнаго потомства: темныя пятна въ жизни Петра — пятна солнца, которыя не въ силахъ устранить благотворнаго вліянія его свѣта на согрѣваемую имъ природу и челоуѣка; благотворность и полезность Петровскихъ реформъ не подлежатъ никакому сомнѣнію, не смотря на нѣкоторыя промахи и крутыя мѣры великаго генія, на нѣкоторый даже вредъ иныхъ реформъ, неудавшихся вслѣдствіе неприготовленности средствъ къ всеобщему преобразованію, неприготовленности руководимыхъ и руководителей, начиная съ главнаго руководителя, самого Петра. Но неоспоримо то, что Петръ начерталъ обширную программу, которую Россія вспоминаетъ до сихъ поръ и будетъ вспоминать еще долго; уклоненіе отъ этой программы сопровождалось нерѣдко печальными послѣдствіями. Словомъ, съ какой бы стороны и точки зрѣнія мы ни стали изучать Петра и его эпоху, мы непременно придемъ въ изумленіе предъ физическими и нравственными силами Преобразователя. Мы остановились нѣсколько дольше на характеристикѣ Петра, чтобы показать, какъ вѣрно и добросовѣстно оцѣнили Неплюевъ достоинства Императора и его заслуги отечеству; видно, что ученикъ Петра обладалъ такою же прозорливостію въ распознаваніи и пониманіи людей, какъ и его коронованный учитель: если Петръ не ошибся, сказавъ о Неплюевѣ: *«въ этомъ маломъ пути будетъ;»* то еще больше правды въ словахъ Неплюева, оплакивающаго смерть Петра: *«На что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредъ ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ;»* эти пророческія слова Неплюева не разъ подтвердила Исторія Россіи въ трудахъ лучшихъ и даровитѣйшихъ ея изслѣдователей; ихъ же подтвердила и подтверждаетъ и сама дѣйствительность, сама жизнь Русскаго народа въ ея прошедшемъ и настоящемъ. Дальше мы увидимъ, какъ сильно отразилось на Неплюевѣ вліяніе Петра, и какъ много добраго и полезнаго черпалъ онъ изъ этого богатаго источника государственной и общественной мудрости.

Преемники Петра не переставали изливать свои монаршія милости на Неплюева. Впрочемъ, надобно замѣтить, что кратко-временное царствованіе Екатерины I и Петра II не были особенно благоприятны для Неплюева, въ отношеніи его служебной карьеры: состоя резидентомъ при Константинопольскомъ Дворѣ, онъ оставался какъ бы забытымъ. Непосредственный начальникъ его, великій канцлеръ графъ Головкинъ, неотличавшійся щедростію въ доставленіи наградъ и раньше, теперь находился подъ вліяніемъ Меншикова и, дрожа надъ своимъ парикомъ, робко исполнялъ его

волю. Остерманъ хорошо знавшій Неплюева и бывшій теперь вице-канцлеромъ, какъ проницательный и ловкій царедворецъ, сознавалъ, что, при наступившей борьбѣ придворныхъ партій, слѣдовало обратить особенное вниманіе на внутреннія, а не на внѣшнія дѣла государства. Графъ Апраксинъ, старый покровитель Неплюева, стоялъ одной ногою въ гробъ и не долго жилъ послѣ Петра. Главный любимецъ Неплюева, Г. П. Чернышевъ за честный и правдивый характеръ не могъ быть терпимъ придворными интриганами, и былъ удаленъ отъ Двора, съ назначеніемъ его губернаторомъ въ Воронежъ, откуда потомъ онъ былъ переведенъ въ Лифляндію такъ же губернаторомъ. Меншиковъ весь былъ преданъ своимъ честолюбивымъ замысламъ—сдѣлаться тестемъ будущаго Императора Петра II, который жилъ въ его домѣ, и дочь Меншикова Марія Александровна торжественно была уже обручена съ Императоромъ; имя невѣсты Петра II торжественно поминали во всѣхъ концахъ Россіи, хотя сама невѣста считала въ душѣ своимъ женихомъ графа Сапѣгу, къ которому была она неравнодушна. Графъ Девьеръ, Толстой, Писаревъ и др. вельможи, желавшіе свергнуть временщика съ его поста, заплатились ссылкой въ Сибирь и др. мѣста. Дѣло, затѣянное Меншиковымъ, по всей вѣроятности, и удалось бы, еслибы не помѣшали этому „изъ подлости произшедшему мужу“^{а)} князя Долгорукіе и Остерманъ, зорко слѣдившій за Меншиковымъ и его планами. Такимъ образомъ, въ Россіи, гдѣ всѣ вліятельныя лица были заняты придворными дѣлами, некому было вспомнить о Константинопольскомъ резидентѣ. Впрочемъ, изъ Записокъ Неплюева видно, что Екатерина I не только охотно исполняла его желанія, когда онъ обращался къ ней съ какою-либо просьбою, но и старалась выразить къ нему свою признательность и расположеніе. Такъ, когда въ 1727 г. Неплюевъ попросилъ Императрицу отпустить жену его въ Константинополь; то Екатерина, охотно согласившись на просьбу Неплюева, подарила притомъ жонѣ его 500 руб. на дорогу, дала ей въ провожатые двоюроднаго брата ея, лейтенанта флота В. И. Татищева, и прапорщика Наковальнина, а также и подводы до Кіева за казенные прогоны^{б)}. Въ царствованіе Петра II, именно 7 іюня 1727 г., состоялся указъ Верх. Т. Сов. о пожалованіи Неплюеву имѣнія въ Устюжскомъ уѣздѣ^{в)}. Въ отсутствіе своего мужа,

^{а)} Атенеи за 1858 г., ч. I, стр. 142.

^{б)} Въ Сенатскомъ Архивѣ имѣется указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, отъ 20 февраля 1727 г. (LXXXI, 9): „О выдачѣ изъ Камеръ-Коллегіи денегъ жонѣ русскаго резидента въ Турціи Неплюева, на проѣздъ ея къ мужу въ Царьградъ“; а 23 февраля того же года состоялся указъ В. Т. Сов.: „О назначеніи изъ Ямской канцеляріи подводу, отъ С.-Петербурга до Кіева, жонѣ русскаго резидента въ Турціи Неплюева, отправляющейся къ мужу въ Царьградъ“ (LXXXI, 4).

^{в)} Сенат. Архивъ, Б; 387. О, 40. Слич. „Общ. Морск. Списокъ“ О. Веселаго, ч. I, стр. 278.

Оедосѣя Оедоровна все время жила въ своей деревнѣ Поддубьѣ, и жила почти одинокою: родившаяся, вскорѣ по отъѣздѣ мужа, дочь Марфа умерла еще въ младенчествѣ; въ іюлѣ 1723 г. скончался и семилѣтній сынъ Неплюева, Иванъ; старшій его сынъ, Адріанъ, жилъ въ Амстердамѣ у князя Б. И. Буракина, такъ-что послѣдніе четыре года предъ отъѣздомъ къ мужу Оедосѣя Оедоровна жила только съ своею дочерью Маріей, которой было не болѣе 14 лѣтъ, когда ея мать отправлялась въ Константинополь. Прошло уже шестнадцать лѣтъ супружеской жизни Оедосіи Оедоровны, а она не жила и трехъ лѣтъ съ своимъ мужемъ, проведеннымъ, какъ мы уже знаемъ, добровольно шестнадцать мѣсяцевъ въ какомъ-то монастырѣ, пять лѣтъ, по волѣ Государя, за границей и болѣе шести лѣтъ проживавшимъ теперь въ Константинополѣ, по волѣ и желанію того же Государя. Безъ сомнѣнія, жизнь въ деревнѣ, сопровождавшаяся горестною утратою дѣтей, вдали отъ мужа и первенца сына, мало представляла отраднаго для молодой женщины, въ самой лучшей порѣ ея жизни; поэтому совершенно понятны тѣ отрадныя чувства, которыя переполняли Оедосѣю Оедоровну на пути къ любимому мужу. Очень длиненъ показался путь Оедосѣѣ Оедоровнѣ; наконецъ, 15 августа 1727 г., послѣ семилѣтней разлуки, супруги свидѣлись. Въ Константинополѣ Оедосѣя Оедоровна прожила шесть лѣтъ безвыѣздно; 19 января 1730 г., здѣсь родилась у нея дочь Анна, а чрезъ шестнадцать мѣсяцевъ, именно: 12 мая 1731 года—сынъ Николай,—это были послѣднія дѣти Неплюева.

Въ 1728 г., когда Меньшиковъ былъ низверженъ въ прежнее ничтожество, и сосланъ въ Березовъ, гдѣ онъ и скончался въ 1729 г., Остерманъ, сдѣлавшись самостоятельнымъ, вспомнилъ о Неплюевѣ, доставивъ ему чинъ капитанъ-командора^{а)} галернаго флота „за долгое время при дворѣ Турскомъ пребываніе и прилежную и усердную тамо въ интересахъ нашихъ службу“. 2 іюня 1729 г. Верх. Тайный Совѣтъ составилъ особую инструкцію Неплюеву и генералъ-фельдмаршалу князю Михаилу Голицыну, на случай разрыва мирныхъ отношеній съ Турками^{б)}. Съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны, счастливая звѣзда снова возпла надъ Неплюевымъ. Г. П. Чернышевъ былъ возвращенъ изъ политической ссылки (1730 г.) и произведенъ въ полные генералы и сенаторы, хотя враги и не переставали интриговать противъ него^{в)}. Обрадованный такою милостью Императрицы, Чернышевъ не забылъ и своего любимца: вѣроятно, по его

^{а)} 17 іюля 1728 г. См. „Общ. Морск. Списокъ“ О. Веселаго, ч. I, стр. 278.

^{б)} Сенат. Архивъ, в.; 59.

^{в)} См. его письмо къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, отъ 26 Декабря 1734 г., въ „Русск. Бесѣдѣ“ за 1860 г., II, стр. 183—185.

предложенію, Неплюевъ въ томъ же году, 2 декабря, получалъ чинъ шаубенахта^{a)}, или контръ-адмирала.

Дружеская связь Россіи съ Портою, пока Неплюевъ былъ резидентомъ, не прекращалась: въ 1731 г. въ Москву прибылъ турецкій посолъ Саидъ-Эфендіѣ^{b)} съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ султана Магмуда и съ заявленіемъ его желанія сохранить постановленные съ Россіей договоры. Сохраненіе мира съ Турціей теперь особенно было важно для Россіи, потому что она была вовлечена въ междоусобныя распри Калмыковъ. Дундукъ-Омбо, калмыцкій ханъ, направился было въ Крымъ; но Неплюевъ предупредилъ Порту о начавшемся волненіи среди Калмыковъ, настаивая на томъ, чтобы ихъ не принимали въ Крыму^{c)}. Настойчивость, съ которой всегда дѣйствовалъ Неплюевъ, казалась перѣдко упрямствомъ для Турокъ, и Порты неоднократно обвиняла его въ томъ, что онъ дѣйствуетъ вопреки велѣніямъ своего Правительства; *Турки пытались даже отравить Неплюева*. Но находчивый и ловкій дипломатъ, какъ съѣтъю, опуталъ Порту шпіонами и зналъ все, что было необходимо знать въ его положеніи. Трудолюбіе его было изумительно: шифрованныя депеши Неплюева (цыфирью) представляютъ, такъ сказать, цѣлую фотографію жизни, не исключая и ся мелочей. Но еще болѣе удивляешься трудолюбію Неплюева, когда знаешь, что весь его служебный персоналъ состоялъ только изъ двухъ лицъ: секретаря и переводчика. Всегда недомогающій онъ, начиная съ 1725 года, постоянно просилъ объ отозваніи его изъ Константинополя, но его цѣнили и потому не отзывали. Наконецъ смилостивились и около 1732 года прислали въ Константинополь Вешнякова, бывшаго раньше нашимъ «консуломъ» въ Кадиксъ (въ Испаніи), съ наказомъ—учиться предварительно у Неплюева, какъ дѣйствовать и какъ писать^{d)}. Въ 1732 г. Неплюевъ сдѣлался серьезно боленъ, о чемъ онъ сообщаетъ въ своихъ Запискахъ слѣдующее: „отъ прѣхавшаго изъ Аѳонскихъ горъ архимандрита былъ я зараженъ повѣтріемъ, почему, жалѣя жену и дѣтей, *также и служителей*, въ предмѣстіи у Царьграда, именуемомъ Буюкдере, переселся въ особую комнату и получалъ пропитаніе въ окно, никого къ себѣ не допуская; жена моя ежечасно у дверей о томъ со слезами просила меня, но, при помощи Божіей, приниманіемъ хины съ водою, которая поносъ производила, отъ той язвы хотя и исцѣлился, но *съ самаго того времени чувствую частыя и тяжкія припадки*»^{e)}. Изъ опасенія и предосторожности,

^{a)} Общій Морск. Списокъ. Спб. 1885 г. О. Веселаго, т. I, стр. 278.

^{b)} Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопамят. людей Русск. земли“, т. II, стр. 495.

^{c)} Татищевъ и его время. Н. Попова, стр. 253.

^{d)} Изъ письма ко мнѣ профессора Кочубинскаго, изъ Одессы, 15 мая 1888 г.

^{e)} Русскій Архивъ 1871 г., стр. 653.

Неплюевъ 11 марта проводилъ свое семейство, вопреки даже желанію его жены, въ Россію съ чрезвычайнымъ посланникомъ при Константинопольскомъ Дворѣ, княземъ Иваномъ Андреевичемъ Щербатовымъ^{а)}. Между тѣмъ, болѣзненные припадки съ Неплюевымъ не прекращались; наконецъ въ 1734 г. болѣзнь до того усилилась и истощила организмъ трудолюбиваго резидента, что онъ чувствовалъ себя болѣе не въ силахъ заниматься дѣлами службы, къ тому же и медики отказались лѣчить его: „по сей причинѣ“—говорить Неплюевъ,—„принужденъ я былъ отъ правленія дѣлъ отказаться и на свое мѣсто именемъ Ея Величества акредитовать надворнаго совѣтника Алексѣя Вешнякова, что учинено 30 декабря того-же году, а ко Двору о всемъ вышесказанномъ представилъ; почему и присланъ указъ: быть на моемъ мѣстѣ помянутому Вешнякову, а мнѣ ѣхать въ Россію“^{б)}.

Неплюевъ, будучи хорошо знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Турціи и вѣшной политикой Франціи, предвидѣлъ также и неизбѣжный разрывъ Россіи съ Портой, хорошо зная въ то же время честолюбивые замыслы графа Миниха, который прекращенную войну съ Польшей намѣревался перенести на югъ, что, какъ увидимъ, и подтвердилось послѣдующими событіями.—Какъ бы то ни было, только Неплюевъ получилъ давно желаемое имъ позволеніе возвратиться въ свое отечество, интересы котораго онъ такъ стойко, честно и энергично защищалъ въ теченіе почти четырнадцати лѣтъ, занимая постъ Константинопольскаго резидента съ Петра I до первыхъ лѣтъ царствованія Анны Иоанновны *беззмѣнно*. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ то время съ перемѣною царствующаго лица мѣнялась и господствующая при Дворѣ партія, и милости, сыпавшіяся на новыхъ любимцевъ, всегда были соединены съ паденіемъ ихъ предшественниковъ. Поэтому, чтобы прочно держаться на своемъ посту, нужно было стоять выше придворныхъ интригъ карьеристовъ и фаворитовъ или ужъ быть очень полезнымъ. Неплюевъ удовлетворялъ обоимъ этимъ условіямъ, *служба* вѣрой и правдой *не лицамъ, а отечеству*, считая его благо и его интересы выше своего личнаго счастія и служебной карьеры. Не видя своего отечества около четырнадцати лѣтъ, Неплюевъ особенно желалъ теперь поскорѣе взглянуть на Петербургъ, гдѣ произошло за это время

^{а)} Извѣстный дипломатъ первой половины XVIII в. (1696—1761 г.). Съ 1719 г. учился въ Лондонѣ; въ 1720 г. перевелъ сочиненіе Джона Ло: „*Деньги и купечество*“; въ 1723 г. былъ отправленъ въ Испанію, чтобы завязать торговые сношенія съ тамошними купцами; въ 1724 г. написалъ: „*Видныя о торговлѣ Россійской*“; въ 1726 году назначенъ посланникомъ въ Испанію; затѣмъ пріѣзжалъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Царьградъ; потомъ былъ президентомъ Юстицъ-Коллегіи и наконецъ посланникомъ въ Лондонъ; умеръ въ 1761 г. См. о немъ въ письмахъ герцога де-Лирія (Осмнадц. Вѣкъ, кн. II и III) и въ изслѣдованіи П. П. Пекарскаго: „*Наука и литература при Петрѣ Вел.*“, т. I.

^{б)} Русск. Архивъ 1871 г., стр. 653.

столько важныхъ перемѣнъ, и считалъ себя уже счастливымъ, оставляя Константинополь, — это «*военное гнѣздо*», по его мѣткому выраженію; но ему пришлось остановиться на нѣкоторое время въ Кіевѣ и вести тайныя сношенія съ нашими „конфидентами“: валахами и южными славянами. Наконецъ въ исходѣ 1735 года онъ прибылъ въ Петербургъ; 30 января слѣдующаго года состоялся указъ о пожалованіи контръ-адмирала Ивана Неплюева въ тайные совѣтники^{а)}, а 25 марта того же года Неплюевъ былъ включенъ въ число членовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ производствомъ ему жалованья по 2264 р. 84½ коп. въ годъ^{б)}.

Между тѣмъ вскорѣ дружба съ Портою, поддерживаемая раньше Неплюевымъ, была нарушена и открылась война, которая была слѣдствіемъ вмѣшательства Россіи въ дѣла Польши. По смерти польскаго короля Августа II, послѣдовавшей въ 1733 г., Франція старалась доставить польскій престолъ и корону Станиславу Лещинскому, тестю французскаго короля Людовика XV. Еще раньше, благодаря содѣйствію шведскаго короля Карла XII, Лещинскій овладѣлъ было польскимъ престоломъ, но скоро сведенъ былъ съ него могучимъ противникомъ Карла XII, Петромъ Великимъ. Россія теперь выставила своего кандидата въ лицѣ сына Августа II, Саксонскаго курфюрста — Августа III, союзника Австріи. Посланы были войска, подъ начальствомъ Ласси. Лещинскій скрылся въ Данцигъ, откуда также вскорѣ бѣжалъ, переодевшись крестьяниномъ, а 28 іюня 1734 года крѣпость сдалась на капитуляцію фельдмаршалу Миниху. Два французскіе баталіона, находившіеся въ Данцигѣ, были объявлены военнопленными и отведены въ Кронштадтъ. Въ числѣ плѣнныхъ оказались также французскій посолъ при польскомъ Дворѣ Маркизь Монти и его секретарь Терсе, которые провели полтора года въ строгомъ заключеніи. Въ возмездіе за это Франція захватила въ плѣнъ нѣсколько русскихъ судовъ. Россія, видя свою удачу въ польскомъ дѣлѣ, не уклонилась и отъ той борьбы съ Турками, которую старалась создать для нея партія Станислава Лещинскаго. Предлогъ къ этой войнѣ найти было не трудно: Крымскій ханъ, находившійся въ зависимости отъ Султана, не желалъ да и не могъ сдерживать свои орды отъ набѣговъ на русскія сосѣднія области; послѣднія, конечно, не оставались въ долгу. Еще во время резидентства Неплюева начинались враждебныя отношенія и столкновения

^{а)} Неплюевъ говоритъ въ своихъ Запискахъ, что онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника въ 1735 г., а О. Веселаго утверждаетъ (Общ. Морск. Спис., ч. I, стр. 278), что Неплюевъ произведенъ въ тайн. сов. 27 февраля 1736 г.; по это противорѣчитъ указамъ Сенатскаго Архива (44; 35). См. Описаніе Сен. Арх. Баранова, т. II, стр. 393, № 5358.

^{б)} Тамъ же, стр. 405, № 5426.

русскихъ съ масульманами; но въ самой Турціи, благодаря Неплюеву, все было спокойно, съ отъѣздомъ же его въ Россію дѣла приняли другой оборотъ.

Въ концѣ 1735 г. Русскіе, воспользовавшись отсутствіемъ Крымскаго хана въ Персію, напали на Крымъ и произвели опустошеніе. Въ слѣдующемъ году сорока-тысячная русская армія, подъ командою генерала Леонтьева, разгромила Нагайцевъ, захватила до 4000 челов. въ плѣнъ и отобрала у нихъ множество скота, особенно барановъ. Послѣ этого Россіи нельзя было болѣе держаться двусмысленной политики, по отношенію къ Турціи. Между тѣмъ Вешняковъ, замѣстившій въ Константинополѣ Неплюева, былъ за войну Россіи съ Турціей, видя всѣ шансы побѣды на сторонѣ Россіи. Онъ доносилъ Петербургскому Кабинету, что султанъ не уменъ и не имѣетъ никакого понятія о дѣлахъ; визирь—человѣкъ тупой, находящійся подъ вліяніемъ подчиненныхъ, а муфтіи—человѣкъ старый. Вообще, среди правительственныхъ лицъ Турціи не было ни разумныхъ политическихъ дѣятелей, ни военачальниковъ, ни финансистовъ, ни градоначальниковъ, и весь государственный механизмъ находился въ совершенномъ разстройствѣ. „Всѣ думаютъ“,—писалъ Вешняковъ;—„что надобно оставить дѣла въ такомъ положеніи, пока все рухнетъ вслѣдствіе или вишняго несчастія, или внутреннего волненія. Страхъ предъ Турками держится на одномъ преданіи, потому что теперь Турки совершенно другіе, чѣмъ были прежде; сколько прежде они были воодушевлены духомъ славы и свирѣпства, столько теперь малодушны и боязливы, всѣ какъ будто предчувствуютъ конецъ своей незаконной власти, и да способны Всевышній Ваше Величество искоренить ее. Попеченія объ общемъ благѣ въ Турціи нѣтъ, заботятся только о частныхъ выгодахъ; достойные и искусные люди изгублены и погибаютъ, остались только одни недостойные. Татары, зная все это, теперь, какъ всѣ здѣсь говорятъ, въ вѣрности Портѣ стали колебаться. На счетъ христіанскихъ подданныхъ Турціи опасаются, что всѣ возстанутъ, какъ только русскія войска приблизятся къ границамъ. Здѣшніе Константинопольскіе Греки болѣею частью бездѣльники, ни вѣры, ни закона, ни чести неимѣющіе; ихъ главный интересъ—деньги и ненавидятъ насъ болѣе самихъ Турокъ; но Греки областные и еще Болгары, Валахи, Молдаване и другіе такъ сильно заботятся объ избавленіи своемъ отъ турецкаго тиранства и такъ сильно преданы Россіи, что, при первомъ случаѣ, жизни не пожалеютъ для Вашего Императорскаго Величества, какъ уповаемой избавительницы. Все это Турки знаютъ“^{а)}. Считаю Турцію весьма слабою

^{а)} Мнѣніе стариннаго русскаго дипломата о распаденіи Турціи. См. въ журн. „Др. и Нов. Россія“ 1887 г., № 7, стр. 266 и 267.

въ военномъ отношеніи, Вешняковъ совѣтовалъ двинуть войска прямо къ Константинополю, и увѣрялъ, что какъ только они вступятъ въ Буджакъ, то Татары покорятся, а Молдавія и Валахія возстанутъ; по переходѣ же русскаго войска за Дунай, поднимется все остальное христіанское населеніе съ Греціею во главѣ, и тогда, по словамъ Вешнякова, останется только «*напугать Константинополь и заставить бѣжать султана*», для чего достаточно приблизить нѣсколько судовъ къ каналу и высадить на берегъ тысячъ двадцать сухопутнаго войска^{а)}. Въ виду такого состояніи Турціи, графъ Минихъ мечталъ уже вовсе уничтожить Порту, вытѣснить Турокъ въ Азію и образовать на развалинахъ *магометанскаго* государства *христіанскую* державу. Мысль эта и послѣ не разъ занимала государственныхъ людей Европы, но для тогдашняго времени такіе замыслы были слишкомъ смѣлы. Турція очень хорошо сознавала опасность, грозившую ей со стороны Россіи; но, оберегая цѣлость своей имперіи, она надѣялась, что Франція, Англія, Голландія и Швеція, всегда ревнивыя къ успѣхамъ Россіи, не допустятъ Турцію до рузрушенія, или даже до значительныхъ территориальныхъ уступокъ. Между тѣмъ графъ Остерманъ отправилъ къ верховному визирю письмо, въ которомъ было выражено неудовольствіе Русскаго Правительства на Турцію; вмѣстѣ съ тѣмъ это письмо Остермана служило какъ-бы и объявленіемъ войны со стороны Россіи. Война началась, но крайне была невыгодна для Россіи по своимъ послѣдствіямъ. Два крымскіе похода Миниха, не смотря на взятіе Азова и Очакова, дали плачевные результаты. Въ походѣ 1736 года половина арміи погибла въ степи отъ страшныхъ жаровъ, недостатка воды и продовольствія. Взятіе Очакова въ 1737 г. стоило Россіи 24000 солдатъ, причеиъ третья часть потери была жертвою заразныхъ болѣзней, развившихся въ очаковскомъ гарнизонѣ^{б)}. Австрія оказалась плохой и коварной союзницей. Военная репутація, которой Австрія пользовалась въ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII в., основывалась главнымъ образомъ на личныхъ качествахъ принца Евгенія Савойскаго, лучшаго полководца своего времени и чуждаго для Австріи. Онъ далъ возможность Австріи выиграть побѣду надъ Турками и Французами въ войну за Испанское наслѣдство; онъ же, побѣдивъ Турокъ, доставилъ Австріи миръ, о какомъ она и не мечтала. Схоронивъ его, Австрія лишилась многого: смерть Евгенія Савойскаго стоила ей потери всего, отнятаго имъ у Турокъ^{в)}. Теперь внутреннее состояніе Австріи было

^{а)} Тамъ же.

^{б)} См. въ „Др. и Нов. Россіи“ (1877 г., № 6, стр. 110): „А. П. Волинскій“ Д. А. Корсакова.

^{в)} См. въ журналѣ М. Нар. Просв. (1867 г., стр. 565) статью С. М. Соловьева: „Политика Россіи во время войны за Австрійское наслѣдство“.

таково, что Россія, кромѣ неудачъ, ничего не могла ожидать отъ этого союза. Австрійскій Императоръ Карлъ VI совершенно ослабѣлъ; зять его, герцогъ Лотарингскій Францъ, супругъ Маріи Терезіи, желавшій играть видную роль, былъ человѣкъ добродушный и очень экономный, но неспособный къ управленію и веденію дѣлъ ни въ военное, ни въ мирное время. Въ финансахъ Австріи чувствовался такой дефицитъ, что денегъ не доставало даже на расходы придворнаго штата, такъ-какъ аристократія придворныхъ сановниковъ, духовниковъ, слугъ и поваровъ дѣлила между собой и своими кліентами доходы Австрійской Имперіи, а доходы эти были очень скудны, благодаря дурному управленію государствомъ. Наслѣдница Имперіи, Марія Терезія слѣдовала своей политикѣ, въ интересахъ которой было не вооружать противъ себя Турцію. Предвидя неизбежную борьбу съ Европейскими державами, по смерти своего отца, изъ-за Австрійскаго наслѣдства, она старалась расположить Нейберга, главнокомандующаго австрійскими войсками, дѣйствовать въ ея интересахъ. Между министрами и генералами, не пользовавшимися довѣріемъ ни императора, ни его дочери, не было никакого согласія и единства въ преслѣдованіи цѣлей. Въ командирѣ полковъ были выбраны люди неспособные или недобросовѣстные. Все это дѣлало почти номинальнымъ участіе Австріи, какъ союзницы, въ войнѣ, начатой Россіей съ Турціей. Между тѣмъ дѣла турецкой арміи, благодаря Франціи, теперь были ведены гораздо лучше, чѣмъ прежде. въ ней находилось много французскихъ офицеровъ, которымъ удалось устроить турецкую армію по-европейски. Союзъ Россіи съ Австріей былъ весьма не выгоденъ для Франціи, особенно въ виду войны за Австрійское наслѣдство; поэтому Франція старалась разрушить или, по крайней мѣрѣ, парализовать австро-русскій союзъ.

Въ то время, какъ Франція употребляла всѣ средства къ тому, чтобы не дать усилиться Австріи пріобрѣтеніемъ новыхъ земель, послѣдняя предложила Россіи начать *мирные* переговоры въ *Немировѣ*. Это предложеніе вполне соответствовало стремленіямъ Бирона, который, подъ вліяніемъ зависти къ военной славѣ фельдмаршала Миниха, желалъ скорѣйшаго прекращенія этой войны. Кромѣ того, онъ видѣлъ, что внутри Россіи недовольство иноземнымъ владычествомъ расло не по днямъ, а по часамъ; поэтому, чтобы обезопасить себя въ угрожавшей ему внутренней борьбѣ, необходимо было поскорѣе обезопасить себя извнѣ. Сильный своимъ вліяніемъ на императрицу Анну Іоанновну, Биронъ настоялъ, чтобы предложеніе Австріи было принято, — „чрезвычайными и полномочными министрами“ на Немировскій конгрессъ были назначены: сенаторъ баронъ Шафировъ, оберъ-егермейстеръ Волыскій и тайный совѣтникъ Неплюевъ. Выборъ предста-

вителей со стороны Россіи на турецкій конгрессъ въ Немировѣ былъ сдѣланъ удачно: баронъ Шафировъ былъ хорошій знатокъ Турціи и ея политическихъ стремленій; Волынский, состоя раньше при Шафировѣ, раздѣлялъ съ нимъ плѣнъ въ Константинополѣ въ 1712 году, а въ слѣдующемъ году былъ посланъ отъ него курьеромъ къ Петру Великому съ мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ въ Адрианополѣ; кромѣ того, будучи при Петрѣ Великомъ посломъ въ Персію, онъ достаточно изучилъ азіатскіе нравы вообще; Неплюевъ, занимая почти четырнадцать лѣтъ постъ резидента въ Константинополѣ, тоже представлялъ изъ себя вполне надежнаго и опытнаго дипломата въ сношеніяхъ съ Турціей. Несмотря, однакожъ на удачный выборъ уполномоченныхъ со стороны Россіи на Немировский конгрессъ, нельзя было рассчитывать на успѣхъ дипломатическихъ переговоровъ для Россіи. Франція, стараясь разорвать австро-русскій союзъ, искусно вела интригу въ Константинополѣ чрезъ своего посла Маркиза Вильнева^{а)}, чему много благопріятствовало, помимо внутренней слабости Австріи, существованіе враждебныхъ партій при Русскомъ Дворѣ. Императрица Анна Іоанновна, отличавшаяся добротой и даже разсудительностью^{б)}, вовсе не была подготовлена къ занятію государственными дѣлами и любила спокойствіе^{в)}. Минихъ, сынъ фельдмаршала, говоритъ, что ея воля „почти всегда зависѣла отъ другихъ, нежели отъ нея самой;“^{д)} то же самое подтверждаетъ и Манштейнъ^{е)}. Вообще вліяніе ея на государственныя дѣла, какъ самодержавной Императрицы, было ничтожно и почти номинально; оно всецѣло принадлежало нѣмецкому тріумвирату, состоявшему изъ фаворита Государыни Бирона, фельдмаршала Миниха и графа Остермана, которые подъ конецъ своего владычества въ Россіи дѣйствовали, какъ лебедь, щука и ракъ въ извѣстной баснѣ И. А. Крылова того же названія: Минихъ „рвался въ облака“ порохового дыма, Остерманъ, такъ сказать, „тонулъ въ воду“, а Биронъ „пятился назадъ“. Общаго между членами этого тріумвирата было только ихъ нѣмецкое происхожденіе, субъективныя же ихъ качества были различны. Биронъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ человѣкъ не глупый и разсудительный, но неразвитый нравственно, почему онъ являлся то энергичнымъ до жестокости, то мелочнымъ до пошлости^{ж)}. Минихъ, отличавшійся чрезмѣрнымъ честолюбіемъ и силой воли, желалъ быть первымъ и на придворныхъ балахъ и въ управленіи государ-

^{а)} С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи“, т. XX, стр. 127—135.

^{б)} Кн. Щербатовъ. „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, стр. 48.

^{в)} Записки фельдмаршала Миниха, стр. 62.

^{д)} Зап. иностр. о Россіи. Записки Миниха-сына, стр. 177.

^{е)} Записки Манштейна, стр. 194.

^{ж)} Тамъ же, стр. 204.

ствомъ, но онъ былъ скорѣе хорошій инженеръ и храбрый полководецъ, чѣмъ государственный человѣкъ. Графъ Остерманъ, будучи честолюбивымъ не менѣе Миниха, существенно отличался отъ него тѣмъ, что никогда не проявлялъ своего честолюбія открыто, какъ Минихъ, а всегда велъ дѣло хитро, осторожно и тонко, чему много помогало его умѣнье говорить и писать такъ, что можно было понимать его двояко. Если онъ считалъ, положимъ, нужнымъ, почему-либо, скрыть свой взглядъ на то или другое дѣло; то говорилъ такъ двусмысленно и странно, что немногіе могли понимать его. Манштейнъ замѣчаетъ по этому случаю: „послѣ двухчасовыхъ бесѣдъ, которыя Остерманъ имѣлъ съ иностранными министрами, послѣдніе, выходя изъ его кабинета, такъ же мало знали, на что онъ рѣшился, какъ въ ту минуту, когда они туда входили“^{а)}. Безъ сомнѣнія, это было результатомъ подозрительности и скрытности, отличительныхъ чертъ въ характерѣ Остермана. Велѣдствіе такихъ качествъ, обладая притомъ же сильнымъ и гибкимъ умомъ, Остерманъ считался у современниковъ однимъ изъ лучшихъ государственныхъ людей Европы^{б)}, — такимъ его считалъ и Неплюевъ, сдѣлавшійся орудіемъ Остермана въ извѣстномъ дѣлѣ о Волынскомъ, какъ увидимъ это дальше. Судьба Австріи, неразрывно связанная съ судьбой и существованіемъ Турціи, всегда была яблокомъ раздора между Россіей и Европой. Остерманъ былъ постояннымъ сторонникомъ Австріи, а Биронъ держался Австріи только для полученія Курляндскаго герцогства; достигши же этого въ 1737 году, онъ болѣе не дорожилъ союзомъ Россіи съ Австріей^{в)}. Волынской, бывший „конфидентомъ“ Бирона на Немировскомъ конгрессѣ, и самъ, въ виду особыхъ непріязненныхъ отношеній къ Миниху, желалъ, чтобы поскорѣе кончилась война Россіи съ Турціей, и старался угодить Бирону, чтобы добиться чрезъ него мѣста кабинетъ-министра. Неплюевъ же долженъ былъ дѣйствовать, согласно интересамъ и стремленіямъ Остермана. При такомъ положеніи вещей и комбинаціи политическихъ условій, можно было предвидѣть, что въ *Немировѣ* — *мира* не состоится и конгрессъ кончится ничѣмъ. Однакожъ, не смотря на это, 19 марта 1737 года послѣдовалъ именной высочайшій указъ о выдачѣ „чрезвычайнымъ русскимъ министрамъ“ изъ Штатсъ-канторы на подъемъ, содержаніе и другіе расходы 20000 р. червонн., 3000 р. золот. и на 4000 мяткой рухляди^{д)}. Кромѣ того, 14 апрѣля Кабинетъ предписалъ

^{а)} Зап. иностр. о Россіи, т. I, стр. 225. Письма леди Рондо, стр. 112.

^{б)} Н. Н. Ойрсовъ: „Вступленіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны“. Казань, 1888 г., глава II-я.

^{в)} Подробности въ сочин. Вейдемейера: „Обзоръ главныхъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго“, въ „Исторіи Австріи“ Майлата, русск. перевод. 1858 г., М.; и въ „Запискахъ“ Манштейна.

^{д)} Описан. высоч. указовъ и повелѣній, хран. въ С.-Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ. Сост. П. Барановъ. Спб., 1875 г., т. II, № 5904. (С. Арх. 47; 399).

Штатсъ-конторѣ выдать Неплюеву и Шафирову жалованье за весь 1737 г. по ихъ чинамъ^{а)}, а Сенатъ, по распоряженію Кабинета отъ 20 апрѣля, долженъ былъ озаботиться заготовкою подводъ для отправляющихся на конгрессъ „министровъ“ и другихъ командируемыхъ съ ними лицъ^{б)}.

Переговоры съѣхавшихся въ Немировъ представителей трехъ державъ (Россіи, Австріи и Турціи) начались только 5 августа 1737 г. — Волынскій въ начальныхъ переговорахъ, по болѣзни, не участвовалъ; Неплюевъ же и Шафировъ соглашались заключить миръ на слѣдующихъ условіяхъ: Кубань, Крымъ и всѣ остальные земли Черноморскаго побережья до Дуная присоединить къ Россіи, а Молдавію и Валахію признать независимыми княжествами, подъ покровительствомъ Россіи, какъ единовѣрной имъ державы. Но представители Порты не согласились на эти условія, ссылаясь на то, что они несоразмѣрны съ успѣхами русскихъ войскъ, а уполномоченные Австріи дали понять русскимъ министрамъ, что нѣмецкій Императоръ желалъ бы взять Валахію себѣ. Въ то же время графъ Остейнъ утверждалъ, что Порты ни за что не уступитъ Россіи Крыма, и совѣтовалъ Неплюеву и Шафирову не настаивать на этомъ, а ограничиться Азовомъ, Очаковомъ, Кинбургомъ, Нагайскими и Кубанскими землями, Австріи же оставить занятый ею г. Нишъ съ прилегающими округами. Особенная настойчивость графа Остейна и вѣсть о выступленіи арміи генерала Ласси изъ Крыма заставили русскихъ министровъ умѣрить свои требованія: на второмъ совѣщаніи, къ городамъ и землямъ, предложеннымъ гр. Остейномъ, они прибавили только Тамань и настаивали на срытіи Турками Перекопской линіи; границей же между Россіей и Турціей долженъ былъ считаться Днѣстръ. Представители Порты просили 40 дней отсрочки, чтобы послать гонца въ Константинополь, такъ-какъ безъ разрѣшенія падишаха они не могли принять этихъ условій. Между тѣмъ Волынскій, оправившись отъ болѣзни, 16 августа частнымъ образомъ посѣтилъ турецкихъ уполномоченныхъ, подъ предлогомъ отблагодарить ихъ за посѣщеніе его во время болѣзни. Представители Порты старались, въ свою очередь, умѣрить Волынскаго, что они желаютъ мира съ Россіей, но что они не знаютъ, чьи исполнять требованія: Россіи или Австріи, и жаловались, что *«Австрійцы примышались въ войну и хотятъ користоваться»*. Волынскій далъ понять имъ, что главная воюющая держава Россія, Австрія же въ этой войнѣ, какъ говорится, „такъ-себѣ“. „Вы, какъ искусные министры“, — говорилъ Волынскій пашамъ, — „легко можете разсудить, кого прежде надо удовлетворить и кто главная воюющая держава“.

^{а)} Тамъ же, № 5948 (С. Арх. LXXXV, 18).

^{б)} Тамъ же, № 5965 (С. Арх. 47; 573).

Представители Порты жаловались на Австрійцевъ, что, по милости ихъ, они не раньше, какъ чрезъ 40 дней, могутъ приступить къ переговорамъ, потому что не имѣютъ переводчика, котораго принуждены были отправить къ султану. Волинскій замѣтилъ, что отсутствіе ихъ переводчика не можетъ помѣшать переговорамъ, такъ-какъ ассесоръ русскаго посольства Муртаза Тевкелевъ вполне можетъ замѣнить его. На другой день переговоры возобновились. Когда русскіе дипломаты сообщили гр. Остейну мнѣніе турецкихъ уполномоченныхъ объ Австрійцахъ, графъ сталъ особенно настаивать на томъ, чтобы миръ былъ заключенъ въ томъ же (1737) году: „иначе“, — сказалъ онъ, — „мы его отъ Турокъ никогда не добьемся“. Но австрійскіе дипломаты слишкомъ были притязательны: они требовали для Австріи Молдавію, в сѣю Валахію^{а)} и занятый австрійскими войсками г. Нишъ съ прилегающими къ нему округами. Турецкіе уполномоченные старались затянуть переговоры, желая поссорить Россію съ Австріей. Между русскими и австрійскими дипломатами произошло охлажденіе; даже графъ Остерманъ, постоянный и ревностный сторонникъ Австріи, сердился на графа Остейна. Наконецъ русскіе „министры“ и австрійскіе уполномоченные пошли на компромиссъ: первые изъявили готовность удовольствоваться Азовомъ, Очаковомъ и Киенбургомъ „съ пристойными границами“, а вторые желали удержать за Австріей только г. Нишъ и прилежащія къ нему округа. Но турецкіе представители заявили, что они не уполномочены вести переговоры на такихъ основаніяхъ и 10 октября 1737 г. оставили Немировъ, а велѣдъ за ними выѣхали и австрійскіе дипломаты. Шафирову и Волинскому приказано было возвратиться въ Петербургъ, а Неплюеву велѣно *поселиться въ Кіевъ* и смотрѣть за дѣлами по заграничной корреспонденціи.

Во время пребыванія Неплюева на Немировскомъ конгрессѣ, англійскій купецъ Виллиамъ Эльмзель, содержатель стеклянныхъ заводовъ, завладѣлъ было принадлежавшею Неплюеву въ Петербургѣ землею, какъ это видно изъ указа Кабинета, отъ 23 августа 1737 г., на имя Полиціймейстерской канцеляріи съ повелѣніемъ произвести слѣдствіе по этому дѣлу^{б)}; но канцелярія замедлила производствомъ слѣдствія, почему 16 октября того же года состоялся подтвердительный указъ Кабинета „о скорѣйшемъ рѣшеніи“ Полиціймейстерскою канцеляріею дѣла по завладѣнію купцомъ Эльмзелемъ земли, принадлежащей тайному совѣтнику Ив. Неплюеву“^{в)}.

^{а)} Часть Валахіи уже принадлежала Австріи по Пассаровицкому миру 1718 г. См. „А. П. Волинскій“ (Др. и Нов. Рос., 1877 г., № 6, 112) Д. А. Корсакова.

^{б)} Барановъ. Опис. Сен. арх., т. II, № 6224 (С. А. XXXII, 70).

^{в)} Тамъ же, № 6306 (С. А. XXXII, 72). Ср. т. III, № 8435 (С. А. CXXXIX, 278).

Съ отъѣздомъ изъ Немирова уполномоченныхъ, переговоры съ Турціей и стремленія С.-Петербургскаго Кабинета заключить миръ съ Портою не прекратились: 30 декабря 1737 года Кабинетъ поручилъ Сенату позаботиться о скорѣйшемъ переводѣ въ Кіевъ 10000 руб. на расходы по Немировекому конгрессу и о передачѣ этой суммы Неплюеву^{а)}, а 29 января 1738 года состоялся указъ Кабинета объ отсылкѣ въ Кіевъ изъ Московскаго Сибирскаго приказа мѣховъ и мягкой рухляди на 2025 р. въ распоряженіе Неплюева „на чрезвычайныя расходы по возложенному на него порученію, касающемуся нѣкоторыхъ заграничныхъ сношеній“^{б)}, и на 2449 руб. 90 коп.—фельдмаршалу Миниху, находившемуся также въ Кіевѣ — „на нѣкоторыя чрезвычайныя раздачи“^{в)}. Между тѣмъ, А. П. Волинскій, занявшій съ 3 апрѣля 1738 г. постъ кабинетъ-министра^{г)}, дѣятельно работалъ въ пользу прекращенія войны и заключенія мира съ Турціей. Наконецъ эта война и всѣ переговоры съ Турціей кончились тѣмъ, что Россія должна была принять постыдный для нея Бѣлградскій миръ, заключенный Австріей 18 сентября 1739 года, не смотря на то, что Русскіе уже овладѣли Бахчисараемъ, Очаковомъ, Яссами, Хотинѣмъ и нѣкоторыми мелкими крѣпостями. По этому миру Австрія обязывалась уступить Турціи: Бѣлградъ, всю Сербію, часть Босніи и Австрійскую Валахію, а Россія должна была возвратить Турціи: Хотинъ^{е)}, Очаковъ и другія укрѣпленія, приобрѣтенныя ею въ эту войну, за исключеніемъ Азова, и то подъ условіемъ—срыть всѣ его укрѣпленія. Кромѣ того, Россія не имѣла права строить при Черномъ морѣ крѣпостей, держать на этомъ морѣ корабли; торговля же на Черномъ морѣ могла производиться только посредствомъ турецкихъ кораблей. Такимъ образомъ, не смотря на всю грандіозность плановъ Миниха и все-таки значительный успѣхъ русскаго оружія, въ концѣ концовъ, побѣжденная Турція продиктовала миръ побѣдившей ее Россіи, и послѣдняя, потерявъ до 100000 чел. въ эту войну, нисколько не подвинулась къ цѣли, намѣченной Петромъ Великимъ—утвердить свое вліяніе на Черномъ морѣ, чего такъ сильно желалъ Петръ Великій, добивавшійся отъ Порты согласія на свободное плаваніе русскихъ кораблей по Черному морю^{ж)}.

Такіе печальные результаты войны съ Турціей, конечно, болѣе всего были неприятны фельдмаршалу Миниху. Когда Минихъ разбилъ Турокъ

^{а)} Тамъ же, № 6417 (С. А. 49; 434).

^{б)} Тамъ же, № 6884 (С. А. 52; 115).

^{в)} Тамъ же, № 6885 (С. А. 52; 117).

^{г)} Тамъ же, № 6549 (С. А. 50; 372).

^{е)} Временникъ, кн. XIX, стр. 19—36. Реляція о взятіи Хотина.

^{ж)} Вопросъ о свободѣ плаванія въ Черномъ морѣ при Петрѣ Великомъ. Др. и Нов. Россія. 1877 г., № 7, стр. 266.

подъ Ставучанами, чрезъ два дня взялъ Хотинъ и уже мечталъ объ овладѣннѣ Бендерами, какъ наши „добрые“ союзники Австрійцы, безъ вѣдома Россіи, заключили отдѣльный миръ съ Портою, уступивъ ей Бѣлградъ, Орсову и Сербское королевство. Этотъ-то поступокъ Вѣнскаго Двора и уничтожилъ всѣ плоды нашихъ побѣдъ и имѣлъ вліяніе на заключеніе мирныхъ условій съ Турціей. Минихъ выходилъ изъ себя и своей гнѣвъ излилъ въ письмѣ къ князю Лобковичу, командовавшему войсками въ Трансильваніи. Минихъ спрашивалъ Лобковича: „Что же стало съ этимъ священнымъ союзомъ, долженствовавшимъ существовать между обоими дворами? — Со стороны русскихъ берутъ крѣпости, со стороны имперцевъ срываютъ ихъ и уступаютъ непріятелю. Русскіе завоевываютъ княжества и провинціи, а имперцы отдають непріятелю цѣлыя королевства. Русскіе доводятъ непріятеля до крайности, а имперцы уступаютъ ему все, чего онъ захочетъ, и все что можетъ льстить ему и умножить его спѣсь. Русскіе продолжаютъ войну, а имперцы заключаютъ перемиріе, а потомъ и миръ. Гдѣ же, спрашиваю я, этотъ неразрывный союзъ? Могу васъ увѣрить, ваше сіятельство, что если бы армія императора дѣйствительно доведена была до крайности; то Вѣнскій Дворъ, при помощи моей Государыни Императрицы, могъ бы заключить миръ болѣе честный, чѣмъ тотъ, который состоялся теперь“ ^{а)}. Въ то же время Минихъ писалъ Бирону: „Турки благодарятъ за этотъ миръ Магомета, Нейперга ^{б)} и Вильнева ^{в)}; Богъ да проститъ Вѣнскому Кабинету, что онъ ради такого жалкаго результата растратилъ такія огромныя суммы“ ^{д)}.

Не смотря на всѣ невыгоды Бѣлградскаго мира для Россіи, въ Петербургѣ старались придать ему особенную цѣну и важное знаніе. Петербургскій Кабинетъ постановилъ отпустить изъ Штатсъ-конторы въ канцелярію главной артиллеріи 2000 р. на устройство иллюминаціи и фейерверка, по случаю празднованія заключеннаго съ Турціей мира ^{е)}. Во всѣ провинціи, города и уѣзды, въ епархіи и монастыри былъ разосланъ высочайшій манифестъ ^{ж)}, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что, по случаю заключенія мира съ Турціей, разныя лица гражданскаго вѣдомства, осужденныя за преступленія по должности, кромѣ воровъ, разбойниковъ и убійцъ, прощаются съ возвращеніемъ имъ чиновъ ^{з)}. Св. Синоду данъ былъ особый указъ съ повелѣніемъ распространить эту милость и

^{а)} Мнѣніе Миниха о нашихъ союзникахъ Австрійцахъ, тамъ же, стр. 267.

^{б)} Австрійскій уполномоченный, заключившій миръ съ Портою безъ вѣдома Россіи.

^{в)} Маркизъ Вильневъ — французскій посолъ въ Константинополѣ.

^{д)} Тамъ же.

^{е)} Барановъ. Опис. Сен. арх., т. II, № 7367. (С. А. LXXXVII, 30).

^{ж)} П. С. Зак. № 8022.

^{з)} Барановъ. Опис. Сен. арх., т. II; № 7465 (С. А. LXXXVII, 36).

на чины духовнаго вѣдомства^{а)}. Всѣ турецкіе плѣнные были освобождены и получили право возвратиться въ отечество, кромѣ принявшихъ или желающихъ принять христіанскую вѣру^{б)}. Кабинетъ-министръ А. П. Волынский получилъ въ награду 20,000 р.^{в)}; тайный совѣтникъ фонъ-Бревернъ—10,000 р.^{г)}; фельдмаршалъ Минихъ—5000 р.^{д)}; генералъ-лейтенантъ фонъ-Любрасъ—3000 р.^{е)}; тайн. совѣтникъ Михаль Бестужевъ получилъ чинъ *дѣйствительнаго* тайнаго совѣтника, камергеръ князь Борисъ Юсуповъ пожалованъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ его губернаторомъ въ Москву; совѣтники канцеляріи Петръ Курбатовъ, Иванъ Юрьевъ и совѣтникъ Камеръ-коллегіи Кагніони получили чинъ статскаго совѣтника^{ж)}; тотъ же чинъ былъ данъ русскому резиденту въ Турціи, Алексѣю Вешнякову^{з)} и секретарю коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Адріану Ивановичу Неплюеву, назначенному секретаремъ посольства въ Турцію^{и)}. Французскому послу въ Константинополь Маркизу Вильневу былъ пожалованъ и отправленъ украшенный алмазами Андреевскій орденъ, за который уплачено изъ Штатсъ-конторы оберъ-гофъ-коммисару Либману 7000 р.^{к)} Въ Константинополь былъ отправленъ съ особымъ порученіемъ статскій совѣтникъ Кагніони, которому ассигновано было 1500 р. въ годъ жалованья и выдано 3000 р. одновременно на содержаніе во время командировки^{л)}. Генералъ-аншефъ Александръ Ивановичъ Румянцевъ (отецъ Задунайскаго), назначенный чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Константинополь, получилъ изъ Штатсъ-конторы 47,000 р.^{м)} и 6000 червон. въ счетъ этой суммы, изъ Монетной канцеляріи^{н)} на разные расходы, во время посольства. Кромѣ того, Петербургскій Кабинетъ приказалъ отпустить съ нимъ въ Константинополь на подарки разнымъ лицамъ золотой и серебряной штофной матеріи на 4623 р. 73 коп.^{о)} и 45 пудовъ зеленого и черного чаю^{п)}; а 10 іюля 1740 г., по высочайшему повеленію, Румянцеву былъ пожалованъ въ Москвѣ на Тверской

^{а)} П. С. Зак. № 8085. Ср. у Баранова въ „Опис. Сен. арх.“ № 7507 (С. А. 57; 582), 7570 (С. А. 58; 189), 8570 (С. А. CXXXI. 93).

^{б)} Тамъ же № 7356 (С. А. 57; 137), 7409 (С. А. 57; 262). Ср. въ П. С. Зак. № 8030.

^{в)} Барановъ. Опис. Сен. арх. № 7407 (С. А. LXXXVII, 22).

^{г)} Тамъ же, № 7374 (С. А. LXXXVII, 18).

^{д)} Тамъ же, № 7375 (С. А. LXXXVII, 19).

^{е)} Тамъ же, № 7376 (С. А. LXXXVII, 21).

^{ж)} Тамъ же, № 7373 (С. А. 57; 166).

^{з)} Тамъ же, № 7513 (С. А. 58; 3).

^{и)} Тамъ же, № 7514 (С. А. 58; 38).

^{к)} Тамъ же, № 7465 (С. А. LXXXVII, 36).

^{л)} Тамъ же, № 7417 (С. А. LXXXVII, 36).

^{м)} Тамъ же, № 7505 (С. А. LXXXVII, 39). и № 7559 (С. А. LXXXVII, 45).

^{н)} Тамъ же, № 7569 (С. А. LXXXVII. 47 и 48).

^{о)} Тамъ же, № 7550 (С. А. LXXXVII, 44).

^{п)} Тамъ же, № 7509 (С. А. 57; 581).

улицѣ домъ князя Алексѣя Долгорукаго, женѣ же Румянцева, покуда мужъ ея будетъ находится въ Константинополь, назначено 2000 р. „на пропитаніе“^{а)}; деньги эти велѣно было генералу Кейту, командовавшему войсками въ Малороссіи, выдать Румянцевой изъ малороссійскихъ доходовъ^{б)}.

27 февраля 1740 года Кабинетъ приказалъ выдать находящемуся въ Кіевѣ тайному совѣтнику Неплюеву 5820 р. на нѣкоторые *чрезвычайные расходы*^{в)}, а 3 марта того же года Неплюевъ, по именному указу, былъ опредѣленъ кіевскимъ губернаторомъ, съ назначеніемъ его комиссаромъ по разграниченію земель съ Турками на Днѣпровской сторонѣ^{д)}. Въ апрѣлѣ 1740 года была образована особая коммиссія, которой поручено было заняться рѣшеніемъ вопроса по разграниченію земель между Россіей и Турціей по рѣкамъ Бугу и Днѣпру. Въ эту коммиссію были назначены членами и полномочными министрами кіевскій губернаторъ Неплюевъ и генераль-лейтенантъ князь Василій Репнинъ^{е)}. 10 мая 1740 г. Кабинетъ приказалъ Штатъ-конторѣ выдать Репнину 11000 р., а Неплюеву^{ж)} 14000 р.; тогда же велѣно назначить къ нимъ „искусныхъ“ геодезистовъ, а генераль-маіору Шипову предписано немедленно отправить къ комиссарамъ казаковъ и озаботиться заготовленіемъ припасовъ и провіанта для обоихъ комиссаровъ и назначенной къ нимъ команды; обоимъ Лизогубу и полковнику Танскому велѣно состоять при Неплюевѣ^{з)}, для исполненія его порученій. Но Шиповъ, вѣроятно, замедлилъ исполненіемъ возложеннаго на него порученія, потому что 2 іюня Кабинетъ вновь напомнилъ ему объ этомъ дѣлѣ^{и)}.

Между тѣмъ, какъ раздавались награды деньгами и чинами и шли отмѣченныя распоряженія, *хитроумный* и *злокозненный* Остерманъ искусно и незаметно ткалъ ту паутину, въ которой потомъ запутался неосторожный А. П. Волинскій, поплатившійся своей головой и счастьемъ своихъ дѣтей и близкихъ, какъ увидимъ это дальше,—Остерманъ приготавлилъ къ постановкѣ на Сытномъ базарѣ кровавую драму, исполнителями которой, *къ величайшему сожалѣнію*, явились исключительно русскіе родовитые люди и въ числѣ ихъ Неплюевъ.

^{а)} Тамъ же, № 7704 (С. А. 60; 110).

^{б)} Тамъ же, № 7913 (С. А. 68; 730).

^{в)} Тамъ же, № 7389 (С. А. LXXXVII, 34).

^{д)} Тамъ же, № 7393. (С. А. 57; 178, 179).

^{е)} Тамъ же, № 7480—(С. А. 57; 506).

^{ж)} Тамъ же, № 7559 (С. А. LXXXVII, 45).

^{з)} Тамъ же, № 7480 (С. А. 57; 506) и № 7481 (С. А. 68; 688).

^{и)} Тамъ же, № 7600 (С. А. 68; 693).

Г Л А В А IV.

Судъ надъ Голицынымъ и участіе въ немъ Неплюева. — Дѣло кабинетъ-министра Волынскаго. — Назначеніе Неплюева слѣдователемъ по этому дѣлу. — Процессъ Волынскаго и его казнь. — Судьба дѣтей Волынскаго и память о немъ въ потомствѣ.

Неплюевъ къ тому дѣлу, по представленію моему, опредѣленъ для того, дабы чрезъ него о всемъ въ томъ происхожденіи вѣдать мнѣ, ибо Волынский противъ меня подымался.

(Остерманъ — на допросъ)

И пусть падеть! — Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной.

(Дума „Волынский“, К. Ө. Р., 1822 г.).

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ былъ творцомъ „кондицій“ ^{a)} верховниковъ 1730 года и главнымъ сторонникомъ олигархическихъ замысловъ, имѣвшихъ цѣлю ограниченіе самодержавія Анны Іоанновны. Однимъ изъ дѣятельныхъ орудій его гибели сдѣлался А. П. Волынский, который, стараясь погубить своего политическаго врага, хотѣлъ оказать тѣмъ особенную услугу Императрицѣ и ея фавориту Бирону. 7 января 1737 г., по именному указу, при Сенатѣ былъ учрежденъ особый генеральный судъ, для разсмотрѣнія поступковъ о виновности сенатора, князя Дмитрія Голицына ^{b)}, въ составъ этого суда былъ назначенъ и Неплюевъ. Въ чемъ собственно и какъ выразилось участіе Неплюева въ этомъ судѣ, намъ неизвѣстно; но мы думаемъ, что оно было пассивное, потому что Голицынъ на другой же день, послѣ указа о разсмотрѣніи его виновности, былъ приговоренъ въ Шлиссельбургскую крѣпость ^{c)}. Все его имущество, движимое и недвижимое, было конфисковано ^{d)}, не исключая его богатой бібліотеки, находившейся въ подмосковномъ селѣ Архангельскомъ, изобиловавшей философскими и политическими сочиненіями, которыя большею

^{a)} Д. А. Корсаковъ. Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны. Казань, 1880 г., гл. I, IV, VI и XVIII.

^{b)} Барановъ. Описан. Сен. Арх., № 5796 (С. А. 47; 29).

^{c)} Тамъ же, № 5797. Сл. П. С. Зак., т. X, № 7151.

^{d)} Опис. Сен. арх. Баранова, № 5798 (С. А. 47; 44).

частью достались Волынскому^{а)}. Но совершенно въ иномъ видѣ представляется участіе Неплюева въ дѣлѣ о самомъ Волынскомъ. Удаляясь отъ придворныхъ интригъ и служа всегда дѣлу, Неплюевъ, вѣроятно, и не ожидалъ, что его заставятъ принять на себя роль сыщика и слѣдователя по дѣлу кабинетъ-министра Волынскаго, награжденнаго лишь предъ тѣмъ 20,000 рублей, по случаю заключенія мира Россіи съ Турціей.

Такъ-какъ личность Волынскаго, благодаря его умственнымъ способностямъ, патріотическимъ стремленіямъ и—особенно его мученической кончинѣ, всегда пользовалась особенной популярностью среди русскаго интеллигентнаго общества, начиная съ коронованныхъ особъ; то мы считаемъ не лишнимъ изложить здѣсь въ существенныхъ чертахъ ходъ этого замѣчательнаго, по своей печальной извѣстности, процесса и указать на отношеніе къ нему Неплюева, тѣмъ болѣе, что самъ Неплюевъ совершенно умалчиваетъ о немъ въ своихъ Запискахъ: вѣроятно, тяжело и непріятно было для него воспоминаніе объ этомъ кровавомъ дѣлѣ, въ которомъ, *къ величайшему сожалѣнію*, и онъ былъ *вынужденъ* принять участіе, *по воли Остермана*.

Въ апрѣлѣ 1740 года, по высочайшему повелѣнію, была образована особая коммиссія для изслѣдованія винъ и преступленій кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго; въ составъ этой коммиссіи, *по желанію Остермана*, былъ включенъ и Неплюевъ. Участіе Неплюева въ этомъ дѣлѣ представляетъ его, какъ и всѣхъ членовъ судной коммиссіи надъ Волынскимъ, въ несимпатичномъ видѣ. Но при этомъ мы не должны забывать и того, что Неплюевъ служилъ здѣсь орудіемъ въ рукахъ другихъ. Во время допросовъ Волынскаго, послѣдній, между прочимъ, замѣтилъ Неплюеву: „Вѣдаю, что вы графа Остермана креатура, и что со мною имѣли ссору; пожалуйста, оставьте!“ Неплюевъ на это отвѣтилъ: „Вы говорите излишнее; партикулярной ссоры я съ вами не имѣлъ и не бранивался, а теперь по именному указу опредѣленъ къ суду и долженъ поступать по сущей правдѣ“.—Волынскій и самъ сознавалъ, что главнымъ виновникомъ его гибели былъ Остерманъ: „на всѣхъ я въ правѣ своемъ надеженъ“—говорилъ онъ Неплюеву,—„только *все то озлобленіе пришло* мнѣ не такъ отъ Куракина и Головина, какъ *отъ графа Остермана*; онъ такой человекъ, что никому безъ закрытія ничего не объявитъ, и женѣ своей безъ закрытія не скажетъ“.

^{а)} О книгахъ Голицына см. въ „Библиогр. Зап.“, 1861 года, № 11; и въ книгѣ Пекарскаго: „Наука и литература Петр. времени“, ч. I, стр. 255—263.

— „О дѣлахъ, въ каковыхъ графъ Остерманъ обращается къ женѣ, и вѣдать не пристойно“, — строго замѣтилъ Неплюевъ: „и самъ о томъ можешь разсудить!“

Впослѣдствіи, когда Остерманъ самъ попалъ подъ судъ и когда его спросили, для чего онъ „такъ старался Волинскаго искоренить“; то Остерманъ отвѣтилъ: „виноватъ и согрѣшилъ!“ и — тогда же объявилъ причину назначенія слѣдователемъ по дѣлу Волинскаго Неплюева: „*Неплюевъ къ тому дѣлу, по представленію моему, опредѣленъ для того, что онъ, Неплюевъ, былъ мнѣ пріятель, дабы чрезъ него о всемъ въ томъ происхожденіи вѣдать могъ, ибо Волинскій противъ меня поднимался*“^{а)}. — Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Неплюевъ былъ орудіемъ Остермана въ дѣлѣ Волинскаго и, конечно, долженъ былъ дѣйствовать по его инструкціи. Хитрый и необыкновенно сдержанный Остерманъ, безъ сомнѣнія, съумѣлъ скрыть отъ Неплюева дѣйствительныя побужденія, которыми онъ руководился, при назначеніи его въ составъ суда надъ Волинскимъ, и въ то же время употребилъ всю силу своего гибкаго ума, чтобы представить Волинскаго въ глазахъ судей важнымъ государственнымъ преступникомъ, угрожающимъ спокойствію отечества. Баронъ Аксель фонъ-Мардефельдъ⁽¹⁰⁾, прусскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ, писалъ своему королю, Фридриху II: „Волинскій хотѣлъ прежде всего умертвить герцога Курляндскаго, если ему не удастся отдѣлаться отъ него иначе, и выгнать фельдмаршала графа Миниха, его брата, тайнаго совѣтника, графовъ: Остермана и Левенвольда и вообще всѣхъ иностранцевъ, послѣ того раздать своимъ приверженцамъ первыя и значительнѣйшія должности; наконецъ отослать обратно герцога Брауншвейгскаго, котораго онъ называлъ добрымъ малымъ, потому что съ нимъ легко справиться и дѣлать изъ него все, что угодно. Принцессѣ Аннѣ угрожала та же участь, если бы она отказалась сообразоваться съ его намѣреніями. Великая княжна Елизавета должна была быть удалена или заключена въ монастырь, впрочемъ съ позволеніемъ развлекаться, какъ ей угодно, и наконецъ Императрицѣ было предназначено снотворное питье, чтобы погрузить ее въ вѣчный сонъ, такъ что ничто не могло помѣшать ему взойти на престолъ“^{б)}. — Судя по ходу событій въ то время не трудно догадаться, кто распространялъ такіе слухи, ко-

^{а)} С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, стр. 166.

^{б)} См. въ журналѣ: „Др. и Нов. Россія“, 1876 года, № 1, стр. 104, письмо 6. Подлинныя депеши барона Акселя фонъ-Мардефельда хранятся въ Прусскомъ тайномъ Государственномъ архивѣ, въ Берлинѣ, гдѣ и сняты были съ нихъ копии, по порученію Г. В. Есипова, сообщившаго ихъ редакціи сборника „Древн. и Нов. Россія“. Смотри въ концѣ примѣч. 10-е.

торыя принимались иностранными послами за истину и сообщались ихъ государямъ за факты, неподлежащіе сомнѣнію.

Остерманъ, рѣшившійся погубить Волынского и его единомышленниковъ, возстановилъ прежде всего противъ него Вирона и затѣмъ постарался организовать судную комиссію изъ такихъ лицъ, которыя чѣмъ-либо были ему обязаны, или которыя лично ненавидѣли Волынского, или же шли на буксиръ у Вирона^{а)}. — Когда дѣло о Волынскомъ было передано въ Тайную канцелярію, Неплюевъ и Ушаковъ^{б)} назначаются непосредственными слѣдователями Волынского и его „конфидентовъ“; имъ же было поручено разсмотрѣть и его бумаги. Нѣкоторые изъ этихъ бумагъ собраны были слѣдователями въ особый пакетъ и запечатаны; тогда же была найдена у Волынского и книга Юста Липсія^{в)} и доставлена судьямъ. Послѣ этого Волынского заключили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ и оставался до самой своей казни; здѣсь его пытали и допрашивали Ушаковъ и Неплюевъ. 7 іюня было объявлено слѣдователямъ высочайшее повелѣніе: „болѣе розысканій не производить, но изъ того, что открыто, сдѣлать обстоятельное изображеніе и доложить“. 16 іюня желаемое „изображеніе“ было готово, а 17 числа того же мѣсяца слѣдователи представили его Императрицѣ, жившей въ это время въ Петергофѣ, гдѣ Виронъ старался развлекать „ее охотой: „Императрица съ семействомъ и великою княжною Елизаветою,“ — писалъ фонъ-Мардефельдъ своему королю, — „каждый день тѣшатъ себя охотою въ Петергофѣ и ея Императорское Величество убила въ одинъ день сорокъ зайцевъ“.^{д)}

„Изображеніе“, или докладъ Императрицѣ по дѣлу о Волынскомъ состоитъ изъ 34 листовъ обыкновенной писчей бумаги^{е)}; однакожъ, не смотря на его обширность, не все вошло въ него: Ушаковъ и Неплюевъ сочли болѣе разумнымъ не высказывать настоящихъ побужденій Волынского и всѣхъ подробностей его замысла. Преступленія Волынского, внесенныя въ этотъ докладъ, могутъ быть подведены подъ слѣдующія

^{а)} Кромѣ Неплюева, въ судной комиссіи были полные генералы: Григорій Чернышевъ, Андрей Ушаковъ, Александръ Румянцевъ, генераль-поручики: князь Никита Трубецкой, Михаилъ Хрущовъ, князь Василій Репнинъ; тайный сов. Василій Новосильцевъ, генераль-маіоръ Петръ Шиповъ; ассесоръ Тайной канцеляріи Хрущовъ, секретарь Военной комиссіи Рудинъ, секретарь Думной при Сенатѣ комиссіи Даниловъ.

^{б)} Генераль-аншефъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, впоследствии графъ, начальникъ Тайной канцеляріи.

^{в)} Юстъ-Липсій родился въ 1547 году въ Икѣ (Isque), въ Брабантѣ, умеръ въ 1606 г. въ Лувенѣ, — это былъ замѣчательный филологъ, историкъ и политическій писатель. Смotr. примѣчаніе II въ концѣ книги.

^{г)} Др. и Нов. Россія, 1876 г., № 1, стр. 101 и 102.

^{д)} Докладъ озаглавленъ такъ: „Изображеніе о государственныхъ тяжкихъ преступникахъ и злодѣйственныхъ воровскихъ замыслахъ Артемія Волынского и сообщниковъ его — графа Платона Мусина-Пушкина, Феодора Соймонова, Андрея Хрущева, Петра Еропкина, Ив. Эйхлера, такожъ о Иванѣ Судѣ“.

рубрики: 1) Личная злоба противъ Императрицы, выражавшаяся въ теченіе всего ея царствованія, начиная съ 1730 года; 2) недовольство ея царствованіемъ, государственными порядками и обвиненіе ея въ неспособности къ правленію; объясненіе всѣхъ неурядицъ ея царствованія господствомъ иноземцевъ въ государствѣ; 3) желаніе улучшить государственные порядки и составленіе съ этою цѣлію „разсужденій“ и „проектовъ“^{а)}.

19-го іюня, по высочайшему повелѣнію, было учреждено, для суда надъ Волинскимъ и его „конфидентами“, особое *генеральное собраніе* и къ прежнимъ судьямъ были присоединены еще: генераль-фельдмаршалъ князь Трубецкой, кабинетъ-министръ князь Алексѣй Черкасскій, сенаторы: д. т. сов. и генераль-прокуроръ князь Трубецкой, тайн. совѣт. Ѳеодоръ Наумовъ; изъ Военной коллегіи: генераль-лейтенантъ Игнатъевъ и генераль-маіоръ Петръ Измаиловъ; изъ Адмиралтейской коллегіи: совѣтникъ Захарій Мишуковъ, оберъ-штеръ-кригсъ-коммисаръ Іовъ Микулинъ; маіоры отъ гвардіи: Николай Стрѣшневъ, князь Петръ Черкасскій и Дмитрій Ченцовъ; изъ Юстицъ-коллегіи: вице-президентъ князь Иванъ Трубецкой, совѣтникъ Петръ Квашнинъ-Самаринъ; изъ полиціи: бригадиръ Иванъ Унковскій. 20-го іюня, въ 9 часовъ утра, всѣ судьи Волинскаго и его сообщниковъ, „за исключеніемъ иностранцевъ“ (замѣчаетъ Мардефельдъ), собрались въ Сенатъ, чтобы обсудить, какой казни подвергнуть виновныхъ. Засѣданіе продолжалось съ 9-ти часовъ утра до 6-ти часовъ вечера, и судъ постановилъ: „1) Волинскаго, яко начинателя всего того злаго дѣла, живаго посадить на колъ, вырѣзавъ у него предварительно языкъ; 2) Хрущева Мусина-Пушкина, Соймонова и Еропкина четвертовать и затѣмъ отсѣчь у нихъ головы; 3) Эйхлера — колесовать и отсѣчь ему голову; 4) Де-ла-Судъ — отсѣчь голову; 5) имѣнія всѣхъ осужденныхъ лицъ конфисковать; 6) двухъ дочерей Волинскаго и сына сослать въ вѣчную ссылку“. Этотъ приговоръ былъ представленъ на утвержденіе Императрицѣ. 22 іюня, вслѣдствіе словеснаго приказанія Государыни, „изображеніе“ и „экстрактъ“ изъ дѣла были объявлены еще нѣкоторымъ изъ сановниковъ, которые не были въ генеральномъ собраніи, а именно: оберъ-штаб-мейстеру князю Александру Куракину, гофмаршалу Дмитрію Шепелеву, генераль-лейтенанту Василию Салтыкову и камергеру Стефану Лопухину. Всѣ эти лица заявили, что, по ихъ мнѣнію, Артемій Волинскій и его „конфиденты“ не только „смертной казни, но тяжкому смертному

^{а)} Д. А. Корсакова: „А. П. Волинскій“ („Др. и Нов. Россія“, 1877 года, № 11, стр. 237).

мученію достойны“. Кромѣ вышеозначенныхъ тридцати лицъ, смертный приговоръ надъ Волынскимъ еще подписали: Александръ Нарышкинъ, Иванъ Бахметевъ, Михаилъ Филосовъ и Никита Румянцевъ. 23 іюня въ Петергофѣ былъ изданъ высочайшій указъ, которымъ нѣсколько смягчалось наказаніе осужденныхъ: „Артемію Волынскому, вырѣзавъ языкъ, отсѣчь правую руку и голову, а дѣтей его сослать въ Сибирь; движимое и недвижимое его, Волынскаго, имѣніе отписать на Насъ. Андрея Хрущова, Петра Еропкина — казнить смертию: отсѣчь головы. Ѳеодору Соймонову, Платону Мусину-Пушкину, Ивану Эйхлеру — сказать смертную казнь и потомъ Соймонова и Эйхлера, бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь въ вѣчную работу, а у Мусина-Пушкина, урѣзавъ языка, послать его въ Соловецкій монастырь и содержать въ наикрѣпчайшей тамъ тюрьмѣ, никуда никогда его не выпуская и къ нему никого не допуская. Ивана Суду, бивъ плетми нещадно, сослать на вѣчное житіе въ Камчатку“^{а)}. Въ тотъ же день было объявлено Волынскому и его сообщникамъ постановленіе генеральнаго собранія. Къ Волынскому былъ допущенъ священникъ Ѳеодоръ Листіевъ, а къ Эйхлеру — лютеранскій пасторъ. Когда священникъ ушелъ, Волынский, обратившись къ своему караульному офицеру Коквинскому, сказалъ: „Я спалъ долго до прихода священника, шесть часовъ, и видѣлъ я во свѣтѣ церкви; въ церкви — совершенная темнота. Вхожу въ церковь, иду далѣе въ алтарь и спрашиваю, отчего свѣтъ не зажженъ? Ко мнѣ вышелъ именно этотъ священникъ, въ томъ самомъ одѣяніи, какъ теперь, а прежде я его никогда не видалъ, и говоритъ мнѣ: „ужо засвѣтятъ“^{б)}. Сожалѣя, что онъ не предупредилъ свою казнь самоубійствомъ, Волынский говорилъ тому же офицеру: „Просилъ я себѣ смерти, а какъ смерть объявлена, такъ не хочется умирать!“^{в)}

До какой степени Волынский былъ возбужденъ противъ своихъ враговъ, можно судить изъ того, что предъ самую исповѣдь, готовясь къ вѣрной смерти, онъ завелъ слѣдующій разговоръ съ своимъ духовникомъ о молитвѣ Господней: „вотъ въ сей Іисусовой молитвѣ написано „остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“; я не оставляю должникамъ своимъ; стало быть, я на себя того прошу, что я не оставляю — и мнѣ не оставъ? — Я такъ грѣшилъ, — продолжалъ Волынский, — что говаривалъ: „и даждь мнѣ, Господи, оставлять должникамъ моимъ“^{г)}.

^{а)} Тамъ же, стр. 239.

^{б)} Тамъ же, стр. 240.

^{в)} Тамъ же.

^{г)} Тамъ же.

25 іюня Волынскій попросилъ къ себѣ своихъ слѣдователей: Ушакова и Неплюева. „Виновать я передъ Богомъ и ея Императорскимъ Величествомъ,“ — каялся онъ имъ, — „что многое въ мерзкихъ словахъ и дерзостяхъ, и непорядочныхъ и противныхъ поступкахъ, и сочиненіяхъ, какъ о томъ прежде въ отвѣтахъ и въ розыскахъ показалъ, погрѣшеніе учинилъ; токмо прошу у ея Императорскаго Величества, чтобы за такія мои тяжкія вины не четвертовать“^{а)}. Потомъ Волынскій просилъ ихъ о неоставленіи и даже награжденіи его дѣтей; одежду, какая останется послѣ него въ крѣпости, онъ отказалъ своему духовнику Листіеву; золотой съ мощами крестъ несчастный отецъ просилъ передать сыну, а образъ въ кіотѣ съ серебрянымъ окладомъ — дочерямъ; остальные золотыя вещи продать и деньги раздать нищимъ. 26 іюня на Сытномъ рынкѣ, на Петербургской сторонѣ, былъ устроенъ эшафотъ, а 27 іюня рано утромъ совершена была казнь надъ Волынскимъ и его „конфидентами“. На другой день послѣ казни баронъ фонъ-Мардефельдъ писалъ своему королю: „Всемиловѣйшій Государь! съ чувствомъ глубочайшаго почтенія получилъ я рескриптъ Вашего Величества, касательно намѣреній и преступленій Волынскаго. Вчера утромъ, между 6 и 7 часами, ему отсѣкли сначала правую руку, а потомъ отрубили голову—ему, инженеръ-полковнику Еропкину и совѣтнику въ коллегіи адмиралтейства—Хрущову. Соймоновъ, вице-президентъ сказанной Коллегіи, получилъ 17 ударовъ кнута, а кабинетъ-секретарь Эйхлеръ 25 ударовъ и оба приговорены на каторжные работы въ Сибири на всю остальную жизнь, а переводчикъ въ Коллегіи Иностр. Дѣлъ Суда наказанъ плетью. Когда Волынскому читали приговоръ, произнесенный Сенатомъ и заключающій въ себѣ перечень преступленій, за что положено было ему вырвать языкъ и потомъ колѣсовать его живымъ; то онъ чуть было не уналъ на землю отъ ужаса, но когда узналъ, что Императрица смягчила наказаніе и перемѣнила его на вышесказанное, то онъ наклонилъ голову по направленію генерала Ушакова, въ знакъ благодарности; говорить же онъ не могъ, такъ-какъ въ ротъ ему былъ положенъ кляпъ. Увидѣвъ посреди окружающихъ эшафотъ придворнаго шута Петрильо, онъ сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы его удалили, и довольно мужественно выступилъ впередъ, чтобы выдержать наказаніе, предназначенное ему. *Всѣмъ показалось очень страннымъ, что казнь была исполнена въ день годовщины Полтавской битвы, т. е. день праздничный; говорятъ, будто-бы это сдѣлано потому, что Волынскій выбралъ этотъ день для приведенія въ исполненіе своего плана“*^{б)}. Обезглав-

^{а)} Тамъ же, стр. 240, ст. 2.

^{б)} Др. и Нов. Россія, 1876 г., № 1, стр. 102, письмо 4, и стр. 104, письмо 6.

ленные тѣла казненных цѣлый часъ оставались на эшафотѣ; затѣмъ ихъ отвезли на Выборгскую сторону, и, по совершеніи надъ ними церковнаго обряда, похоронили у церкви Св. Самсонія Странноприимца, построенной Петромъ Великимъ въ 1710 г., въ память Полтавской побѣды: память Св. Самсонія празднуется 27 іюня^{а)}.

Еще во дни своего могущества, перечитывая свой „генеральный прозектъ“, ^{б)} Волынский говорилъ: „я довольно ума имѣю, чтобы править государствомъ“, и, съ нѣжностью взглянувъ на своего сына, сказалъ: „счастливъ ты, сынъ, будешь, что такого отца имѣешь“ ^{в)}. Но этому „счастливцу“ пришлось пережить насильственную смерть отца и въ отроческомъ возрастѣ путешествовать въ далекую Сибирь, въ Селенгинскъ, куда онъ былъ отправленъ на третій день послѣ казни отца и прибылъ только 12 января слѣдующаго 1741 года. Здѣсь до 15-лѣтняго возраста, когда велѣно отдать его въ солдаты, онъ долженъ былъ находиться подъ строгимъ присмотромъ^{д)}: ему выдавали по 10 коп. въ сутки на содержаніе и запретили даже „вступать въ разговоры съ посторонними людьми“ ^{е)}. Сестры Петра Артемьевича Волынскаго, Марія и Анна, также въ одно время съ нимъ, но каждая въ особой повозкѣ, были отправлены въ ссылку, въ Сибирь, въ сопровожденіи „вдовой женки“. Марія Артемьевна была привезена 3 ноября того же 1740 г. въ Енисейскъ и на другой же день пострижена въ тамошнемъ Рождественскомъ монастырѣ, подъ именемъ Маріамны, на шестнадцатомъ году возраста. Старшую дочь Волынскаго, Анну Артемьевну, которой было не болѣе 18 лѣтъ отъ роду, отправили было въ Якутскъ, но такъ-какъ, по заявленію Синода, тамъ не было женскаго монастыря; то приказано было, во время уже нахождения ея въ пути, отвезти ее въ Иркутскъ, куда она прибыла 26 ноября 1740 г. и въ тотъ же день, подъ именемъ Анисіи, пострижена въ Знаменскомъ женскомъ 2 кл. монастырѣ, основанномъ въ 1693 году.

Съ казнью Волынскаго не прекратилось его дѣло: организована была особая слѣдственная комиссія, которая должна была привести въ извѣстность имущество Волынскаго и его „конфидентовъ“; членами этой комиссіи

^{а)} Во времена Анны Иоанновны Самсоніевское кладбище, подобно Спасскому въ Колтовской (при Петрѣ Великомъ), слѣдалось мѣстомъ для погребенія казненныхъ; при основателѣ же храма, здѣсь хоронили тѣла важныхъ особъ и сановниковъ изъ иновѣрцевъ: такъ въ январѣ 1719 г. здѣсь былъ погребенъ англичанинъ контръ-адмиралъ Падденъ. См. „Русск. Архивъ“, 1872 г., стр. 1644—1645, § 422. Слич. „Русск. Старина“, 1883 г., май, т. XXXVIII, стр. 469.; 1886 г., іюнь, стр. 711—724.

^{б)} Сущность этого прозекта см. въ „Русск. Стар.“ 1885 г., октябрь, стр. 36—43.

^{в)} „Др. и Нов. Россія“, 1877 г., № 8, стр. 290.

^{д)} П. А. Волынский былъ сланъ комменданту, бригадиру Бухгольцу.

^{е)} См. въ „Русск. Словѣ“ (1861, VIII, 22) статью Сельскаго: „Ссылка въ восточную Сибирь замѣчат. лицъ“.

были назначены: генераль-прокуроръ князь Н. Ю. Трубецкой, тайный совѣтникъ Ѳеодоръ Наумовъ, генераль-маіоръ Ив. Вахметевъ, совѣтникъ Ревизіонъ-коллегіи Ив. Масловъ и совѣтникъ Счетной конторы Военной коллегіи Ив. Дивовъ^{а)}. Различные домашніе припасы и принадлежности, какъ-то: мебель, золотыя и серебряныя вещи, посуда, бѣлье, вина и т. п. проданы съ аукціона, о чемъ и было опубликовано въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 9 и 12 сентября и 14 октября 1740 года^{б)}. Большой дворъ Волынскаго на Мойкѣ съ деревяннымъ домомъ, въ которомъ жилъ Артемій Петровичъ, достался президенту Коммерцъ-коллегіи барону фонъ-Менгдену^{в)}; каменный домъ, находившійся рядомъ съ нимъ, былъ назначенъ для служителей принца Брауншвейгскаго; дворъ съ каменными палатами на Адмиралтейскомъ островѣ, ниже Исаіевской церкви, по Невѣ—камергеру Стрѣшневу^{г)}; домъ на Фонтанкѣ, у Обуховскаго моста, назначенъ для содержанія придворной псовой охоты^{д)}. Книги Волынскаго были переданы въ Академію Наукъ и частію въ Герольдмейстерскую контору, а образа—въ Синодъ.^{е)} Деревни всѣ были „взяты на Императрицу^{ж)}“.

Покойный Е. П. Карновичъ въ своемъ изслѣдованіи: „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“, между прочимъ, говоритъ: „въ эпоху доносовъ, слѣдствій, ссылокъ и конфискацій, жились обыкновенно достояніемъ обвиненнаго его слѣдователи и судьи. Такъ паденіе и казнь Волынскаго послужили основаніемъ богатству Неплюевыхъ, такъ-какъ Ивану Ивановичу Неплюеву (род. 1693 г., ум. 1773 г.)^{з)}, бывшему въ числѣ слѣдователей по дѣлу Волынскаго, а также и исполнителемъ состоявшимся надъ нимъ приготора, по ходатайству графа Остермана, были пожалованы въ Малороссіи волость Ропская и мѣстечко Быково съ 2000 крестьянскихъ дворовъ. Имѣніе это приносило ему 30,000 р. ежегоднаго дохода по тогдашнему курсу. Императрица Елизавета Петровна отняла у него это имѣніе^{и)}. Такимъ образомъ Карновичъ утверждаетъ, что И. И. Неплюевъ „пожилъ“ изъ имѣній Волынскаго, какъ слѣдователь по его дѣлу, Ропскою волостью и мѣстечкомъ Быковымъ.

^{а)} Барановъ. Опис. Сен. арх. № 7685 (С. А. 60; 22—24).

^{б)} П. С. Зак., т. XI, стр. 175 и 176. Слич. Архивъ кн. Воронцова, т. I, стр. 194.

^{в)} Барановъ. Опис. Сен. арх., № 7751 (С. А. 60; 351).

^{г)} Тамъ же, № 7773 (С. А. 60; 407).

^{д)} Въ церкви Константиновскаго училища въ С.-Петербургѣ, взятой съ Волынскаго двора, по приказанію Императора Павла, находятся двѣ иконы Богородицы—Тихвинская и Знаменія, которыя были въ роду несчастнаго А. П. Волынскаго. См. „Старый Петербургъ“ Пылева, стр. 252 и 253. Слич. у Баранова. Опис. Сен. арх., № 7768 (С. А. 60; 391).

^{з)} Др. и Нов. Россія, 1877 г., № 11, 243. Отеч. Зап. 1860 г., № 6, 584—585.

^{и)} Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ объ основателѣ Оренбурга.

^{ж)} См. его книгу, изд. 1874 г., Спб., гл. XIV, стр. 244 и 245.

Считаю нравственною обязанностью снять съ почтенной памяти Ив. Ив. Неплюева это *несправедливое* обвиненіе Карновича, въ виду возстановленія исторической истины, тѣмъ болѣе, что мертвые лишены возможности самозащиты.

Книга Е. П. Карновича: „*Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи*“, говоря откровенно, написана съ рѣдкою самоувѣренностью, при недостаточномъ знакомствѣ съ фактами, и, кромѣ того, не чужда извѣстной тенденціозности и нѣкоторой сатирической окраски; исторія же прежде всего требуетъ отъ лицъ, занимающихся ею, внимательнаго изученія фактовъ и спокойнаго, объективнаго отношенія къ нимъ, съ точки зрѣнія эпохи обсуждаемыхъ лицъ и событій. Здѣсь, конечно, было бы неумѣстно указывать на различные промахи, которыми изобилуетъ книга Карновича; мы постараемся только доказать несправедливость его обвиненій, возводимыхъ имъ на Неплюева.

Изъ слѣдственнаго дѣла о Волынскомъ не видно, чтобы онъ имѣлъ какія-либо помѣстья въ Малороссіи; но мы знаемъ, что ему принадлежали: село Архангельское (Симбухино тожъ) и дер. Аркса въ Пензенскомъ уѣздѣ; село Васильевское въ Юрьевъ-Польскомъ уѣздѣ Костромской губерніи (тогда провинціи) и село Батыево въ Луховскомъ уѣздѣ той же губерніи^{а)}. Отецъ Волынского, Петръ Артемьевичъ имѣлъ 800 дворовъ^{б)}; но послѣ его смерти почти все его крестьяне разбѣжались, и его сынъ Артемій Петровичъ Волынский изъ разореннаго мачихой имѣнія, вмѣсто 800, получилъ только 37 дворовъ; при томъ онъ долженъ былъ „съ великимъ трудомъ“, въ продолженіе многихъ лѣтъ, собирать отцовскихъ крестьянъ, разбѣжавшихся отъ его мачихи. За первой своей женой, Александрой Львовной Нарышкиной, двоюродной сестрой Петра Великаго, Волынский получилъ 1400 душъ крестьянъ, но „въ такихъ помѣстьяхъ, гдѣ весьма мало и хлѣбъ родится“; на основаніи инструкціи Волынского его дворецкому Нѣминову^{в)}, можно предполагать, что помѣстья его жены находились въ Вологодской губерніи. Кромѣ того, у Волынского были имѣнія въ Казанской губерніи, въ составъ которой входила тогда и нынѣшняя Пензенская губернія, подъ именемъ провинціи, — въ одномъ изъ этихъ имѣній у Волынского былъ винокуренный заводъ^{д)}. Наконецъ, имѣются еще указанія на то, что у Волынского были свои собственные

^{а)} Д. А. Корсакова: „А. П. Волынский“ (Др. и Нов. Россія, 1876 г., № 1, стр. 47, примѣч. 5).

^{б)} Кашпиревъ. Памяти. нов. русск. истор., т. II, стр. 206.

^{в)} Въ этой инструкціи упоминается село Никольское, находящееся недалеко отъ Вологды. См. Москвитинъ, 1854 г., кн. 1 и 2.

^{д)} Дѣло о дворецкомъ Волынского. Бумаги И. П. Шульгина, №№ 81—171. См. въ „Др. и Нов. Россія“ статью Д. А. Корсакова: „А. П. Волынский“.

помѣстья и женщины вотчины въ Дмитровскомъ уѣздѣ подѣ Москвой^{а)}. Что же касается Ропской волости и мѣстечка Быкова въ Малороссіи, приписанныхъ почему-то Карновичемъ Волынскому; то эти помѣстья принадлежали прежде князю Александру Даниловичу Меньшикову, у котораго въ Малороссіи было, по заявленію самого же Карновича, 4 города, 88 сель, 99 деревень и одна волость.

На страницѣ 271 своей книги Карновичъ, между прочимъ, самъ же говоритъ: „конфискованныя у Меньшикова владѣнія были розданы въ разное время генералу Вейсбаху, фельдмаршалу графу Миниху, генералъ-аншефу Бирону, брату временника, дѣйствительному тайному совѣтнику Неплюеву и нѣкоторымъ другимъ“. — Изъ дѣлъ, хранящихся въ Государственномъ архивѣ, видно, что Неплюевъ получилъ въ Малороссіи еще Бакланскій дворецъ и мѣстечко Курово и что они раньше, какъ и волости Ямпольская и Чеховская, которыми послѣ наградила Неплюева Екатерина II, принадлежали князю Меньшикову, а потомъ графу Кириллу Алексѣевичу Разумовскому, удержавшему за собою, по уничтоженіи малороссійскаго гетманства, Бакланскій дворецъ, отнятый у Неплюева, во время слѣдствія надъ графомъ Остерманомъ въ 1741 году^{б)}. Далѣе намъ извѣстно изъ „Записокъ“ самого Неплюева, что императрица Анна Іоанновна *только общала* ему награжденіе деревнями и орденомъ Св. Александра Невскаго, въ случаѣ успѣшнаго окончанія порученнаго ему дѣла о разграниченіи земель между Россіей и Турціей по рѣкамъ Бугу и Днѣпру; но Анна Іоанновна, скончавшаяся 17 октября 1740 г., не дожила до окончанія этого дѣла, и Неплюевъ, какъ увидимъ это дальше, уже послѣ ея смерти, получилъ и орденъ Св. Александра Невскаго и деревни въ Малороссіи отъ правительницы Анны Леопольдовны^{в)}, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, отнеслась весьма сочувственно къ печальной судьбѣ дѣтей Волынскаго и приказала возвратить ихъ изъ ссылки. Карновичъ говоритъ, что Ропская волость и Быково приносили Неплюеву 30000 р. „ежегоднаго“ дохода; между тѣмъ извѣстно, что Неплюевъ не владѣлъ и четырехъ мѣсяцевъ этими имѣніями^{г)}, — когда же, какъ и кѣмъ могли быть опредѣлены „ежегодныя“ доходы съ нихъ для Неплюева? Что же касается доходности имѣній, принадлежавшихъ собственно Волын-

^{а)} Чт. Моск. Общ. истор. и древн. 1858 г., кн. 2.

^{б)} Осьмнадцат. Вѣкъ, 1868 г., кн. II, стр. 477, 552 и 598. Слич. Повѣствован. о Малой Россіи Регельмана, т. IV, стр. 22.

^{в)} Русск. Архивъ 1871 г., стр. 654 и 655.

^{г)} Указъ о пожалованіи Неплюева въ Малороссіи Ропскою волостью, Быковымъ и Бакланомъ состоялся 11 августа 1741 года; слѣдовательно не болѣе какъ за четыре неполные мѣсяца до ареста Неплюева, когда его лишили этихъ имѣній. См. Описан. Сен. арх. Баранова, т. II, № 8556 (С. А., СХLII, 95).

скому; то его помѣстья далеко не были такъ прибыльны: во время губернаторства въ Астрахани и потомъ въ Казани, Волынской, по собственному его признанію, получалъ съ нихъ деньгами не болѣе 500 рублей^{а)}.

Итакъ, заявленіе Карновича, что И. И. Неплюевъ „пожилъ“ изъ имущества Волынскаго Ропскою волостью и мѣстечкомъ Быковымъ, и будто „тѣмъ положилъ основаніе богатству своего рода“—несправедливо. Ропская волость и Быково, какъ мы доказали, никогда и не принадлежали Волынскому и уже поэтому не могли быть у него отняты, въ чью-бы то ни было пользу. Имѣнія эти раньше принадлежали князю Меншикову и пожалованы Неплюеву Анной Леопольдовной, отнесшейся съ полнымъ участіемъ къ судьбѣ дѣтей Волынскаго. Неплюевъ не былъ и четырехъ полныхъ мѣсяцевъ владѣльцемъ этихъ имѣній, и потому не могъ опредѣлить размѣра „ежегодныхъ“ доходовъ съ нихъ; доходы же Волынскаго съ его вотчинъ были весьма скудны, — вотъ тѣ выводы, къ которымъ приводятъ насъ историческія данныя.

Такимъ образомъ изъ самаго процесса надъ Волынскимъ видно, что Неплюеву принадлежала въ немъ болѣе полицейская и исполнительная роль, чѣмъ какое-либо рѣшающее значеніе въ судьбѣ Волынскаго, да и въ этомъ случаѣ Неплюевъ былъ какъ-бы только помощникомъ такого „лукаваго сыщика и ловкаго заплочнаго мастера,“ какимъ былъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, главный начальникъ Тайной канцеляріи розыскныхъ дѣлъ. Что же касается направленія и хода этого процесса, то все пружины его были въ рукахъ Остермана. Въ то время, какъ Биронъ на колѣняхъ упрашивалъ Императрицу отдать Волынскаго подъ судъ и твердилъ: „или я, или онъ!“ — Остерманъ составилъ особое мнѣніе и прозектъ на имя Императрицы Анны Иоанновны, въ которомъ указываетъ, съ чего лучше начать дѣло Волынскаго, какъ арестовать его; изъ кого организовать судную комиссію; чѣмъ открыть ея дѣятельность; какія предъявить подсудимому обвиненія и вопросные пункты; кого еще арестовать и привлечь по этому дѣлу и т. п.

Остерманъ, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ зналъ объ отношеніяхъ Волынскаго къ другимъ сановникамъ, и, конечно, постарался, чтобы въ числѣ судей Волынскаго непременно были и тѣ, которые лично ненавидѣли Волынскаго, какъ, напримѣръ, князь Куракинъ, заклятый врагъ Волынскаго. Однажды онъ началъ хвалить Императрицу за то, что она приводитъ въ исполненіе предначертанія ея дяди, Петра I, но при этомъ замѣтилъ, что одно только изъ нихъ еще не исполнено. „Что же такое?“ спросила императрица.

^{а)} „Др. и Нов. Россія,“ 1877 г., № 6, стр. 378. „А. П. Волынскій“, —ст. Д. А. Корсакова.

„Петръ I,“ — отвѣчалъ Куракинъ, — „нашелъ Волынскаго на такой дурной дорогѣ, что накинулъ ему на шею веревку; такъ-какъ Волынскій послѣ того не исправился, то если Ваше Величество не затянете узелъ, намѣреніе Императора не исполнится“^{а)}. С. М. Соловьевъ говоритъ, что Волынскій и Тредьяковскаго избилъ потому, что онъ былъ кліентомъ Куракина и, въ угоду ему, написалъ „басенку“, или пѣсню: „Самохвалъ“, относящуюся къ самому видному недостатку Волынскаго и къ обстоятельствамъ его жизни^{б)}. Кромѣ князя Куракина, Волынскій имѣлъ еще врага въ лицѣ адмирала Головина, который сердился на кабинетъ-министра за открытые имъ безпорядки по адмиралтейству. Графъ Чернышевъ такъ же, какъ и Куракинъ, не былъ расположенъ щадить Волынскаго, который разъ, во время допросовъ, замѣтилъ ему: „Не поступай со мною сурово, Григорій Петровичъ! вѣдаю я, что ты таковъ же горячъ, какъ и я; дѣтокъ имѣешь, — воздастъ Господь дѣткамъ твоимъ!“^{в)} — Опередивъ въ умственномъ развитіи многихъ изъ своихъ современниковъ, Волынскій въ нравственномъ отношеніи оставался вѣренъ принципамъ своего времени. Онъ не доразвился еще до той высоты, на которой уже нѣтъ для человѣка различія между словомъ и дѣломъ, между пониманіемъ истины и добра и ихъ примѣненіемъ въ жизни. Благодаря своему уму, онъ сознавалъ необходимость и возможность протеста противъ ненормальнаго порядка вещей, противъ господствовавшихъ въ Россіи иноземцевъ, въ сердцѣ же былъ очень доволенъ положеніемъ сильнаго, живущаго насчетъ слабаго, и одной рукой излагая прогрессивныя мысли объ искорененіи безпорядковъ, злоупотребленій и насилія, другой, а иногда и обѣими, раздавалъ зуботычины и палочные удары. „Гнѣвъ Волынскаго“ — говоритъ его біографъ, — „не зналъ предѣловъ. Онъ обнажалъ шпагу, топталъ ногами несчастную жертву своего гнѣва, билъ нещадно по щекамъ, таскалъ за волосы, истязалъ на самыя разнообразныя манеры“^{г)}. Онъ былъ жестокъ и мстителенъ и въ преслѣдованіи врага не затруднился въ средствахъ: ⁽¹³⁾ доносы, клевета, просто сплетня, и наряду съ этимъ лесть, низвопоклонство, — все это пускалось имъ въ ходъ^{д)}. Всѣ способности своего ума, всѣ стороны своего характера

^{а)} С. М. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XX, 439.

^{б)} Тамъ же, стр. 257. Академикъ Пекарскій, профессоръ Буличъ и др. біографы Ломоносова считаютъ стихотвореніе Тредьяковскаго „Самохвалъ“ за пасквиль на Ломоносова. См. Сборн. матер. для истор. Академіи Наукъ въ XVIII в., т. I, стр. XLIX, прим. 60. Ср. Пекарскаго: „Истор. Акад. Наукъ“, II, стр. 166.

^{в)} Отеч. Зап. 1860 г., № 6, стр. 542.

^{г)} Возьмите, напримѣръ, его расправу съ В. К. Тредьяковскимъ во дворцѣ Бирона, или — его издѣвательство надъ княземъ Егоромъ Мещерскимъ. См. примѣчаніе 13.

^{д)} Д. А. Корсаковъ. См. его біогр. очеркъ: „А. П. Волынскій“ (въ „Др. и Нов. Россіи“, 1877 г., № 11, стр. 252.)

онъ употреблялъ на интригу для своего возвышенія^{а)}. Во время губернаторства въ Казани, онъ вымогалъ у инородцевъ сборы „смертными побоями:“ били ихъ деньщики Волынского, били губернаторскіе чиновники. Самъ Волынскій дрался жестоко и обращался со всѣми высокомерно и грубо. Онъ самовольно отрѣшалъ отъ должности чиновниковъ; многіе изъ нихъ, а за ними нѣкоторые посадскіе и помѣщики, спасались отъ самоуправства Волынского бѣгствомъ изъ Казани. Точно такъ же, какъ съ нимъ поступали его слѣдователи, Волынскій поступилъ съ кн. Голицынымъ, князьями Долгоруковыми и съ Жолобовымъ^{б)}. Не даромъ же графъ Ягужинскій, такъ мѣтко и пророчески выразился о немъ, находясь уже на смертномъ одрѣ: „Я предвижу, что Волынскій, посредствомъ лести и интригъ, пробьется въ кабинетъ-министры, но не проидетъ и двухъ лѣтъ, какъ принуждены будутъ его повѣсить!“^{в)} — Баронъ Аксель фонъ-Мардефельдъ, между прочимъ, писалъ своему королю: „большинство единомышленниковъ Волынского приняли въ заговоръ участіе на столько, на сколько онъ касался герцога Курляндскаго и нѣкоторыхъ иностранцевъ, и никакъ не захотѣли бы имѣть его своимъ повелителемъ; кромѣ того, онъ ненавидимъ и презираемъ почти всѣми знатными семействами. Умный и достойный человѣкъ сказалъ мнѣ третьяго дня, что проектъ Волынского былъ такъ глупо задуманъ и дурно приведенъ въ исполненіе, что ему слѣдовало бы дать пощечину еще въ то время, когда онъ былъ кабинетъ-министромъ“^{г)}. Остерманъ, безъ сомнѣнія, отлично зналъ объ этой ненависти къ Волынскому русскихъ знатныхъ фамилій и, не рискуя, могъ рассчитывать на успѣхъ своего злаго умысла; напротивъ, если бы Волынскій пользовался любовью и уваженіемъ среди русскихъ знатныхъ родовъ, преданностью ему низшаго класса и особенно войска, хитрый нѣмецъ не отважился-бы тогда погубить кабинетъ-министра. Артемій Петровичъ хотя и усердно изучалъ Макиавелли, но самъ же не разъ повторялъ любимую поговорку юродиваго Тимофея Архипыча: „намъ русскимъ не надобенъ хлѣбъ: мы другъ друга ѣдимъ и сыты бываемъ“^{д)}. — На этой-то взаимной враждѣ русскихъ и ненависти ихъ къ Волынскому Остерманъ и основалъ свой планъ, чтобы погубить кабинетъ-

^{а)} Тамъ же, № 6, стр. 101, зам. 12.

^{б)} Тамъ же, № 5, стр. 29 и № 11, стр. 253 и 254.

^{в)} С. М. Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XX, 426.

^{г)} Др. и Нов. Россія, 1876 г., № 1, стр. 103, письмо 5.

^{д)} Юродивый Тимофей Архипычъ пользовался особымъ почетомъ у царицы Прасковьи Феодоровны и ея дочери, императрицы Анны Іоанновны; онъ также хорошо былъ принятъ у Салтыковыхъ, изъ рода которыхъ происходила Прасковья Феодоровна, и во многихъ другихъ старинныхъ домахъ. Тим. Архипычъ умеръ 29 октября 1731 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Чудовомъ монастырѣ. См. „Русск. Архивъ“ 1874 г., т. I, стр. 612—620. Ср. Старый Петербургъ М. И. Пыляева, Сиб. 1886—1887 г., стр. 244.

министра, котораго онъ ненавидѣлъ какъ государственнй дѣятель своего политическаго противника, какъ плебей родовитаго челоѣка, какъ нѣмецъ русскаго. Организуя судную комиссію исключительно изъ русскіхъ сановниковъ, Остерманъ тѣмъ самымъ какъ-бы искупалъ ихъ вѣрноподданническую преданность Императрицѣ. Съ другой стороны такимъ составомъ суда иноземное правительство Анны Іоанновны, очевидно, желало доказать европейскому общественному мнѣнію непопулярность Волынскаго и его кружка среди русскіхъ ^{а)}. Можно съ увѣренностью сказать: осмѣлся кто-нибудь въ одиночку и открыто защищать Волынскаго, во время суда надъ нимъ, ему-бы пришлось такъ же, какъ и „конфидентамъ“ Волынскаго, проститься съ жизнью на Сытномъ рынкѣ 27-го іюня 1740 года. Въ ужасную эпоху иноземнаго правительства въ Россіи, чтобы уцѣлѣть самому, нужно было сдѣлаться или шутомъ или злодѣемъ, въ угоду и къ выгодѣ временщиковъ; кто не могъ быть шутомъ, подобно Голицыну, Волконскому и Апраксину, — тотъ дѣлался, хотя-бы невольно и на время, злодѣемъ, — таково было время, таковы нравы! — Можно-ли послѣ всего этого обвинять въ смерти Волынскаго Неплюева, какъ недобросовѣстнаго слѣдователя по его дѣлу?! Это было бы столь же справедливо, какъ и обвиненіе Карновича, что Неплюевъ „пожился“ изъ имущества казненаго Волынскаго, о чемъ мы уже сказали выше.

Какъ чувствовалъ себя Остерманъ послѣ казни Волынскаго, этого, вѣроятно, не могли-бы сказать и самые приближенные къ нему изъ его современниковъ; Биронъ же не скрывалъ своего удовольствія и нѣсколько дней сряду былъ необыкновенно милъ, любезенъ и доступенъ. Князь Я. П. Шаховскій разсказываетъ въ своихъ Запискахъ, что когда онъ, вскорѣ послѣ казни Волынскаго, получивъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и „главнаго въ полиціи“, явился благодарить Бирона, то гордый своею властью временщикъ сказалъ ему: „а ты промѣнялъ было меня на Волынскаго! Но я сіе предаю теперь на забвеніе“, — весело продолжалъ Биронъ, — „и въ томъ будьте увѣренны, что я вашъ всегдашній доброжелатель“.

Остерманъ не ошибся въ успѣхъ своего злаго умысла; но онъ напрасно обольщалъ себя надеждой, что со смертью Волынскаго восторжествуетъ иноземная партія: Волынскаго и его „конфидентовъ“ зарыли въ сырую могилу и распорядились ихъ имуществомъ; но нельзя было сдѣлать того

^{а)} „Русск. Стар.“ 1885 г., октябрь, стр. 51.

же съ общимъ недовольствомъ народа, съ сильною ненавистью противъ иноземнаго правительства въ Россіи. Если у Волынскаго было много враговъ изъ русскихъ, при его жизни; то они простили ему все, послѣ его страдальческой кончины, и еще больше возненавидѣли иноземное господство въ Россіи, которое всѣмъ классамъ народа было противно. Баронъ фонъ-Мардефельдъ, черезъ недѣлю послѣ казни Волынскаго, писалъ Фридриху II: „Дворъ тщательно скрываетъ до сихъ поръ настоящія обстоятельства заговора, даже Сенату, собранному для суда надъ виновными, не было сообщено другихъ обвинительныхъ пунктовъ, какъ только тѣ 4, которые были публично прочитаны за нѣсколько минутъ до казни и о которыхъ я уже имѣлъ честь докладывать въ одной изъ моихъ предшествовавшихъ реляцій...“^{а)} Многіе того мнѣнія, что Дворъ поступилъ-бы гораздо лучше, если бы наказалъ какъ можно строже этого негодяя, потому что смягченіе приговора возбудило въ русскихъ, незнающихъ тайныхъ обстоятельствъ дѣла, то подозрѣніе, что онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить Императрицу, а только *хотѣлъ удалить иностранцевъ* отъ Двора, такъ-что не смотря на ненависть, которую они къ нему питали, *теперь они глядятъ на него какъ на мученика за правое дѣло*“^{б)}. — Далѣе Мардефельдъ пишетъ: „Князю Черкасскому“^{в)} съ его клеветами былъ, какъ утверждаютъ, извѣстенъ планъ Волынскаго, на сколько онъ касался нѣмцевъ; но Дворъ *заминаетъ* это дѣло и прекращаетъ розыски изъ боязни, что въ немъ окажутся замѣшанными большая часть *самыхъ знатныхъ семействъ*“^{д)}. Уже по одному *желчному* тону этого письма можно было бы догадаться, что нѣмцамъ жутко становилось въ Петербургѣ; но въ немъ есть и весьма существенныя данныя, указывающія на то, что всѣ симпатіи русскихъ были теперь на сторонѣ Волынскаго и его „конфидентовъ“; наступала пора расчета съ иноземнымъ правительствомъ въ Россіи.

Спустя три съ небольшимъ мѣсяца послѣ казни Волынскаго, умерла Анна Иоанновна, напуганная, какъ говорятъ, привидѣніемъ въ своемъ дворцѣ (14). Въ ночь съ 7 на 8 ноября 1740 г. былъ низверженъ Минихомъ Биронъ. Правительница Анна Леопольдовна, 31 января 1741 г., приказала: „сына и дочерей Волынскаго освободить и если дочери уже пострижены, то снять съ нихъ монашескій чинъ и всѣхъ отпустить на жительство

^{а)} Эти четыре пункта слѣдующіе: 1) измѣна Императрицѣ; 2) подстрекательство къ бунту; 3) невѣрность при исполненіи долга, и 4) лихоимство и кражи. См. Др. и Нов. Росс., 1876 г., № 1, стр. 102, письмо 4.

^{б)} Тамъ же, стр. 104.

^{в)} Тамъ же. Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, кабинетъ-министръ.

^{д)} Тамъ же.

въ Москву, въ домъ дѣйств. тайнаго сов. Александра Нарышкина^{а)}. Въ маѣ 1741 года, дѣти Волынскаго уже были у своего дяди (по матери) Александра Львовича Нарышкина^{б)}. Императрица Елизавета Петровна еще болѣе оказала вниманія дѣтямъ Волынскаго: 8 января 1742 года былъ объявленъ указъ, которымъ повелѣвалось: „всѣ Волынскаго деревни и дворы, хотя-бы которые изъ оныхъ и розданы были, также и оставшіеся за продажею пожитки его, *отдать дѣтямъ въ вѣчное и потомственное владѣніе*“^{в)}. Елизавета Петровна и раньше находилась въ родствѣ съ Волынскими: она была, по женѣ Волынскаго, внучатной сестрой его дѣтей, а теперь она пожелала породниться съ ними еще ближе. Незадолго до своей коронаціи, она выдала старшую дочь Волынскаго, Анну Артемьевну за своего двоюроднаго брата, роднаго племянника Екатерины I, графа и камергера Андрея Симоновича Гендрикова^{д)}, а 25 апрѣля, въ день своей коронаціи, пожаловала ее статсъ-дамой^{е)}. Марія Артемьевна была выдана за генераль-поручика графа Ивана Иларіоновича Воронцова^{ж)}, находившагося также въ свойствѣ съ Императрицей по Скавронскимъ и роднаго дяди извѣстной княгини Дашковой^{з)}. Сильныя душевныя потрясенія, которыя выпали на долю несчастныхъ дѣтей Волынскаго, и путешествіе въ восточную Сибирь, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ дорожной обстановки и въ распутицу, не могли не повліять дурно на ихъ здоровье: Петръ Артемьевичъ умеръ холостымъ, не достигши и тридцати-лѣтняго возраста; Анна Артемьевна, схоронивъ черезъ 6 лѣтъ послѣ брака своего мужа, умершаго на 33 году жизни, такъ же скончалась въ молодыхъ годахъ, не имѣя и 40 лѣтъ отъ роду^{и)}; Марія Артемьевна, плакавшая

^{а)} Александръ Львовичъ Нарышкинъ, одинъ изъ любимцевъ Петра Великаго, род. 26 апр. 1694 года, ум. 25 апр. 1745 г. Родная сестра его, Александра Львовна Нарышкина, была первою женою А. П. Волынскаго. Она вышла за мужъ за Волынскаго весной 1722 г. и скончалась 12 сентября 1730 года въ Казани, оставивъ мужу двухъ дочерей: Анну и Марію и сына Петра. По свидѣтельству Языкова, Волыскій во второй разъ былъ женатъ на сестрѣ Еропкина, казеннаго также 27 іюня 1740 г. См. „Др. и Нов. Россія.“ 1877 г., № 8, стр. 277.

^{б)} Въ „Русск. Старинѣ“ (1883 годъ, т. XXXVIII, стр. 465) говорится, что дѣти Волынскаго 28 іюля 1741 года были только въ Tobольскѣ, на обратномъ пути въ Россію; но это едвали вѣрно. См. очеркъ Д. А. Корсакова: „А. П. Волынский“, гдѣ онъ ссылается (Др. и Нов. Россія, 1877 г., № 11, стр. 246) на опредѣленіе Сената, отъ 13 февр. 1758 г., „объ истребов. изъ канцеляріи конфискаціи книгъ Волынскаго“.

^{в)} Барановъ. Описан. сенатск. архива, т. II, № 8722. (Сен. Арх. 66; 122).

^{д)} Род. въ 1715 г., ум. въ 1748 г. бездѣтнымъ.

^{е)} П. О. Карабанова: „Статсъ-дамы и фрейлины русск. Двора въ XVIII ст.“ въ „Русск. Стар.“ 1870 г., т. II, изд. I, стр. 488—489.

^{ж)} Род. въ 1719 г.

^{з)} Окончательно фамилія Волынскихъ пресѣклась въ 1837 году со смертію послѣдняго потомка Ив. Мих. Волынскаго—Михаила Михайловича, который завѣщалъ часть своихъ имѣній дѣтямъ князя Николая Андреевича Долгорукаго. Представительницей потомства А. П. Волынскаго въ позднѣйшее время является княгиня Ирина Ивановна Паскевичъ, урожд. графиня Воронцова-Дашкова. (См. Е. П. Карновича: „Замѣчат. богат. частн. лицъ въ Россіи“, стр. 244) и теперь Н. П. Селифонтова (Рус. Стар. 1886 г., іюнь).

^{и)} Авторъ статьи: „Могила Волынскаго“ (Русск. Стар. 1883 г., май, стр. 465) П. К. говоритъ, что обѣ дочери Волынскаго скончались въ преклонныхъ годахъ; но это вѣрно лишь по отношенію къ одной—Маріи Артемьевнѣ Воронцовой.

по отцѣ до отчаянія и едва нелишившаяся оттого зрѣнія, дожила, однакожь, до старости и умерла на 68 году своей жизни ^{а)}.

Казнь А. П. Волынского и его сообщниковъ, жестокая сама по себѣ, не составляетъ однакожь исключенія изъ цѣлаго ряда такихъ же и болѣе тяжелыхъ казней; но никто не приобрѣлъ себѣ такой популярности мученика-патріота, какъ Волынской и его единомышленники: Хрущовъ и Еропкинъ. Патріотическія стремленія Волынского и его, по-истинѣ, страдальческая кончина заставили забыть даже его ближайшихъ потомковъ объ жестокостяхъ Артемія Петровича, объ его казнокрадствѣ, издѣвательствѣ надъ людьми, ему подчиненными, объ его изобрѣтательности въ истязаніи и униженіи ближняго,—и Волынской сдѣлался идеаломъ патріота-гражданина. Графъ Н. И. Панинъ, читая дѣло о Волынскомъ, едва не былъ разбитъ параличемъ ^{б)}. Императрица Екатерина II оставила своему сыну и всѣмъ потомкамъ особое завѣщаніе по дѣлу Волынского, въ видахъ предостереженія „отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ“ ^{в)}. Называя Волынского „гордымъ и дерзостнымъ“, Екатерина II говоритъ: „Волынской былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнилъ; но, напротивъ того, былъ добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества. Итакъ ^{д)}, смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ. Еслибы Волынской при мнѣ былъ, и я бы усмотрѣла его способности въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ; я бы старалась всякими для него неогорчительными способами привести его на путь истинный, а еслибы я увидѣла, что онъ не способенъ къ дѣламъ, я-бъ ему сказала прямо или дала разумѣть, не огорчая его: будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты не надобенъ“. Такимъ образомъ, *невинность Волынского признана была съ высоты трона*, еще въ прошломъ столѣтіи. Императоръ Павелъ Петровичъ внимательно изучалъ дѣло Волынского: послѣ его смерти въ кабинетѣ найдены цѣлыя связки бумагъ изъ дѣла о Волынскомъ. Въ царствованіе Императора Александра I, Волынской привлекалъ къ себѣ вниманіе и симпатіи прогрессистовъ и либераловъ, а декабристы видѣли въ Волынскомъ инициатора національнаго политическаго воззрѣнія въ рускомъ обществѣ. Н. Н. Тургеневъ въ своей книгѣ: „La Russie et les Russes“ ^{е)} представилъ Волынского жертвой перваго политическаго процесса въ Россіи. Императоръ

^{а)} Марія Артемьевна Волынская родилась въ 1725 г., умерла въ 1793 году. См. Русск. Родосл. Книг., изд. „Русск. Старины“, 1873 г., Спб., стр. 147.

^{б)} Записки Порошина, стр. 74 и 75.

^{в)} Чт. Моск. Общ. Истор. и др. 1858 г., кн. IV, Смѣсь, 143—144.

^{г)} Сborn. Импер. Русск. Истор. Общ., изд. 1872 г., т. X, стр. 56—57. См. Отеч. Зап. 1860 г., № 6. 591—592.

^{е)} La Russie et les Russes, Bruxelles, 1847, t. I., p. 286—287.

Николай I поручилъ графу Д. Н. Блудову составить особую „Записку о дѣлѣ Волынскаго“^{a)}. Наконецъ, личность Волынскаго сдѣлалась предметомъ живописи и поэтическихъ произведеній: К. Θ. Рылѣевъ, Лажечниковъ и А. Θ. Писемскій идеализировали личность Артемія Волынскаго въ своихъ произведеніяхъ: первый въ своихъ думахъ: „Волынскій“ и „Голова Волынскаго“^{b)}; второй въ романѣ: „Ледяной Домъ“⁽¹⁵⁾; и третій въ драмѣ: „Поручикъ Гладковъ“⁽¹⁶⁾.— Въ сороковыхъ годахъ о Волынскомъ были различныя мнѣнія: „Какъ историческое лицо“,— говоритъ Бѣлинскій,— „Волынскій и теперь еще загадка: одни видятъ въ немъ героя, мученика за правду, другіе отрицаютъ въ немъ не только патріота, но и порядочнаго человѣка.“^{c)} Въ 1860 г. въ „Отеч. Запискахъ“ былъ напечатанъ историческій очеркъ І. И. Шишкина: „Артемій Петровичъ Волынскій“^{d)}; авторъ выдвинулъ на первый планъ черныя, несимпатичныя черты его характера, но и это не затмило идеализированной личности Волынскаго: профессоръ исторической живописи В. И. Якобіи воспроизвелъ нѣкоторые эпизоды изъ его жизни въ своихъ прекрасныхъ картинахъ: „Придворныя забавы Анны Іоанновны“, „Засѣданіе въ кабинетѣ министровъ“, „Ледяной Домъ“ и др. Такое увлеченіе личностью Волынскаго съ одной стороны и противоположное мнѣніе о немъ—съ другой, безъ сомнѣнія, зависѣли отъ недостаточнаго знакомства съ личностью и характеромъ самого Волынскаго и его временемъ. Этотъ пробѣлъ пополнилъ въ 1876—1877 г. профессоръ Д. А. Корсаковъ, напечатавъ въ „Др. и Нов. Россіи“ свою весьма обстоятельную монографію: „Артемій Петровичъ Волынскій“, составленную съ рѣдкой добросовѣстностью и полнымъ вниманіемъ къ дѣлу“^{e)}.— „Волынскій“,— замѣчаетъ его біографъ,— „оставилъ по себѣ особо-яркій свѣтъ въ памяти потомства и идеализированъ въ преданіи и въ поэтическихъ произведеніяхъ потому, что былъ послѣдней жертвой Бироновицкины, жившейся въ представленіи Русскаго народа олицетвореніемъ его угнетенія и безправія. Казнь Волынскаго и его „конфидентовъ“, жестокая сама по себѣ, такъ же, какъ и личность Волынскаго—выраженіе времени.... Намѣренія Волынскаго о государственномъ переворотѣ не были приведены въ исполненіе и остались въ области предположеній,

^{a)} Эта Записка составляетъ далеко неполное извлеченіе изъ дѣла.

^{b)} Это стихотвореніе было впервые напечатано въ 1859 и 1860 г. по невѣрнымъ спискамъ; затѣмъ оно было вновь напечатано съ подлинной рукописи Рылѣева въ „Русск. Стар.“ за 1870 г., (См. изд. 3-е, т. II, стр. 632—634). Темой для него послужило преданіе о томъ, будто бы призракъ казненаго Волынскаго являлся Императрицѣ Аннѣ въ залахъ Зимняго Дворца, незадолго до ея смерти.

^{c)} „Др. и Нов. Россія“, 1886 г., № 1, стр. 46.

^{d)} От. Зап. 1860 г., № 6.

^{e)} За 1876 г. № 1; и 1877 г., №№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11. Въ 1885 г. Д. А. Корсаковъ, по просьбѣ редактора „Русской Старины“, М. И. Семевскаго, сдѣлалъ,

замыселъ же о провозглашеніи Волыньскимъ самого себя государемъ совершенно не доказанъ“ а).

Вдумываясь въ мотивы дѣятельности Волыньскаго и анализируя его характеръ и поступки, на основаніи имѣющихся о немъ историческихъ данныхъ, мы находимъ преувеличеннымъ мнѣніе тѣхъ, которые желаютъ видѣть въ несчастномъ Волыньскомъ человѣка „неподкупной честности и государственнаго сановника, пожертвовавшаго собою за благо отечества“. Исторія, какъ служительница истины, не можетъ руководиться извѣстнымъ стереотипнымъ выраженіемъ: „de mortuis aut bene, aut nihil“; напротивъ, она, какъ „священная книга“, по выраженію Н. М. Карамзина, должна каждому дѣятелю воздавать лишь по его *дѣйствительнымъ* заслугамъ и отводить соотвѣтствующее ему мѣсто въ ряду другихъ его современниковъ. Волыньскій, стремившійся къ господству надъ другими, всегда былъ *работъ своихъ сильныхъ страстей* и еще больше служилъ и *потворствовалъ* страстямъ другихъ, если находилъ это выгоднымъ для себя. Какъ *карьеристъ*, онъ считалъ позволнными всѣ средства для достиженія цѣли, и потому нерѣдко правила строгой нравственности и гражданскаго долга, даже основы человѣческаго достоинства приносилъ въ жертву своимъ честолюбивымъ расчетамъ. Не смотря на это, Артемій Петровичъ всетаки не заслужилъ такого безчеловѣчнаго и жестокаго насилія надъ нимъ, а тѣмъ болѣе надъ его дѣтьми, какое выпало на его несчастную долю. Но эта жестокая сама по себѣ казнь Волыньскаго, пострадавшаго хотя бы за *тайную и только теоретическую* оппозицію иноземному владычеству въ Россіи, вполне искупила его недостатки и пороки. Дѣятельность Волыньскаго и замыслы этого, безспорно, *даровитаго* человѣка, а равно и поступки его сообщниковъ, сдѣлались теперь достояніемъ исторіи, и общественная совѣсть помирилась съ ихъ памятью.—Сочувствіе интеллигентнаго русскаго общества къ ихъ *горестной* участи краснорѣчиво выразилось въ постановкѣ памятника надъ ихъ могилой⁽¹⁷⁾, который воздвигнуть на частныя средства, благодаря инициативѣ и живому участию почтеннаго редактора „Русской Старины“, М. И. Семева^{б)}.

такъ сказать, экстрактъ изъ этой монографіи, который и былъ напечатанъ въ октябрьской книжкѣ „Русск. Старины“ за 1885 г., стр. 17—64.

а) „Русск. Стар.“ 1885 г., октябрь, стр. 53—54.
б) Подписка на сооруженіе памятника была открыта въ маѣ 1883 г., въ декабрѣ 1885 г. памятникъ былъ оконченъ и поставленъ на мѣсто, а 15 марта 1886 г. настоятель церкви св. Самсонія, о. Владиміръ отслужилъ предъ новымъ памятникомъ панихиду, въ присутствіи М. И. Семева, строителя памятника профессора М. А. Щурупова, В. В. Еропкиной и др. лицъ.

ГЛАВА V.

Награды иностранных пословъ.—Приготовленія къ приему турецкаго и персидскаго посольствъ.—Кончина Ѳедосѣи Ѳеодоровны Неплюевой.—Неплюевъ награждается орденомъ Св. Александра Невскаго и деревнями въ Малороссіи.—Назначеніе его командиромъ Малороссіи и женитьба на А. И. Паниной.—Интриги Франціи, поведеніе Швеціи и вступленіе на престолъ Елизаветы Петровны.—Арестъ Неплюева и конфискація его помѣстій.—Оправданіе и назначеніе Неплюева въ Оренбургъ.

Изъ паденія моего можно тебѣ разсуждать.

(Волинскій—Неплюеву).

Я во всю мою жизнь и всѣмъ бывшимъ на престолѣ службу отправлялъ по всей возможности силъ моихъ, и ни въ какія придворныя дѣла никогда и нисколько не мѣшался.

(Неплюевъ, по объявленіи ему ареста).

Когда не стало Волинскаго съ его широкими „проектами“ и патріотическими стремленіями, Остерманъ и Биронъ, особенно въ первое время, не опасаясь протеста, дѣйствовали вполнѣ свободно и старались расположить къ себѣ другихъ. Въ то время, какъ народъ изнемогалъ подъ тяжестью уплаты накопившихся на немъ недоимокъ, русскія деньги щедро раздавались иностранцамъ: польскій посланникъ Огинскій и австрійскій—Маркизь де-Ботта, при отъѣздѣ ихъ изъ Россіи, получили по 6000 р. каждый^{a)}; саксонскій посолъ фонъ-Зумъ (Суммъ)—3000 р.^{b)}, а делегатъ, присланный отъ короля Польскаго съ поздравленіемъ о заключеніи мира Россіи съ Турціей—2000 р.^{c)} Въ то же время въ Петербургѣ тщательно готовились ко встрѣчѣ и приему турецкаго и персидскаго посольствъ, на что также не жалѣли денегъ.—10 іюля 1740 года состоялся именной указъ о командированіи генераль-маіора и сенатора Никиты Румянцева, для встрѣчи на границѣ и сопровожденія турецкаго чрезвычайнаго посольства^{d)}, а генераль-маіору Шипову высочайше повелѣно заготовить въ Малороссіи помѣщеніе и припасы для посольства, — и вообще, содѣйствовать Румянцеву въ порученномъ ему дѣлѣ^{e)}. Кромѣ годового оклада жалованья,

^{a)} Барановъ. Описан. Сенат. арх., №№ 7611 (С. А. LXXXVII, 24) и 7707 (С. А. LXXXVII, 26).

^{b)} Тамъ же, № 7790 (С. А. LXXXVII, 28).

^{c)} Тамъ же, № 7713 (С. А. LXXXVII, 27).

^{d)} Тамъ же, № 7705 (С. А. 60; 111).

^{e)} Тамъ же, № 7708 (С. А. 60; 377).

Румянцевъ получилъ 1500 р. на собственные расходы и 20,000 руб. на содержаніе турецкаго посла, наши Янжиклы-Бей-Али-Эфендія, съ его свитою^{а)}. Для письменнаго веденія дѣлъ къ Румянцеву былъ назначенъ секретарь Сената Алексѣй Протасовъ^{б)}. Всѣ дороги, мосты и „путевыя дворцы“ по тракту отъ Малороссіи до Петербурга, чрезъ Москву, велѣно исправить и всюду заготовить „столовые припасы“ для посольства^{в)}. По прибытіи въ Петербургъ, посольство должно было поселиться на Васильевскомъ островѣ, гдѣ для его помѣщенія были приготовлены дома гардемарина Льва Милославскаго, князя Якова Голицына, бароновъ Строгановыхъ и дворянина Акинфія Демидова^{г)}; генералъ-бергъ-директору фонъ-Шембергъ, жившему въ домѣ Демидова, велѣно было переселиться въ домъ Муסיна-Пушкина^{д)}, а занимаемый имъ каменный „дворецъ“ Акинфія Демидова—очистить для турецкаго посла. 17 сентября 1740 г. генералъ Кейтъ получилъ приказаніе отправиться на границу для встрѣчи и приѣма турецкаго посольства^{е)}.

Почти одновременно съ этимъ дѣлались приготовленія и къ встрѣчѣ персидскаго посольства. Командированный съ этою цѣлію въ Астрахань генералъ-маіоръ Апраксинъ, кромѣ 1000 рублей^{ж)}, выданныхъ ему изъ Штатсъ-канторы, получилъ еще 20,000 р. изъ астраханскихъ доходовъ на приѣмъ и содержаніе новаго персидскаго посла и его свиты^{з)}. Между тѣмъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ вошла въ Кабинетъ съ представленіемъ о выдачѣ изъ Штатсъ-канторы 20,000 руб. на содержаніе и отправленіе персидскихъ пословъ Хулефы-Мирзы-Кафи, Магометъ-Риза-Хана и Теипъ-Хана съ ихъ свитами^{и)} и, кромѣ того, 8000 р. на подарки отъѣзжающему изъ Россіи персидскому послу Хулефѣ-Мирзѣ-Кафи^{к)}. Согласно представленію генералъ-маіора Апраксина, въ Твери или въ Новгородѣ велѣно приготовить судна для переѣзда въ Петербургъ новаго персидскаго посольства, дороги, мосты и „путевыя дворцы“ отъ Москвы до Петербурга исправить и заготовить для посольства провизію, провіантъ и фуражъ^{л)}. Персидское посольство, по прибытіи въ Петербургъ, такъ же,

^{а)} Тамъ же, № 7716 (С. А. 60; 127), 7718 (С. А. LXXXVII, 57).

^{б)} Тамъ же, № 7746 (С. А. 60; 173).

^{в)} Тамъ же, № 7758 (С. А. 69; 370) и 7857 (С. А. 62; 578).

^{г)} Тамъ же, № 7750 (С. А. 60; 350), 7896 (С. А. XXXVIII, 46).

^{д)} Тамъ же, № 7918 (С. А. 62; 382).

^{е)} Тамъ же, № 7915 (С. А. 62; 365).

^{ж)} Тамъ же, № 7607 (С. А. LXXXVII, 49).

^{з)} Тамъ же, № 7623 (С. А. LXXXVII, 52).

^{и)} Тамъ же, № 7646 (С. А. 59; 275).

^{к)} Тамъ же, № 7777 (С. А. 60; 451).

^{л)} Тамъ же, № 8535 (С. А. CXLI, 201).

какъ и турецкое, должно было поселиться на Васильевскомъ островѣ въ особо приготовленныхъ для него квартирахъ^{а)}.

Между тѣмъ Неплюевъ, по окончаніи суда надъ Волынскимъ и его „конфидентами“, долженъ былъ отправиться на Диѣпровскую сторону, для окончанія порученнаго ему дѣла по разграниченію земель между Россіей и Турціей, по рѣкамъ Бугу и Диѣпру. Не смотря на болѣзнь, которой Неплюевъ подвергся въ сентябрѣ 1740 г.^{б)}, онъ съ успѣхомъ выполнилъ порученное ему дѣло и возвратился въ Кіевъ, гдѣ оставалась его семья. Здѣсь 4 декабря 1740 г. скончалась жена Неплюева, Оеодосія Оеодоровна, приблизительно 45 лѣтъ отъ рожденія, и была погребена надъ Оеодосіевскими пещерами въ Кіевѣ, внутри церкви у землянаго вала. Иванъ Ивановичъ имѣлъ отъ нея шесть человѣкъ дѣтей: три сына (Адріана, Ивана, Николая) и три дочери (Марію, Марѳу, Анну); изъ нихъ сынъ Иванъ умеръ семи лѣтъ въ Поддубѣ и дочь Марѳа, векорѣ послѣ рожденія, — тамъ же, такъ-что, послѣ смерти Оеодосіи Оеодоровны, у Неплюева осталось въ живыхъ четверо дѣтей: два сына и двѣ дочери^{в)}. Старшій сынъ Неплюева Адріанъ Ивановичъ служилъ въ это время секретаремъ посольства въ Константинополѣ при графѣ А. И. Румянцевѣ^{г)}, а старшая дочь Марія Ивановна, еще при жизни матери, была выдана замужъ за Воина Яковлевича Римскаго-Корсакова, который въ это время также находился въ Константинополѣ при графѣ Румянцевѣ „за маршала отъ флота“^{д)}; Анна Ивановна осталась послѣ матери 10 лѣтъ, а Николай Ивановичъ 9 лѣтъ.

Воинъ Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ, мужъ Маріи Ивановны Неплюевой, былъ сынъ извѣстнаго Петербургскаго губернатора Якова Никитича, окончившаго дни свои въ ссылке. Ив. Ив. Неплюевъ былъ только девятью годами старше своего зятя и зналъ его еще мальчикомъ по Морской академіи, въ числѣ кадетовъ которой былъ и Воинъ Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ. Въ 1716 г. они одновременно были отправлены за границу въ званіи гардемариновъ: Неплюевъ въ Венецію, а Воинъ Яковлевичъ —

^{а)} Тамъ же, № 8355 (С. А. СХХХVIII, 10), 8359 и 8404 (С. А. СХХХVIII, 407); Ср. № 8551 (С. А. СХLII, 62).

^{б)} См. его письмо къ Бирону изъ лагеря на р. Бугѣ, отъ 4 сентября 1740 года въ „Русск. Бесѣд.“ 1860 г., кн. II, стр. 212.

^{в)} Кн. Долгоруковъ ошибается, говоря, что у Неплюева отъ Оеодосіи Оеодоровны было только двое дѣтей — сынъ и дочь; несправедливо и то, что будто Неплюевъ имѣлъ такъ же сына и дочь отъ второй жены, Анны Ивановны Паниной (см. Росс. Род. Кн., ч. IV, 162), съ которой онъ не жилъ и трехъ лѣтъ и отъ которой у него вовсе не было дѣтей. Но еще болѣеую несообразность встрѣтили мы у П. Н. Петрова (Истор. род. русск. дворянства, Спб. 1886 года, т. I, стр. 381), который въ сѣхъ дѣтей Неплюева отъ Оеодосіи Оеодоровны, кромѣ старшаго Адріана и умершихъ при жизни матери, считаетъ дѣтьми его второй жены, Анны Ивановны Паниной, бывшей на три года моложе Маріи Ивановны и только на 13 лѣтъ старше Анны Ивановны и на 14 лѣтъ Николая Ивановича Неплюевыхъ. См. въ концѣ примѣч. 17-е.

^{г)} См. выше стр. 79.

^{д)} Ө. Веселаго: „Общ. Морск. Списокъ“, ч. I, стр. 325.

во Францію, гдѣ онъ служилъ во флотѣ сначала гардемариномъ, а потомъ унтеръ-лейтенантомъ и лейтенантомъ. Во время заграничнаго путешествія, Неплюевъ встрѣтился съ нимъ, въ маѣ 1719 г., въ Тулонѣ, на пути изъ Венеціи въ Кадиксъ^{а)}. Воинъ Яковлевичъ былъ на двѣнадцать лѣтъ старше своей жены, но это былъ замѣчательный красавецъ и щеголь того времени. Впрочемъ, щегольство его не нравилось Петру Великому, который любилъ въ костюмѣ простоту и прочность. Разъ Петръ встрѣтилъ Воина Яковлевича на улицѣ, одѣтаго въ самый изящный костюмъ: на немъ было бархатное платье, шитое по послѣдней парижской модѣ и бѣлые шелковые чулки. Петръ, ѣхавшій въ экипажѣ, подозвалъ его къ себѣ и, неостанавливаясь, началъ съ нимъ разговаривать; Воину Яковлевичу пришлось идти по грязи, у самаго колеса экипажа, до тѣхъ поръ, пока весь онъ не былъ забрызганъ грязью, особенно досталось его бѣлымъ шелковымъ чулкамъ. Дослужившись въ послѣдствіи до чина вице-адмирала, Воинъ Яковлевичъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Императрицы Елизаветы Петровны, которая пожаловала ему 700 д. крестьянъ въ Мурашкинской волости Нижегородскаго уѣзда^{б)} и уволила его отъ службы съ половиннымъ жалованьемъ по чину^{в)}. Воинъ Яковлевичъ скончался въ 1757 году 55 лѣтъ отъ роду и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ, гдѣ покоится и прахъ его жены Маріи Ивановны, на 12 лѣтъ пережившей своего мужа и умершей въ 1765 г. однихъ лѣтъ съ супругомъ^{д)}.

Вскорѣ послѣ смерти своей жены, Неплюевъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, для отчета по данному ему порученію о разграниченіи земель между Россіей и Турціей, а также и для личныхъ переговоровъ съ находившимся въ Петербургѣ турецкимъ посломъ. Правительница Анна Леопольдовна, въ исполненіе воли и обѣщанія Императрицы Анны Іоанновны, наградила Неплюева орденомъ св. Александра Невскаго и крестьянами въ Малороссіи: Ропскою волостью и селами Быковымъ и Бакланомъ, со всѣми къ онымъ принадлежностями, въ коихъ было болѣе 2000 дворовъ^{е)}. Вслѣдъ затѣмъ Неплюевъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ надъ всей Малороссіей^{ж)}, почему снова долженъ былъ оставить Петербургъ.

^{а)} Зап. Неплюева въ „Русск. Арх.“, 1871 г., стр. 612. См. также выше стр. 40.

^{б)} Барановъ. Опис. Сен. арх., т. III, № 10504 (С. А. 86; 31).

^{в)} Тамъ же, № 10598 (С. А. 86; 171).

^{г)} Берхъ. Жизнеопис. первыхъ рос. адмираловъ. Спб., ч. II, 1833 г., стр. 376. Ср. „Общ. Морск. Спосоѣ“ О. Веселаго, ч. I, стр. 324—326. Смотр. примѣч. 19-е въ концѣ книги.

^{д)} Въ Опис. Сенат. архив. Баранова (т. III, стр. 64, № 8556) село „Быково“ названо, вѣроятно, по ошибкѣ „Рыково“, въ „Запискахъ“ же Неплюева и у друг. „Быково“; о Бакланѣ въ Запискахъ Неплюева вовсе не упоминается.

^{ж)} Русск. Архивъ, 1871 г., стр. 655.

Въ это время при русскомъ Дворѣ блистали своею красотою, умомъ и рѣдкимъ по тому времени образованіемъ фрейлины Александра Ивановна и Анна Ивановна Панины, родныя сестры извѣстныхъ графовъ Петра и Никиты Паниныхъ. Отецъ ихъ генералъ-поручикъ Иванъ Васильевичъ^{а)} Панинъ былъ храбрымъ полководцемъ при Петрѣ Великомъ; въ царствованіе Анны Иоанновны онъ получилъ мѣсто сенатора и все свободное время посвящалъ воспитанію своихъ дѣтей, которыя, благодаря этому, скоро обратили на себя вниманіе Двора: обѣ сестры сдѣланы были фрейлинами и считались украшеніемъ Двора^{б)}, а братья получили графское достоинство и въ царствованіе Екатерины II играли весьма видную роль въ государствѣ^{в)}. — Александръ^{д)} Ивановна Панина, еще при жизни отца, умершаго въ 1736 г., вышла замужъ за князя А. Б. Куракина, бывшаго сначала посланникомъ въ Парижѣ, а потомъ оберъ-шталмейстеромъ Двора. А. Б. Куракинъ представлялъ собою типъ версальскаго придворнаго, усвоившаго отлично внѣшній лоскъ: онъ безукоризненно зналъ французскій языкъ, имѣлъ элегантныя манеры и отличался легкомысленнымъ отношеніемъ къ вопросамъ религіознымъ и нравственнымъ. При Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ Куракинъ былъ постояннымъ членомъ всѣхъ интимныхъ вечеровъ и празднествъ, имѣя привилегію напиваться до пьяна и потѣшать Государыню каламбурами и остротами. Будучи приближеннымъ Государыни, Куракинъ старался также всегда угодить Бирону и Остерману^{е)}. Анна Ивановна Панина была еще дѣвицею и лѣто обыкновенно проводила въ Москвѣ, вмѣстѣ съ своею матерью. Неплюевъ, отправляясь въ Малороссію, заѣхалъ въ Москву. Не смотря на свои 47 лѣтъ, тяжелые труды и семейныя утраты, Неплюевъ еще и въ это время отличался замѣчательной красотой своего добродушнаго лица и необыкновенной симпатичностью души. Встрѣтившись съ А. И. Паниной, онъ рѣшился просить ея руки — и красавица-фрейлина, имѣвшая только 23 года отъ роду, согласилась быть его женою; 7 октября того же (1741) года ихъ повѣнчали; но, какъ увидимъ, Иванъ Ивановичъ долженъ былъ скоро пережить вѣчную разлуку и со второй женой.

Послѣ свадьбы, молодые немедленно отправились въ Малороссію. Иванъ Ивановичъ уже не въ первый разъ ѣхалъ въ этотъ край: 1 марта того же года, проѣзжая изъ Кіева въ Петербургъ, Неплюевъ остано-
 вился въ Кіевѣ, гдѣ онъ и познакомился съ Паниной.

^{а)} Ив. Васильевичъ Панинъ род. въ 1673 г., ум. въ 1736 году. У Неплюева онъ названъ Ив. Ивановичемъ, а у Долгорукова (Росс. Род. кн. ч. I, 166) и Лонгинова (XVIII в., II, 168) Ивановъ Васильевичемъ. См. въ концѣ примѣч. 20-е.

^{б)} Смотр. примѣчаніе 20-е.

^{в)} Тамъ же.

^{д)} Александра Ив. Панина невѣрно названа въ „Русск. Стар.“ (1871 г., т. III, стр. 43) Екатериной Ивановной; род. въ 1711, ум. въ 1786 г.

^{е)} Александръ Борисовичъ Куракинъ (род. 2 іюля 1697 г., ум. 2 окт. 1749 г.), мужъ Александры Ивановны Паниной былъ сынъ извѣстнаго дипломата при Петрѣ Великомъ, Бориса Ив. (смот. „Старый Петербургъ“ М. И. Пыляева, изд. Суворина, 1886—1887 г., стр. 244). Въ „Русск. Стар.“ (1871 г., т. IV, стр. 691, пр.) Александръ Борисовъ названъ ошибочно Андреемъ Борисовичемъ.

вался въ Глуховѣ у генеральнаго подскарбія, Якова Андреевича Марковича. Во время поѣздки Неплюева въ С.-Петербургъ, дѣти его оставались въ Кіевѣ, откуда 15 августа переѣхали въ Глуховъ, тогдашнюю резиденцію Малороссійскаго генераль-губернатора. Я. А. Марковичъ, генераль-аншефъ Мих. Ив. Леонтьевъ, Андр. Яковл. Безбородко^{а)}, Челищевъ, Михаилъ Васильевичъ Скоропадскій, Семенъ Александр. Неплюевъ^{б)} и многіе другіе весьма радушно приняли дѣтей Ивана Ивановича, стараясь доставить имъ всевозможныя удобства, и почти ежедневно навѣщали ихъ; гостей принимала старшая дочь Неплюева, Марія Ивановна Римская-Корсакова.

Иванъ Ивановичъ прибылъ въ Глуховъ 30 октября и поселился съ своею молодой женою въ гетманскомъ дворцѣ, а генераль Леонтьевъ, исправлявшій его должность, былъ переведенъ губернаторомъ въ Кіевъ, вмѣсто Неплюева. Въ началѣ ноября Иванъ Ивановичъ принималъ генеральнаго судью, генеральнаго обознаго, генеральнаго подскарбія, бунчуковыхъ товарищей и другихъ чиновниковъ Малороссійскаго казачьяго войска. Дѣти Неплюева только здѣсь познакомились съ своею мачихой, которая, какъ мы уже знаемъ, на три года была моложе старшей дочери своего мужа, Маріи Ивановны Римской-Корсаковой. — Почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ пиршествахъ: поздравленія, пріемы знакомыхъ и служащихъ, семейныя обѣды и вечера весело смѣняли другъ друга; счастливые супруги и не подозрѣвали того испытанія, которое ожидало ихъ впереди: въ Петербургѣ готовился дворцовый переворотъ, повлекшій за собою арестъ многихъ лицъ и въ томъ числѣ Неплюева.

Со смертью Императрицы Анны Иоанновны, послѣдовавшей 17 октября 1740 года, быстро совершились важныя перемѣны при русскомъ Дворѣ. Спустя три недѣли послѣ ея кончины, именно съ 7 на 8-е ноября, фельдмаршалъ Минихъ, при помощи гвардіи, арестовалъ всесильнаго Бирона^{в)}, а чрезъ четыре мѣсяца послѣ того, благодаря проискамъ Остермана, и самъ былъ удаленъ отъ дѣлъ и Двора. Оскорбленный отнятіемъ нѣкоторыхъ должностей, Минихъ подалъ въ отставку, надѣясь, что ему не дадутъ ея; при этомъ честолюбивый и самонадѣянный фельдмаршалъ настаивалъ на возвращеніи ему всѣхъ должностей, если желаютъ удержать его на службѣ. Но Остерманъ устроилъ дѣло такъ, что правительница Анна Леопольдовна согласилась дать Миниху чистую отставку^{д)}, назначивъ ему 15,000 р. въ годъ пенсіи^{е)}.

^{а)} Малороссійскій генеральный судья, отецъ государственнаго канцлера, князя Александра Андреевича, („Р. Ст.“ 1871, т. III, 47; т. IV, 308 и 571).

^{б)} См. въ концѣ примѣчаніе 21.

^{в)} См. въ „Русск. Стар.“ (1871 г., т. III, стр. 537—561) ст. С. Н. Шубинскаго: „Арестъ и ссылка Бирона“.

^{д)} Барановъ. Опис. Сен. арх. № 8296 (С. А. СХХХІ, 46; СХХХVII, 40). Слич. № 8336 (С. А. СХХХVII, 354) и 8338 (С. А. СХХХVII, 358). Сравни. Записки Маштейна, стр. 208.

^{е)} Барановъ. Опис. Сен. арх. № 8339 (С. А. СХХХVII, 360).

Положеніе Остермана, удалившаго со сцены своихъ соперниковъ, было также не прочно: ненависть къ иноземному правительству со стороны Русскихъ усиливалась все болѣе и болѣе; на русскомъ тронѣ былъ младенецъ, а его мать и правительница Россіи, Анна Леопольдовна, была совершенно не способна къ управленію государствомъ,— это, по единогласному свидѣтельству современниковъ^{а)}, была женщина робкая, лѣнивая до неряшливости и чувственная, относившаяся съ болѣшимъ вниманіемъ къ любезностямъ красавца графа Линара^{б)}, министра польскаго Двора, чѣмъ къ основательнымъ предостереженіямъ англійскаго посланника Финча^{в)}. Въ то время, какъ Остерманъ начиналъ уже ссориться съ правительницей, ея мужемъ и фаворитами, французскій посолъ Маркизь де-ля-Шетарди дѣятельно и энергично интриговалъ въ пользу цесаревны Елизаветы Петровны, чтобы потомъ воспользоваться ея успѣхомъ для выгодъ Франціи. Онъ старался убѣдить Елизавету Петровну, что Франція вполне сочувствуетъ ея положенію и готова придти къ ней на помощь. Шетарди постоянно твердилъ цесаревнѣ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ о томъ участіи, какое принимаетъ въ ней Людовикъ XV, который, не имѣя возможности, по отдаленности своего государства, оказать личную ей помощь, можетъ склонить къ тому Шведовъ, своихъ союзниковъ. Нужно замѣтить, что въ Шведскомъ сеймѣ многіе изъ представителей желали войны съ Россіей, въ надеждѣ возвратить Швеціи области, отнятыя у нея Петромъ Великимъ. Между тѣмъ, Маркизь де-ля-Шетарди добивался того, чтобы Шведы объявили войну Россіи за Елизавету, а она обѣщалась-бы заплатить имъ за услугу возвращеніемъ завоеванныхъ Петромъ Великимъ у Швеціи областей. Очевидно, французскій посолъ старался о томъ, чтобы подчинить Россію своему вліянію и, при содѣйствіи ея, Даніи и Швеціи, ослабить морское могущество Англіи, которая была въ союзѣ съ Австріей и помогала ей денежными средствами въ борьбѣ съ Франціей. Но цесаревна Елизавета вела себя съ болѣшимъ тактомъ. Сознавая, что она не имѣетъ права жертвовать „неусыпными“ трудами своего покойнаго отца, она въ то же время не отвергала предлагаемой ей помощи и объявила чрезъ одного изъ своихъ приверженцевъ секретарю Шведскаго посольства, что Шведамъ не худо

^{а)} Записки Манштейна, стр. 235 и 236; Записки Миниха-отца, стр. 74—75; 77—78; Пекарскаго: „Маркизь де-ля-Шетарди“, стр. 95 и 234; Леди Рондо, стр. 76—77. Сравни. Н. Н. Ойрсова: „Вступленіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны“, Казань, 1888 г., стр. 139.

^{б)} Esbauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie. Copeng., 1774 г., стр. 140—143. Сравни. Genealog. Historische Nachrichten, Th. XXVII, s. 245; также „Beitrag (A. F. Büsching, IV, s. 77) zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen; и Пекарскаго: „Маркизь де-ля-Шетарди“, стр. 272, 279—280.

^{в)} La cour de la Russie il y a cent ans. Berlin, 1858 г., p. 84.

было бы поскорѣе начать свои дѣйствія, такъ-какъ иноземное правитель-ство въ Россіи не жалѣетъ ничего для пріобрѣтенія себѣ приверженцевъ. Въ августѣ 1741 г. Швеція объявила войну Россіи; въ манифестѣ въ числѣ причинъ, побудившихъ Швецію къ войнѣ съ Россіей, подъ вліяніемъ французской политики, была высказана и слѣдующая причина: „*устраненіе царицы Елизаветы и герцога Голштинскаго отъ Русскаго престола и власть, которую иностранцы захватили надъ Русской націей*“^{а)}. Тогда же было положено распространять между русскими войсками и внутри страны прокламаціи, направленные противъ иноземнаго правительства въ Россіи^{б)}. Англійское правительство, еще 17 марта 1741 г., чрезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ Гаррингтона, сообщило своему посланнику при Русскомъ Дворѣ Финчу, что въ Россіи организовалась партія, готовая соединиться со Шведами, въ пользу Елизаветы. Финчъ сообщилъ о томъ графу Остерману, который, показавъ видъ, что ничему не вѣритъ, постарался вывѣдать всѣ подробности, а въ октябрѣ 1741 года въ письмѣ къ князю Кантемиру, русскому послу во Франціи, между прочимъ, говорить о Шетарди: „*мы имѣемъ полную причину желать его отозванія отсюда*“.

Предчувствуя свое паденіе, иноземное правительство начинаетъ теряться. Незадолго до переворота узнали, что Шведы стараются распространять среди Русскихъ манифестъ и прокламаціи. Остерманъ досталъ манифестъ и, прочитавъ его Левенвольду, замѣтилъ: „*весьма противно о чужестранцахъ написано*“. „Но сію“, — продолжалъ Остерманъ, — „не однихъ чужестранцевъ касается, но и принцессы Анны и фамиліи ихъ. Поэтому надо постановить, чтобы, гдѣ этотъ манифестъ явится, то собирать ихъ (листки манифеста) въ Кабинетъ, а въ народѣ не разглашать“. Остерманъ сообщилъ манифестъ и правительницѣ. Манифестъ этотъ содержалъ въ себѣ слѣдующее: „Его Королевскаго Величества Шведскаго, моего Короля и Государа, генераль-аншефъ его арміи, я, Карлъ Емилій Левенгауптъ, графъ, объявляю всѣмъ и каждому сословію достохвальной Русской націи, что Королевская Шведская армія вступила въ русскіе предѣлы не для чего инаго, какъ для полученія, при помощи Всевышняго, удовлетворенія Шведской короны за многочисленныя неправды, ей причиненныя *иностранными* министрами, которые господствовали надъ Россією въ прежніе годы, а также потребную для Шведовъ безопасность на будущее время; а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы *освободитъ Русскій народъ отъ неслоснаго*

^{а)} Зап. Манштейна, стр. 318; Шетарди, 304—305.

^{б)} Тамъ же, стр. 302 и 303.

ига и жестокостей, съ которыми означенные министры, для собственныхъ своихъ видовъ, притѣсняли съ давняго времени русскихъ подданныхъ, чрезъ что многіе потеряли собственность, или лишились жизни отъ жестокихъ наказаній, или, впадши въ немилость, бѣдственно ссылались въ заточеніе^{а)}.

Въ то время, какъ правительница Анна Леопольдовна относилась къ извѣстіямъ, угрожавшимъ ей и ея фамиліи, почти безучастно и апатично, Остерманъ сильно безпокоился,—онъ какъ-бы начиналъ теряться, въ виду приближавшейся грозы, которая должна была разразиться надъ его старческой головой; особенно его озадачилъ манифестъ Шведовъ. Остерманъ просилъ Левенгаупта письмомъ, чтобы тотъ отрекся отъ этого манифеста, „понеже, де, такіе манифесты между христіанскими и политическими народами не въ употребленіи“^{б)}. Наивный характеръ письма этого, безспорно, умнаго дипломата достаточно свидѣтельствуетъ о душевномъ настроеніи Остермана. Между тѣмъ, копіи съ шведскаго манифеста и прокламаціи, направленной противъ иноземнаго правительства въ Россіи, появились и въ Малороссіи. Это еще больше смутило Остермана. 24 сентября 1741 г. Петербургскій Кабинетъ предписалъ тайному совѣтнику Неплюеву, чтобы онъ принялъ надлежащія мѣры на границѣ и въ Глуховѣ на заставахъ противъ ввоза и распространенія въ подвѣдомственныхъ ему мѣстахъ разныхъ возмутительныхъ пасквилей, писемъ и ложныхъ манифестовъ, составленныхъ въ Швеціи^{в)}.

Напрасно растерявшійся отъ предчувствія бѣды Остерманъ придавалъ такое значеніе шведскому манифесту: онъ не произвелъ ожидаемаго Шведами впечатлѣнія ни среди народа, ни въ войскѣ; не могли произвести его и разные листки, распространяемые врагами Россіи, пришедшими бить то войско, на которое возлагались наивныя надежды, что оно, услышавъ содержаніе шведскаго манифеста, положить оружіе во время сраженія съ Шведами^{г)}. Иноземное правительство въ Россіи должно было страшиться ни манифеста, ни прокламацій Шведовъ, ни даже всей иностранной политики, создавшей искусственную и фальшивую войну Россіи съ Швеціей,—заговоръ Елизаветы былъ страшенъ общимъ положеніемъ вещей въ государствѣ вообще, и—въ частности сочувствіемъ къ Елизаветѣ Петровнѣ многихъ лицъ въ самомъ Петербургѣ. Партія Елизаветы концентрировалась около гвардіи и находила опору въ той ненависти, которую питала къ иноземному пра-

^{а)} Пекарскій. Маркизь де-ля-Шетарди, стр. 385—386.

^{б)} Н. Н. Опрсовъ. Вст. на престолъ Императр. Елизаветы Петровны, стр. 140.

^{в)} Барановъ. Опис. Сен. арх., № 8611 (С. А. СІХ, 20).

^{г)} Записки Манштейна, стр. 228—229. Шетарди, стр. 303, 385—386, 393.

вительству вся Россія. Ненависть Петербурга и гвардіи была только выраженіемъ общаго недовольства всей Россіи нѣмецкимъ правительствомъ, и послужила ближайшею причиною дворцоваго переворота, который и совершился въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г.: младенецъ императоръ, Іоаннъ Антоновичъ, былъ низверженъ и корона, при помощи гвардіи, досталась дочери Петра, Елизаветѣ Петровнѣ^{а)}.

Сдѣлавшись Императрицей, Елизавета весьма щедро наградила гвардейцевъ за ихъ содѣйствіе въ доставленіи ей престола. Указомъ 31 декабря 1741 г. гренадерская рота, находившаяся при ней въ ночь на 25 ноября, была отчислена отъ Преображенскаго полка, названа Лейбъ-компаніею и назначена почетною стражею при Императрицѣ^{б)}. Солдаты, капралы и унтеръ-офицеры этой роты недворянскаго происхожденія получили потомственное дворянство, записаны въ дворянскую Родословную Книгу и награждены гербами, на которыхъ была сдѣлана надпись: „за вѣрность и ревность“^{в)}. Въ то же время Лейбъ-компаніи пожалованъ былъ штандартъ изъ бѣлаго штофа, съ золотою бахрамою, съ вышитымъ на каждой его сторонѣ двуглавымъ орломъ и разными украшеніями. Въ срединѣ орла, на овальномъ золотомъ щитѣ, изображенъ серебряный крестъ, по сторонамъ крыльевъ — вензелевыя буквы Императрицы; подъ орломъ надпись: „Силою креста побѣдила“, а внизу былъ означенъ день восшествія Елизаветы на престолъ: „ноября 25 дня 1741 года“^{г)}. Для помѣщенія Лейбъ-компаніи былъ отведенъ старый Зимній дворецъ, гдѣ жилъ и скончался Петръ Великій. Лейбъ-компанцы получили въ потомственное владѣніе помѣстья, принадлежавшія раньше графу Михаилу Головкину и князю Меншикову^{д)}. Награждая лейбъ-компанцевъ, Елизавета не забыла и другія части гвардіи: тогда же, указомъ 31 декабря 1741 г., велѣно было отпустить на Преображенскій полкъ 12,000 р., на Измайловскій и Семеновскій по 9,000 руб., на Конный — 6,000 руб., на Ингерманландскій и Астраханскій по 3,000 р. Эти 42,000 р. были розданы по рукамъ рядовымъ, капраламъ, унтеръ-офицерамъ и др. чинамъ означенныхъ полковъ. Кромѣ положеннаго гвардейцамъ жалованья, велѣно было выдавать каждому рядовому по 3 рубля на именины^{е)} и по 1 рублю на крестины дѣтей.

^{а)} Подробности переворота смотр. въ книгѣ Н. Н. Ойрсова: „Вступленіе на престолъ Импер. Елизаветы Петровны“, т. VII, стр. 148—165.

^{б)} П. С. Зак., т. XI, стр. 553, № 8491.

^{в)} Пушкиревъ. Исторія Импер. рос. гвард., Спб. 1844 г., стр. 241 и 242. См. П. С. Зак., т. X, стр. 696, № 8639.

^{г)} Пушкиревъ. Ист. Им. р. гвард., стр. 225.

^{д)} Всего роздано было имъ 13,931 крест. д. съ принадлежащими имъ землями и усадьбами. См. въ П. С. Зак. т. XI, стр. 721, № 8666.

^{е)} 21 декабря 1741 г. именинныхъ денегъ было роздано 25,551 р. См. Пушкирева: „Ист. И. Росс. гвардіи“, стр. 244 и 245.

Новая Императрица не оставила безъ наградъ и своихъ ближайшихъ приверженцевъ: Воронцовъ, оба брата Шуваловы и Балкъ получили званіе камергера; Лестокъ былъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіемъ перваго лейбъ-медика; камергеръ Алексѣй Разумовскій пожалованъ графскимъ достоинствомъ, едѣланъ оберъ-егеймейстеромъ и награжденъ голубою лентою, а Маркизь де-ля-Шетарди получилъ портретъ Елизаветы и орденъ^{а)}.

Одновременно съ наградами приверженцевъ Елизаветы, шли наказанія членовъ низверженнаго правительства. Насчастное Брауншвейгское семейство сначала рѣшили отправить за границу. 12 декабря 1741 года Анна Леопольдовна съ мужемъ и дѣтьми, подъ прикрытіемъ большого конвоя, выѣхала изъ С.-Петербурга въ Ригу, куда они прибыли 9 января 1742 г. Но Елизавета измѣнила свое намѣреніе на счетъ сверженной фамиліи: 13 декабря того же года Брауншвейгское семейство было перевезено въ крѣпость Динамунде, а въ январѣ 1744 г. отсюда—въ городъ Равенбургъ (Рязанской губ.), гдѣ несчастное семейство оставалось до сентября того же года, когда бывшій императоръ Іоаннъ Антоновичъ былъ отдѣленъ, по высочайшему указу, отъ родителей барономъ Н. А. Корфомъ, а послѣднихъ повезли въ Соловецкій монастырь^{б)}. Но родители низверженнаго императора не доѣхали до Соловецкаго монастыря: ихъ поселили на одномъ изъ острововъ Сѣверной Двины, пониже Архангельска, и содержали въ тѣсномъ заключеніи. Здѣсь въ 1746 г. скончалась Анна Леопольдовна, а въ 1775 г. ея супругъ, Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій. Ихъ сынъ, Іоаннъ Антоновичъ, послѣ попытки одного монаха увести его, былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и кончилъ жизнь насильственнымъ образомъ, въ іюлѣ 1764 года, 25 лѣтъ отъ рожденія, о чемъ будетъ еще сказано въ своемъ мѣстѣ. Опала постигла и всѣхъ приверженцевъ нѣмецкой партіи (гр. Головкина, Тимирязева) и ея видныхъ представителей: Остермана, Миниха, Менгдена и Левенвольда, приговоренныхъ къ смертной казни^{в)}, но потомъ помилованныхъ и сосланныхъ на сѣверъ Россіи и въ разныя мѣста Сибири^{г)}. Повсюду было опубликовано,

^{а)} Зап. Манштейна, стр. 242 и 243. Срав. ст. В. О. Михневича: „Женское правленіе и его противники“ въ „Истор. Вѣсти.“ за 1882 г., февр. и мартъ.

^{б)} „Русск. Стар.“ 1879 г.

^{в)} Остермана присудили къ колесованію, фельдмаршала Миниха къ раздробленію членовъ и къ отсѣченію головы; гр. Головкина, Менгдена, Левенвольда и Тимирязева къ отсѣченію головы.

^{г)} Остерманъ былъ сосланъ въ Березовъ, Минихъ—въ Пелымъ, Головкинъ—въ Ерманскій острогъ на р. Колымѣ, за Якутскомъ (въ 11,278 верст отъ С.-Петербурга), Менгденъ—въ Колъскій острогъ, Левенвольде—въ Соликамскъ, Тимирязевъ въ Сибирь. См. П. С. Зак. т. XI, № 8506. Сравн. въ „Русск. Стар.“ (1870 г., т. II, стр. 483—485) ст. П. О. Карабанова: „Статье-дамы и фрейлины русск. Двора въ XVIII ст.“

что всѣ указы, вышедшіе въ правленіе Анны Леопольдовны, уничтожаются и всѣ чины и достоинства, дарованныя ею, отъеются. Въ П. С. Законовъ находится цѣлый рядъ указовъ^{а)}, свидѣтельствующихъ, съ какимъ стараніемъ новое Правительство заботилось объ истребленіи всего, что только могло напоминать о предшествовавшемъ правленіи Брауншвейгской фамиліи.

Съ паденіемъ Остермана, пострадалъ и Неплюевъ, котораго за привязанность и уваженіе къ Остерману враги очернили въ глазахъ новой Императрицы. Рано утромъ 3 декабря, прискакалъ въ Глуховъ генералъ-критскъ-коммисаръ, Александръ Борисовичъ Бутурлинъ^{б)} и объявилъ ничего еще незнавшему Неплюеву о придворномъ переворотѣ 25 ноября и о томъ, что онъ, по высочайшему приказанію, отрѣшается отъ всѣхъ должностей и подъ арестомъ долженъ отправиться въ Петербургъ. Въ ночь на 4-е декабря 1741 г., ровно черезъ годъ послѣ смерти первой своей жены, Неплюевъ отправился, вмѣстѣ съ молодой женой, въ Петербургъ, гдѣ произошли столь важныя перемѣны; онъ очень былъ озабоченъ и самъ поскорѣе желалъ узнать причину гнѣва на него новой Императрицы. Впрочемъ, эта неожиданная опала не столько потрясла самого Неплюева, который всегда удалялся придворныхъ интригъ, сколько его молодую и еще неопытную жену, Анну Ивановну, не смотря на сильныя связи ея при Дворѣ. Не могло также не опечалить это неожиданное обстоятельство и Малороссіянъ, успѣвшихъ полюбить Неплюева за его справедливость, заботы объ ихъ интересахъ и ласковое обхожденіе со всѣми. Такой человекъ, какъ Неплюевъ, особенно легко могъ привлечь къ себѣ Малороссіянъ послѣ своего предшественника М. Леонтьева, по отзыву Маркевича, „угрюмаго и сварливаго солдата, который нарушилъ равенство между малороссійскими членами Генеральной канцеляріи“^{в)}. Но чѣмъ ближе былъ Неплюевъ къ цѣли своего путешествія, тѣмъ слухи становились тревожнѣе. Въ Москвѣ онъ узналъ отъ своей тещи, Агрипины Васильевны Паниной, что причиною немилости къ нему новой Императрицы послужила дружба его съ графомъ Остерманомъ, который былъ уже признанъ достойнымъ смертной казни. Здѣсь не мѣсто было бы входить въ подробности дѣла по обвиненію Остермана и въ изложеніи тѣхъ причинъ, на основаніи которыхъ Остерманъ былъ признанъ достойнымъ смертной казни; замѣтимъ только, что ему было предложено восемьдесятъ обвиненій, между которыми были и такія, гдѣ говорилось, что Остерманъ старался отклонить Елизавету Петровну

^{а)} См. №№ 8480, 8494, 8641, 8648, 8690, 8822, 8830 и друг. Ср. дѣла по секрет. экспед. въ Тургайск. архивѣ, указы 1747 г., л. 27.

^{б)} А. Б. Бутурлинъ находился въ родствѣ съ Неплюевымъ: онъ былъ женатъ на сестрѣ его свояка, А. Б. Куракина.

^{в)} Маркевичъ. Исторія Малороссіи, ч. II, стр. 625.

отъ престола и ея племянника отъ наслѣдія; писалъ по этому поводу разныя проекты, изъ которыхъ въ одномъ совѣтовалъ выдать Елизавету Петровну за какого-нибудь чужестраннаго убогаго принца; что онъ измѣнялъ свои мнѣнія въ угодность другимъ, а не въ видахъ государственной пользы, и „многія славныя и древнія россійскія фамиліи опровергать и искоренять и между россійскими подданными несогласія вселять старался,“ — и т. п. Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ склонить на свою сторону хирурга Лестока, любимаго Елизаветы, Остерманъ подписалъ всѣ взведенныя на него обвиненія, не читая. Въ то время, какъ надъ Остерманомъ нависла такая грозная туча и когда онъ, отчаянно заболѣвши, готовился въ своемъ заключеніи къ смерти, причастившись Св. Тайнъ, Неплюевъ прибылъ въ Петербургъ и тотчасъ же поспѣшилъ свидѣться съ людьми, которыхъ онъ считалъ своими друзьями: онъ посѣтилъ Григорія Петровича Чернышева; былъ у князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго и зашелъ къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому; но одинъ только Григорій Петровичъ остался, попрежнему, его искреннимъ другомъ, за то какъ горько ошибся Неплюевъ въ Н. Ю. Трубецкомъ! — По совѣту послѣдняго, Неплюевъ немедленно отправился къ принцу Геесенъ-Гомбургскому (зятю фельдмаршала Трубецкаго). Спустя нѣсколько часовъ, послѣ представленія Неплюева принцу, ему былъ объявленъ домашній арестъ: принцъ Геесенъ-Гомбургскій приказалъ Неплюеву никуда не выѣзжать со двора. Вскорѣ Неплюеву былъ прочитанъ и высочайшій указъ объ отобраніи у него ордена св. Александра Невскаго и малороссійскихъ деревень въ казну; съ него снята была Александровская лента и, до окончанія слѣдствія, учрежденнаго надъ опальными, приказано содержать его подъ арестомъ. Но не смотря на важность обвиненій противъ Остермана, на свою опалу и большія матеріальныя и служебныя лишенія, Неплюевъ, *всегда любившій и говорившій правду*, прямо и открыто заявилъ, что чувствовалъ, когда его спросили объ Остерманѣ. „Въ графѣ *Андрѣ Ивановичѣ*“, — сказалъ онъ, — „имѣлъ я всегда моего благодѣтеля и хотя онъ нынѣ несчастенъ, но я не могу отпереться, что онъ былъ мой благотворитель и человекъ *таковыхъ дарованій ко управленію дѣлами, каковыхъ мало въ Европѣ*, и за что онъ такъ осужденъ того такъ же, по совѣсти, какъ предъ Богомъ явится, не вѣдаю“.^(*) — Спросили Остермана: „не вѣдалъ ли чего Неплюевъ о его беззаконныхъ замыслахъ и дѣйствіяхъ“, — и Остерманъ совершенно оправдалъ Неплюева, заявивъ, что Неплюевъ *ничего не зналъ*.

(*) Зап. Неплюева въ „Русск. Арх.“, 1871 г., стр. 656.

Кому же пришло въ голову очернить Неплюева въ глазахъ новой Императрицы?—Кому перешелъ дорогу этотъ честный и вѣрный слуга нашего отечества?—Въ Запискахъ Порошина помѣщенъ рассказъ графа Никиты Ивановича Панина, изъ котораго видно, что такую услугу оказалъ Неплюеву Никита Юрьевичъ Трубецкой, хотя Неплюевъ и называетъ его въ Запискахъ своимъ „всегдашнимъ благодѣтелемъ“ и, во время суда надъ Волинскимъ, косвенно содѣйствовалъ его оправданію: Волинскій на одномъ изъ допросовъ оговорилъ Трубецкаго, что онъ зналъ и читалъ Юста Липсія; такой фактъ, въ глазахъ слѣдственной комиссіи надъ Волинскимъ, считался преступленіемъ первостепенной важности. Трубецкой былъ позванъ во Дворецъ; Императрица сама допрашивала его и объявила: „не впритѣ тому, что показалъ на князя Трубецкаго Волинскій“^{а)}. Мы уже знаемъ, что Неплюеву, вмѣстѣ съ Ушаковымъ, поручено было разобрать всѣ бумаги и переписку Волинскаго; Неплюевъ, безъ сомнѣнія, могъ бы при этомъ доставить письменныя доказательства обвиненія Волинскаго, взведенныя имъ на Трубецкаго, но онъ этого не сдѣлалъ,—и Трубецкой былъ оправданъ. Когда гроза миновала и Волинскій былъ казненъ, Трубецкой возненавидѣлъ Неплюева, какъ живаго свидѣтеля его участія въ „винахъ“ казеннаго Волинскаго, и отселъ всячески старался противодействовать ему. Теперь, сдѣлавшись однимъ изъ членовъ слѣдственной комиссіи надъ Остерманомъ и другими опальными, Трубецкой, желая, по свидѣтельству Панина, выслужиться, хотѣлъ „управить“ и Неплюева, какъ Остермана, говоря, что „въ немъ душа Остерманская“^{б)}. Порошинъ также приводитъ другой рассказъ графа Панина, изъ котораго видно, что Трубецкой и раньше старался противодействовать Неплюеву. „Иванъ Ивановичъ (Неплюевъ) въ свое время,“—говоритъ Порошинъ,—„человѣкъ былъ *гораздо неглупый и дѣловой*; особливо похвалялъ (Панинъ) сочиненный имъ во владѣніе Императрицы Анны Іоанновны, по приказанію графа Остермана, указъ о выкупѣ и о закладѣ имѣній, называя указъ сей сочиненіемъ весьма благоразумнымъ и достойнымъ быть въ законахъ государства просвѣщеннаго. Сей указъ послѣ отмѣненъ, какъ Никита Ивановичъ изволилъ сказывать, по предложенію князя Никиты Юрьевича (Трубецкаго)“^{в)}. Не придавать этому свидѣтельству никакого значенія, по нашему мнѣнію, невозможно, потому что Н. И. Панинъ былъ роднымъ братомъ второй жены Неплюева и, слѣдовательно, не могъ не интересоваться судьбой

^{а)} Отеч. Зап. 1860 г., № 6, стр. 590, зам. 2.

^{б)} Записки Порошина, стр. 75 и 76.

^{в)} Тамъ же, стр. 151—152. Къ сожалѣнію, мы не видѣли этого указа-проекта и даже не знаемъ, учѣдѣлъ-ли онъ,—не хранится ли онъ гдѣ нибудь въ одномъ изъ специальныхъ архивовъ?!

своего родственника, съ которой такъ тѣсно были соединены участь и спокойствіе его родной сестры, Анны Ивановны. Трубецкой, какъ человѣкъ эгоистичный, дѣйствительно, могъ это сдѣлать, желая, съ одной стороны, отдѣлаться отъ живаго свидѣтеля его участія въ замыслахъ Волинскаго, а съ другой — рассчитывая на паденіи Неплюева основать и упрочить свое положеніе и вліяніе при новомъ Дворѣ. Если Кантемиръ говоритъ о Трубецкомъ, что онъ „съ правомъ честнымъ, тихимъ, соединяетъ совѣсть чистую“, ^{a)} то у всякаго сильнаго и вліятельнаго вельможи были въ то время свои панегиристы, которые изъ-за личныхъ выгодъ не задумывались иногда прославлять въ своихъ одахъ тѣхъ, кого въ душѣ порицали: Кантемиръ, какъ извѣстно, былъ въ самой тѣсной дружбѣ съ Трубецкимъ ^{b)} и, какъ человѣкъ, не чуждъ былъ и недостатковъ ^{c)}. — Но какъ бы то ни было, только страшная бѣда висѣла надъ головой Неплюева, не смотря на совершенное оправданіе его Остерманомъ. Всѣ родственники были поражены положеніемъ Неплюева и соединились, чтобы общими силами какъ-нибудь спасти невиннаго: его своякъ по второй женѣ, оберъ-шталмейстеръ Двора, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, зять Неплюева Воинъ Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ Императрицы, и теща Ивана Ивановича, Агрипина Васильевна Панина, — словомъ, всѣ стали усердно и дѣятельно хлопотать объ арестованномъ Неплюевѣ. — Агрипина Васильевна Панина была родная племянница по матери княгини Дарьи Михайловны Меншиковой; она играла весьма видную роль при Дворѣ, а своимъ замѣчательнымъ умомъ приобрѣла дѣйствительное и большое вліяніе на общество. Въ началѣ 1742 г. Неплюевъ получилъ приказъ отъ принца Гессенъ-Гомбургскаго — явиться во дворецъ, что онъ и сдѣлалъ. Императрица обошлась съ нимъ весьма ласково и возвратила ему орденъ св. Александра Невскаго, возложивъ его на невинно-осужденнаго собственноручно, когда она проходила въ домовую церковь, предъ которой Неплюевъ долженъ былъ ожидать ее, стоя на колѣняхъ; но малороссійскія деревни не были возвращены Неплюеву, а остались въ казнѣ и впоследствии перешли къ графу К. П. Разумовскому. Такимъ образомъ, не смотря на всю невинность Неплюева и понесенныя имъ оскорбленія, онъ все-таки долженъ былъ лишиться пожалованныхъ ему Анной Леопольдовной малороссійскихъ деревень. Этотъ арестъ Неплюева по дѣлу Остермана и отнятіе у него помѣстій послужили какъ бы возмездіемъ и *искупительной жертвой* Неплюеву

^{a)} См. его VII сатиру, посвященную Трубецкому.

^{b)} Бантышъ-Каменскій. „Словарь достопамят. людей Русс. земли“, т. V, стр. 167.

^{c)} На которые, между прочимъ, указываетъ Карповичъ въ своемъ сочиненіи: „Замѣч. богатства части. лицъ въ Россіи“.

за его, хотя и *невольное*, участіе въ дѣлѣ Волынскаго, который, во время допросовъ, разъ довольно рѣзко замѣтилъ строго относившемуся къ нему Неплюеву: „Изъ паденія моего можно тебѣ разсуждать!“^{а)} Самъ Неплюевъ отнесся съ удивительнымъ терпѣніемъ и незлобіемъ къ этому дѣлу; воть что говоритъ онъ по этому поводу въ Запискахъ: „Увидавъ дочь Государя, мною обожаемаго, въ славѣ ей принадлежащей, и въ лицѣ ея черты моего отца и Государя Петра Перваго, я такъ обрадовался, что забылъ и все минувшее, и желалъ ей отъ истинной души всѣхъ благъ и послѣдованія ей путемъ въ Возѣ почивающаго родителя“^{б)}.

Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, власть и вліяніе иностранныхъ временщиковъ, въ родѣ Вирона, должны были кончиться. Дочь Петра старалась окружить себя русскими людьми, ревностными приверженцами идей ея отца и отца отечества. Но старые сотрудники Преобразователя, пріученные имъ къ неумолимой и безкорыстной работѣ, подъ вліяніемъ различныхъ интригъ, получили невидныя мѣста и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма тяжелыя обязанности. Василій Никитичъ Татищевъ былъ оставленъ при Калмыцкой Комиссіи, а потомъ ему же поручили и управленіе Астраханскою губерніею. Ив. Ив. Неплюевъ, вскорѣ послѣ окончанія надъ нимъ слѣдствія и возвращенія ему ордена св. Александра Невскаго, былъ приглашенъ въ Сенатъ, гдѣ ему вручили высочайшій указъ о назначеніи его командиромъ Оренбургской Экспедиціи. Въ силу этого указа, Неплюевъ долженъ былъ привести въ надлежащее устройство Башкирскій край; обезопасить границы, простиравшіяся болѣе чѣмъ на 1000 верстъ; обуздать грабительство Киргизъ-Кайсаковъ и другихъ степныхъ хищниковъ и распространить торговлю съ Азіей. Понятно, что для Неплюева, занимавшаго предъ тѣмъ важныя государственныя должности, мѣсто командира мало-населеннаго и еще менѣе устроеннаго Оренбургскаго края было значительнымъ пониженіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы замаскированной ссылкой; такъ взглянулъ на свое назначеніе и самъ Неплюевъ и такъ-же поняли это назначеніе друзья и родственники Неплюева: они напутствовали его горькими слезами. Но Неплюевъ былъ человѣкъ недюжиннаго ума и слишкомъ возвышенной души, чтобъ унывать; послать такого человѣка въ дикую степь, гдѣ открывалось обширное поле для полезной дѣятельности, не значило ли это — приготовить Неплюеву дорогу къ новымъ заслугамъ, славѣ и почестямъ?! — Неплюевъ хорошо сознавалъ сложность и трудность ввѣряемаго ему дѣла; но онъ не сталъ отговариваться отъ своего назначенія, а безропотно повиновался волѣ новой Императрицы, „дочери обожаемаго имъ Государя и

^{а)} Отец. Зап. 1860 г., № 6, стр. 540.

^{б)} Записки Неплюева въ „Русск. Арх.“, 1871 г., стр. 657.

отца," и отправился въ Оренбургъ,—какъ самъ онъ говоритъ,—„съ спокойнымъ, по невинности, духомъ“. Не такъ подѣйствовало это назначеніе на молодую жену Неплюева, Анну Ивановну, привыкшую къ блеску и пышности Двора и къ разнообразнымъ развлеченіямъ и удовольствіямъ столичной жизни,—она была въ отчаяніи: „Въ несчастіе такое приведенная жена моя,“—говоритъ Неплюевъ,—„съ самаго сего дня (т. е. со дня его назначенія) поверглась въ такое уныніе, что отъ того никакимъ совѣтомъ её извлечь я не могъ, отчего и почувствовала тяжкіе болѣзненные припадки“. Напрасно Иванъ Ивановичъ старался уговорить и ободрить её,—она совсѣмъ упала духомъ и стала, замѣтно, увядать. Это не только печалило, но и огорчало Неплюева; только теперь понялъ онъ, что этотъ кумиръ Двора и общества, при блестящихъ достоинствахъ ума и образованія, не имѣлъ ни достаточнаго самообладанія, ни достаточнаго самоотверженія изъ любви къ нему, чтобы твердо и спокойно переносить съ мужемъ его несчастія; при этомъ невольно вспомнилъ Неплюевъ о Ѳедосѣ Ѳеодоровнѣ, которая для него готова была пожертвовать жизнью. Съ другой стороны, Неплюевъ, какъ человѣкъ умный, не могъ и обвинять своей жены: молодой, красивой и образованной женщины, блиставшей при Дворѣ, пришлось, по милости мужа, ѣхать въ степь къ дикимъ киргизамъ и башкирамъ—бунтовщикамъ. Опредѣливъ сына Николая въ Кадетскій корпусъ и взявъ съ собою жену и одиннадцатилѣтнюю дочь Анну, родившуюся въ Константинополѣ, Неплюевъ отправился въ путь, положившись на Промыслъ Божій, управляющій жребіемъ смертныхъ. Съ чего началъ онъ свою дѣятельность въ Оренбургскомъ краѣ и какъ выполнилъ порученное ему дѣло, увидимъ дальше, а теперь перейдемъ къ краткому историческому обзору Оренбургскаго края до поступленія его въ главное вѣдѣніе и распоряженіе Неплюева, чтобы имѣть понятіе о томъ, куда ѣхалъ Неплюевъ и что его тамъ ожидало.

ГЛАВА VI.

Первоначальные обитатели Оренбургскаго края и позднѣйшій приростъ его населенія.—Башкирскіе бунты съ 1584 по 1733 г.—Намѣренія и планъ Петра Великаго, по отношенію къ средне-азиатскимъ странамъ и народамъ.—Абулъ-Хаиръ-Ханъ и присоединеніе къ Россіи Малой Киргизской орды.—Проектъ Кириллова и его экспедиція въ Башкирію.—Возстаніе башкиръ и отношеніе къ нимъ Тевкелева, Кириллова и Румянцева.—Кончина Кириллова и назначеніе на его мѣсто Татищева.

Всѣмъ азиатскимъ странамъ и землямъ оная
Киргизъ-Кайсацкая орда—ключъ и врата.

(Петръ Великій).

Оренбургскій край издавна обращалъ на себя вниманіе Русскаго Правительства и былъ предметомъ особенныхъ его заботъ. На обширной территоріи этого края въ разное время сходились и перемѣшивались племена финскаго, монгольскаго и тюркскаго происхожденія, постепенно теряя свою самостоятельность и уступая господство надъ краемъ славяно-русскому племени. Изъ славянскаго племени здѣсь и доселѣ обитаютъ: бѣлоруссы, малоруссы и великоруссы; изъ инородцевъ: башкиры, мешеряки^{а)}, чуваша, мордва, тептяри^{б)}, бобыли, татары, калмыки и киргизы. Всѣ эти племена тѣсно перемѣшаны другъ съ другомъ: русскія селенія чередуются съ инородческими; нерѣдко въ одной и той же деревнѣ встрѣчается нѣсколько различныхъ народностей вмѣстѣ.—Дорогой цѣной приобрѣла себѣ этотъ край коренная Россія: много, даже очень много было пролито инородческой и русской крови на этомъ обширномъ пространствѣ прежде, чѣмъ оно было включено въ составъ Русскаго государства. Болѣе двухъ вѣковъ, съ небольшими перерывами, продолжалась упорная борьба Русскаго Правительства съ инородческимъ населеніемъ этого края, особенно съ главными обитателями его—башкирами. Вслѣдствіе историческихъ комбинацій и географическихъ условій, Россія должна была принять на себя рѣшеніе трудной міровой задачи, по отношенію къ тюрко-татарскимъ племенамъ: сначала ей пришлось быть оплотомъ европейской цивилизаціи отъ мусульманскаго фанатизма и восточнаго варварства, а потомъ она же явилась насадительницею европейской культуры среди этихъ варваровъ и провозвѣстницею Евангельскаго ученія, въ духѣ Св. Православной Церкви. Находясь на рубежѣ между Европой и Азіей,

^{а)} Мешеряки представляютъ собою смѣсь тюркскаго и финскаго племени. См. статью Майнова въ „Древн. и Нов. Россіи“, 1870 г., № 10 Сравни. Э. Реклю: „Россія“, т. I, стр. 388—389.

^{б)} Тептяри значить „поселенцы“ или „новопришельцы“: они всѣ смѣшанной крови и принадлежатъ къ народамъ отатарившейся расы, между которыми главное мѣсто занимаютъ башкиры, а второстепенное—черемисы, чуваша и вотяки. См. тамъ же, стр. 389. Сравни. „Russische Revue“, 1877 г., № 11, письмо къ г. Майнову.

славяно-русское племя должно было стать лицом къ лицу съ финскими и тюрко-монгольскими племенами, вынести на своихъ мощныхъ плечахъ всю силу ихъ враждебнофанатическаго натиска и въ борьбѣ за существованіе — умереть или побѣдить. Такова историческая задача, выпавшая на долю Россіи, — и въ этомъ направленіи она дѣйствовала и дѣйствуетъ до сихъ поръ. Подчиняя себѣ азіатскія страны и племена, она охотно принимаетъ новыхъ подданныхъ въ свою общую семью, съ правами равенства и объединенія: русскіе не чуждаются инородцевъ, какъ англичане индусовъ или американцы туземнаго населенія; напротивъ, они вступаютъ съ инородцами въ близкія отношенія, свыкаются съ ними и, при помощи языка и религіи, ассимилируютъ ихъ и сливаются съ ними въ одну господствующую народность. Отсутствіе топографическихъ преградъ и смежность инородческихъ поселеній съ русскими еще болѣе содѣйствуютъ этому сближенію и ассимиляціи^{а)}.

Башкиры, по официальнымъ документамъ, считаются аборигенами, или первоначальными обитателями Оренбургскаго края; но такое мнѣніе въ строго-историческомъ смыслѣ едва ли справедливо. Преданія самихъ башкиръ и существованіе на занимаемой ими территоріи многихъ кургановъ, прозванныхъ чудскими, указываютъ на то, что раньше башкиръ здѣсь обиталъ какой-то другой народъ, который не только зналъ о природныхъ богатствахъ края, а умѣлъ находить металлы и дѣлать изъ нихъ разныя вещи, какъ это доказываютъ различные предметы, находимые при раскопкахъ кургановъ^{б)}. Несмотря на недостаточное знакомство съ ископаемыми курганными памятниками Башкиріи, есть основаніе предполагать, что эти курганы воздвигнуты не татарскимъ племенемъ и, во всякомъ случаѣ, не башкирами. Въ нихъ были находимы, большею частію, мѣдныя и бронзовыя, рѣже золотыя издѣлія (стрѣлы, идолы, предметы домашняго обихода и украшеній) или каменные орудія, что доказываетъ глубокую древность этихъ кургановъ, — ихъ принадлежность къ каменному или бронзовому вѣку. Но чудскіе курганы не слѣдуетъ смѣшивать съ монгольскими или татарскими могилами, разсыянными во множествѣ по Киргизской степи, Оренбургской и Самарской губерніямъ. Первые преимущественно находятся въ Сибири, особенно по рѣкамъ Міасу, Исети и Тоболу, хотя встрѣчаются также въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ, напр. въ уѣздахъ Бузулукомъ, Верхнеуральскомъ, Челябинскомъ и Троицкомъ. Чудскіе курганы имѣютъ коническую форму, иногда въ нѣсколько сажень вышины; въ ихъ могилахъ,

^{а)} См. въ „Вѣстн. Европы“ (1874 г., декабрь, стр. 758) статью В. Флоринскаго: „Башкирія и Башкиры“.

^{б)} Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 83, 84, 88, 312; ч. II, стр. 32, 58, 60, 129, 147, 155, 163, 172, 194, 195, 199, 202, 205, 217. Сравни. Пам. кн. Оренб. губ. на 1870 г., IV, стр. 6; Уфимск. Губ. Вѣд. 1865 г., № 47; 1867 г., № 2.

выложенныхъ камнемъ или кирпичемъ, встрѣчаются мѣдныя, серебряныя и золотыя издѣлія. Монголо-татарскія могилы состоятъ изъ небольшихъ холмовъ продолговатой формы, отъ 3 до 4 арш. въ длину и отъ 2 до 3 арш. въ ширину. Около нихъ нерѣдко встрѣчаются небольшія ямы, изъ которыхъ, вѣроятно, брали землю для насыпи надъ могилой. На вершинѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ холмовъ, расположенныхъ иногда по нѣскольку въ рядъ и почти всегда на открытыхъ высокихъ увалахъ, находили круглыя ямы и грубой работы изъ камня изображенія человѣческихъ фигуръ. При раскопкѣ этихъ холмовъ-могилъ, находили на небольшой сравнительно глубинѣ угли отъ сожженного хвороста (можетъ быть, слѣды бывшихъ жертвоприношеній); у самого основанія холма оказывалась могила, иногда обложенная сгнившими досками, и въ ней—человѣческія кости. Въ числѣ вещей этихъ могилъ встрѣчались чаще всего желѣзныя издѣлія (стрѣлы, клещи, огниво и т. п.), рѣже—золотыя и серебряныя вещи, а иногда—и конскія головы. Нужно думать, что эти холмы насыпаны татарами или киргизами, и принадлежатъ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ чудскіе курганы. Кромѣ того, въ Оренбургскомъ краѣ встрѣчаются старыя могилы съ небольшими холмами изъ набросаннаго камня, принадлежащія, повидимому, такъ-же къ позднѣйшей эпохѣ. Судя по металлическому производству и по отдѣлкѣ находимыхъ въ чудскихъ курганахъ вещей, слѣдуетъ допустить, что такъ-называемая Чудь, въ культурномъ отношеніи стояла выше башкиръ и, вѣроятно, была вытѣснена ими изъ предѣловъ югозападной Сибири или совсѣмъ истреблена^{а)}.

Кромѣ кургановъ, при отысканіи рудъ, въ Уральскихъ горахъ находили и другіе памятники древнѣйшихъ обитателей этого края—слѣды рудныхъ разработокъ, шахты и орудія горнаго дѣла, свидѣтельствующія о существованіи здѣсь въ древнія времена мѣднаго металлическаго производства. Чудскія шахты по Уралу описаны еще академиками Лепехинымъ и Палласомъ, во время ихъ путешествія по Сибири. Древнія шахты имѣли видъ узкихъ корридоровъ, простиравшихся иногда на значительное пространство въ длину. Стѣны этихъ корридоровъ-шахтъ не были обдѣланы и укрѣплены, почему могли легко обваливаться, погребая иногда подъ собой рудокоповъ, что доказывается нерѣдко находимыми въ нихъ костями людей. Отсутствие желѣзныхъ издѣлій въ этихъ шахтахъ имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что указываетъ на близкую связь, если не тождество, древнихъ рудокоповъ съ неизвѣстнымъ народомъ, которому принадлежатъ „чудскіе“ курганы. По всѣмъ этимъ шахтамъ искали и обрабатывали исключительно мѣдную руду и при ея плавленіи, какъ можно предполагать, не употребляли ни печей, ни сложныхъ прибо-

^{а)} Вѣстн. Европы, 1874 г., декабрь, стр. 735.

ровъ, такъ-какъ указаній на то не имѣется. На Уралѣ и Алтаѣ также были найдены слѣды древняго добыванія золота и серебра, желѣза же въ обработанномъ видѣ не найдено ни въ одной изъ открытыхъ шахтъ. Горныя тяжелыя орудія, напр. молоты, оказывались или каменными, или мѣдными. Добываніе рудъ производилось или такими же кирками, или крѣпкими клыками большихъ животныхъ. Лепехинъ сообщаетъ, что подобныя шахты были найдены близъ Полевскаго завода въ Гумешевскомъ рудникѣ, въ которомъ оказались горныя инструменты (койла, молоты и т. п.), сдѣланные изъ мѣди; тамъ же найдены сумки, рукавицы, кости, деревянные укрѣпленія штольнѣ; послѣднія, по его словамъ, отличались особенной твердостью и, будучи зажжены, горѣли зеленымъ пламенемъ со смраднымъ запахомъ^{a)}. Рукавицы и сумки, найденныя въ этомъ рудникѣ на девяти-саженной глубинѣ, по мнѣнію Палласа, были сшиты изъ лосинной кожи. Сумки были значительно попорчены, а рукавицы сохранились настолько хорошо, что на нихъ уцѣлѣла даже шерсть. Онѣ были сдѣланы изъ кожи съ головы лоси, съ неочищенной шерстью, такимъ образомъ, что ухомъ надѣвались на большой палецъ, и потому одинаково были удобны для обѣихъ рукъ, правой и лѣвой. Въ этомъ же рудникѣ была найдена полуобгорѣвшая сосновая лучина, служившая для освѣщенія^{b)}. Въ рудникѣ Санчей, по свидѣтельству Палласа, въ узкихъ ходахъ была найдена лепешка сплавленной мѣди, нѣсколько горшковъ изъ бѣлой глины, въ которыхъ плавилъ мѣдь, и кости рудокопа^{c)}. Такая же древняя копь, по словамъ Лепехина, была открыта близъ Каноникольскаго завода, въ Бурзянской башкирской волости. „Все рудопромышленники,“ — говоритъ онъ, — „единогласно увѣряютъ, что жившая нѣкогда тутъ Чудь самую лучшую руду отбирала. Она никогда порядочно руды не добывала, но, лазя подъ землю на подобіе кротовъ, отковыривала лучшую руду кабаньими клыками. Наша чудская копь казалась намъ быть доказательницею и того, что древніе сѣя страны обитатели промыслили и высокіе металлы“^{d)}. Подобныя же шахты, на десяти-саженной глубинѣ, были найдены Палласомъ и на Алтаѣ, въ Змѣевскомъ рудникѣ^{e)}. Въ гробницахъ подъ сибирскими курганами по Иртышу и Енисею, равно какъ и по Самарской степи, около Бузулука, по свидѣтельству Палласа, находили наконечники стрѣлъ, ножи, кинжалы и другіе предметы, вылитые или выкованные изъ мѣди, иногда золотыя и серебряныя вещи, но ни разу не было найдено желѣзныхъ, изъ чего заключаютъ, что такъ-называемой Чуди не было извѣстно употребленіе желѣза^{f)}.

a) Пут. Зап., т. II, стр. 275.

b) Палласъ, т. II, кн. I, стр. 199. Ср. „Вѣстн. Европ.“ 1874 г., т. VI, стр. 734.

c) Палласъ, т. I, стр. 370.

d) Пут. Зап., т. 2, стр. 97.

e) Палласъ. Путеш. по Россіи, т. II, кн. 2, стр. 355.

f) Вѣстн. Европы, 1874 г., т. VI, стр. 734 и 735.

Названія рѣкъ, озеръ, горъ, различныхъ урочищъ такъ же, какъ и курганныя находки, могутъ служить цѣнными данными, при рѣшеніи вопроса о первоначальныхъ обитателяхъ извѣстной страны, такъ-какъ, несмотря на смѣну одного народа другимъ, эти названія остаются прежними, хотя произношеніе ихъ иногда и мѣняется, соотвѣтственно духу и фонетическимъ особенностямъ языка новыхъ поселенцевъ. Этотъ признакъ, какъ справедливо замѣтилъ В. М. Флоринскій, — могъ-бы объяснить многое, относительно исторіи первоначальныхъ жителей не только Башкиріи, но и вообще всѣхъ провинцій нашего отечества^{а)}. Будемъ надѣяться, что филологія современемъ прольетъ свой свѣтъ на рѣшеніе столь сложныхъ лингвистическихъ вопросовъ, требующихъ основательнаго знанія не только тюрко-монгольскаго языка, но и языка различныхъ финскихъ племенъ. Въ названіяхъ рѣкъ Оренбургскаго края и въ частности — Башкиріи встрѣчается много словъ не тюркскаго происхожденія, какъ напримѣръ: Сакмара, Уфа, Икъ, Сокъ, Уй, Ирмель, Увелька, Міясъ, Дѣма, Ай, Изеръ, Юрезанъ, Оръ и т. п. Напротивъ, рѣки, озера и урочища киргизскихъ степей и южной части Оренбургской губерніи, большею частію, носятъ названія киргизскія или татарскія, напр. Джимъ (Эмба, кормъ), Илекъ (сито), Яикъ (отъ яикмакъ — расширяться), Сагисъ (сѣра), Сары-су (желтая вода) и др. Что касается собственно Башкиріи, то здѣсь больше татарскихъ словъ встрѣчается въ названіи поселеній, нежели озеръ и рѣкъ; это совершенно понятно, потому что первыя, большею частью, давались новыми поселенцами; напр. Бугульма (отъ бугульмакъ — изгибаться), Бузулукъ (телячій), Бугурусланъ (уруслапъ — левъ), Стерлитамакъ (томакъ — горло, устье), Мензелинскъ (мензеля — становище, мѣсто поселенія, — арабское слово), Элабуга (алабуга — окунь) и т. п. Еслибы аборигенами Оренбургскаго края были башкиры, тогда бы не только названія городовъ и селеній, но и названія рѣкъ и озеръ были башкирскія. Вообще ископаемые памятники такъ-называемыхъ чудскихъ могилъ и названія многихъ рѣкъ, озеръ и урочищъ въ предѣлахъ Оренбургскаго края заставляютъ думать, что башкиры не были аборигенами занимаемой ими территоріи, а вѣрнѣе — народомъ пришлымъ, поселившимся здѣсь послѣ другихъ народностей, стоявшихъ выше ихъ въ культурномъ отношеніи, на что указываютъ курганныя находки, и говорившихъ другимъ языкомъ, какъ это можно предполагать изъ названія многихъ рѣкъ, озеръ и урочищъ, чуждыхъ языку башкиръ и сохранившихся до сихъ поръ подобно тому, какъ сохранились, напримѣръ, не русскія названія многихъ великорусскихъ

^{а)} Тамъ же, стр. 736.

рѣкъ: Сура, Цна, Мста, Упа, Ока и проч. Въ дополненіе къ тому, что выше было сказано о чудскихъ могилахъ, мы считаемъ совершенно умѣстнымъ замѣтить, что Чудью назывались Эстонцы, или Эстляндцы, Вожане, или Водь^{а)}, Ижорцы, Корелы, а также и аборигены Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губерній^{б)}; послѣднія двѣ губерніи входили нѣкоторыми своими частями и въ составъ Оренбургскаго края. Миллеръ въ своей рѣчи: „О происхожденіи Россійскаго народа“ говоритъ: „Чудь знаменуетъ на русскомъ языкѣ вообще первобытныхъ жителей: в) ибо ежели вы на берегахъ Волги, Тобола, Иртыша, Оби, Енисея, видя какое-нибудь укрѣпленіе, могилу, древнее зданіе, спросите у жителей: кто соорудилъ ихъ? То они вамъ отвѣтствуютъ: Чудь, народъ, который обиталъ здѣсь прежде Русскихъ“. Гюландъ называетъ Чудь „Thuidos“, а Баеръ думаетъ, что Скифы и Чудь—одинъ народъ^{д)}.

Но если башкиры и не были аборигенами занимаемой ими страны; то, во всякомъ случаѣ, они должны считаться древнѣйшими обитателями Оренбургскаго края: свѣдѣнія о нихъ относятся къ очень отдаленному отъ насъ времени. Арабскіе и персидскіе писатели IX—XIII в.^{е)} упоминаютъ о башкирахъ, какъ о самостоятельномъ народѣ, занимавшемъ почти ту же территорію, что и теперь, именно по обѣимъ сторонамъ Уральского хребта: между рѣками Волгою, Камою, Тоболомъ и верхнимъ теченіемъ Аджика (Яика, или Урала). О восточныхъ или уральскихъ башкирахъ говорится въ сочиненіяхъ Ибнъ-Фадлана (922 г.), Эдриси (около половины XII в.), Якута (въ началѣ XIII в.), Ибнъ-Саида (около полов. XIII в.), Казвини (около того же времени) и Демешки (въ началѣ XIV в.). Персидскій писатель Ибнъ-Даста (въ нач. X в.) говоритъ, что „между землею Печенѣговъ и землею болгарскихъ Эсегель лежитъ первый изъ краевъ мадырскихъ. Мадыры эти—тюрское племя. Живутъ они въ шатрахъ и перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая кормовыя травы и удобныя пастбища“^{ж)}. Слово „мадыръ“ у древнихъ восточныхъ писателей имѣло то же значеніе, что и—„башкиръ“, такъ какъ мадыры и башкиры принимались за одинъ народъ. Путешественники XIII в., посѣщавшіе страну башкиръ, находили башкирскій языкъ тождо-

^{а)} Новгор. Лѣт., 134.

^{б)} Двинск. Лѣтоп. въ „Труд. Волын. Росс. Собр.“; „Журналъ путей.“ Рычкова и его же: „Каз. Истор.“, стр. 190.

^{в)} „Не лучше-ли сказать,“—замѣчаетъ Карамзинъ,—„инкоплеменниковъ, или чуждыхъ“?

^{д)} Н. М. Карамзинъ. Ист. Гос. Росс., т. I; прим. 73.

^{е)} См. о нихъ въ кн. С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и др. болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“. Казань, 1877 г., стр. 3—19.

^{ж)} Хвольсонъ. Извѣстія о хозарахъ, бургасахъ, болгарахъ, мадырахъ и проч. 1869 г., стр. 25.

ственнымъ съ мадьярскимъ, почему самую страну, обитаемую башкирами, называли Великою Венгрією (Major Hungaria)^{a)}. Іуліанъ, Платонъ Карпини и Рубрукъ въ сѣ считали башкиръ за народъ одного происхожденія съ Венграми, которыхъ Абуль-Гази называетъ единоплеменниками Финновъ, а Константинъ Багрянородный производитъ Венгровъ отъ Турокъ и въ языкѣ первыхъ находитъ много турецкихъ словъ^{b)}; сами же Венгры называютъ себя Мадьярами, — подъ этимъ именемъ они извѣстны и въ восточныхъ лѣтописяхъ. Карамзинъ предполагаетъ, что древнѣйшее имя Венгровъ было „Угры“, Мадьярами же могло называться какое-либо ихъ отдѣльное сильное племя^{c)}. Мадьяры, какъ часть башкирскаго народа, выселились изъ приуральскихъ степей около 884 года, вследствие притѣсненія ихъ восточными Печенѣгами; поэтому у древнихъ мусульманскихъ писателей имя „унгаръ“ весьма часто замѣняется словомъ „маджаръ“, или „башкиръ“. Масуди, писатель начала X вѣка, говоря объ европейскихъ бадшгардахъ (башкирахъ, или мадьярахъ), упоминаетъ и о племени этого народа, обитающемъ въ Азіи, т. е. оставшемся на родинѣ. Какъ онъ, такъ и большинство другихъ писателей, говоря о башкирахъ, обыкновенно прибавляютъ, что это тюркское племя. Абу-Зейдъ Эль-Балхи (около 951 г.) упоминаетъ о европейскихъ мадьярахъ, называя ихъ „башджардъ“, и говоритъ, что они подвластны болгарамъ и раздѣляются на два племени; одно изъ этихъ племенъ, оставшееся на востокѣ, граничитъ съ Печенѣгами, что и это племя и Печенѣги-тюрки^{d)}. Въ венгерскую войну 1849 года, уральскіе казаки, увидѣвъ въ первый разъ мадьяръ, тотчасъ же прозвали ихъ башкирами и не переставали называть ихъ этимъ именемъ въ продолженіе всей компаніи^{e)}. П. И. Рычковъ, опираясь на авторитетъ башкирскаго старшины Алдаря, сообщаетъ о башкирахъ слѣдующее: „башкирскій народъ одинъ съ ногайцами и жилъ около сибирскихъ границъ, гдѣ отъ сибирскихъ хановъ великія раззоренія претерпѣвать былъ принужденъ“. Страленбергъ и Гумбольдтъ считаютъ башкиръ за народъ финскаго происхожденія, принявшій впоследствии монгольскій типъ. Киргизы называютъ ихъ истякъ (остякъ)^{f)}, почему нѣкоторые также выводятъ заключеніе о финскомъ происхожденіи башкиръ; нѣкоторые производятъ башкиръ отъ древнихъ болгаръ. Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, составленныхъ цен-

a) Вѣст. Евр., 1874 г., т. VI, стр. 724.

b) Н. М. Карамзинъ. Ист. Гос. Росс., т. I, прим. 302.

c) Тамъ же.

d) Вѣстн. Европы, 1874 г., т. VI, стр. 724.

e) Драгомановъ, рукописныя замѣтки. Реклю. Россія, т. I, стр. 389—390.

f) Э. Реклю. Россія, т. I, стр. 389.

тральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ^{а)}, говорится, что „башкиры отличаются отъ татаръ и больше сходны съ финнами“, что они занимаютъ средину между финскимъ и татарскимъ племенами. Хвольсонъ производитъ башкиръ и одноплеменныхъ имъ мадьяръ отъ вогульского племени, составляющаго отрасль угорской группы народовъ, или часть большой алтайской семьи. Наконецъ, въ простонародіи, особенно въ Пермской губерніи, называютъ башкиръ татарами и вообще нисколько не отличаютъ ихъ отъ татаръ.

Принимая въ соображеніе этнографическіе признаки современныхъ намъ башкиръ и ихъ языкъ, мы болѣе склонны раздѣлять мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ башкиръ народомъ тюркского племени^{б)}. Башкиры, вѣроятно, составляли отрасль той большой татарской семьи, которая издавна кочевала, въ формѣ отдѣльныхъ родовъ, на равнинахъ восточной и средней Азіи, и потомъ была сплочена и вызвана къ могучей, хотя и непродолжительной, политической жизни энергіей такихъ вождей, какъ Аттила, Чингизъ-ханъ, Тимуръ и его потомки^{в)}. На тюркское происхожденіе башкиръ указываетъ ихъ языкъ, характеръ и анатомическій складъ, не позволяющіе и думать о какомъ-бы то ни было родствѣ ихъ съ финнами. В. М. Флоринскій говоритъ, что башкиры не представляютъ даже отдѣльнаго народа, какъ разновидность тюрко-татарскаго племени, а что это—тѣ же татары, получившіе особое названіе или по образу жизни, или по географическому положенію, или по родовому раздѣленію^{г)}. Дѣйствительно, башкиры мало отличаются отъ татаръ: тотъ же анатомическій типъ, та же наружность, религія, тѣ же черты характера и почти тотъ же языкъ, что и у татаръ. Различіе между башкирами и татарами замѣчается лишь въ образѣ жизни, въ болѣе низкомъ уровнѣ умственного и гражданскаго развитія башкиръ и въ ихъ плохомъ экономическомъ бытѣ. Но эти отличія являются прямымъ слѣдствіемъ историческаго существованія башкиръ. Татары начали осѣдлую гражданскую жизнь прежде башкиръ, и двумя столѣтіями раньше ихъ были подчинены вліянію русскаго цивилизующаго элемента, тогда какъ башкиры въ это время оставались болѣе подъ вліяніемъ сосѣднихъ калмыковъ и киргизъ и сохранили въ себѣ родовыя преданія и привычки прежняго кочеваго быта; но это не измѣнило племенныхъ ихъ свойствъ и признаковъ. Извѣстно, что во времена Іоанна Грознаго остатки Золотой орды,

а) 1871 г., стр. LXXXVI.

б) Этого мнѣнія держатся Мэконзи Уоллэсъ (Россія, Спб. 1881 г., т. II, стр. 53 и 60) и Элизе Реклю (Европ. Россія, Спб., 1883 г., т. I, стр. 389).

в) Вѣстн. Европы, 1874 г., VI, стр. 727.

г) Тамъ же: „Башкирія и Башкиры“, стр. 731.

подъ именемъ трехъ царствъ: Крымскаго, Астраханскаго и Казанскаго, занимали все пространство отъ береговъ Чернаго моря до р. Камы и Уральскаго хребта. Въ составъ Казанскаго царства входила и нынѣшняя Башкирія, населенная отчасти инородцами финскаго происхожденія (черемисы, мордва, чуваша), главнымъ же образомъ соплеменными киргизамъ — татарами и башкирами. Последніе, занимая азіатскія окраины, охраняли ихъ отъ монгольскихъ ордъ: калмыковъ, зюнгоровъ и киргизъ; особенно башкирамъ приходилось много терпѣть отъ сибирскихъ хановъ. Рычковъ, какъ мы уже замѣтили, считаетъ башкиръ ногайцами, которые раздѣлились на двѣ части: одна изъ нихъ, недовольная и тѣснимая сибирскими ханами, удалась за Волгу и Яикъ (Уралъ), а другая осталась на прежнихъ мѣстахъ, подвергшись презрѣнію со стороны первыхъ, которые будто-бы въ насмѣшку и назвали своихъ единоплеменниковъ словомъ „башкуртъ“, что значитъ — волчья голова. Извѣстный оріенталистъ Ив. Николаевичъ Холмогоровъ высказалъ намъ^{а)}, относительно слова „башкуртъ“, слѣдующее предположеніе: „Ханы Золотой орды обыкновенно давали подчиненнымъ имъ племенамъ какой-либо значекъ или тамгу, для отличія одной части орды отъ другой; этотъ значекъ, или тамга должна была находиться на знамени получившаго ее племени и служить тавромъ на лошадяхъ его; поэтому можно предположить, что волчья голова (башкуртъ) была тамгой башкиръ, какъ отдѣльной части Золотой орды, влѣдствіе чего и самый народъ могъ называться башкирами“. — Другіе названіе „башкиръ“ производятъ отъ татарскаго слова башъ — голова и тюрко-татарскаго — куртъ, означающаго личинку многихъ насѣкомыхъ и, между прочимъ, пчелы, или же отъ башка-юртъ — отдѣльное племя. Первое объясненіе считается наиболѣе правдоподобнымъ, такъ-какъ башкиры лѣсистыхъ и горныхъ мѣстностей въ старину занимались бортевымъ пчеловодствомъ^{б)}.

Первоначальный образъ жизни башкиръ, безъ сомнѣнія, былъ звѣроловный, смѣнившійся потомъ кочевымъ, когда башкиры стали разводить домашній скотъ и заниматься рыболовствомъ, пчеловодствомъ и др. промыслами. При обширности занимаемыхъ башкирами степей и при постоянныхъ столкновеніяхъ съ сосѣдними полудикими монголо-татарскими племенами, башкиры, естественно, гораздо долѣ сохранили кочевый или, по крайней мѣрѣ, полукочевый бытъ, нежели татары благоустроеннаго Казанскаго центра. Кочевья башкиръ постоянно терпѣли погромы: на нихъ нападали татары, особенно ногайцы, киргизы и другіе азіатскіе народы.

^{а)} При личномъ свиданіи, въ августъ 1888 года.

^{б)} Al. Castren's Etnologische Vorlesungen. Die altaischen Völker. Ср. Адресъ-календарь Оренб. губ. на 1849 г., Уфа, въ приложеніи стр. 1. Пам. кн. Оренб. губ. на 1865 г., ч. I, стр. 24. Вѣстн. Европы 1874 г., т. VI, стр. 730.

Еще задолго до Чингизъ—хана, одинъ изъ азіатскихъ владѣльцевъ, ханъ Охусъ^{а)} посылалъ свои войска для покоренія башкиръ; во время же Золотой орды и царства Казанскаго башкиры являются покоренными ногайскими князьками. Съ паденіемъ Казанскаго царства, ногаи, страшась русской власти, уходятъ за Волгу и Уралъ, также на Кубань, а башкиры остаются неприкосновенными, благодаря своей отдаленности, неопредѣленности границъ и кочевому характеру ихъ быта. Башкирія не могла быть покорена однимъ ударомъ, а постепенно, шагъ за шагомъ, что мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Башкиры сами и добровольно принимаютъ русское подданство, обязавшись ежегодно вносить въ казну небольшой ясакъ, состоявшій изъ батмана меда въ 90 коп. и лисицы въ 80 коп. или куницы въ 40 коп. съ каждаго двора^{б)}. Беззащитность башкирскихъ земель отъ сибирскихъ хановъ и киргизскихъ ордъ, а также отдаленность Казани, какъ главнаго административнаго центра, были причиною того, что башкиры сами обратились къ Русскому Правительству съ просьбой о построеніи внутри ихъ страны русскаго города. Вслѣдствіе этого еще въ 1554 г. былъ построенъ въ ихъ странѣ Бирскъ; въ 1557 г.—Оса^{в)}; въ 1584 г.—Мензелинскъ, а въ 1586 г.—Уфа, основаніе которой было положено еще въ 1574 г. бояриномъ Ив. Нагимъ^{д)}. Попытки сибирскихъ царевичей Аблая и Тевкея помѣшать построенію Уфы не удалась: въ 15 верстахъ отъ города они были разбиты и взяты въ плѣнъ, а затѣмъ отправлены въ Москву^{е)}. Такимъ образомъ, съ конца XVI вѣка Московское Государство стремится постепенно колонизировать Башкирію и укрѣпить ее, въ видахъ защиты отъ набѣговъ сосѣднихъ ордъ. Въ XVII вѣкѣ возникаютъ пригороды: Заинскъ, Новошешминскъ, Билярскъ, Ерыклинскъ и заселяются смоленскими и другими шляхтичами, которые назывались городовыми слушлыми людьми и изъ которыхъ потомъ сформировались драгунскіе полки,—все это были „породные люди, имѣвшіе нѣкогда“,—какъ доносилъ полковникъ Мельгуновъ,—„на сторонѣ Его Королевскаго Величества Польскаго маестности и земли“^{ж)}. Но окончательное водвореніе въ Башкиріи русскаго элемента произошло не раньше начала XVIII столѣтія.

Въ 1732 году положено основаніе Закамской линіи^{з)}; съ этого же времени стали мало-по-малу, переселяться въ Башкирію и государственные

^{а)} Страленбергъ относитъ время этого хана за 300 л. до Р. X. См. Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. I, стр. 75 и 144.

^{б)} Ежемѣсячн. Соч. 1759 г., № 1, стр. 17.

^{в)} Н. Попова; „Татищевъ и его время“, стр. 161 и 162.

^{д)} Пам. кн. Оренб. губ. 1865 г., ч. I, стр. 25; Топ. Оренб. губ. Рычкова, ч. II, стр. 194; „Оренб. исторія“ его же, стр. 113.

^{е)} Топогр. Ор. губ. ч. I, стр. 86.

^{ж)} Адресъ-календ. Ор. губ. 1849 г., стр. 10 и 11.

^{з)} См. примѣчаніе 19-е.

крестьяне, которые въ актахъ, по большей части, называются „вольными гулящими людьми“; имъ давались земли подъ названіемъ „дикихъ полей“. Но первоначальное заселеніе края русскими шло туго, чему, вѣроятно, препятствовало и то, что башкиры стали жаловаться на самовольный захватъ ихъ земель русскими поселенцами, вопреки грамматъ царя Іоанна Грознаго 1576 г., почему Соборнымъ Уложеніемъ было запрещено переселяться сюда изъ внутренней Россіи, а равно приобрѣтать всѣми путями башкирскія земли, что, какъ положительный законъ, и было введено въ Соборное Уложеніе^{а)}. Не смотря на это, переселенія изъ внутреннихъ губерній въ Башкирію и послѣ того не прекращались. Въ 1698 году, послѣ возмущенія московскихъ стрѣльцовъ, посланы въ Уфу на службу стрѣльцы, неучаствовавшіе въ бунтѣ, а въ слѣдующемъ году сюда же были переселены и ихъ семейства. Въ 1700 г., по указу Петра Великаго, Уфа, Мензелинскъ, Бирскъ, Заинскъ и Табынскъ составили особую провинцію, подчиненную вѣдѣнію и управленію казанскихъ воеводъ. Въ 1719 г., по первой ревизіи, во всей Уфимской провинціи, занимавшей почти всю нынѣшнюю Оренбургскую губернію, числилось 1198 крестьянскихъ дворовъ, за исключеніемъ земли Яицкаго войска и уѣздовъ: Мензелинскаго, Челябинскаго и Заинскаго. Съ 1736 г., когда снова была разрѣшена покупка башкирскихъ земель^{б)}, переселеніе русскихъ въ Башкирію увеличивается. Многіе государственные крестьяне добровольно переселяются изъ другихъ губерній на покунныя и кортомленныя земли башкиръ; пространства въ нынѣшнемъ Бузулукскомъ и нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ, нѣсколько вѣковъ лежавшія петровутыми, заселяются выходцами изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній^{в)}. Сюда же стремились и нѣкорые помѣщики, увлекавшіе за собой и своихъ крестьянъ, а также есылались штрафованные и наказанные плетью преступники; вмѣстѣ съ тѣмъ, привольные башкирскіе лѣса и уголья сдѣлались пріютомъ и для бѣглыхъ. Великій расколъ, обнаружившійся въ Русской Церкви, и прикрѣпленіе къ землѣ крестьянъ были главными причинами, обусловливавшими собою количество бѣглыхъ; не мало также содѣйствовали этому и рекрутскіе наборы, самоуправство воеводъ, чиновниковъ и слабость центральной власти, по смерти Петра Великаго. Впрочемъ, самые эти побѣги послужили въ пользу русской колонизаціи. Бѣглецами заселялись окраины Россіи; чрезъ нихъ колонизація русскаго племени проникала далеко въ глубь инородческаго населенія на востокъ и сѣверо-востокъ, и должна была могущественно содѣйствовать распространенію

^{а)} См. ст. 43. Слич. Памят. кн. Уфимской губ. 1873 г., ч. II, стр. 4.

^{б)} Тамъ же, стр. 141.

^{в)} Бестужева-Рюмина: „О колонизаціи великорусскаго племени“ въ Ж. М. Н. Просв. 1867 г., июнь.

между ними различныхъ промысловъ и хлѣбопашества. Конечно, эти бѣглецы, по большей части, составляли шайки разбойниковъ^{а)}, но вмѣстѣ съ тѣмъ часть ихъ выдѣлилась и въ мирныхъ поселенцевъ, а ихъ потомки составили населеніе уже совершенно мирное^{б)}. Извѣстно также, что эти бѣглецы — колонисты представляли самую предприимчивую, самую энергичную часть сельскаго населенія. Малодушный и робкій духомъ покорно склонялся, по словамъ Ешевскаго, подъ условія крѣпостнаго права, смѣлый уходилъ въ астраханскія степи, на заводы пермскіе и въ Оренбургъ^{в)}. Бѣгали крестьяне, солдаты, церковники; бѣгали школьники, невыносившіе суровой дисциплины; бѣгали раскольники, нежелавшіе платить двойнаго подушнаго оклада и боявшіеся преслѣдованія за свои убѣжденія, — словомъ, бѣгали всѣ, которымъ становилось жутко и тѣсно на родинѣ^{г)}. Сюда старались переселять своихъ крестьянъ митрополиты и архіереи тобольскіе, въ силу агрономическихъ соображеній: для нихъ было выгоднѣе имѣть свои вотчины здѣсь, чѣмъ въ холодной Сибири; такъ, вѣроятно, и образовалась въ Челябинскомъ уѣздѣ Воскресенская, или Митрополичья слобода^{д)}. Кромѣ русскихъ, стремились и шли въ Башкирію также инородцы губерній, расположенныхъ по Волгѣ и ея притокамъ. Паденіе Казанскаго царства послужило поводомъ къ переселенію въ Башкирію татаръ, черемисъ и другихъ инородцевъ, не желавшихъ оставаться въ завоеванныхъ Іоанномъ Грознымъ земляхъ. Въ то же время изъ Сибири двинулись меншерыки и начали заселять земли въ нынѣшнемъ Бирскомъ уѣздѣ, а изъ губерній Вятской, Симбирской и Нижегородской устремились тебтары, чуваша, мордва и вотяки. Здѣсь же находили себѣ пріютъ и выходцы изъ киргизскаго плѣна, Туркестана, Бухары, Хивы и друг. мѣстъ, чему служатъ подтвержденіемъ и нѣкоторые башкирскіе преданія. Эти выходцы-плѣнники представляли самую разнообразную смѣсь національностей, то были: персіяне, аравитяне, турки, каракалпаки, армяне, бухарцы, хивинцы, кубанцы, узбеки и бадашканцы^{е)}; нѣкоторые изъ нихъ приняли крещеніе и составили нѣсколько родовъ или волостей, — къ нимъ причисляются и двѣнадцать Минскихъ волостей. Выходцы изъ Бухары и Хивы, называвшіеся въ 1730 г. служилыми тезиками, впослѣдствіи смѣшались съ башкирами^{ж)}. Такъ мало-по-малу составлялось населеніе Башкиріи изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ и племенъ.

^{а)} См. ст. Есипова: „Ванька Капъ“ (Осьмнадц. вѣкъ, т. III, стр. 296, 298, 299 и 395).

^{б)} Ж. М. Н. Пр. 1867 г., іюнь, ст. Бестужева-Рюмина „О колониз. великорусск. плем.“

^{в)} См. его сочиненія, т. III, стр. 660.

^{г)} П. С. З. № 5954, 6024. 6555, 6854, 6612, 8093, 9915, 10482, 11214 и др.

^{д)} Рычковъ. Топ. Ор. губ. ч. II, стр. 177. Пам. кн. Уф. губ. 1870 г., 17, пр.

^{е)} Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 118; Слич. ч. I, стр. 191.

^{ж)} Жуковский. Краткое обозрѣніе достопамятныхъ событій Оренбургскаго края съ 1246—1832 г., стр. 9.

Характеръ колонизаціи Оренбургскаго края, по преимуществу, былъ земледѣльческій: помѣщики и ихъ крестьяне приносятъ сюда хлѣбъ и соху; государственные крестьяне спѣшатъ воспользоваться плодородной почвой, въ которой уже были сдѣланы удачные опыты раньше ихъ; ссыльнымъ сюда опредѣляется извѣстное количество земли для обработки; самые чиновники стараются упрочить свое благосостояніе покупкою башкирскихъ земель и сельскимъ хозяйствомъ; даже башкиры, чуждавшіеся сначала земледѣльческой промышленности, подъ вліяніемъ русскихъ колонистовъ, взяли подъ конецъ такъ же за соху и, благодаря этому, сохранили средства къ своему существованію среди земледѣльческаго населенія края.

Долго русскіе поселенцы не могли ужиться съ башкирами, впрочемъ, главною причиною недовольства башкиръ были злоупотребленія администраціи и чиновниковъ края. Насилія воеводъ и ихъ клевретовъ раздували эту вражду до опасныхъ возстаній, не смотря на постоянныя предписанія Правительства смотрѣть за тѣмъ, чтобы отношенія къ башкирамъ были нисколько нестѣснительны для нихъ; но въ то же время, Правительство, не довольствуясь сборомъ ясака, хотѣло еще, чтобы башкиры платили такъ-называемыя „подымныя“ деньги, или пошлины, и „выводныя“ со свадебъ. Башкиры, кочевавшіе по рѣкѣ Уралу и степямъ, не хотѣли платить податей и среди ихъ являются предводители недовольныхъ, дѣйствовавшіе при участіи и содѣйствіи киргизовъ и калмыкъ. Вслѣдствіе этого недовольства башкиръ существовавшими порядками, возникаютъ башкирскіе бунты, начиная съ конца XVI стол., и продолжаются около двухъ вѣковъ, съ небольшими промежутками. Въ первый разъ волненіе среди башкиръ обнаружилось въ 1584 году. Въ 1645 году захватъ башкирскихъ земель русскими колонистами послужилъ причиною бунта въ Уфимской провинціи: башкиры подступили къ Мензелинску, но были отражены; многіе изъ нихъ были пойманы и преданы казни^{а)}. Въ 1662 году взводновались снова уфимскіе башкиры, для усмиренія которыхъ было послано изъ Москвы войско, подъ начальствомъ стольника и воеводы Языкова^{б)}. Въ 1664 г. башкиры возстали подъ предводительствомъ старшины Сеита, по имени котораго и самый бунтъ получилъ названіе „Сейтовскаго“; этотъ бунтъ продолжался около пяти лѣтъ. Много было разграблено и сожжено русскихъ селеній въ Уфимскомъ и Казанскомъ уѣздахъ и перебито русскихъ людей. Воззванія воеводъ и разныя обѣщанія Правительства мало способствовали усмиренію бунта, и только отпаденіе отъ башкиръ Калмыц-

^{а)} Истор. Оренб. губерніи. Состав. А. Алекторовъ. Изд. 2, Оренбургъ, 1883 г., стр. 12.

^{б)} Тамъ же. Сл. Пам. кн. Уфимск. губ. 1873 г., II, стр. 4.

каго хана Аюки, принявшаго русское подданство, ослабило силы бунтовщиковъ и успокоило страну, но не надолго. Въ 1677 г. Башкиры идутъ противъ Уфы, но, не дойдя 19 верстъ до города, возвращаются, благодаря, какъ говорить преданіе, помощи чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, найденной при колодцѣ въ селѣ Богородскомъ. Не смотря на это, волненіе башкиръ не утихаетъ до 1680 года, когда бунтовщики были усмирены Малороссійскими и Яицкими казаками, подъ начальствомъ присланнаго изъ Москвы воеводы, Ѳеодора Васильевича Зеленина. Въ 1683 г. возникаетъ новый бунтъ башкиръ около Мензелинска, потребовавшій для его потушенія пятисотенную команду Яицкихъ казаковъ. Но съ 1704 г. башкиры снова начинаютъ волноваться, а въ 1707 году злоупотребленія и насилія уфимскаго комиссара Сергѣева вызвали сильное возмущеніе башкиръ, ничѣмъ неуступавшее Сеитовскому и извѣстное подъ именемъ „Алдари-Кусюмовскаго“. Башкиры склонили въ этотъ разъ на свою сторону каракалпакъ, киргизовъ, часть татаръ, мещеряковъ и другихъ ясачныхъ инородцевъ. Для усмиренія бунта и поимки главнаго возмутителя башкиръ, Кусюма, изъ Уфы былъ отправленъ военный отрядъ въ 900 человекъ, подъ начальствомъ Петра Хохлова, а изъ Казани на помощь къ нему шелъ Сидоръ Аристовъ съ коннымъ отрядомъ въ 770 человекъ и полковникъ Рыдаръ съ солдатскими полками. Хохловъ встрѣтился съ бунтовщиками при урочищѣ Юрактау, въ 90 верстахъ отъ Уфы. Башкиры, бывшіе въ отрядѣ Хохлова, измѣнили ему и соединились съ бунтовщиками; осадивъ русскій отрядъ въ степи, они не давали ему въ теченіе десяти дней ни пить, ни ѣсть, ни спать, и когда русскіе отъ истощенія совершенно обезсилили, башкиры отняли у нихъ провіантъ, побили и взяли въ плѣнъ 400 человекъ, Хохловъ съ остальными 500 чел. пробился сквозь непріятели и ушелъ въ Табынскъ, куда прибыли къ нему на помощь Аристовъ и Рыдаръ^{а)}. Въ 1717 г. киргизы, соединившіеся съ башкирами, въ числѣ десяти тысячъ человекъ, взяли Новошешминскъ^{б)}, и только храбрость и распорядительность полковника Суяза заставила ихъ отступить въ свои кочевья^{в)}. Волненіе охватило громадное пространство; бунтовщики не дошли только 30 верстъ до Казани. Всѣ селенія по рѣкамъ Камѣ, Бѣлой и Самарѣ были разграблены; церкви, дома помѣщиковъ и хлѣбъ были сожжены; крестьянъ убивали и уводили въ плѣнъ, нерѣдко съ женами и дѣтьми, и продавали въ Хиву, Бухару или въ Крымъ; стариковъ и малолѣтнихъ дѣтей сажали на колья, а иныхъ давили въ заборахъ,

^{а)} А лекторовъ. Исторія Оренб. губерніи, стр. 14.

^{б)} Теперь заштатный городъ Казанской губерніи.

^{в)} Ежемѣсячн. сочиненія 1759 г., № 1, стр. 9.

такъ что „разберуть звѣно забора, оставя одно или два бревна исподнія, и покладуть тѣхъ людей шеями на тѣ бревна, а потомъ тѣмъ же заборомъ паки сверху ихъ заберуть, и такъ всѣхъ подавятъ“^{а)}.

Бунтъ разгорался все болѣе. Казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ доносилъ Царю, что многіе татары Казанскаго уѣзда присоединились къ мятежникамъ и что, кромѣ того, башкиры возмущаютъ чувашъ. Петръ Великій, занятый войною съ Карломъ XII, поручилъ князю Петру Ивановичу Хованскому уладить дѣло мирнымъ образомъ. Хованскій послалъ изъ Казани толмача и нѣсколько татаръ для переговоровъ съ башкирами; но бунтовщики не унимались: русскія и вотяцкія села и деревни, расположенныя между рѣками Камой и Волгою, почти всѣ были разорены; люди побиты или плѣнены. Тогда Хованскій отправилъ на арскую дорогу отрядъ, подъ начальствомъ Бартенева, который прогналъ башкиръ въ Уфимскій уѣздъ; около Билярска бунтовщики потерпѣли пораженіе отъ атамана Невѣжина, который имѣлъ при себѣ около 200 русскихъ и 100 чел. чувашъ. Наконецъ, когда выступилъ изъ Казани самъ Хованскій, бунтовщики оробѣли и стали съ нимъ пересылаться. Хованскій вступилъ въ переговоры. Зачинщики бунта были пойманы и казнены; прочимъ было объявлено прощеніе. Тогда же было приказано повѣсить въ Казани главнаго виновника бунта, уфимскаго комиссара Сергѣева, на страхъ другимъ. Сергѣевъ былъ повѣшенъ, но это не исправило другихъ и волненіе башкиръ не улеглось: чрезъ четыре года вспыхнуло новое возстаніе. Башкиры отправили нарочныхъ пословъ въ калмыцкіе, кубанскіе и крымскіе улусы съ приглашеніемъ возстать противъ русскихъ; но, къ счастію, послы попались въ руки русскихъ, не достигши мѣста и цѣли своего посольства.

Такимъ образомъ, Правительство должно было наконецъ убѣдиться въ томъ, что, для удержанія въ покорности башкиръ и для спокойствія русскихъ поселенцевъ края, необходимо было обезопасить свои владѣнія на востокъ рядомъ укрѣпленій; нужно было содержать постоянную военную силу внутри и на границѣ Оренбургскаго края, защищая въ то же время добровольно покорившихся инородцевъ отъ фанатическаго мщенія ихъ единовѣрцевъ и оберегая отъ отступничества обратившихся въ православіе лзычниковъ и магометанъ. — Отсюда вытекаетъ необходимость мѣръ для укрѣпленія и заселенія русскими Оренбургскаго края, въ стратегическомъ отношеніи. Первый обратилъ на это вниманіе Петръ Великій; онъ принималъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы дать новое направленіе этому

^{а)} Н. Попова: „Татищевъ и его время,“ стр. 167.

краю. П. И. Рычковъ въ своей „Оренбургской Исторіи“^{а)} замѣчаетъ, что „Петръ, по побѣдоносномъ окончаніи Шведской войны, изволилъ особливое попеченіе имѣть и о томъ, чтобы безопасность на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ, съ помощью Вожію, Оренбургская линія строится, дѣйствительно основать, а чрезъ то героичнымъ своимъ намѣреніямъ *путь во всю по-луденную Азію отворить, а своевольный башкирскій народъ на вѣчное время обуздать....* но нечаянная Его Императорскаго Величества кончина все оное въ дѣйство произвести не допустила“. Итакъ, неожиданная кончина Петра Великаго помѣшала ему исполнить задуманный имъ планъ; но Петръ все-таки положилъ начало, основаніе тому взгляду, которымъ руководились, послѣ него въ своихъ отношеніяхъ къ Оренбургскому краю, его преемники. Въ кратковременное царствованіе Петра II, состоялся указъ (24 октября, 1729 г.), которымъ повелѣвалось „зборщиковъ къ башкирцамъ, для ясашнаго сбору по древнему ихъ, башкирскому, обыкновенію, посылать русскихъ людей *добрыхъ и смиренныхъ и пожиточныхъ* на ихъ подводахъ безъ прогоновъ, а будучи имъ зборщикамъ у того сбору имъ башкирцамъ никакихъ обидъ и налогъ подъ жестокимъ наказаніемъ не чинить, чего ради при каждой посылкѣ давать имъ инструкціи“^{б)}. Въ царствованіе Анны Іоанновны было обращено особенное вниманіе на заселеніе Оренбургскаго края и на устройство его извнѣ и внутри. Въ это время ревностными поборниками предначертаній Петра Великаго являются такіе люди, какъ Кирилловъ и Татищевъ, которые воспитались подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петра, были его сотрудниками, глубоко прониклись его идеями и стремленіями и были закалены въ упорномъ трудѣ.

Кирилловъ и Татищевъ принадлежали къ такимъ людямъ, которые презираютъ сопротивленія; которые, намѣтивъ извѣстную цѣль, не только не смущаются разными препятствіями, а напротивъ—еще энергичнѣе и настойчивѣе продолжаютъ при нихъ начатое ими дѣло^{в)}. Кирилловъ, развивая планъ Петра Великаго, доказалъ необходимость основанія Оренбурга, какъ центрального и промышленнаго пункта, чтобы чрезъ то овладѣть бухарскими землями, богатою золотомъ и дорогими каменьями Водокшанскою областью и проложить дорогу для русскихъ товаровъ въ Бухару, Водешанъ, въ Балхъ и Индію^{д)}. Но планъ, предначертанный Петромъ и такъ широко развитый Кирилловымъ, встрѣтилъ большія препятствія, во первыхъ, со стороны башкирцевъ, которые отчаянно, съ оружіемъ въ рукахъ, боролись противъ

^{а)} Слич. Л. Костенко: „Средняя Азія“, стр. 89—96.

^{б)} Указы Екатерины I и Петра II, Спб. 1743 г., стр. 510.

^{в)} Слич. Зап. Порошина, стр. 379.

^{д)} Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. I, стр. 323 и 324. Слич. Вѣстн. Европы 1870 г., № 6, стр. 865.

русскихъ; во вторыхъ, со стороны самого Правительства, которое не работало определенной системы дѣйствій, по отношенію къ новопріобрѣтенному краю и постоянно колебалось въ выборѣ средствъ; и въ третьихъ, со стороны бѣдности нашей колонизаціонной силы края. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обширность края, рѣдкость его населенія, близость кочевыхъ и вѣроломныхъ племенъ, самая сбродность и разбросанность русскаго населенія въ краѣ подавали поводъ къ колебаніямъ и смутамъ. Но, благодаря энергіи и способностямъ Кириллова и Татищева, цѣль, намѣченная Петромъ, была отчасти достигнута его преемниками, которые находили поддержку и среди нѣкоторыхъ башкиръ, особенно среди башкирскихъ старшинъ, управлявшихъ ими по духу корана и по обычному праву. Извѣстно, что у башкиръ избирались въ старшины люди богатые, пользовавшіеся уваженіемъ и опытностью, почему они имѣли всегда громадное вліяніе на свой родъ. Одинъ изъ такихъ старшинъ, Таймасъ Шаимовъ, управлявшій Каратабынско-Боратынской волостью, явился въ 1730 г. къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и поднесъ ей въ даръ лисицъ и куницъ, которыхъ въ то время ловилось очень много въ лѣсахъ, расположенныхъ по Уралу. Императрица, желая воспользоваться любезностью башкирскаго старшины, наградила Шаимова землями, находящимися въ настоящее время подъ городомъ Челябинскомъ^{a)}, съ обязательствомъ, чтобы Шаимовъ, управляя Башкирами, держалъ ихъ въ повиновеніи русскому Правительству; собиралъ съ нихъ ясакъ въ пользу казны и охранялъ границы Башкиріи отъ набѣговъ киргизовъ Восточной орды. Благодаря природному уму, энергіи и преданности Русской Императрицѣ, Шаимовъ, по возможности, успѣшно выполнялъ порученія Русскаго Правительства, за что и былъ пожалованъ въ тарханы, а за свое содѣйствіе при устройствѣ старой Оренбургской линіи получилъ саблю. Шаимовъ сдѣлался потомъ необходимымъ сотрудникомъ начальниковъ Оренбургской экспедиціи, при укрѣпленіи ими края и водвореніи въ немъ порядка^{b)}.

Такимъ образомъ, Правительство имѣло теперь и даровитыхъ людей, для выполненія плановъ Петра Великаго, и помощниковъ имъ изъ среды самихъ же башкиръ; но этого еще было недостаточно для полного осуществленія плановъ великаго Преобразователя: сосѣди башкиръ, киргизъ-кайсаки не менѣе должны были озабочивать Русское Правительство. Къ счастью русскихъ, среди киргизовъ, еще въ началѣ XVIII в., начались междоусобія. Сосѣди киргизъ, пользуясь этими междоусобіями, начинаютъ тѣснить ихъ со всѣхъ сторонъ: съ юго-запада нападаютъ калмыки, съ сѣвера — башкиры и сибирскіе казаки, а съ востока главный врагъ киргизовъ, вла-

^{a)} Памятн. кн. Оренб. губ. 1865 г., I, стр. 83 и 84.

^{b)} См. въ концѣ сей книги примѣчаніе 20-е.

дѣтель Зюнгорскій, Галданъ-Цыренъ. Вслѣдствіе этихъ давленій извѣи и безпорядковъ внутри, киргизы около 1710 года рѣшили было искать защиты у Русскаго Царя; но извѣстный киргизскій батырь и старшина Буканъ-Бай, на сеймѣ въ Кара-Кумахъ, склонилъ народъ къ нападенію на калмыковъ. Буканъ-Бай былъ избранъ въ предводители возставшихъ киргизовъ, а ханское достоинство было вручено Абуль-Хаиру. Калмыки дѣйствительно были побѣждены, благодаря ловкости и изворотливости отважнаго батыря; но киргизы должны были снова обороняться отъ башкиръ и каракалпаковъ. Тогда киргизскіе ханы Тавка, Каипъ и Абуль-Хаиръ обратились къ Петру Великому съ просьбою о принятіи ихъ въ свое подданство; но Петръ, занятый войной съ Швеціей и видя внутреннія междоусобія среди киргизъ, не рѣшился на этотъ разъ принять непосредственное участіе въ дѣлахъ киргизъ-кайсаковъ. Между тѣмъ, Зюнгорскій ханъ, видя неудачу киргизовъ въ ихъ расчетахъ на русскую помощь, въ 1723 г. овладѣлъ Туркестаномъ и думалъ уже подчинить себѣ всѣ киргизскія орды, какъ Средняя и Малая быстро откочевали на сѣверъ и западъ отъ Туркестана, заставивши тѣмъ башкиръ удалиться изъ сѣверной части за Уралъ, а перейдя Эмбу, въ среднемъ ея теченіи, подвинули калмыковъ далѣе на западъ. Но это удаленіе киргизъ отъ ихъ исконнаго и главнаго врага приблизило ихъ къ границамъ Россіи, которая не могла оставаться равнодушною къ набѣгамъ и грабежамъ, вошедшимъ въ плоть и кровь киргизскаго народа. Россія рано или поздно должна была подчинить себѣ этотъ кочующій народъ, чтобы чрезъ то проложить путь торговому и политическому вліянію на Среднюю Азію. Къ этому стремился и Петръ, который первый понялъ и указалъ на то значеніе, какое имѣетъ Киргизская степь съ ея обитателями для Россіи. Отклонивъ въ началѣ добровольное подданство киргизъ, Петръ не оставилъ, однакожъ, этого безъ вниманія; но ему нужно было прежде окончить войну съ Турціей и Швеціей, заключить выгодный для Россіи миръ и пріобрѣсти западный берегъ Каспійскаго моря. Достигнувъ этого, Преобразователь могъ смѣлѣе и рѣшительнѣе приняться за дѣло и на востокъ. Къ сожалѣнію, Петру пришлось покончить съ Шведами и Турками незадолго до своей смерти, а между тѣмъ на очереди стоялъ восточный вопросъ. Петръ намѣренъ уже былъ отправить въ киргизскую орду старшаго изъ своихъ переводчиковъ по секретнымъ дѣламъ, сына и внука выѣзжихъ ордынцевъ, Кутлу-Магомета Мамешева, или Алексѣя Ивановича Тевкелева. Въ бумагахъ, сохранившихся послѣ Тевкелева, частію напечатанныхъ во „Временникѣ“^{а)} Имп. Росс. Общ., мы

а) Временникъ И. Р. Общ., кн. XIII, Смѣсь, стр. 15.

находимъ указаніе на планы и намѣренія Петра по отношенію къ киргизъ-кайсакамъ. Намѣреваясь отправить Тевкелева въ орду, Петръ высказалъ слѣдующее: „буде оная орда въ точное подданство не пожелаетъ, то стараться, не смотря на великія издержки, хотя бы до меліона держать, но токмо чтобъ только однимъ листомъ подъ протекціею Россійской имперіи быть обязались“. Бывши въ 1722 году въ Астрахани, во время персидскаго похода, Петръ, по словамъ Тевкелева, „черезъ многихъ изволилъ увѣдомиться объ оной ордѣ, хотя де оная киргизъ-кайсацкая орда степной и легкомысленный народъ, токмо *де встѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная де орда ключъ и врата*; и той ради причины оная де орда потребна подъ Россійской протекціей быть, чтобы только чрезъ ихъ во всѣхъ странахъ комониканцею имѣть и къ Россійской сторонѣ полезныя способныя мѣры взять“^{а)}. Такимъ образомъ, по мысли Петра, киргизъ-кайсацкая орда имѣла значеніе *ключа и воротъ*, которыми необходимо было овладѣть, чтобы завести торговля и другія сношенія Россіи съ Средней Азіей. Между тѣмъ событія, совершавшіяся внутри киргизъ-кайсацкихъ ордъ шли на помощь планамъ Русскаго Правительства. Джунгарскій (Зюнгорскій) ханъ, овладѣвъ Ташкентомъ, продолжалъ тѣснить самихъ киргизъ, между которыми шли постоянныя распри, мѣшавшія имъ соединиться и дѣйствовать единодушно противъ притязаній Галданъ-Цырена. Ханъ Малой орды, Абуль-Хаиръ рѣшился просить Русское Правительство о помощи. Это былъ человѣкъ умный, но, къ несчастію киргизовъ, всегда дѣйствовавшій безъ строго-обдуманнаго и опредѣленнаго плана. Абуль-Хаиръ, какъ энтузіастъ, вначалѣ дѣйствовалъ смѣло и рѣшительно, но, при первой же неудачѣ задуманнаго имъ предпріятія, брался за другое, третье средство и такъ далѣе. Средства, избираемые имъ, для достиженія цѣли, иногда бывали и удачны, но результаты всегда непрочны. Соединяя съ лживостью и хитростью корыстолюбіе и уклончивость, — обыкновенныя качества киргизовъ, — Абуль-Хаиръ никогда не могъ достигнуть прочнаго положенія и вліянія на дѣла среди своихъ соплеменниковъ, у которыхъ гораздо больше имѣли власти ихъ батыры и родоначальники, зорко слѣдившіе за каждымъ властолюбивымъ движеніемъ хана, не давая ему усилиться ни богатствомъ, ни людьми; поэтому желаніе Абуль-Хаира сдѣлаться подданнымъ Россіи не могло нравиться киргизскимъ старшинамъ. Какъ бы то ни было, только въ то время, какъ Императрица принимала богатыхъ лисицъ и куницъ изъ рукъ башкирскаго старшины Таймаса Шаймова, въ Петербургъ были отправлены отъ Абуль-Хаира два посла: Кутлумбетъ-

^{а)} Правописаніе удерживается подлин. бумагъ Тевкелева.

Коштаевъ и Сеиткуль-Куйдаптуловъ, съ просьбою о принятіи Малой Киргизской орды въ подданство Россіи. Киргизскіе послы были приняты милостиво и въ орду былъ отправленъ для переговоровъ извѣстный уже намъ Тевкелевъ, которому даны жалованная грамота, сабля, шуба изъ соболей, шапка съ чернолисымъ околышемъ и цвѣтныя сукна, — все это Тевкелевъ долженъ былъ вручить Абуль-Хаиру, который съ своей стороны обязывался привести къ присягѣ всю Малую орду, платить ясакъ и выслать заложниковъ въ Уфу, освободивъ притомъ русскихъ плѣнныхъ. Въ сопровожденіи 2 геодезистовъ, Писарева и Зиновьева, нѣсколькихъ казаковъ, уфимскихъ дворянъ и двухъ башкиръ, Айдара и Таймаса, Тевкелевъ прибылъ къ Абуль-Хаиру и увидѣлъ, что сами киргизы вовсе не были расположены вступить въ подданство Россіи. Народъ взволновался; начались упреки хану; положеніе Тевкелева сдѣлалось небезопасно, а между тѣмъ онъ имѣлъ въ распоряженіи, вмѣсто обѣщаннаго нѣкогда Петромъ „миліона“, только 2400 р. и 500 р.^{а)} на проѣздъ; съ такими средствами трудно было обратить въ свою пользу корыстолюбіе киргизскихъ вожakovъ. Время шло, средства экспедиціи истощались, а надежды на благопріятный исходъ дѣла еще не было видно. Тевкелевъ, рискуя вовсе остаться безъ средствъ, рѣшился отослать своихъ спутниковъ въ Уфу, а самъ остался при ханѣ, который со всѣми своими улусами перекочевалъ къ Аральскому морю. Прошло уже около двухъ лѣтъ, какъ Тевкелевъ жилъ въ ордѣ; казалось, что дѣло было проиграно; въ Уфѣ уже шли приготовленія къ выкупу Тевкелева. Но присоединеніе къ Абуль-Хаиру каракалпацкаго хана Хаипъ-Хали дало перевѣсъ партіи Тевкелева. Киргизы не устояли противъ доводовъ Тевкелева, который, испытывая „смертельныя опасности и голодное терпѣніе“, сдѣлался еще краснорѣчивѣе и находчивѣе въ обращеніи съ киргизами. Особенно старался подѣйствовать Тевкелевъ на киргизовъ тѣми радужными надеждами, которыя могли осуществиться съ построеніемъ русскаго города вблизи ихъ кочевьевъ, „толкая имъ многіе язныя ординскіе ихъ пользы въ торгу, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ положить на нихъ узду, чтобъ они въ предѣ всего непоколебимо вѣрности и послушанія были“^{б)}. Киргизы, уступая доводамъ Тевкелева, согласились принять русское подданство и просить о построеніи города на Яикѣ (Уралѣ), при устьѣ р. Ори, обѣщавшись отправлять туда выборныхъ изъ каждаго рода по одному человѣку въ качествѣ судей для разбора кир-

^{а)} Слич. „Татищевъ и его время“ Н. Попова, стр. 175. Здѣсь сказано, что Тевкелеву дано было только 2000 руб., но показаніе самого Тевкелева, безспорно, болѣе заслуживаетъ вѣроятія.

^{б)} Временникъ, кн. XIII, Смѣсь, стр. 16.

гизскихъ дѣлъ; ханъ Абуль-Хаиръ далъ въ аманаты своего сына Эрали-Салтана и отправилъ съ Тевкелевымъ старшинъ; ханы Каракалпацкой и Средней Киргизской орды также послали выборныхъ для переговоровъ^{а)}. Посольство прибыло въ Петербургъ въ началѣ 1734 г. и было помѣщено на Васильевскомъ островѣ. Здѣсь киргизы въ первый разъ познакомились съ разными «курьезными» вещами въ Академіи Наукъ, побывали также въ Кронштадтѣ и другихъ мѣстахъ. Такой исходъ дѣла не могъ не радовать тѣхъ, кого занимало рѣшеніе вопроса объ управленіи восточнымъ краемъ Европейской Россіи: Тевкелевъ, какъ увидимъ, былъ произведенъ въ полковники, Абуль-Хаиръ получилъ похвальную грамоту, а къ ханамъ Большой и Средней Киргизской орды и къ Хаипъ-Хали (каракалпацкому хану) были отправлены призывныя грамоты на подданство.

Мысль Тевкелева о построеніи русскаго города, на устьѣ р. Ори, нашла ревностнаго поборника въ лицѣ оберъ-секретаря Ивана Кирилловича Кириллова. Рычковъ, хорошо и лично знавшій Кириллова, такъ характеризуетъ его: «Кирилловъ хотя незнатной природы былъ^{б)}, но прилежными своими трудами и острымъ понятіемъ, въ канцеляріи правительствующаго Сената, изъ самыхъ низкихъ чиновъ происходя, еще при жизни Петра Великаго, въ чинъ сенатскаго секретаря произведенъ, и при разныхъ случаяхъ имѣлъ счастье достоинство свое, со многими Его Императорскаго Величества удовольствіемъ, засвидѣтельствовать, а особливо имѣвшеюся у него натуральною охотою къ ландкартамъ и географическимъ описаніямъ. Онъ первый взялъ на себя трудъ всероссійскія ландкарты собирать и чрезъ обрѣтавшихся при Сенатѣ геодезистовъ атласъ Россійской Имперіи и генеральную Россійскую ландкарту сочинять. Наукамъ хотя формально не былъ обученъ и оныхъ основательно не зналъ, но былъ *великій рачитель и любитель наукъ*, а особливо математики, механики, исторіи, экономіи и металлургіи, не жалѣя при этомъ нисколько своего труда и иждивенія^{в)}. — Кирилловъ составилъ и подалъ въ Сенатъ особый проектъ, въ которомъ высказываетъ самыя блестящія надежды на обширную торговлю съ Средне-азиатскими ханствами и Индіей; этотъ проектъ сильно старался поддержать и дать ему дальнѣйшій ходъ тайный совѣтникъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ. 1 мая 1734 года послѣдовала высочайшая резолюція на

^{а)} Н. Поповъ: «Татищевъ и его время», 175.

^{б)} Кирилловъ происходилъ изъ мѣщанъ; какъ человѣкъ грамотный онъ поступилъ въ подьячіе въ Сынскій Приказъ, а отсюда былъ переведенъ въ Сенатъ копистомъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго, сдѣланъ былъ секретаремъ Сената, а 12 окт. 1727 г. назначенъ оберъ-секретаремъ Сената.

^{в)} «Ежемесяч. Соч. и Перевод.» 1759 г., № 1, стр. 28—29. Ср. у Баранова (Описание Сен. арх.) № 4907 (С. А. 41; 151).

проектъ Кириллова^{а)}. Правительство, уступивъ доводамъ Кириллова, избрало его же самого для осуществленія проектированныхъ имъ плановъ, придавъ ему въ помощники Тевкелева, котораго особенно слушались башкиры. Кириллову дана была подробная инструкція, а будущему городу Оренбургу особыя привиллегіи^{б)}. 18 мая 1734 г. послѣдовалъ указъ о пожалованіи Кириллова въ статскіе совѣтники, а Тевкелева—въ полковники, кромѣ того, Кирилловъ получилъ 3000 р., а Тевкелевъ—1000 р. не въ счетъ жалованья^{в)}. 31 мая того же года объявленъ именной указъ о выдачѣ изъ Штатсъ-конторы въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 15000 р. на подарки прибывшимъ киргизъ-кайсакамъ и др. чрезвычайные расходы^{г)}. Тогда же послѣдовала и высочайшая резолюція на представленіе Кириллова объ отпускѣ денегъ на разныя раздачи и подарки ханамъ и о назначеніи ханской теткѣ, проживавшей въ Москвѣ, подъ именемъ Сибирской княжны, по 200 р. въ годъ на содержаніе; списокъ лицъ военной команды, служителей и другихъ чиновъ людей, назначенныхъ Кирилловымъ въ экспедицію, также былъ апробованъ^{д)}. Намѣреваясь устроить на Аральскомъ морѣ пристань, Правительство отправило вмѣстѣ съ Кирилловымъ морскаго поручика, мичмана, штурмана, 2 кондуктора, ботемана, галернаго мастера, галернаго ученика, 6 матросовъ, 2 галерныхъ конопатчика, 4 плотника и 2 десятника; при Кирилловѣ также находилось нѣсколько человекъ маіоровъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, 10 чел. прапорщиковъ, 2 унтеръ-офицера, 13 чел. капраловъ и рядовыхъ и нѣсколько чел. геодезистовъ: 2 поручика, 4 подпоручика, 2 прапорщика, 2 бомбандира, 4 кононера, переводчикъ, бухгалтеръ, канцеляристъ, подканцеляристъ, коніистъ и писарь^{е)}. Кириллову вручены были грамоты на имя каракалпацкаго хана и киргизскихъ хановъ Средней и Большой орды^{ж)}.

Экспедиція Кириллова выступила изъ Петербурга не вразъ: одна часть, во главѣ съ Кирилловымъ, отправилась водой на пяти рѣчныхъ судахъ, а другая, ввѣренная флотскому поручику Бахметеву, прожила въ Петербургѣ еще двѣ недѣли и отправилась до Москвы на ямскихъ подводахъ. Достигнувъ Шлиссельбургской крѣпости, Кирилловъ, по желанію сына Киргизскаго хана, остановился и осматривалъ съ нимъ эту крѣпость;

^{а)} Ежемѣсячн. Сочин. и Переводы 1759 года, № 3, стр. 223—224. Слич. статью Свенсе: „Матеріалы для сост. атласа Росс. Импер., изд. Академіею Наукъ въ 1745 г.“, въ Прилож. къ IX т. Зап. Ак. Наукъ за 1866 г., № 2.

^{б)} П. С. Зак., т. IX, №№ 6576 и 6584. Ср. у Баранова (Опис. Сен. арх.) № 4917 (Сен. А. 41; 176).

^{в)} Барановъ. Опис. Сен. арх. № 4915 (С. А. 41; 169). Ср. № 5393 (С. А. 44; 83).

^{г)} Тамъ же, № 4933 (С. А. 41; 214).

^{д)} Тамъ же, № 4934 (С. А. 41; 218).

^{е)} Ежемѣсячн. Соч. и Перевод. 1759 г., № 1, стр. 33 и 34.

^{ж)} См. эти грамоты тамъ же въ № 2, стр. 102, 105, 107 и 110.

киргизы, считавшіе почему-то русскихъ воиновъ за крылатыхъ людей, не мало дивились и крѣпости, и Ладожскому каналу, по которому имъ пришлось плыть.—29 іюня Кирилловъ прибылъ въ Москву; здѣсь въ его распоряженіе даны были: бергъ-пробиръ, аптекаръ, ботаникъ, исторіографъ, живописецъ, штыкъ-юнкеръ, прапорщикъ, комиссаръ, 17 чел. унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, канцеляристъ, 2 подканцеляриста, 4 копіиста, хирургъ и при немъ ученикъ, ученый священникъ и нѣсколько человекъ студентовъ Славяно-Латинской академіи. Изъ Москвы команда Кириллова отправилась на одиннадцати судахъ, самъ же онъ до Коломны поѣхалъ сухимъ путемъ на почтовыхъ. Въ началѣ октября Кирилловъ прибылъ въ Казань, въ концѣ того же мѣсяца отправился дальше, а 10 ноября прибылъ въ Уфу. Въ распоряженіе Кириллова отданъ былъ пѣхотный Пензенскій полкъ и Уфимскій гарнизонъ. Кромѣ того объявленъ былъ походъ половинѣ уфимскихъ дворянъ и казаковъ; сюда же шелъ Вологодскій полкъ; уфимскіе, мензелинскіе и бирскіе малолѣтки также должны были присоединиться къ отряду Кириллова; въ Уфѣ былъ уже заготовленъ и провіантъ, а изъ Сибири шли 500 подводъ, нагруженныхъ разными припасами, подъ прикрытіемъ особой роты солдатъ. Чтобы облегчить подвозъ провіанта изъ сибирскихъ магазиновъ, Кирилловъ, по указанію башкиръ, въ концѣ 1734 года, основалъ на лѣвомъ берегу Урала при устьѣ р. Урледы, Верхнеяицкую крѣпость^{а)}. Мѣстоположеніе Верхнеяицкой крѣпости (нынѣшняго Верхнеуральска) было прекрасное, и до нынѣ оно не утратило своей прелести. Крѣпость находилась на лѣвомъ крутомъ берегу р. Яика (Урала). Съ одной стороны былъ видѣнъ извозъ съ своимъ глубокимъ ущельемъ, съ другой синѣлась угрюмая сопка съ огромными камнями; подлѣ нея—Мохнатая гора, заросшая березнякомъ. Вдали тянулась цѣпь Уральскихъ горъ и среди нихъ возвышался грозный великанъ Ирямалъ-Тау, покрытый вѣчными снѣгами и окутанный облаками. Быстрый Уралъ, извиваясь въ своихъ излучинахъ, близъ самой крѣпости, принимаетъ въ себя прозрачную Урледу, съ которой невдалекѣ соединилась тихая Узельга; немного подальше протекала рѣчка Ямская; множество озеръ, разлитыхъ на правомъ берегу Яика, дополняли эту восхитительную картину. Таково было мѣстоположеніе Верхнеяицкой крѣпости. Въ своемъ письмѣ къ Бирону, отъ 1 марта 1735 г., Кирилловъ говоритъ: „мѣсто это столь удобное, что не тоѣмо къ Орѣ рѣкѣ изъ Сибирскихъ слободъ провіантъ изъ Екатеринбурга всякіе припасы водою на низъ будутъ сплачиваться,

^{а)} Ф. М. Стариковъ невѣрно относитъ основаніе Верхнеяицкой крѣпости къ 1738 г. См. его очеркъ: „Откуда взялись казаки“, Оренбургъ, 1881 г., стр. 160.

но и до самаго Каспійскаго моря впредь провіантъ пойдетъ ^{а)}. Тогда же были отправлены въ эту крѣпость двѣ роты солдатъ.

По прибытіи въ Уфу, Кирилловъ окончилъ начатую еще до него перепись тептярей, составилъ списокъ башкирскимъ родамъ по волостямъ и дорогамъ ^{б)}, по старому раздѣленію на тархановъ и ясачниковъ; сформировалъ изъ дворянскихъ дѣтей двѣ роты драгунъ и, нарядивъ тархановъ и мечеряковъ на службу, а тептярей на работы, 11 апрѣля 1735 года онъ выступилъ изъ Уфы, въ сопровожденіи Тевкелева. Правительство не скупилось на средства для экспедиціи Кириллова, отъ которой оно надѣялось осуществленія давно занимавшихъ его плановъ; но нелегко было идти по заманчивымъ слѣдамъ Ермака и его послѣдователей. Старшина Телекей-Кубавской волости Нагайской дороги Токчуръ, находившійся при Тевкелевѣ, написалъ, еще въ бытность свою въ Петербургѣ, возмутительное письмо къ Кильмякъ-Абызу, указавъ на дѣйствительную цѣль экспедиціи Кириллова ^{в)}. Башкиры смекнули, что съ постройкою города, при сліяніи рѣкъ Ори и Яика (Урала), они со всѣхъ сторонъ будутъ окружены русскими. Кильмякъ-Абызъ соединился съ старшинами Бепенемъ Сеянгуловымъ, Сеитбаемъ Ераткуловымъ, Рысанбаемъ Гимбетовымъ, Кусанбаемъ-батыремъ, Аминемъ, бѣглецомъ изъ Казанскаго уѣзда, и другими вліятельными башкирами. Но до весны Кирилловъ почти ничего не зналъ о готовности башкиръ къ сопротивленію; онъ, напротивъ, доносилъ: „Башкиры всѣми чинимыми отъ меня распоряженіями и учрежденіями весьма довольны и живутъ весьма спокойно“ ^{д)}. Въ мартѣ 1735 г. онъ получилъ извѣстіе о начинавшемся волненіи изъ Екатеринбурга отъ Татищева; но и тутъ не хотѣлъ вѣрить и донесъ, что „то извѣстіе неосновательно“ и что въ Башкиріи все обстоитъ благополучно. Кирилловъ не обратилъ должнаго вниманія и на предостереженія казанскаго губернатора Мусина-Пушкина, до котораго дошли слухи о намѣреніи башкиръ къ сопротивленію; но скоро, по выступленіи въ походъ, ему пришлось убѣдиться въ справедливости этихъ предостереженій. Отойдя 10 верстъ отъ Уфы, Кирилловъ расположился лагеремъ на р. Чесноковкѣ и пробылъ здѣсь почти два мѣсяца, въ ожиданіи пяти ротъ Вологодскаго драгунскаго полка. Сюда явились двое посланныхъ отъ башкиръ, которые заявили Кириллову, что башкиры желаютъ, чтобы онъ оставилъ свое намѣреніе, въ противномъ же случаѣ они будутъ сопротивляться; но Кирилловъ приказалъ схватить посланныхъ

^{а)} Русск. Бесѣда 1860 г., II, стр. 199—200.

^{б)} Башкирія была раздѣлена на четыре дороги: Казанскую, Осинскую, Нагайскую и Сибирскую. Смotr. въ концѣ книги примѣчаніе 21-е.

^{в)} Ежемѣсячн. Соч. и Перевод. 1759 г., № 2, стр. 116.

^{д)} Тамъ же, стр. 119.

и подвергнуть пыткамъ, во время которыхъ одинъ изъ нихъ умеръ. Энергія помѣшала Кириллову быть осторожнымъ: онъ рѣшился продолжать свой путь, не дождавшись даже Вологодскаго полка. Подъ прикрытіемъ 15 ротъ регулярнаго войска, 350 казаковъ^{a)}, 600 мешеряковъ, 100 чел. башкиръ, нѣсколькихъ чел. служилыхъ татаръ и новокрещенныхъ калмыковъ, Кирилловъ пошелъ дальше, имѣя при себѣ 23 мѣдныхъ пушки отъ 2 до 5 ф., одну чугунную въ 3 ф., малую въ 1 лоть, двѣ пудовыя гоубицы и двѣ мѣдныя мортиры въ 32 ф. Спустя четыре дня по выступленіи Кириллова въ походъ, на Чесноковку прибылъ Вологодскій полкъ, подъ командой полковника Чирикова. Простоявъ тутъ около девяти дней, Чириковъ повелъ полкъ по слѣдамъ Кириллова и съ недѣлю шелъ благополучно. Но въ 160 верстахъ отъ Уфы, полкъ долженъ былъ вступить въ битву съ напавшими на него башкирами Юрматынской волости Ногайской дороги, и потерпѣлъ поражение: Чириковъ, полковой священникъ, лѣкарь, 18 драгунъ и 42 чел. служащихъ были убиты, часть обоза разграблена; но ловкость и распорядительность капитана Гебауэра помѣшали дальнѣйшимъ успѣхамъ башкиръ. Кирилловъ, узнавъ о нападеніи башкиръ, послалъ вспомогательный отрядъ; но посланная команда, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ стычекъ съ башкирами, принуждена была возвратиться назадъ. Придавъ еще нѣсколько человѣкъ, Кирилловъ снова отправилъ команду и 10-го іюля на 291 верстѣ отъ Уфы, Вологодскій полкъ соединился съ главнымъ отрядомъ Кириллова, который 23 іюля донесъ Петербургскому Кабинету, что опасность не такъ велика и всему причиной была оплошность Чирикова, поплатившагося за нее жизнью^{b)}. Между тѣмъ поднялись башкиры Сибирской дороги, которые напали на шедшій изъ Сибири въ Верхнеяицкую пристань обозъ, освобожденный потомъ подполковникомъ Арсеньевымъ. Однакожъ, не смотря на всѣ препятствія, настойчивый и энергичный Кирилловъ 6 августа 1735 г. прибылъ къ устью р. Ори; 15-го августа заложена была крѣпость, 30—введена въ нее команда, а 31—артиллерія; того же числа совершено богослуженіе, при чемъ священникъ произнесъ приличное случаю слово; затѣмъ, послѣ трехкратнаго выстрѣла изъ пушки, заложенъ былъ городъ Оренбургъ о девяти бастіонахъ, а 4 сентября Кирилловъ отправилъ извѣстіе о томъ въ Петербургъ^{c)}.

Оставивъ въ Оренбургской крѣпости подполковника Чемодурова съ 10 ротами, Кирилловъ 7 сентября того же (1735) года отправился въ Уфу, а Тевкелевъ долженъ былъ идти на Сибирскую дорогу для

^{a)} Въ томъ числѣ 100 яицкихъ (уральскихъ) казаковъ.

^{b)} С. М. Соловьевъ. Исторія, т. XX, стр. 327.

^{c)} См. примѣчаніе 22-е.

розысковъ и поимки воровъ-башкирь, разграбившихъ обозъ. Обратный путь Кириллова соединенъ былъ съ неменьшими опасностями, впрочемъ до Самарска онъ не встрѣтилъ никакихъ препятствій; здѣсь представили ему пойманныхъ бунтовщиковъ-башкирь: Асунагула Кильмакаева и главныхъ товарищей его, которые тутъ же и были казнены. Въ 130 верстахъ отъ Уфы, Кирилловъ встрѣтилъ 6000 башкирь, подъ предводительствомъ Акай-Кусума; но Кирилловъ разбилъ ихъ на голову и выжегъ немало башкирскихъ деревень, особенно около солеварнаго городка Табынска. Между тѣмъ отрядъ Тевкелева терпѣлъ страшную нужду: лошади за недостаткомъ корма отъѣдали другъ у друга хвосты и гривы, — тальникъ былъ лучшимъ кормомъ. 20 сентября отрядъ прибылъ въ Верхнеяицкую крѣпость. Оставивъ здѣсь капитана Уварова и поручика Ветошникова съ двумя ротами солдатъ, Тевкелевъ съ остальными выступилъ 25-го сентября къ Теченской слободѣ, и долженъ былъ испытать новыя трудности похода: драгуны, за недостаткомъ провіанта, питались лошадинымъ мясомъ. 8-го октября отрядъ Тевкелева пришелъ въ Теченскую слободу, откуда было отправлено въ Оренбургъ 600 подводъ съ провіантомъ, подъ прикрытіемъ команды маіора Шкадера; Тевкелевъ же поскакалъ въ Екатеринбургъ къ Татищеву для совѣщанія о дѣлахъ башкирь; при томъ же у Тевкелева не было и денегъ, которыми потомъ ссудилъ его Татищевъ, въ счетъ Оренбургской экспедиціи. Между тѣмъ волненіе, постепенно усиливаясь, охватило почти всю Башкирію. Деревни около Биларска, Заинска, Старошешминска и Мензелинска были разорены; Башкиры уже два раза дѣлали приступъ къ самому Мензелинску; въ Верхнеяицкой крѣпости была перерѣзана вся команда, охранявшая обозъ съ сибирскимъ провіантомъ; возстаніе распространилось и за Яикомъ (Ураломъ), между башкирами Сибирской дороги. На рѣкѣ Аѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ р. Уфу, башкиры напали на Тевкелева и заставили его рѣшиться на крайнія мѣры: выдержавъ отчаянную борьбу съ башкирами, Тевкелевъ разорилъ до тла около 50-ти башкирскихъ деревень; сотнями загонялъ башкирь въ пустыне амбары и сожигалъ ихъ; женъ и дѣтей башкирскихъ отдавалъ солдатамъ, а мужей и отцовъ подвергалъ самымъ жестокимъ пыткамъ и казнямъ. Но для башкирь это не было новостью: имъ и раньше отрѣзывали языки, носы, уши; отсѣкали руки и ноги; поили зельемъ и пьяныхъ палили пороховъ, наводя на ихъ лица зажигательныя стекла и т. п.^{а)} Опытъ уже показалъ, что подобныя мѣры жестокости не умирляли, а только раздражали башкирь и возбуждали ихъ

^{а)} Н. Попова: „Татищевъ и его время“, стр. 166 и 186.

къ отчаянному сопротивленію; но ожесточившійся Тевкелевъ не внялъ ука-
заніямъ опыта, и своими жестокостями невольно заставилъ сплотиться
дѣйствовавшихъ до того разрозненно башкиръ: выборные отъ всѣхъ четы-
рехъ дорогъ собрались для совѣщанія въ деревнѣ „Кубово“. Попытка
русскихъ помѣшать этому съѣзду не удалась.

Между тѣмъ Правительство, узнавъ о возмущеніи башкиръ, приказало
увеличить военныя силы края 3000 волжскихъ калмыкъ, 1000 Донскихъ
и 2000 Яицкихъ казаковъ^{а)}, и отправило въ башкирію казанскаго гу-
бернатора Мусина-Пушкина, котораго вскорѣ смѣнилъ генералъ-лейтенантъ
А. И. Румянцевъ, назначенный сначала астраханскимъ, а потомъ казанскимъ
губернаторомъ; Кирилловъ же получилъ указъ во всемъ повиноваться Румян-
цеву. 19 сентября 1735 года Румянцевъ прибылъ въ Мензелинскъ, куда
въ ноябрѣ явился и Кирилловъ. Нужно замѣтить, что Румянцевъ и Ки-
рилловъ расходились во мнѣніяхъ относительно средствъ потушенія мятежа:
Кирилловъ говорилъ, что башкиры не усядутся до тѣхъ поръ, пока
не послѣдуютъ розыскъ и казни, и пока не введутся полки на квартиры
въ Уфимскій уѣздъ; Румянцевъ же опасался, чтобы не взволновать этими
мѣрами всѣхъ башкиръ, и думалъ, что лучше безъ оружія привести ихъ
въ повиновеніе. Мнѣніе Румянцева еще болѣе получило силы, когда онъ
узналъ отъ самихъ башкиръ, что мятежъ особенно разросся, подъ вліяніемъ
суровыхъ поступковъ Тевкелева; а потому онъ писалъ Императрицѣ: „Не
повелите-ль до удобнѣйшаго времени такъ ихъ (башкиръ) пылъ въ тишинѣ
оставить, ибо народъ грубый и вскорѣ такъ къ вѣрности государству
и къ накладу на нихъ податей безъ всякаго ихъ возмущенія никакъ
привести невозможно; а надобно отъ время до времени почаще старшинъ
ихъ призывать, и потомъ, когда намѣреніе Вашего Величества будетъ,
уготовясь совѣмъ заблаговременно, какъ вездѣ довольные магазинъ устроить,
такъ и здѣшніе пригородки, для убѣжища людямъ, укрѣпить, тогда ихъ
всѣхъ знатныхъ задержать и уже силою оружія къ тому приводить“^{б)}. —
Румянцева поддерживалъ въ этомъ убѣжденіи и В. Н. Татищевъ, который,
въ своихъ письмахъ къ нему, старался внушить недовѣріе къ планамъ
Кириллова. Мнѣніе Румянцева получило перевѣсъ: Императрица одобрила
его планъ и приказала Кириллову переговорить съ Румянцевымъ лично
о мѣрахъ, при помощи которыхъ можно бы было окончательно умирить
башкиръ. Въ декабрѣ 1735 года Румянцевъ и Кирилловъ совмѣстно вы-
работали особый планъ дѣйствій, съ которымъ Кирилловъ и отправился

^{а)} Кн. Казачьяго Повѣстья № 9, стр. 189. Изъ черновыхъ бумагъ І. И. Же-
лѣзова.

^{б)} С. М. Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XX, стр. 329.

въ Петербургъ. Они, между прочимъ, предлагали уничтожить званіе и привилегіи тархановъ, обративъ всѣхъ башкиръ въ ясачныхъ; мещераковъ, тептерей и бобылей, за ихъ вѣрность и службу, наградить тѣми землями, которыя они нанимали у башкиръ; замѣшаннымъ въ воровствѣ запретить носить и имѣть у себя на домахъ ружья; въ уѣздѣ кузнецовъ и кузницъ не имѣть; изъ городовъ кузнецовъ и насѣкальщиковъ въ уѣздѣ не отпускать; виновныхъ казнить или ссылатъ въ ссылку, а пущихъ заводчиковъ, хотя бы они и были прощены, подвергать жестокой казни; внутри башкирскихъ деревень устроить городки; въ каждой волости избрать двухъ или трехъ старшинъ, которые бы смотрѣли за порядкомъ и несли отвѣтственность за всякую несправу; запретить башкирскія сборища; оставить по одному ахуну на дорогу и обязать ихъ подъ присягой, чтобы они безъ указа новыхъ мечетей и школъ не строили и отказались отъ всякой пропаганды магометанства; запретить башкирамъ вступать въ родство съ казанскими татарами, безъ вѣдома и позволенія казанскаго губернатора и, въ случаѣ позволенія послѣдняго, положить подать со свадебъ лошадьми; разрѣшить покупку башкирскихъ земель и угодій всѣмъ, кто пожелаетъ. Въ началѣ 1736 г. въ Петербургъ, куда явился съ вышеозначеннымъ мнѣніемъ Кирилловъ, узнали, что башкиры Ногайской и Казанской дорогъ взбунтовались снова и не пропустили шедшій къ Оренбургу съ провіантомъ обозъ. Кирилловъ воспользовался этимъ случаемъ и подалъ Императрицѣ особое мнѣніе, въ которомъ говоритъ: „не соизволено-ль будетъ воровъ-башкирцевъ отъ Сибирской и Казанской стороны утѣснять, разоряя сплошь, а у тѣхъ, которые къ воровству не приставали, взять въ города аманатовъ, сыновей и братьевъ знатныхъ людей, а не такихъ наемниковъ, которые въ прошлыхъ годахъ были; теперь самое удобное время дѣйствовать противъ башкирцевъ—мартъ и апрѣль мѣсяцы: сами они голодны и лошади худы“^{а)}. Мнѣніе Кириллова было принято, и онъ наскоро былъ опять отправленъ въ Уфу; а Румянцеву посланъ указъ, которымъ повелѣвалось немедленно выступить изъ Казани въ башкирскія жилища, воровъ искоренять, жилища ихъ разорять, пущихъ заводчиковъ казнить смертію, прочихъ ссылатъ: годныхъ на службу въ остзейскіе полки и во флотъ, негодныхъ на работы въ Рогервикъ; малолѣтнихъ и женщинъ раздавать въ русскихъ городахъ тѣмъ, кто пожелаетъ; пожитки и хлѣбъ отбирать на войско и въ магазины, а лошадей отсылать въ драгунскіе полки^{б)}. Отправивъ нѣсколько полковъ съ Царицинской линіи къ Мензелинску, Румянцевъ поспѣшно собралъ въ Казани ополченіе

^{а)} Тамъ же, стр. 333.

^{б)} Тамъ же.

изъ инородцевъ и русскихъ всѣхъ сословій и самъ, во главѣ его, двинулся къ Уфѣ. Въ половинѣ марта Румянцевъ донесъ, что хотя на Сибирской и Осинской дорогахъ разорено нѣсколько десятковъ деревень и истреблено болѣе двухъ тысячъ воровъ; однакожъ на обѣхъ упомянутыхъ дорогахъ и около Уфы башкирскія замѣшательства не прекращаются. Между тѣмъ Кирилловъ, вернувшійся въ Уфу 11-го марта, дѣятельно готовился къ походу, и 24 числа того же мѣсяца двинулся по Ногайской дорогѣ въ самое воровское гнѣздо башкиръ, расположенное по рѣкамъ Бѣлой, Уршаку, Кѣгушу, Тору и Селеуку. Перебивъ до 700 башкиръ обоюго пола, Кирилловъ, сверхъ того, 158 казнилъ, 160 взялъ въ плѣнъ, 99 сослалъ въ остзейскіе полки на службу и 85 роздалъ уфимскимъ поселенцамъ; выжегши до 200 башкирскихъ деревень, онъ не пощадилъ и главнаго ихъ святилища: первая во всей Башкиріи мечеть Азіева, служившая во всѣ бунты совѣщательнымъ мѣстомъ башкиръ, была разорена. Въ началѣ мая Кирилловъ заболѣлъ и возвратился въ Уфу, поручивъ розыски воровъ полковнику Протасьеву и подполковнику Бронскому. Въ другомъ воровскомъ гнѣздѣ, на рѣкѣ Демѣ^{а)}, дѣйствовалъ противъ бунтовщиковъ подполковникъ Аксаковъ; сюда же въ началѣ апрѣля прибылъ и Румянцевъ. Зачинщики и руководители бунта, узнавъ о томъ, отпустили свои семьи въ вершины р. Демы, а сами, въ числѣ 19 человекъ, явились съ повинной къ Румянцеву, въ надеждѣ получить прощеніе; но генералъ приказалъ ихъ арестовать и пошелъ далѣе по рѣкѣ Демѣ. Башкиры, не оказывая никакого сопротивленія, бѣжали предъ отрядомъ Румянцева, около тысячи ихъ было побито; болѣе 200 человекъ взято въ плѣнъ и выжжено до ста деревень; Акай-Кусямовъ, предводитель башкиръ на Казанской дорогѣ, и Салтанъ-Муратъ съ 120 бунтовщиками были схвачены и отправлены въ Мензелинскъ. Для пополненія и усиленія своего отряда Румянцевъ на основаніи высочайшаго указа, потребовалъ отъ Яицкаго войска, чтобы оно снарядило и командировало къ нему 2000 казаковъ, атамана и лучшаго старшину^{б)}. Въ началѣ мая Румянцевъ навѣститъ въ Уфѣ больного Кириллова, и отправился въ Мензелинскъ, гдѣ до 500 башкиръ казнилъ и столько же башкирскихъ женъ и дѣтей роздалъ по рукамъ. Муратъ-Салтанъ, по совѣту аманатовъ, былъ отпущенъ Румянцевымъ къ Кильмякъ-Абызу, предводителю башкиръ Ногайской дороги, уговаривать его принести повинную; но Муратъ, не исполнивъ возложеннаго на него порученія, соеди-

^{а)} Лѣвый притокъ р. Бѣлой.

^{б)} Кн. Казач. Пов. № 9, стр. 189. Изъ бумагъ І. Желѣзнова.

нился съ Кильмякъ-Абызомъ. Узнавъ отъ него, что „у Румянцева команда не очень людна и то вся бываетъ въ раскомандированіи,“ Кильмякъ-Абызъ собралъ около осьми тысячъ башкиръ Ногайской и Сибирской дорогъ и, во главѣ ихъ, 29 іюня изъ-за р. Бѣлой неожиданно напалъ съ фронта на лагерь Румянцева, расположенный на рѣкѣ Кѣгушѣ, при деревнѣ Урменѣевой, въ 120 верстахъ отъ Уфы; башкирамъ хотѣлось убить самого Румянцева или, по крайней мѣрѣ, взять его въ плѣнъ и освободить всѣхъ своихъ аманатовъ и плѣнниковъ, но желаніе ихъ не исполнилось: не смотря на сильный натискъ непріятеля, причемъ Румянцевъ потерялъ 180 чел. убитыми и 60 ранеными, въ томъ числѣ полковника Усова, башкиры бросились въ безпорядочное бѣгство, какъ только увидѣли пѣхоту, оставивъ человѣкъ 200 на полѣ битвы. Но это пораженіе не ослабило энергіи у Кильмяка и его толпы; они еще усерднѣе стали возмущать башкиръ Казанской и Ногайской дорогъ; жгли и раззоряли тѣ деревни, которыя не хотѣли къ нимъ пристать, уцѣлѣли только деревни, находившіяся въ лѣсахъ и застѣкахъ: „Теперь вся эта сторона,“ — писалъ Румянцевъ, — „въ великомъ смятеніи, и почти всѣ пристали къ ворами, даже до самаго Казанскаго уѣзда. За скорою ѣздой воровъ нашимъ гоняться за ними никакъ нельзя; гдѣ сойдутся, башкирцы ни мало не стоятъ, а нашимъ гнать за ними за худобою лошадей и за отягченіемъ провіанта нельзя; въ лѣтнее время регулярнымъ войскамъ справиться съ ворами никакъ не возможно, а нерегулярныхъ при мнѣ Самарскихъ казаковъ только 200 чел., а Яицкіе до сихъ поръ не бывали; нельзя-ли калмыковъ сюда отправить хотя малое число. Башкиры нынѣ всѣ подозрительны явились, ибо отцы у меня содержатся, а дѣти къ ворами пристали“^{а)}. Вслѣдствіе этого заявленія Румянцева, къ калмыкамъ послана была грамота съ приказаніемъ идти на башкиръ, а къ фельдмаршалу Миниху отправленъ указъ, которымъ предписывалось отправить въ Башкирію два драгунскіе полка. Между тѣмъ командированный съ Яика двухтысячный отрядъ казаковъ былъ уже въ пути. Встрѣтивъ на р. Казѣ скопище бунтовщиковъ, Яицкіе казаки вступили съ ними въ ожесточенный бой: 600 челов. башкиръ было убито и 300 взято въ плѣнъ. Перейдя р. Икъ, казаки пустили огонь и выжгли до 200 деревень. На р. Некѣ Яицкіе казаки снова столкнулись съ башкирами, которые на этотъ разъ выказали удивительную стойкость и мужество: битва началась утромъ и продолжалась до вечера безъ всякаго перевѣса той или другой стороны; наконецъ отчаянная храбрость сыновъ Яика заставила дрогнуть башкирскія

^{а)} С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, стр. 334.

силы: башкиры пошли на утекъ, казаки—за ними и, на протяженіи десяти верстъ, многихъ изъ нихъ побили, остальные же скрылись въ горы. При урочищѣ Уралъ-Тау казаки встрѣтились съ Кильмаковой толпой башкиръ, разбитой Румянцевымъ при р. Кѣгушѣ; многіе изъ этой толпы также познакомились съ казачьими пиками, ихъ шашками и пулями; аммуниція и ружья, отобранныя у нихъ казаками, отданы были майору Останкову. Изъ этого же отряда Яицкихъ казаковъ 500 чел. было отправлено Кирилловымъ къ Табынску, гдѣ произошла новая упорная схватка съ башкирами, длившаяся съ ранняго обѣда до глубокой ночи; перевѣсъ остался, по прежнему, на сторонѣ казаковъ, которые во всё это время, по недостатку продовольствія и по причинѣ быстрыхъ передвиженій, вынуждены были питаться только щавелемъ и ягодами^{а)}.

Между тѣмъ Кирилловъ, оправившись отъ болѣзни, въ іюлѣ снова двинулся къ Оренбургу, огибая Башкирію съ сѣвера и юга. Главный отрядъ шелъ по р. Самарѣ, подъ начальствомъ Бахметева, зятя Кириллова, а другой, подъ надзоромъ самого Кириллова, направился по р. Бѣлой, разоряя на пути деревни непокорныхъ башкиръ, основывая крѣпости и жестоко наказывая виновныхъ; Румянцевъ же устроилъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ, при деревнѣ „Килекей-Кубово“ крѣпостцу, гдѣ, оставивъ тяжести и отрядъ подъ командою подполковника Осипова, отправился въ Украину, куда онъ былъ перемѣщенъ на службу, а на его мѣсто былъ назначенъ бригадиръ Хрущовъ. Кирилловъ, повидимому, былъ недоволенъ дѣйствіями Румянцева и явно намекалъ въ своихъ донесеніяхъ на его оплошность: „Объ искорененіи воровъ башкирцевъ стараніе прилагаю“,—писалъ онъ въ Петербургъ 13 августа,—„и многое число главныхъ плутовъ уже въ разныхъ мѣстахъ пропало, а прочіе бѣгами живутъ свой спасають, и хотя въ іюнѣ и іюлѣ воровскимъ обычаемъ наглости отъ нихъ были и еще, можетъ-быть, произойдутъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ оплошныхъ найдутъ; однако къ тому пришли, что сей бунтъ подлинно послѣднимъ останется, и уже Сибирская дорога вся и по Ногайской многіе въ совершенное подданство приведены, и остальные, если будутъ продолжать воровство, съ голоду и холоду зимою пропадать стануть; лошади и скотъ во многихъ мѣстахъ выпали, и теперь еще надежъ не утихъ“^{б)}.—Не смотря на это, Кирилловъ, такъ неосторожно затронувшій племенные инстинкты башкиръ, оставилъ уже мысль пройти къ Оренбургу

^{а)} См. доношеніе въ Военную Коллегію атамана Ильи Григорьева, полковника Ивана Турыбарина и есауловъ: Андрея Бородина и Григорья Пеунова (Кн. Казач. Повѣст., № 9). Изъ бумагъ І. И. Желѣзнова, по описи его бумагъ № 19, стр. 7.

^{б)} С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, стр. 335.

черезъ самое ядро Башкиріи. Дойдя по р. Бѣлой до Сакмарскаго городка, онъ, въ сопровожденіи 250 казаковъ, отправился на встрѣчу къ отряду Бахметева, съ которымъ и соединился 13 сентября въ Красноборской крѣпости, заложеной Бахметевымъ. Зналъ, что въ Оренбургѣ провіанта было уже немного, Кирилловъ предписалъ находившемуся тамъ подполковнику Чемодурову отправить часть гарнизона въ Верхнеяицкую пристань. Чемодуровъ исполнилъ предписаніе Кириллова, но изъ 800 чел., отправленныхъ съ премьеръ-маіоромъ Рачинскимъ, 150 чел. ознобились и 500 чел. замерзли до смерти, „яко они были весьма безъодежны“; остальные 150 чел. вернулись назадъ. Замѣнивъ ознобившихся 773-мя здоровыми, Чемодуровъ подъ командою того же Рачинскаго, отправилъ ихъ 27 ноября черезъ Сакмарскій городокъ, снабдивъ гарнизонъ провіантомъ до 13 декабря. Во время пути 500 чел. изъ гарнизона померзли и померли съ голоду; въ Сакмарскъ пришли только 220 чел., но у 80-ти изъ нихъ были отморожены руки и ноги^{а)}. Изъ Сакмарска былъ командированъ премьеръ-маіоръ Останковъ, который долженъ былъ смѣнить подполковника Чемодурова. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же былъ отправленъ въ первый разъ по р. Яику на судахъ провіантъ въ количествѣ 300 четвертей, кромѣ 1180 четвертей, отпущенныхъ сухимъ путемъ. Провіантъ дошелъ благополучно, и оставшіяся въ Оренбургѣ двѣ роты солдатъ и сотня казаковъ были теперь обезпечены на продолжительное время. Во ста восьмидесяти верстахъ отъ Сакмарска, на правомъ берегу Яика, при урочищѣ Озерномъ, Останковъ положилъ основаніе станицѣ Верхнеозерной, заселенной охотниками изъ Яицкаго войска. Самъ Кирилловъ, слѣдуя къ рѣкѣ Самарѣ по дорогѣ, названной имъ Московскою, назначалъ мѣста для укрѣпленій и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оставлялъ по нѣскольку нерегулярныхъ людей; изъ этихъ-то укрѣпленій и должна была образоваться новая Самарская и Яицкая линія. Изъ таблицы, представленной Кирилловымъ въ Петербургскій Кабинетъ, 27 октября 1736 года, видно, что всѣхъ укрѣпленій въ Оренбургскомъ краѣ въ это время было 21, кромѣ города Самары и пригорода Алексѣевска, основанныхъ и заселенныхъ дворянами и казаками.—Укрѣпленія эти были слѣдующія: Оренбургское, Губерлинское, Озерное; форпосты: Средній, Бердскій, Крыловъ, Караульный, Верхній, Сорочій, Тоцкій; укрѣпленія: Бузулукское, Борское, Красно-Самарское, Табынское, Красно-Уфимское, Елдяцкое, Кубовское, Міасское, Ки-

^{а)} Ежемѣсячн. Соч. и Перев. 1759 г., № 3, стр. 206 и д.

зылтажское, Чебаркульское и Калмыцкій бродъ^{а)}. Разстояніе между этими укрѣпленіями не превышало 64 верстъ и было не меньше 35. Самыми многочисленными изъ нихъ въ это время были крѣпости Оренбургская и Бузулукская; въ прочихъ мѣстахъ ощущался большой недостатокъ въ людяхъ. Изъ представленія Кириллова въ Кабинетъ по этому поводу видно, что наличное число жителей всѣхъ крѣпостей нужно было увеличить болѣе, чѣмъ въ шесть разъ; по мнѣнію Кириллова, было необходимо имѣть въ каждой крѣпости отъ 100 до 500 человекъ. Составъ поселенцевъ крѣпостей былъ весьма разнообразный, что объясняется сбродностью и разноплеменностью края: тутъ были уфимскіе, яицкіе и самарскіе казаки, крещенные и некрещенные калмыки, ногайцы, ссыльные изъ разныхъ мѣстъ, сибирскіе недоросли, мещеряки и т. п. Крѣпости первоначально устраивались изъ землянаго вала со рвомъ, башнями, рогатками и частоколомъ; на валу ставились чугунныя и мѣдныя пушки. — Для полудикихъ народовъ крѣпости эти, конечно, были страшны и вполне соответствовали цѣли ихъ назначенія къ поддержанію спокойствія въ краѣ. Объ укрѣпленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ заботились и частныя лица, такъ, напримѣръ, балахнинскій купецъ Утятниковъ заботился объ устройствѣ и укрѣпленіи Табынской крѣпости, основанной 14 іюня 1736 года Кирилловымъ, и нерѣдко самъ оборонялъ эту крѣпость отъ башкирцевъ, за что и былъ пожалованъ въ комиссары^{б)}.

Въ концѣ октября 1736 г., бригадиръ Хрущовъ доносилъ, что отовсюду башкирцы являются съ повинною и присягаютъ въ вѣрности Императрицѣ. Но изъ Петербурга полученъ былъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Хотя при нынѣшней турецкой войнѣ въ войскѣ не безъ нужды, однако не меньше нужно и то, чтобъ здѣшній домашній внутренній огонь былъ потушенъ какъ можно скорѣе, и потушенъ такимъ образомъ, чтобъ впредь не оказалось новыхъ смутъ“. — На основаніи этого указа, Хрущовъ и Кирилловъ доносили, что все войско распределено ими на пять командъ, такъ чтобы въ будущемъ апрѣлѣ можно было ими окружить башкиръ со всѣхъ сторонъ, заводчиковъ и ихъ товарищей искоренить, остальныхъ же привести въ полное подданство. „Башкирцевъ двухъ ближайшихъ дорогъ: Казанской и Осинской, кажется, опасаться нечего; относительно же Сибирской стороны“, — доносилъ Кирилловъ, — „писалъ я къ Татищеву, который въ началѣ втораго бунта поступалъ очень осмот-

^{а)} Ежемѣсячн. Сочин. и Перев. 1759 г., мартъ, стр. 219. Слич. „Топогр. Оренб. губ.“ Рычкова, ч. II, стр. 209; „Откуда взялись казаки“ — Ф. М. Старикова, стр. 158 — 160; „Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей“ — Левшина, Сиб. 1832 г., стр. 126; Оренб. Епарх. Вѣд. 1873 г., № 4, стр. 163. См. въ концѣ книги примѣчаніе 23-е.

^{б)} Барановъ. Опис. Сен. арх., № 5382 (С. А. 44; 67). Купецъ Утятниковъ поймалъ и предводителя бунтовщиковъ-башкиръ Кильмякъ-Абыза. См. адресъ-календарь Оренб. губ. на 1849 г., въ приложеніи л. 11 на оборотѣ.

рительно, и самъ, вступя къ башкирцамъ въ малолѣтствѣ, почти съ одними крестьянами, привелъ бунтовщиковъ въ повиновеніе и два городка въ удобныхъ мѣстахъ построилъ, почему на него и впредь, насчетъ тамошняго отдаленнаго края, надежда имѣется^{а)}. Въ началѣ 1737 года Хрущовъ былъ назначенъ въ Украинскую армію, а его мѣсто занялъ генералъ-маіоръ Соймоновъ;^{б)} но ему, какъ предвидѣлось, не могло быть много дѣла: главные коноводы и возмутители башкиръ: Кильмякъ-Абызъ, Акай-Кусюмовъ съ сыномъ, Умиръ Тахторовъ, Сабанъ Безрукій, Юсупъ Арысковъ^{в)} и многіе другіе были пойманы; въ Мензелинскѣ надъ башкирами совершались казни; воровскія деревни были разорены или выжжены; нѣсколько сотъ башкиръ предано казни; болѣе пяти тысячъ башкиръ сослали въ Рогервикъ и въ Остзейскіе полки, въ извозчики, солдаты и матросы^{д)}; цѣлыя тысячи башкирскихъ женъ и дѣтей розданы по рукамъ русскихъ; въ каждую волость были опредѣлены старшины, а въ деревняхъ явились сотники и десятичники; башкиры, оставшіеся на своихъ мѣстахъ, даромъ доставляли на войско провіантъ, фуражъ и лошадей. На расходы по Оренбургской экспедиціи велѣно было отпускать ежегодно по 50,000 р. изъ суммъ Екатеринобургскихъ казенныхъ горныхъ заводовъ^{е)}. Въ „курантахъ“ того времени было напечатано слѣдующее извѣстіе изъ Оренбурга: „Здѣсь все благополучно и прошлаго лѣта зачали изъ Кайсацкихъ ордъ и изъ Ташкента пріѣзжать для торгу“^{ж)}. Такимъ образомъ къ началу 1737 г. Оренбургскій край, благодаря общимъ усиліямъ Кириллова, Румянцева, Татищева и Тевкелева, казался достаточно укрѣпленнымъ и болѣе безопаснымъ отъ башкирскихъ нападеній, чѣмъ до того времени. Кирилловъ, избравъ мѣстомъ главнаго управленія Оренбургской Экспедиціи, Самару, началъ было снова готовиться къ походу въ Оренбургъ и хлопотать о снаряженіи въ Ташкентъ перваго торговаго каравана; но смерть разстроила его планы: 14 апрѣля 1737 г. онъ умеръ отъ чахотки и погребенъ при церкви Св. Николая Чудотворца въ Самарѣ, соединенной впоследствии съ церковію Казанской Божіей Матери, именуемой нынѣ Старый соборъ^{з)}.

а) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, стр. 337. Выписка изъ дѣлъ Сената по Кабинету.

б) Смotr. о немъ примѣч. 24 въ концѣ книги.

в) Кильмякъ-Абызъ былъ предводителемъ башкиръ Ногайской дороги; Акай-Кусюмовъ — Казанской, Сабанъ Безрукій — Осинской и Юсупъ Арысковъ — Сибирской дороги. См. Топ. Оренб. губ., Рычкова, ч. II, стр. 206 и 209.

д) Русск. Бес. 1860 г., I, стр. 201. Пам. кн. Уфим. губ. 1873 г., II, стр. 132, 145.

е) Барановъ. Описан. Сен. арх., № 5897 (С. А. 47; 372).

ж) Истор. Россіи, т. XX, стр. 338.

з) Р. Г. Игнатьевъ (см. отд. оттискъ его ст. „Каракасаль, лже-ханъ Башкиріи“, напеч. въ „Оренб. Листк.“ за 1880 г., стр. 29) и А. Алекторовъ (Истор. Оренб. губ., изд. 2, стр. 28) говорятъ, что Кирилловъ умеръ въ 1738 г.; но это несправедливо: 10 мая 1737 г. состоялся уже именной указъ о назначеніи, вмѣсто умершаго Кириллова, В. Н. Татищева. См. у Баранова въ Оп. Сен. арх., № 5988 (С. А. 48; 15).

Не дешево обошлась русскимъ эта двухлѣтняя борьба съ башкирами. Не говоря уже о значительныхъ жертвахъ, выпавшихъ на долю инородцевъ, однѣ потери русскихъ довольно краснорѣчиво говорятъ о невыгодахъ подобной междоусобной борьбы, результаты которой сильно отозвались и на экономическомъ состояніи русскаго населенія въ Оренбургскомъ краѣ. Съ жителей Уфимской провинціи пришлось снять часть недоимокъ, потому что: „обывателей многое число взято было въ полонъ и побито, и хлѣбъ стоячій и молотый весь безъ остатка сожженъ, скотъ отогнанъ, а оставшіеся отъ платежа подушнаго оклада уже дѣтей закладываютъ, а сами едва дневною пищею пробавлялись“. Въ частности этотъ бунтъ отразился и на промышленной дѣятельности края: башкирцы разорили нѣкоторые изъ заводовъ,—одни солепромышленники понесли на 25,768 руб. 33½ к. убытку^{а)}. Столько заботъ, трудовъ и лишеній стоило для русскихъ удерживать въ повиновеніи этотъ „самый плогавый и неоружейный народъ“^{б)}, по выраженію виновника ихъ возмущенія Кириллова, доведшаго себя до чахотки и умершаго въ великой бѣдности.—Съ виду башкирецъ, дѣйствительно, кажется тихимъ, скрытнымъ, безтолковымъ, вялымъ, или, по выраженію Кириллова, „плогавымъ существомъ“; но въ душѣ онъ хитрыйиій человекъ, какихъ мало на бѣломъ свѣтѣ. Лѣнь, праздность и отвращеніе къ труду, составляя отличительныя свойства башкирца, сдѣлали его отъявленнымъ воромъ и мошенникомъ, хотя находились и находятся панигиристы и у башкирцевъ^{в)}. Хитрость, находчивость, уклончивость и изворотливость, вошедшія въ плоть и кровь башкирца, развиты въ немъ во всемъ блескѣ совершенства, по замѣчанію покойнаго І. И. Желѣзнова, нѣсколько лѣтъ служившаго въ Башкирскомъ отдѣленіи^{г)}. На эти-то внутреннія качества башкирца и слѣдовало обратить побольше вниманія начальнику экспедиціи; для борьбы и борьбы успѣшной съ такимъ народомъ недостаточно было однихъ укрѣпленій, а жестокость въ обращеніи съ башкирцами вела только къ новымъ возмущеніямъ и большому закалу племенной ненависти къ русскимъ и еще болѣе обобщала и сплачивала ихъ интересы. Поэтому необходимо было подумать о болѣе мирныхъ средствахъ, которыя бы могли сдѣлать невозможнымъ возстаніе со стороны башкиръ; необходимо было протянуть руку помощи раззореннымъ, загнаннымъ и повинившимся башкирцамъ, на что и обратилъ вниманіе преемникъ Кириллова, В. Н. Татищевъ.

^{а)} Н. Попова: „Татищевъ и его время“, стр. 183.

^{б)} См. письмо Кириллова къ Бирону въ „Русск. Бесѣдѣ“, 1860 г., I, стр. 204.

^{в)} См. ст. Небольсина въ От. Зап. 1850 г., № 11. Сравни. ст. В. М. Флоринскаго: „Башкирія и Башкиры“ (Вѣстн. Евр. 1874 г., декабрь).

^{г)} См. въ его сочиненіяхъ: т. I; изд. 2, Спб. 1888 г. „Башкирцы“, стр. 211 и д.

Г Л А В А VII.

Оренбургскій край при Татищевѣ.—Взяточничество и жалобы чиновниковъ.—Татищевъ и протопопъ Антипа Мартіановъ.—Отношенія Татищева къ башкирамъ и киргизамъ—Доносы на Татищева, судъ надъ нимъ, его оправданіе и смерть.—Князь Урусовъ и его заботы объ устройствѣ Оренбургскаго края.—Каракасаль, лже-ханъ Башкиріи—Допросы и пытки башкиръ.—Раскаяніе и наказаніе башкиръ—Отношеніе Каракасала къ зюнгорамъ и погромъ киргизовъ—Кончина Урусова

Я бы желалъ видѣть въ тебѣ такого судію,
дабы дѣлалъ ты изъ утѣшенія совѣсти то, что дѣлаешь изъ меды.

(Петръ Великій—Татищеву).

Все оное было токмо ваше притворство: ибо
снаружи казались вы повинными, а внутри между
собою—злѣйшими противниками и бунтовщиками.

(Урусовъ—башкирамъ).

По смерти Кириллова начальство надъ Оренбургской Экспедиціей, переименованной въ Оренб. Коммиссію, было раздѣлено между генералъ-маіоромъ Соймоновымъ, Тевкелевымъ, Бахметевымъ и астраханскимъ вице-губернаторомъ; но не прошло и мѣсяца послѣ смерти Кириллова,^{а)} какъ мѣсто его занялъ извѣстный историкъ и начальникъ Екатеринбургскихъ заводовъ, Василій Никитичъ Татищевъ, который такъ много содѣйствовалъ Кириллову въ усмирении зауральскихъ башкиръ, во время послѣдняго башкирскаго бунта. Въ рескриптѣ Татищеву отъ 10 мая 1737 г. говорилось: „Мы на ваше вѣрное радѣніе и доброе искусство всемилостивѣйше полагаемся, и что вы въ оной Комиссіи тщательнѣйшіе свои труды прилагать не оставите, за что вы и о нашей къ вамъ высочайшей милости и дѣйствительномъ награжденіи всегда обнадѣжены быть можете, якоже и нынѣ въ знакъ того васъ въ наши тайные совѣтники жалуюмъ“^{б)}.

Татищевъ, хорошо уже знакомый съ краемъ, поднялъ коллегіальное начало, слабо прилагавшееся къ дѣлу во времена Кириллова, и придавъ совершенно иной характеръ управленію Оренбургской Коммиссіей. Прибывъ 14 іюля въ Мензелинскъ, онъ тотчасъ же созвалъ Совѣтъ, на который, кромѣ Соймонова, Тевкелева и уфимскаго воеводы Шемякина, приглашены были и всѣ штабъ-офицеры, служившіе въ Коммиссіи. Совѣтъ поставилъ себѣ задачей болѣе подробное и правильное раздѣленіе башкирскихъ земель въ административномъ отношеніи и усиленіе средствъ къ удержанію въ покорности самихъ башкиръ. Результатомъ этихъ совѣщаній было откры-

^{а)} Кирилловъ скончался 14 апрѣля 1737 г., а Татищевъ назначенъ на его мѣсто 10 мая того же года.

^{б)} Барановъ. Опис. Сен. арх. № 5988 (С. А. 48; 15).

тіе особой Исетской провинціи съ тремя уѣздами: Окуневскимъ, Шадринскимъ и Исетскимъ; управленіе Пермской провинціей изъ Соликамска, гдѣ оно до того находилось, переведено въ Кунгуръ, ближе къ Башкиріи; учреждены особые воеводы въ Красно-Уфимской крѣпости и Осѣ, которые были подчинены провинціальному Уфимскому правленію; къ Осинской провинціи были приписаны и дворцовые крестьяне до Сарапула, ясачные татары (казанскіе выселенцы) по р. Симу и Уфимскаго уѣзда Гайнинская башкирская волость, теперь Осинскаго уѣзда Пермской губерніи^{а)}. Башкиры, жившіе въ верховьяхъ Яика и по р. Аю^{б)}, отошли въ вѣдомство вновь основаннаго Чебаркульскаго воеводства. Кромѣ того, Совѣтъ постановилъ открыть особую провинцію и въ Мензелинскѣ; но это послѣднее предположеніе осталось безъ утвержденія со стороны Петербургскаго Кабинета, вѣрно было только составить подробную ландкарту окружающей Мензелинскъ мѣстности^{с)}.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Татищевъ настоялъ, чтобы сборъ ясака и разныхъ пошлинъ съ башкиръ производился ихъ старшинами, а не цѣловальниками и ясачниками, какъ это было прежде; мирные башкиры уравнины были въ подводной повинности съ мещеряками и черемисами, которые, благодаря послѣднему башкирскому бунту, получили нѣкоторые преимущества, въ ущербъ кореннымъ обитателямъ края^{д)}. Съ цѣлью усиленія оборонительныхъ силъ края, Татищеву вѣрно было набрать немедленно ополченіе изъ казанскихъ инородцевъ, а тамошнихъ помѣщиковъ обязать выставить по одному ратнику; то же обязаны были сдѣлать казанскій архіерей и монастыри, владѣвшіе тогда населенными имѣніями. Ополченіе должно было идти къ Мензелинску, въ команду генераль-маіора Соймонова и бригадира Хрущова^{е)}. Но и Татищевъ не могъ удержать своихъ сподвижниковъ отъ прежнихъ жестокостей въ обращеніи съ непокорными башкирами: Соймоновъ продолжалъ, по прежнему, рѣзать языки и носы башкирцамъ, отсѣкать руки и ноги. Новый командиръ нашелъ также, что люди, которые бы должны были смотрѣть за порядкомъ и удерживать башкиръ отъ мятежей, брали взятки, сами обирали и мучили инородческое населеніе края: „Многіе командиры,“—писалъ Татищевъ,—„забывъ свою должность, мечутся за пожитками; другіе, по окончаніи дѣла, у драгунъ, казаковъ и вольницы взятые отъ воровъ пожитки обирали, и тѣмъ у оныхъ охоту отняли;

^{а)} Пам. Кн. Уфимск. губ. 1873 г., II, стр. 7. Ср. у Баранова (Опис. Сен. арх.) № 6211 (С. А. 48; 527).

^{б)} Пам. Кн. Уф. губ. 1873 г., II, стр. 7.

^{с)} Тамъ же, стр. 185. Слич. П. С. Зак., т. X, № 7318 и № 7347; Соч. и Перевод. 1759 г., ч. I, стр. 297 и 396.

^{д)} Памятн. кн. Уфимск. губ. 1873 г., ч. II, стр. 143 и слѣд.

^{е)} Тамъ же, стр. 7.

нѣкоторые же полковники, видя въ полкахъ своихъ въ коняхъ недостатокъ, набравъ *башкирскихъ лошадей*, продавали и въ деревни сослали^{а)}. Въ июлѣ Татищевъ, между прочимъ, писалъ къ Остерману и Черкасскому: „слышу отъ многихъ, что *великія пакости происходятъ*, о чемъ и прежде къ статскому совѣтнику Шемякину по жалобамъ башкирекимъ на его канцелярію писалъ, и здѣсь на нѣкоторыхъ жаловались, а генераль-маіоръ (Соймоновъ), какъ человекъ тихій, не довольно строго въ такихъ дѣлахъ поступаетъ, а паче, что до него было, и не знаетъ. Такожъ полковникъ Бордукевичъ требовалъ денегъ на покупку подъ драгунъ команды его лошадей, и какъ я наединѣ о томъ съ офицеры разговаривалъ, то сказали, что онъ *башкирскихъ лошадей, отбиралъ себѣ, продавалъ*, и нынѣ де у него близъ 100, а *нѣсколько сослано къ пріятелямъ въ деревни*“^{б)}. До какой степени вошло въ обычай взяточничество и ма-родерство среди воеводъ и подъячихъ, это видно изъ того, что уфимскій воевода Шемякинъ на Мензелинскомъ Совѣтѣ не хотѣлъ даже подписаться подъ тѣми пунктами, которыми Татищевъ старался ограничить произволъ чиновниковъ; Шемякинъ указывалъ на то, что воеводы и подъячіе жалованья не получаютъ и потому имъ брать не запрещено; „но я дерзнулъ сказать,“— замѣчаетъ Татищевъ,— „что я имѣю особый указъ, и если увѣдаю чьи непорядки, то и безъ его подписки буду поступать по указу. И генераль-маіоръ (Соймоновъ) ему говорилъ, чтобы онъ, не входя въ подозрѣніе, конечно подписался“^{в)}. Нужно замѣтить, что предшественникъ Татищева, занятый исключительно главною цѣлію своего проекта, недостаточно обращалъ вниманія на администрацію края: „при Кирилловѣ,“— доносилъ Татищевъ,— „канцелярскаго порядка, какъ уставъ повелѣваетъ, учинено не было; протокола и журнала порядочно не содер-жано; списковъ служителямъ съ ихъ окладами не учинено; и хотя подъячихъ было не мало, но всѣ набраны молодые и малоискусные, а къ тому и повытей было не росписано; записокъ одного дѣла искать нужно по разнымъ мѣстамъ. Счеты весьма неправильны, потому что приходъ и расходъ былъ въ разныхъ рукахъ и весьма безпорядоченъ, черезъ что учинились проронки; окладныхъ книгъ учинено не было, давано жалованье все по выпискамъ, а отъ того учинены передачи. Въ подрядѣ провіанта и провоза великія передачи,—изъ корысти или изъ продерзости,—неизвѣстны“^{г)}.—Отсутствіе должнаго порядка въ административномъ отношеніи, безъ сомнѣнія, не мало способствовало злоупотребленію чиновнаго міра и

а) Исторія Россіи, т. XX, стр. 340.

б) Тамъ же, стр. 339.

в) Тамъ же.

г) Тамъ же, стр. 341.

недовольству инородческаго населенія края. Татищевъ, недовольный управленіемъ своего предшественника, не былъ доволенъ и Соймоновымъ: „Онъ (Соймоновъ) человекъ добрый и служить довольно,“ — писалъ Татищевъ, — „но притомъ въ разсужденіи весьма *медленъ* и къ произвожденію *холодноватъ* и для того можетъ не все такъ дѣлается, какъ надобно, а мнѣ болѣе дѣлать нечего“ ^{а)}.

Съ началомъ 1738 года снова открылись волненія среди башкиръ: бунтовщики башкиры стали нападать на мирныхъ башкиръ и раззорять ихъ деревни, а Татищевъ сидѣлъ безъ денегъ; войско оставалось безъ жалованья и голодало: провіанту купить было не на что. „Я пришелъ въ крайнюю печаль,“ — говоритъ онъ, — „и вижу, что мнѣ изъ сего не иначе, какъ конечная погибель воспослѣдуетъ, понеже безъ денегъ, провіанта, пужной аммуниціи, припасовъ и безъ довольства людей выступить невозможно“ ^{б)}. Не мало безпокоило Татищева и слѣдственное дѣло о безпорядкахъ уфимскаго воеводы Шемякина, преданнаго имъ военному суду. Озлобленный Шемякинъ заявилъ, что онъ знаетъ за Татищевымъ важныя дѣла, и просилъ, чтобы для ихъ раскрытія вызвали его въ Сенатъ или отправили къ казанскому губернатору: „я знаю за нимъ такія важныя дѣла,“ — говорилъ Шемякинъ, — „что или мнѣ, или ему голову отрубятъ“. — Въ то же время Синодъ сообщилъ въ Кабинетъ о жалобѣ протопопа при Оренбургской Коммисіи и ректора Антипы Мартіанова, котораго Татищевъ, въ Самарѣ, безъ объявленія вины, презрѣвъ власть св. Синода, посадилъ съ утра на цѣпь, водилъ по улицѣ, какъ бы на показъ бывшимъ тогда въ городѣ киргизскимъ посламъ, и, приведши въ канцелярію, держалъ на цѣпи до вечера. Синодъ указывалъ при этомъ, что Татищеву дѣлать того „весьма не надлежало“ и просилъ удовлетворенія. Отъ Татищева потребовали объясненія; изъ его письма по этому случаю къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ видно, что протопопъ Антипа Мартіановъ иногда напивался пьянъ и въ пьяномъ видѣ дрался и творилъ разныя безобразія, наприимѣръ: разломалъ и сожегъ баню у хозяина, гдѣ квартировалъ; избилъ запоркой его жену, ударилъ капрала въ щеку, за что казаки „довольно его побили“ и т. п. Татищевъ нѣсколько разъ уговаривалъ его, но буйный протопопъ не унимался и потому попалъ въ канцелярію на цѣпь, а затѣмъ былъ отосланъ къ воеводѣ и наказанъ. Послѣ этого наказанный Антипа явился къ Татищеву съ извиненіемъ и просилъ его не доносить о томъ въ Синодъ; Татищевъ не только простилъ протопопа, но избралъ его въ свои духовники и нерѣдко приглашалъ его къ себѣ на обѣдъ. Дѣло тѣмъ бы и кончилось, но Антипѣ Мартіанову захотѣлось,

^{а)} Тамъ же.

^{б)} Тамъ же, стр. 343.

чтобы его новый духовный сынъ запретилъ приходскимъ священникамъ ходить съ требами къ офицерамъ и другимъ чинамъ его команды; Татищевъ, разумѣется, отказалъ. Тогда Антипа заявилъ, что при немъ находится нѣсколько священниковъ, желающихъ служить при Коммисіи, и требовалъ на нихъ за третъ жалованья; но такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ не имѣли ни ставленныхъ грамотъ, ни свидѣтельства о своей личности, то Татищевъ приказалъ ихъ допросить и въ жалованья отказать. Обиженный тѣмъ Мартіановъ и обратился съ жалобой въ Синодъ. Излагая обстоятельства этого дѣла въ своемъ письмѣ къ Императрицѣ, Татищевъ, между прочимъ, говоритъ: „Понеже оный протопопъ хотя и не часто пьянъ бываетъ, но когда напьется; то рѣдко безъ драки проходитъ, о чемъ здѣсь всѣмъ извѣстно, но за страхъ довольно того берегся, нынѣ же если дать волю, то опасно большого между чужестранцы стыда; по артикулу же положено для смиренія отсылать ихъ къ духовному суду, но здѣсь никакого духовнаго суда въ близости нѣтъ, на что всеподданнѣйше прошу повелѣнія, какъ повелите въ такихъ случаяхъ съ ними впредь поступать“^{а)}.

Школа, усиленіе науки въ Россіи, очищеніе и устройство роднаго языка постоянно занимали и озабочивали Татищева. Бывши еще начальникомъ Сибирскихъ горныхъ заводовъ, онъ усердно заботился о заведеніи тамъ школъ; не могъ онъ отказаться отъ мысли о школахъ и здѣсь. Не смотря на кратковременное управленіе его краемъ и постоянные мятежи среди башкиръ, поглощавшіе все его вниманіе, онъ все-таки успѣлъ завести въ Самарѣ школу для калмыковъ и татаръ; по его же инициативѣ и плану, стали переводить книги съ восточныхъ языковъ на русскій и составлять татарско-калмыцкій словарь^{б)}. Заботясь о лучшей организаціи края въ административномъ отношеніи, Татищевъ не переставалъ зорко слѣдить и за ходомъ дѣлъ въ соседней Киргизъ-Кайсацкой степи, такъ какъ главною цѣлю Оренбургской экспедиціи было подчиненіе русской власти Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ, построеніе у нихъ русскаго города и проложеніе торговаго пути въ Среднюю Азію. Между тѣмъ Абуль-Хаиръ, заявившій желаніе сдѣлаться русскимъ подданнымъ и склонившій къ тому же хановъ Большой и Средней орды, вдругъ измѣнилъ свое поведеніе. Воспользовавшись башкирскими бунтами, онъ думалъ основать на немъ величіе своего рода и усиленіе собственной власти. Осенью 1737 г. онъ явился въ Башкирію, подъ предлогомъ содѣйствія русскимъ въ потушеніи мятежа, на самомъ-же дѣлѣ у него было намѣреніе сдѣлать одного изъ своихъ сыновей башкирскимъ ханомъ. Но дальновидный Татищевъ, угадывая намѣренія Абуль-

^{а)} Тамъ же, стр. 345.

^{б)} Пекарскій. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова., стр. 9 и 10.

Хаира, ласково постарался выпроводить непрошенного гостя и помощника въ его кочевья, подаривъ ему черезъ переводчика Араслана Бахметева разныхъ вещей на сто рублей и поблагодаривъ за оказанныя имъ будто услуги въ усмирении волновавшихся башкиръ.

Съ наступленіемъ 1738 г. обнаружилась новая опасность со стороны киргизовъ: башкиры, сознавая, что они не могутъ одни бороться съ русскими, обратились съ просьбою о помощи къ Абуль-Хаиру, признавъ его главою угнетенной Башкиріи. Абуль-Хаиръ, изъ честолюбивыхъ видовъ, женился на башкиркѣ и сталъ обнаруживать враждебныя отношенія къ Россіи. Въ концѣ апрѣля, онъ, во главѣ значительнаго числа воровъ-башкиръ, явился въ Оренбургъ, забралъ не мало мирныхъ башкирцевъ, отбиралъ у нихъ скотъ и заставлялъ платить на себя штрафъ. Когда же майоръ Останковъ послалъ ему сказать, чтобъ онъ не судилъ по челобитью воровъ, то Абуль-Хаиръ, вынувъ саблю, отвѣчалъ: — „Городъ мой и для меня построенъ, а кто не послушаетъ, тому голову отрублю.“ — Татищевъ, узнавъ о томъ, тотчасъ же отправилъ къ Останкову ордеръ, чтобы онъ арестовалъ главныхъ изъ башкирскихъ старшинъ, бывшихъ при Абуль-Хаирѣ. Вслѣдствіе этого, Останковъ арестовалъ шесть человѣкъ старшинъ, въ томъ числѣ Кусеяпа и Ахмата-муллу. Но чтобы не обидѣть и не испугать Абуль-Хаира, Татищевъ немедленно написалъ ему, что будто-бы майоръ арестовалъ тѣхъ старшинъ самовольно, и обѣщалъ наказать виноватаго, а Останкову, между тѣмъ, далъ знать, чтобы онъ усилилъ надзоръ за арестованными, хана же „болѣе прежняго довольствовалъ“. Извѣщая о томъ Императрицу, Татищевъ писалъ 9 мая 1738 г.: „Хотя Абуль-Хаиръ ханъ свою присягу нарушилъ, однако я, взирая на глупую ихъ дикость и опасаясь, чтобы другихъ ихъ султановъ и хановъ жестокостію не отстращать, намѣренъ съ нимъ ласково обойтись, и о погрѣшностяхъ его разговоромъ выговорить. О успокоеніи башкирцевъ, паче всякаго чаянія, весь мой должный трудъ уничтожился и они начали новыя нападенія чинить. Такъ какъ многіе ихъ старшины пишутъ, что все покорится, если штрафныхъ лошадей сложить; то я писалъ къ генералу Соймонову обнадежить, что штрафъ снимется, если они пришлютъ знатныхъ людей и будутъ о томъ просить, а между тѣмъ нѣтъ способа силой ихъ къ покорности принудить. Хотя я, не взирая на великіе во всемъ недостатки и будучи боленъ, крайне прилежу, чтобы скорѣе въ походъ выступить и симъ воровъ къ покорности принудить; но большое препятствіе въ томъ, что офицеровъ и рядовыхъ очень много больныхъ, чему причиною воздухъ и здѣшнія сѣрныя воды“^{а)}.

^{а)} Истор. Россіи, т. XX, стр. 346.

Въ отвѣтъ на это Татищевъ получилъ слѣдующій *грозный* указъ: „Мы съ великимъ удивленіемъ и неудовольствіемъ усмотрѣли, какимъ образомъ отъ бунтующихъ башкирцевъ новыя замѣшанія начались, а напаче, что и ханъ Абуль-Хаиръ съ ними соединился и имѣютъ злое намѣреніе атаковать Оренбургъ, чего мы никогда не надѣялись, ибо въ прежнихъ своихъ доношеніяхъ имянно обнадеживали весь башкирскій народъ добрымъ способомъ въ усмиреніе и должное покореніе привести, и что уже многіе съ повинными приходятъ и штрафныхъ лошадей приводятъ. Башкирцевъ въ такое своевольство привело, и Абуль-Хаиръ ханъ къ ихъ сторонѣ сталъ быть приклоненъ оттого, что какъ вы, такъ и генералъ-майоръ Соймоновъ въ удобное время, когда еще у башкирцевъ лошади были не накормлены, ни малаго поиску надъ ними не учинили, и такимъ своимъ мешканіемъ дали имъ поводъ новыя безпокойства заводить. Что же доноситъ, яко бы вашъ походъ остановился за неприсылкою денегъ, то когда провіантъ и ружья есть, то хотя бы въ прочемъ и недостатокъ былъ, затѣмъ останавливаться и времени терять не надлежало; а вамъ извѣстно, какой важности сіе дѣло есть. Симъ нашимъ указомъ наикрѣпчайше подтверждаемъ, что всемѣрно надлежитъ вамъ со всею командою къ Оренбургу поспѣшить безъ всякаго отлагательства, а ежели подъ онымъ городомъ учинится гибель или людямъ уронъ, то особливо вы въ томъ дадите предъ нами отвѣтъ, ибо мы оную крѣпость отнюдь потерять не хотимъ“^{а)}. Въ исполненіе этого указа, Татищевъ отправился въ Оренбургъ, гдѣ его дожидался изъ Киргизской орды башкирскій старшина, извѣстный уже намъ, Таймасъ Шаймовъ; отъ него Татищевъ узналъ, что киргизы сомнѣваются въ его добрыхъ намѣреніяхъ, то же подтвердилъ и явившійся сюда изъ орды Киргизскій старшина Букенбай-батырь. Но Татищеву удалось разсѣять эти подозрѣнія и сомнѣнія киргизъ и устроить свиданіе съ Абуль-Хаиромъ и его старшимъ сыномъ Нурали-Салтаномъ. Абуль-Хаиръ подтвердилъ свое подданство Россіи и появился въ вѣрности надъ Кораномъ, но долго не соглашался подписываться *работъ*: „Человѣкъ живетъ въ свѣтѣ“, — говорилъ онъ, — „и дѣтьми память о себѣ оставляетъ, но сія память и скоту равна есть, а честь, пріобрѣтенная человѣку, во вѣки не умираетъ, и я тѣмъ нынѣ болѣе долженъ радоваться, что мое имя въ такомъ великомъ и славномъ государствѣ извѣстно“. — Татищевъ отвѣтилъ на это: „Не только у насъ, но и во всей Европѣ будетъ извѣстно, потому что у насъ такія дѣла напечатываютъ и всюду разошлютъ“. — Татищевъ щедро одарилъ киргизъ, которые даже *передра-*

^{а)} Тамъ же.

лись изъ-за его подарковъ; при этомъ Абуль-Хаиръ, обратившись къ Татищеву, замѣтилъ: „Пожалуй не осуди, что этотъ дикій народъ такъ безчиненъ, а мнѣ очень пріятно, что они теперь такъ хвастаются, чему прежде смѣялись и ругались“.—Интересны слѣдующія строки изъ письма Татищева къ кабинетъ-министрамъ: „Киргизскій народъ столь глупъ, что безъ стыда просятъ и за столомъ наставленные конфеты, собирая въ платки, вьжутъ, а тарелки, ложки, ножи серебряные класть предъ ними нельзя, и хотя нѣкоторые изъ знатныхъ ихъ тутъ и бранятъ, но мало помогаетъ, да и ханъ, которому я быковъ, барановъ, крупъ и прочаго посылалъ, не постыдился все это прислать продавать и у меня опять просить, и я принужденъ *вареное и жареное мясо ежедневно посылать*“. Абуль-Хаиръ, получивъ отъ Татищева своего сына Эрали-Салтана и оставивъ, вмѣсто него, аманатомъ Хаджи-Ахметъ-Салтана, откочевалъ въ свои улусы. „Ханъ, повидимому, великое усердіе и покорность имѣетъ“,—доноситъ Татищевъ въ Кабинетъ,—„ибо его въ томъ польза, но очень непостояненъ, его же мало и слушаютъ, а болѣе всѣхъ силы имѣютъ Средней орды Джанибекъ-батыръ да Чурекъ, а въ Меньшой—Бу-кенбай-батыръ, которыхъ я, какъ казеннымъ, такъ и моимъ довольно одаря, отпустилъ“. Что касается башкиръ, то они бунтовали только тогда, когда останавливалось или замедлялось движеніе со стороны русскихъ; но какъ только видѣли они наступленіе русскихъ силъ, сейчасъ же являлись съ повинною, такъ было и теперь: походъ Соймонова въ горы заставилъ ихъ смириться и выдать главнаго возмутителя Бепеню.

Во время своего пребыванія въ Оренбургѣ, Татищевъ обратилъ вниманіе и на крѣпость, заложенную при Кирилловѣ; крѣпость находилась въ самомъ жалкомъ состояніи: кругомъ ея, вмѣсто стѣны или вала, шелъ плетень и ровъ въ полтора аршина ширины, а сажень на 50 и рва не было, такъ что зимой въ городъ заходили волки и поѣдали лошадей. Татищевъ приказалъ расширить ровъ до пяти аршинъ и углубить его на сажень, а валъ обложить снаружи дерномъ. „Съ сожалѣніемъ вижу,“—писалъ онъ въ Петербургъ,—„какъ у насъ инженерные офицеры въ практикѣ искусства и разсужденія не имѣютъ“. Оставляя Оренбургъ, Татищевъ донесъ въ Кабинетъ, что денегъ при Коммисіи ничего нѣтъ, и солдаты безъ жалованья цѣлый годъ претерпѣваютъ крайнюю нужду, также провіантскимъ подрядчикамъ заплатить нечѣмъ“.

Въ концѣ августа Татищевъ отправилъ съ купеческимъ караваномъ поручика Миллера въ Ташкентъ, который долженъ былъ исхлопотать для русскихъ купцовъ безошлинную торговлю и съѣздить въ бухарскіе города; а самъ Татищевъ отправился осматривать Яицкую линію укрѣпленій.

Устройство этой линіи, начатое Кирилловымъ, уничтожило необходимость Закамской или Черемшанской, начатой въ 1732 г., а между тѣмъ въ крѣпостяхъ и форпостяхъ Яицкой линіи былъ большой недостатокъ въ людяхъ; поэтому Татищевъ рѣшился перевести сюда съ Закамской линіи ландмилицкіе полки, инженеровъ и артиллерійскихъ служителей. Какъ опытный человекъ, Татищевъ не положился на вѣрность киргизъ-кайсаковъ; присяга, данная ихъ ханомъ, послужила ему, напротивъ, толчкомъ и удобнымъ средствомъ къ дальнѣйшему укрѣпленію Яицкой линіи. При помощи морскаго капитана изъ англичанъ Элтона и другихъ инженеровъ, Татищевъ основалъ крѣпости: Тевкелевъ бродъ (впослѣдствіи Новосергіевская), Переволоцкую, Чернорѣченскую, Ельшанскую, Карагайскую и Иткульскую и докончилъ устройство Бердской и Губерлинской крѣпостей^{а)}. Татищевъ находилъ также неудобнымъ и мѣсто, избранное Кирилловымъ, для построения Оренбурга, по причинѣ сильнаго разлитія рѣкъ, во время весенняго половодья, и потому еще на генеральномъ мензелинскомъ Совѣтѣ указалъ на другое мѣсто, находящееся на 140 верстъ^{б)} ниже перваго, при урочищѣ Красная гора, гдѣ теперь находится Красногорская крѣпость; но, осмотрѣвши лично это мѣсто, онъ нашелъ и его не вполне удобнымъ и избралъ третье, менѣе гористое^{в)}, верстъ на 40 еще ниже по теченію Яика. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, и это мѣсто оказалось неудобнымъ^{г)}.

Въ концѣ 1738 г., поздравляя Кабинетъ министровъ съ усмирениемъ башкиръ, Татищевъ просилъ позволенія пріѣхать въ Петербургъ, что ему и было разрѣшено. Явившись въ столицу, Татищевъ 20 февраля 1739 г. подалъ Императрицѣ докладъ, въ которомъ настаивалъ, чтобы Оренбургъ былъ переселенъ на новое мѣсто, болѣе удобное. Кабинетъ-министры, обсудивъ докладъ Татищева при его участіи, опредѣлили: *„городъ Оренбургъ строить при Красной горѣ, а прежній Оренбургъ называть Орскою крѣпостью“*.

Но въ это самое время, какъ Татищевъ далъ дальнѣйшій ходъ широко-задуманному плану Кириллова, онъ долженъ былъ навсегда оставить Оренбургъ. В. Н. Татищевъ, какъ извѣстно, не разъ былъ обвиняемъ въ лихоимствѣ. Еще Никита Демидовъ жаловался Петру Великому, что Татищевъ беретъ взятки. Когда Петръ спросилъ Та-

^{а)} Смотр. примѣч. 23.

^{б)} П. С. Зак. № 8630.

^{в)} Оренб. Епарх. Вѣд. 1873 г., стр. 163. Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли“, ч. II, стр. 498. Адресъ-Календарь Ор. губ. 1849 г., т. II въ приложеніи.

^{г)} Объ отношеніи Татищева къ крещенымъ ставропольскимъ калмыкамъ будетъ сказано дальше, въ особой главѣ о нихъ.

тищевъ, правду-ли говорить о немъ Демидовъ; то обвиняемый отвѣтилъ: „Правду, государь: *я беру*, но въ томъ ни предъ Богомъ, ни предъ Вашимъ Величествомъ не погрѣшаю! Лихоимство есть грѣхъ, достойный наказанія, а мзда за труды не грѣхъ, и апостолъ говоритъ: *„Мзда дѣлющему не по благодати, но по долгу“*^{a)}.— Разъясняя далѣе свой взглядъ на *„мзду за труды“*, Татищевъ говоритъ: „Судья долженъ за получаемое жалованье сидѣть въ Приказѣ только до полудня, а послѣ обѣда трудиться должности его нѣтъ; если же, Государь, я вижу, что мой трудъ не втунѣ будетъ, то я не токмо послѣ обѣда, но и ночью потружуся; *а для того и карты, и собакъ, и бесѣды, и всякія другія увеселенія оставляю*; и несмотря на реестры, нужнѣйшее прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителю пользу принесу; слѣдовательно, въ такомъ случаѣ за мзду, взятую за труды, ни отъ Бога, ни отъ Вашего Величества осужденъ быть не могу“^{b)}. Петръ, выслушавъ Татищева, сказалъ: „Хотя сіе и правда, и для совѣстныхъ людей невинно; но *позволять сего отнюдь нельзя* для безсовѣстныхъ, чтобы подъ видомъ добродѣтельныхъ подарковъ не стали принужденно вымогать“. Кромѣ того, какъ передаетъ Штелинъ со словъ Ив. Ив. Неплюева и Θεодора Ивановича Соймонова, Петръ Великій замѣтилъ Татищеву: „Ты позабылъ, что прямоудобрѣтельный судья служеніе свое почитаетъ священнымъ долгомъ, которому всегда слѣдуетъ; ему не приходитъ и въ мысль временная корысть; что ты дѣлаешь изъ мзды, то дѣлаешь онъ изъ добродѣтели, имѣя въ виду одну только *вѣчную награду отъ Мздовоздателя Бога*, которую предвкушаетъ и во временномъ житіи отъ совѣсти своея. Итакъ, я бы желалъ видѣть и въ тебѣ такового судію, дабы дѣлалъ ты изъ утѣшенія совѣсти то, что дѣлаешь изъ мзды“^{c)}. Но этотъ нравственный урокъ Петра, вѣроятно, не согласовался со взглядами самого Татищева; можетъ быть, онъ потому и умолчалъ о заключительныхъ словахъ Царя въ своемъ разговорѣ со Штелинымъ. Покойный Р. Г. Игнатьевъ, извѣстный въ свое время знатокъ оренбургскихъ и другихъ архивовъ, такъ отзывался о Татищевѣ: „Въ короткое время своего управленія Оренбургскимъ краемъ Татищевъ успѣлъ сдѣлать не мало добра, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣлъ надѣлать и зла. Татищевъ былъ лихоимецъ, взяточникъ и, принявъ начальство надъ краемъ, ознаменовалъ себя казнокрадствомъ, бралъ деньгами и подарками съ купцовъ, привлеченныхъ въ край данными Правительствомъ привиллегіями. Бралъ Татищевъ вездѣ и всюду, со всѣхъ

^{a)} Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, собр. Яковымъ Штелинымъ. Изд. 3, Москва, 1830 г., ч. IV, стр. 108—109.

^{b)} Тамъ же.

^{c)} Тамъ же, стр. 110 и 111.

и всякаго, гдѣ только было можно взять.... Отъ природы человѣкъ неуживчивый, Татищевъ въ Петербургѣ ссорился съ сильными міра, въ Сибири—съ воеводами, купцами, чиновниками и заводчикомъ Демидовымъ. На Татищева доносили и онъ на другихъ доносилъ.... Теперь онъ сталъ гнать бригадира Тевкелева, всѣхъ любимцевъ Кириллова, разсорился съ уфимскимъ вице-губернаторомъ Аксаковымъ, великимъ лихоимцемъ, самодуромъ и клузникомъ,^{а)} вооружилъ противъ себя многихъ чиновныхъ лицъ, военныхъ и гражданскихъ, вооружилъ купечество^{б)}. По нашему мнѣнію, этотъ отзывъ о Татищевѣ можетъ быть названъ нѣсколько преувеличеннымъ и рѣзкимъ. Нужно замѣтить, что Татищевъ, не всегда строгій къ самому себѣ, былъ всегда строгъ въ отношеніи къ другимъ, при чемъ нерѣдко прибѣгалъ къ мѣрамъ крутаго свойства. Вслѣдствіе этого онъ скоро и наживалъ себѣ враговъ; особенно были недовольны имъ Тевкелевъ и Шемякинъ, имѣвшіе сильное вліяніе на инородческое населеніе края; изъ Башкиріи полетѣли доносы и жалобы на крутаго начальника въ Петербургъ. Не пользуясь расположеніемъ всесильнаго въ то время Бирона^{в)}, Татищевъ самъ попалъ подъ слѣдствіе^{д)} и болѣе уже не возвращался въ Оренбургъ. Татищевъ поселился было въ Самарѣ^{е)} въ собственномъ своемъ домѣ; но вскорѣ былъ вызванъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій по его дѣлу. Слѣдствіе по его дѣлу затянулось болѣе чѣмъ на годъ, а 11 августа 1741 г. приказано было немедленно прекратить его^{ж)}. 15 августа того же года Татищевъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Калмыцкой Комиссіи^{з)}, а 31 декабря—губернаторомъ въ Астрахань,^{и)} гдѣ оставался до 1745 г., когда на его мѣсто былъ назначенъ камергеръ Ив. Брылкинъ^{й)}. Вскорѣ Татищевъ вторично былъ отданъ подъ судъ и жилъ подъ арестомъ въ своей деревнѣ, близъ Москвы, Болдино, гдѣ и скончался 15 іюля 1750 г. Наканунъ его смерти въ Болдино приискалъ изъ Петербурга курьеръ съ указомъ отъ Императрицы, что онъ найденъ невиннымъ и награжденъ орденомъ Св. Александра Невского. Татищевъ написалъ благодарственное письмо къ Государынѣ и отослалъ

^{а)} См. въ „Оренб. Листкѣ“ за 1875 г. статью Р. Игнатьева: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“.

^{б)} Каракасаль, лже-ханъ Башкиріи (эпизодъ изъ исторіи Оренбургскаго края XVIII столѣтія)—Р. Игнатьева; отдѣльн. оттискъ изъ „Оренбург. Листка“ за 1880 г. (№№ 7—17), стр. 37.

^{в)} Биронъ считалъ Татищева главнымъ врагомъ нѣмцевъ.

^{д)} Барановъ. Опис. сен. арх., №№ 6862 (С. А. 52; 45), 7035 (С. А. 53; 132), 7201 (С. А. 54; 246) и 7803 (С. А. 61; 141).

^{е)} Памятникомъ о Татищевѣ въ Самарѣ служить пожертвованный имъ колоколъ, удѣлѣвшій до сихъ поръ на колокольнѣ Старого собора.

^{ж)} Барановъ. Опис. сен. арх. № 8559 (С. А. CXLII, 97).

^{з)} Тамъ же, № 8569 (С. А. CXLII, 109).

^{и)} Тамъ же, № 8712 (С. А. 66; 102).

^{й)} Тамъ же, № 9456 (С. А. 73; 52).

орденъ назадъ; тогда же снята была находившаяся при немъ стража изъ солдатъ сенатской роты, а на слѣдующій день, исповѣдывавшись и пріобшившись Св. Таинъ, В. Ник. мирно скончался на 65 году своей жизни^{а)}.

Мѣсто Татищева занялъ генералъ-лейтенантъ князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ, человекъ умный, энергичный, но жестокий, не любившій никому давать пощады^{б)}. Изъ инструкціи, данной Урусову, видно, что главные порученія, которыя предстояло выполнить ему, состояли въ слѣдующемъ: 1) городъ Оренбургъ построить на урочищѣ „Красная гора“, а основанный на устьѣ рѣки Ори—переименовать въ Орскую крѣпость; 2) отъ мѣста новаго Оренбурга вверхъ по р. Яику до Верхнеяицкой крѣпости и отъ нея по рѣкамъ Ую и Тоболу до Царева городища строить крѣпостцы; 3) Закамскую линію, отдѣлявшую Казанскій уѣздъ отъ Башкиріи, оставить, а полки Закамской ландмилиціи поселить на Самарской и Оренбургской линіяхъ; 4) для поселенія въ крѣпостяхъ великороссійскихъ людей и крестьянъ не принимать, принятыхъ же помѣщичьихъ возвратить, а селить старыхъ службъ служилыхъ людей^{в)}. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Урусовъ долженъ былъ принять въ подданство Россіи и Среднюю Киргизскую орду, выразившую на то свое желаніе еще при Татищевѣ.

Отправляясь въ Оренбургъ, Урусовъ имѣлъ при себѣ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ 5878 человекъ^{д)}. Между тѣмъ башкиры снова взбунтовались, подъ предводительствомъ Аландзіангула; но особенно много причинилъ безпокойства Русскому Правительству появившійся среди башкиръ Салтанъ-Гирей, по прозванію Каракасаль. Личность Каракасала пользовалась такою популярностью среди башкиръ, что мы считаемъ не лишнимъ сообщить о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, какія находятся о немъ въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева^{е)}.

Въ печати было высказано мнѣніе, что Каракасаль означаетъ киргиза Малой орды, Амулинскаго племени, которое кочевало по берегамъ рѣкъ Сыръ-Дарьи и Кувана, выше Карасаката, а лѣтомъ перекочевывали къ границамъ нынѣшняго Верхнеуральскаго уѣзда и къ самому почти г. Верхнеуральску^{ж)}. Въ канцелярскихъ бумагахъ того времени слово „Карасакаль“ встрѣчается въ формѣ „Каракасаль“; Рычковъ же въ своей „Оренбургской Исторіи“ называетъ его Карасакаломъ (Чер-

^{а)} „Русск. Стар.“ 1887 г., іюнь.

^{б)} См. о немъ въ концѣ книги примѣчаніе 25-е.

^{в)} П. С. Зак., т. X, № 7876.

^{д)} Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. I, стр. 152.

^{е)} Главнымъ источникомъ въ этомъ отношеніи для насъ служила статья Р. Г. Игнатьева: „Каракасаль, же-ханъ Башкиріи“, напечатанная въ „Оренбургскомъ Листкѣ“ за 1880 г. и составленная на основаніи сырыхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ.

^{ж)} Географическо-Статистич. Словарь Росс. Импер. П. Семенова, т. II, стр. 500.

ная борода) и говоритъ, что онъ, скитаясь по разнымъ мѣстамъ, могъ пробраться на Кубань, гдѣ узналъ о судьбѣ Салтанъ-Гирей, сына зюнгорскаго хана Конташлы, за котораго потомъ себя и выдалъ. Гирей Шупа, за котораго выдавалъ себя Каракасаль, бѣжалъ отъ своего отца, хана Конташлы, къ волжскимъ калмыкамъ, гдѣ и умеръ нѣсколько раньше появленія подъ его именемъ Каракасала. По мнѣнію нѣкоторыхъ, Каракасаль могъ происходить изъ киргизъ и, можетъ быть, изъ ханскаго рода; башкиры же, опрошенные подъ пытками, показали, что Каракасаль происходилъ изъ простыхъ башкиръ Юртамьинской волости, гдѣ у него проживаютъ родственники и жена, и что его настоящее имя Миндегуль. Но кто бы ни былъ Карасакаль, — калмыкъ, амулинскій киргизъ, башкирецъ или выходецъ съ Кавказа, изъ Хивы, Бухары, авантюристъ-ли, — только появленіе его въ Башкиріи произвело большой переполохъ.

Каракасаль, во время появленія его въ Башкиріи, имѣлъ 32 года отъ рожденія. Это былъ физически окрѣпшій и хорошо сложенный мужчина; онъ молодецки управлялъ конемъ и оружіемъ, удивляя первѣйшихъ удалцовъ и наѣздниковъ изъ башкиръ. Знаніе арабскаго языка внушало уваженіе къ нему даже самимъ мулламъ: никто изъ нихъ не могъ лучше Каракасала толковать Коранъ; къ тому же онъ былъ въ Меккѣ и Мединѣ, звался хаджи и носилъ бѣлую чалму. Кромѣ арабскаго языка, Каракасаль зналъ всѣ средно-азиатскія мѣстныя нарѣчія, всего же лучше — зюнгорское. Кромѣ того, Каракасаль, по свидѣтельству Рычкова, „былъ весьма хитръ и коварственъ“, говорилъ умно, увлекательно и доказательно; жизнь велъ безукоризненную и былъ религіозенъ до фанатизма. Все это давало Каракасалѣ право на общее уваженіе. Называя себя сыномъ зюнгорскаго хана Шупой, братомъ царствующаго хана Галданъ-Чарипа, Каракасаль представлялъ документы и засвидѣтельствованную поколѣнную, или родословную роспись, гдѣ онъ названъ Султаномъ-Гиреемъ, объявляя при этомъ, что подъ именемъ Каракасала онъ проживаетъ въ изгнаніи, но царствовать долженъ подъ именемъ Гирей. „Я былъ язычникъ“, — говорилъ Каракасаль, — „но все — къ лучшему: я позналъ истину и сталъ масульманиномъ. Великій Аллахъ и его Пророкъ привели меня посѣтить Мекку и Медину, они же помогутъ мнѣ отобрать отъ злодѣя-брата по праву мнѣ принадлежащій зюнгорскій народъ. Гдѣ я буду ханомъ, тамъ просіяетъ истина и прославится имя Великаго Аллаха и его Пророка. Въ Зюнгоріи зовутъ меня самозванцемъ, но это — лишь изъ боязни предъ братомъ, а появивъ я съ войскомъ — заговорятъ другое; я всегда могу рассчитывать на преданность ко мнѣ, а главное — къ моему

отцу, память о которомъ славна въ народѣ.... Я могу рассчитывать на помощь, по крайней мѣрѣ, 20,000 зюнгорскаго войска“^{а)}.

Каракасаль сначала явился къ ханамъ Большой, Средней и Малой киргизскихъ ордъ, и вездѣ принимали его ласково, разсматривали его документы, внимательно слушали. Такъ поступали ханы, старшины и вообще киргизская аристократія, отклонявшіе, впрочемъ, всякую мысль воевать изъ-за него съ Зюнгорами, не смотря на враждебныя отношенія къ послѣднимъ; простые же киргизы, особенно молодое поколѣніе, готовы были слѣдовать за Каракасалью, увлекаемые его мнимыми качествами, а еще болѣе обѣщаніями наживы. Слава о Каракасаль дошла и до башкирѣ, даже въ преувеличенномъ видѣ. Среди нихъ нашлись люди, которые видѣли въ Каракасаль челоуѣка, посланнаго Богомъ, а иные желали избрать Каракасала своимъ ханомъ. Коноводы постарались огласить имя Каракасала по всей Башкиріи; начались совѣщанія, на которыхъ единогласно рѣшили: называть Каракасала будущимъ, или нарѣченнымъ ханомъ. Но не успѣли еще окончиться совѣщанія, какъ Каракасаль самъ явился къ башкирамъ и объявилъ, что онъ, какъ природный владѣлецъ Зюнгоріи, современемъ будетъ добиваться своихъ законныхъ правъ на похищенный у него тронъ; но теперь, видя нужды и бѣдствія правовѣрнаго народа, онъ готовъ забыть свои собственныя дѣла и сражаться одинъ, какъ воинъ, за свободу мусульманъ, томившихся подъ игомъ невѣрныхъ. „Вы мнѣ обѣщаете ханство, и я пришелъ заслужить его, но не прежде приму, какъ заслужу.... У меня много приверженцевъ не только въ Зюнгоріи, но и въ киргизскихъ степяхъ, и я могу собрать 20,000 воиновъ“. Въ то же время Каракасаль подъ рукою старался разглашать, что если башкиры поскорѣе сдѣлаютъ его ханомъ, то и войско его явится скорѣе; что его, Каракасала, знаетъ и Турецкій Султанъ, который воюетъ съ Россіей; что, по одному слову его, турецкое войско придетъ подъ Астрахань и тогда можно будетъ подумать о возстановленіи царствъ Казанскаго и Астраханскаго^{б)}.

Принявъ начальство надъ мятежными шайками башкирѣ, Каракасаль дѣйствовалъ исключительно на территоріи, граничащей съ киргизскими степями, имѣя въ виду, что, въ случаѣ неудачи, ему легче отсюда уйти въ степь, нежели изъ-за Уральскаго хребта: въ степи онъ могъ рассчитывать и на гостепріимство, даже при неудачѣ, а тамъ, за хребтомъ, ждала его вѣрная гибель. Отличаясь необыкновенной храбростью, Каракасаль, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ хладнокровенъ и сдержанъ; онъ никогда

^{а)} Р. Игнатъева: „Каракасаль лжеханъ Башкиріи“; отд. оттискъ, стр. 9.

^{б)} Тамъ же, стр. 11 и 12.

не увлекался удачей и не терялся въ несчастіи; казалось, сама судьба создала его военачальникомъ: его полудикія толпы, кое-чѣмъ и кое-какъ вооруженныя, смѣло выходили противъ регулярныхъ войскъ и, кромѣ грозной артиллеріи, не боялись ничего, ни пѣхоты, ни конницы. При этомъ Каракасаль распустилъ о себѣ слухи, что когда еще онъ былъ въ Меккѣ, имамы благословили его на бой съ невѣрными и дали ему оружіе, освященное молитвами при гробѣ великаго Пророка. Каракасаль становился все популярнѣе и авторитетъ его росъ не по днямъ, а по часамъ; сложились рассказы о его святости и необыкновенной силѣ; говорили, что онъ знаетъ такую молитву (еми-екзямъ), отъ которой человѣкъ на огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ и никакое оружіе ему не вредитъ; что когда Каракасаль шелъ сражаться съ невѣрными, то шайтанъ (чортъ) хотѣлъ ему помѣшать и для того обратился въ трехглаваго змѣя; но Каракасаль отрубилъ змѣю всѣ три головы, и змѣй вдругъ обратился въ дымъ, который, распространяя смрадъ, разсѣялся по степи.... Въ другой разъ Каракасаль увидалъ шайтана, идущаго противъ него въ образѣ батыря, сидящаго на огненномъ конѣ, но Каракасаль прочиталъ свою „еми-екзямъ“ — и шайтанъ исчезъ.... Башкиры уже пѣли о Каракасаль свои пѣсни:

„Каракасаль-батырь,
Какихъ мало въ свѣтѣ.
Въ бѣлой чалмѣ,
На черномъ конѣ —
Быстръ онъ, какъ вѣтеръ;
Грозенъ, какъ Божья гроза.
Богомъ хранимый,
Не боится враговъ, но ихъ побиваетъ
Острою саблей, копьемъ и стрѣлами:
Онъ ему въ Меккѣ данъ....
Каракасаль-батырь, —
Какихъ мало на свѣтѣ, —
Онъ Богомъ хранимъ:
Ему нипочемъ сотня враговъ,
Одинъ идетъ на сто человѣкъ;
Одинъ побиваетъ сто человѣкъ,
Онъ — батырь, батырь,
Божья гроза, пагуба невѣрныхъ —
Онъ Богомъ хранимъ“.

„Ханъ, ханъ Каракасаль
 Ёдетъ, смотрите!
 Въ бѣлой чалмѣ, на черномъ конѣ;
 Грозно онъ саблею машетъ
 И громко правовѣрныхъ скликаетъ
 Идти на враговъ, идти противъ невѣрныхъ.
 Съ нимъ биться никому невозможно:
 Его не вредятъ ни пули, ни стрѣлы,
 Ни копыя, ни сабли:
 Онъ Богомъ хранимъ!“^{а)}

Каракасаль началъ свою дѣятельность еще при Кирилловѣ и много доставилъ ему непріятностей, во время его движенія къ устью рѣки Ори, для основанія русскаго города. При Татищевѣ были захвачены главные виновники, которые призвали Каракасала: Кильмякъ, Акай и Юсупъ. Но когда приказано было исетскому воеводѣ и челябинскому комманданту искоренить башкирскія шайки и поймать самого Каракасала, — вдругъ среди недовольныхъ башкиръ возникла мысль — признать Каракасала ханомъ всей Башкиріи, съ порученіемъ ему главнаго начальства и чтобы онъ прибылъ въ Уфимскую провинцію. Каракасаль, узнавъ о томъ, сталъ называться ханомъ Башкиріи Султанъ-Гиреемъ, но въ Уфимскую провинцію не рѣшался идти и, по-прежнему, держался на старыхъ мѣстахъ, поближе къ киргизамъ. Въ мартѣ 1740 г., Урусовъ доносилъ изъ Самары, что „между башкирцами Сибирской дороги явился новый возмутитель Салтанъ-Гирей, по прозванію Карасакаль; одни говорятъ, что онъ турокъ, другіе считаютъ его кубанцемъ. Карасакаль разглашаетъ, что прежде онъ жилъ въ Башкиріи, а потомъ поселился на р. Кубани, гдѣ у него силы 82000 человекъ. Узнавъ о башкирскомъ раззореніи, онъ пріѣхалъ, имѣя при себѣ 8000 кубанскаго войска, 2000 калмыковъ и 500 киргизъ; войско его осталось покуда въ верховьяхъ р. Эмбы, откуда скоро придетъ и, вѣстѣ съ башкирами, будетъ громить русскія жилища“^{б)}. Въ апрѣлѣ Урусовъ донесъ, что, не смотря на посланный противъ Каракасала отрядъ, число его приверженцевъ растетъ. Между тѣмъ башкиры, узнавъ о движеніи русскихъ войскъ, стали говорить, что если къ Каракасалу войско не придетъ, то они выдадутъ его русскому начальству. „Вышеписанныя обстоятельства“, — замѣчаетъ Урусовъ, — „довольно показываютъ, что то происшедшее

^{а)} Тамъ же, стр. 24 и 25.

^{б)} С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, стр. 349.

замѣшаніе инако прекращено быть не можетъ, какъ токмо силою оружія и причиненіемъ тѣмъ вораѣ потомственнаго страха, ибо много оказыванное къ нимъ высочайшее милосердіе въ нечувствительныхъ ихъ воровескихъ сердцахъ почитай никакой желаемой спокойности не учинило, да и всегда такіа милосердныа наказанія по жестокосердію сего народа къ лучшему споспѣшествовать могутъ-ли? ^{а)} Такимъ образомъ Урусовъ былъ совершенно иного воззрѣнія на башкирскіе мятежи, чѣмъ Татищевъ, говорившій, что онъ не видитъ возможности принудить башкиръ къ покорности силою.

Прибывъ въ Мензелинскъ, Урусовъ энергично принялся за дѣла судной комиссіи. Начались допросы пойманныхъ башкиръ и нещадныа пытки надъ ними: ихъ жгли огнемъ, сажали на колья, ломали имъ ребра, рубили головы и вѣшали. Въ Оренбургѣ, по желанію Урусова, была открыта другая судная комиссія, съ такимъ же характеромъ. Ужасъ охватилъ башкиръ и проникъ даже въ лѣса и горы, гдѣ скрывались мятежныа шайки. Бунтовщики сотнями стали являться съ повинною къ воеводамъ, коммѣндантамъ и отряднымъ начальникамъ, неся сами на себѣ топоры и плахи, но пощады не было никому. Не смотря однакожъ на все это, среди возставшихъ башкиръ нашлись и такіе, которые рѣшились умереть съ оружіемъ въ рукахъ: одни терпѣливо сносили пытки и смѣло шли на ужасную казнь, а иные сами добровольно уморили себя голодомъ въ тюрьмѣ. Урусовъ самъ сознавался потомъ на военномъ совѣтѣ въ Оренбургѣ, что пытки часто оказывались не дѣйствительными, и потому приходилось обращаться къ другимъ мѣрамъ, напримѣръ; къ развѣдыванію стороною чрезъ инородцевъ и въ особенности чрезъ самихъ же башкиръ, оставшихся вѣрными Правительству. Озлобленные башкиры до того ожесточились, что когда попадался въ ихъ руки русскій человѣкъ, они замучивали его до смерти и потомъ издѣвались надъ его трупомъ, даже надругались надъ трупами убитыхъ въ сраженіи. При нападеніи на русскія селенія, башкиры жгли церкви, часовни, дома, вмѣстѣ съ ихъ обитателями; ругались надъ святыней ^{б)}; уничтожали могильныа памятники; вырывали на кладбищахъ трупы и кости покойниковъ, сожигали или разбрасывали ихъ по нечистымъ мѣстамъ. Такъ, между прочимъ, поступили башкиры при взятіи Табынской крѣпости въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ и солевареннаго завода купца Утятникова, близъ Табынска. Такая звѣрская расправа башкиръ съ русскими, живыми

^{а)} Тамъ же, стр. 350.

^{б)} См. объ отношеніи башкиръ къ святынѣ въ книгѣ Гумевскаго: „Сказаніе объ иконѣ Казанской Табынской Божіей Матери“. Уфа, 1870 г. Эта икона, оскорбленная нѣкогда башкирами, чествуется въ Оренбургскомъ округѣ, какъ чудотворная, и носится ежегодно по городамъ и селамъ Оренбургской и Уфимской губерніи и Уральской области.

и мертвыми, должна была вызвать крутыя и подѣ часѣ жестокія мѣры со стороны Правительства и главныхъ начальниковъ края.

Допросивъ до 300 башкиръ, Урусовъ приказалъ разослать универсалы и огласить во всей Башкиріи о самозванствѣ Каракасала и тотчасъ же принять мѣры къ поимкѣ его, обѣщая тѣмъ, кто его выдастъ, прощенье, а тѣмъ, кто скроетъ, — казнь и гибель семьи и всего имущества. Несмотря на то, что отрядъ Каракасала рѣдѣлъ отъ потерь и побѣговъ, не одинъ изъ бѣглецовъ-башкиръ не думалъ выдать Урусову своего хана, и мятежъ башкиръ, почти подавленный въ Уфимской провинціи, разгорался все болѣе и болѣе въ Исетской провинціи, благодаря Каракасалу. Урусовъ принялъ всѣ мѣры, чтобы скорѣе покончить съ Каракасаломъ. Не довольствуясь командами, бывшими у исетскаго воеводы и челябинскаго комманданта, полковника Павлуцкаго, Урусовъ отправилъ туда еще сильныя отряды пѣхоты и конницы съ артиллеріею, подѣ начальствомъ полковника князя Путятина и маіора Языкова. Въ то время, какъ исетскій воевода старался усмирить бунтовщиковъ въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губерніи, Павлуцкій, Путятинъ и Языковъ дѣйствовали противъ мятежниковъ въ Оренбургской губерніи. Они выжгли много башкирскихъ селеній; побили нѣсколько тысячъ бунтовщиковъ; забрали имущество, скотъ, женъ и дѣтей и нѣсколько разъ имѣли дѣло съ отрядомъ самого Каракасала. Постоянно разбиваемый, лишась многихъ изъ своего отряда есауловъ, сотниковъ и простыхъ башкиръ, Каракасаль отступилъ поближе къ киргизамъ^{а)}.

Въ маѣ того же (1740) года, полковникъ Арсеньевъ, командовавшій русскимъ отрядомъ на Сибирской дорогѣ, поймалъ главнаго вора и зачинщика башкирца Аландзіангула, который показалъ, что Каракасаль не турокъ и не кубанецъ, а башкирецъ Ногайской дороги; что у него тамъ — домъ, мать, братья, жена и дѣти, а султаномъ и ханомъ называлъ его онъ, Аландзіангуль, вмѣстѣ съ другими ворами башкирцами, для возмущенія народа; они же разглашали и о войскѣ Каракасала, котораго у него никогда не бывало^{б)}.

Между тѣмъ, Каракасаль, въ виду киргизскихъ степей, не смотря на малочисленность своего отряда, еще разъ сразился съ Павлуцкимъ, но былъ разбитъ, раненъ и скрылся въ Киргизскую степь съ 50-ю уцѣлѣвшими башкирцами. Павлуцкій не рѣшился гнаться за Каракасаломъ, но послалъ въ степь гонца съ требованіемъ, отъ имени Правительства, выдачи Каракасала и его сообщниковъ. Хотя киргизы,

^{а)} Р. Игнатьева: „Каракасаль, лже-ханъ Башкиріи,“ стр. 42.

^{б)} Исторія Россіи, т. XX, стр. 350.

принимая русское подданство, и обѣщались выдавать бѣглецовъ; но на этотъ разъ отвѣчали, что 50 человекъ, бывшихъ съ Каракасала, взяты въ плѣнъ, ограблены и сдѣланы невольниками. Что же касается Каракасала, то онъ есть высокая и владѣтельная особа Султанъ-Гирей, сынъ и наслѣдникъ умершаго и родной братъ нынѣшняго зюнгорскаго хана; что выдать его они не могутъ и какъ гостя, и какъ хана, отдавашагося подъ покровительство киргизскаго народа, но не отказываются искать случая къ выдачѣ Каракасала впредь.... Долго стоялъ Павлуцкій съ своимъ отрядомъ близъ киргизской границы; посылалъ другаго и третьяго гонца, но получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, о чемъ и донесъ князю Урусову.

Когда бунтъ совершенно былъ умирентъ, башкиры, замѣшанные въ немъ, явились въ Оренбургъ въ числѣ свыше 5000 человекъ; ихъ расположили въ полѣ лагеремъ, въ 12 верстахъ отъ города, подъ карауломъ сильнаго отряда войскъ; сюда же должны были собраться мещерыки и непричастные бунту башкиры и ожидать пріѣзда въ Оренбургъ князя Урусова. Десятаго августа (1740 г.) явился и Урусовъ. При видѣ его, въ лагерѣ башкиръ послышались плачъ и рыданія; виновные пали на землю, умоляя о высочайшемъ помилованіи. Князь приказалъ, чтобы все они встали и внимательно выслушали, что имъ будутъ читать. Тогда толмачъ, находившійся при князѣ, началъ громко и съ разстановкой читать по-татарски Рѣчь Урусова, поясняя значеніе каждой фразы^{а)}. По прочтеніи Рѣчи, въ которой указывалось на мятежи и грабительства башкиръ, снова начались — просьбы о помилованіи и плачъ башкиръ. Князь приказалъ всемъ замолчать и ожидать указа. Урусовъ подозрѣвалъ, что въ числѣ явившихся съ раскаяніемъ и умолявшихъ о помилованіи башкиръ находятся преступники и сообщники Каракасала, но не надѣялся обнаружить ихъ, убѣдившись на опытъ, что безъ явныхъ уликъ ни къ чему не поведутъ и пытки. Князь созвалъ военный Совѣтъ, на которомъ было рѣшено собрать о всехъ подозрѣваемыхъ личностяхъ необходимыя свѣдѣнія чрезъ вѣрныхъ мещеракскихъ и башкирскихъ старшинъ, объявивъ имъ, что если они что-либо скроютъ или утаятъ, то будутъ казнены смертію безъ всякой пощады. Мѣра эта подѣйствовала: мещерыки, а за ними башкирскіе старшины рассказали все, что имъ было извѣстно о многихъ бунтовщикахъ, теперь просившихъ помилованія. По этимъ указаніямъ начались розыски, аресты и пытки, которыя открыли множество виновныхъ. Князь спѣшилъ поскорѣе окончить слѣдствіе, чтобы освободить Оренбургъ отъ накопившихся въ немъ колодниковъ. Въ шести верстахъ отъ прежняго Оренбурга (нынѣ г. Орскъ),

^{а)} Смотр. эту рѣчь въ приложеніи.

на горѣ, при громадномъ стеченіи народа и при собраніи войска изъ вѣрныхъ башкиръ и мещеряковъ, 25 августа 1740 года, по прочтеніи указа, совершена была „экзекуція“ надъ виновниками бунта. Главные сообщники Каракасала: теңтирь Кантуръ Максимовъ (сынъ чуваша, принявшій магометанство) и башкиры: Янусъ Измаиловъ, Джіянгуль Усѣкѣевъ, Карабашъ Углѣяловъ, Якупъ Касишевъ были посажены на желѣзные колья, укрѣпленные на высокихъ каменныхъ столбахъ. Одиннадцать человѣкъ, въ томъ числѣ семь есауловъ Каракасала, повѣшены на желѣзные крючья за ребра; восемьдесятъ человѣкъ просто повѣшены; двадцать одному человѣку отрублены головы, въ томъ числѣ былъ обезглавленъ даже мертвецъ Ангүловъ, какъ одинъ изъ выдумавшихъ Каракасала^{а)}. 17 сентября того же года, въ присутствіи князя Урусова, была произведена другая „экзекуція“ въ Сакмарскомъ городкѣ, въ 30 верстахъ отъ нынѣшняго Оренбурга. Здѣсь 125-ти человѣкамъ отрублены головы; 50 человѣкъ повѣшено; 301-му челов. отрѣзаны уши и носы, послѣ чего лишенные по суду ушей и носовъ были отпущены по своимъ деревнямъ, какъ менѣе виновные, которые признались во всемъ и безъ пытокъ выдали другихъ. Много также подобныхъ казней совершено было въ Мензелинскѣ, по опредѣленію тамошней судной комиссіи, гдѣ председательствовалъ генералъ Соймоновъ, неотличавшійся гуманностью и нелюбившій давать пощады бунтовщикамъ.

Не мало погибло русскаго войска и мирныхъ обитателей края въ упорной борьбѣ съ башкирами; но особенно дорого обошлась эта отчаянная кровавая борьба самимъ башкирамъ. По свидѣтельству Рычкова, начиная только съ 1735 и по 1740 г. было сожжено 300 башкирскихъ деревень; казнено 7455 чел.; сослано въ каторгу 135 чел.; отдано помѣщикамъ башкирскихъ женъ и дѣтей 2882 ч.; собрано 1001 лошадь, 196 коровъ и 8 верблюдовъ,—это по свѣдѣніямъ Оренбургской комиссіи. По свѣдѣніямъ Мензелинской комиссіи казнено и убито въ сраженіяхъ и при нападеніи на селенія 9438 ч.; сослано въ каторгу 3101 ч.; роздано помѣщикамъ башкирскихъ женъ и дѣтей 6309 ч.; взято въ штрафъ лошадей и рогатаго скота 17,154; деньгами и выручено за продажу лошадей 9828 р. 29 к.; сожжено башкирскихъ деревень 396. Касательно убитыхъ во время бунта башкиръ Рычковъ справедливо замѣчаетъ, что эти свѣдѣнія не совсемъ вѣрны и на нихъ, по его словамъ, „утверждаться весьма не можно, ибо много о томъ, что отъ нерегулярныхъ людей происходило, рапортовъ по-

(а) Ангүловъ самъ себя уморилъ голодомъ въ то время, когда его везли въ Оренбургъ: онъ не пилъ и не ѣлъ болѣе десяти дней; до дня казни онъ не дожилъ и у него у мертвого отрублена голова.

даваемо не было, и еще закрывались^{а)}. Подъ нерегулярными людьми Рычковъ, вѣроятно, разумѣетъ казаковъ, мещеряковъ и вѣрныхъ башкиръ, которые, пользуясь случаемъ, грабили и убивали бунтовщиковъ, не донося о томъ по начальству. Кромѣ того такъ много было сослано бунтовщиковъ въ Сибирь, что ихъ тамъ почти за безцѣнокъ покупали себѣ въ рабство чиновники, купцы и даже крестьяне.

Въ то время, какъ сообщники Каракасала терпѣли страшныя пытки и заплатились лишеніемъ имущества, женъ, дѣтей и даже жизни, Каракасаль жилъ въ полной безопасности среди киргизъ, какъ настоящій Султанъ-Гирей, законный претендентъ на зюнгорскій тронъ, похищенный у него братомъ. Онъ теперь болѣе уже не думалъ о башкирскомъ народѣ, а рѣшился попытать счастья въ Зюнгоріи. Каракасаль купилъ себѣ 7000 лошадей и, съ дозволенія киргизскихъ хановъ, на свой счетъ сталъ собирать войска изъ киргизъ, чтобы во главѣ ихъ идти противъ зюнгорскаго хана, какъ похитителя его трона. Киргизы, будучи исконными врагами зюнгоръ, охотно собрались вокругъ славнаго вождя, который, въ случаѣ успѣха, могъ сдѣлаться добрымъ соседомъ и другомъ киргизъ. Оставивъ позади себя опустошенную и разоренную Башкирію, Каракасаль двинулся въ Зюнгорію, во главѣ сформированной имъ дружины изъ волонтеровъ-киргизъ. Съ появленіемъ его въ Зюнгоріи, начались убійства и грабежи. Но ханъ Галданъ-Чарипа двинулъ противъ Каракасала 20,000 войска, при нѣсколькихъ орудіяхъ, и разбилъ на голову отрядъ самозванца, захвативъ въ плѣнъ множество киргизъ, лошадей и верблюдовъ; но самъ Каракасаль и здѣсь, какъ раньше въ Башкиріи, не дался въ руки зюнгоръ: онъ ускакалъ на своемъ борзомъ конѣ и скрылся, оставивъ свою дружину на произволъ судьбы. Киргизы бросились въ свои стени, преслѣдуемые зюнгорцами, и почти всѣ были убиты или взяты въ плѣнъ, больше же всѣхъ пострадали тѣ, которые вовсе не участвовали въ походѣ Каракасала. Зюнгоры обвиняли въ этомъ набѣгѣ хановъ Средней и Малой орды и, вторгнувшись въ Киргизскія степни, не щадили во владѣніи этихъ хановъ никого. Погромъ киргизскихъ ауловъ былъ страшный и кровавый. Преслѣдуя и наказывая киргизъ, зюнгорское войско до того увлеклось успѣхами своего оружія, что перешло на правый берегъ р. Яика (Урала) и, къ своему удивленію, очутилось предъ новымъ въ степи русскимъ городомъ, первоначальнымъ Оренбургомъ, или нынѣшнимъ Орскомъ. Зюнгоры остановились. Появленіе ихъ близъ Оренбурга не менѣе удивило и встревожило русскія власти. Коммендантъ города тотчасъ же отправилъ

^{а)} Р. Игнатъева: „Каракасаль, лже-ханъ Башкиріи“, стр. 55 и 56.

въ станъ зюнгорскаго войска нарочныхъ людей объявить зюнгорамъ, что они нарушили международное право и, вопреки обѣщанной дружбѣ, нападаютъ на подданныхъ Россіи киргизъ, грабятъ и убиваютъ ихъ, а теперь даже осмѣлились перейти за русскій рубежъ. Начальникъ зюнгорскаго войска поручилъ передать комменданту, что, преслѣдуя Каракасала и его отрядъ, они, по незнанію, перешли за русскій рубежъ, въ чемъ и просятъ извиненія; что же касается ихъ отношеній къ киргизамъ, то они поступили съ ними, какъ съ исконными своими врагами, и отомстили имъ за ихъ набѣги и грабежи, не зная, что киргизы уже русскіе подданные. Оренбургскій коммендантъ на это оправданіе отвѣчалъ, что такъ-какъ киргизы приняли добровольно русское подданство и Россія обязана ихъ охранять; то чтобы впредь зюнгорскій ханъ о всякихъ со стороны киргизъ противностяхъ писалъ прямо въ Оренбургскую Коммиссію, гдѣ по его жалобамъ будетъ чинена всякая справедливость, а самимъ собою впредь не расправляться съ киргизами и тѣмъ не нарушать мира и дружбы съ Россіей^{а)}. Тогда зюнгоры удалились; Каракасаль же, надѣлавшій такъ много зла и легкомысленнымъ башкирамъ и криводушнымъ киргизамъ, пропалъ безъ вѣсти: никто не могъ сказать и не зналъ, куда онъ дѣвался^{б)}. Такъ кончилъ свои властолюбивые замыслы этотъ загадочный и далеко недюжинный человекъ.

По прекращеніи бунта, Урусовъ занялся устройствомъ стратегической линіи отъ Оренбурга (нынѣ Орска) до Верхнеяицкой (Верхнеуральскъ) крѣпости; а отсюда чрезъ Исетскую провинцію до Челябинска и отъ Верхнеяицкой пристани до Уйской крѣпости. Между прочимъ, въ силу указа 1739 года, Урусовъ думалъ построить нѣсколько крѣпостей по рѣкѣ Сакмарѣ, начиная отъ ея верховьевъ, и заселить ихъ ландмилицкими полками, имѣя въ виду, что поселенцы этихъ крѣпостей, находясь подъ прикрытіемъ Яицкой линіи укрѣпленій, могли безопасно заняться хлѣбопашествомъ и другими промыслами, обращенными на добываніе изъ земли различныхъ богатствъ природы. Осмотрѣвъ мѣстность по рѣкѣ Сакмарѣ, Урусовъ назначилъ уже девять мѣстъ подъ селенія; но этотъ планъ не успѣлъ осуществиться до пріѣзда въ край Неплюева, который призналъ его не соотвѣтствующимъ цѣли^{в)}. Чтобы обезопасить подвозъ провіанта изъ приволжскихъ мѣстъ, Урусовъ основалъ на р. Кутулукѣ,^{д)} въ 25 верстахъ отъ Борской крѣпости по тракту на Сергіевскъ, особую

^{а)} Тамъ же, стр. 58 и 59.

^{б)} Тамъ же, стр. 59 и 60.

^{в)} Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 231, 232. Слич. его же: „Оренбургск. Истор.“, § 98.

^{д)} Топогр. Оренб. губ., ч. II, 124.

крѣпость и поселилъ здѣсь роту солдатъ Сергіевского полка; но потомъ эта крѣпость, какъ находившаяся въ сторонѣ отъ Самарской линіи укрѣпленій, была упразднена, а имѣвшіяся при ней угодья, въ силу указовъ, розданы были помѣщикамъ^{а)}. Крѣпости Ольшанская (Елшанка) и Тевкелевъ бродъ были перенесены Урусовымъ на новыя мѣста^{б)}. Въ 1740 г., во время поѣздки въ Орскую крѣпость, Урусовъ открылъ новый ближайшій путь къ устью р. Ори, который раньше былъ скрытъ башкирами отъ Кириллова. Путь, по коему шелъ Кирилловъ, лежалъ чрезъ Губерлинскія горы и представлялъ немаловажныя затрудненія, по причинѣ длинныхъ и тѣсныхъ ущелій, а также—крутыхъ спусковъ; путь же, указанный башкирами Урусову, находился лѣвѣе перваго, недалеко отъ Подгорнаго редута, въ вершинѣ р. Ольшанки (Елшанка), при чемъ Губерлинскія горы остаются въ правой рукѣ^{в)}. Этотъ послѣдній путь имѣлъ только одинъ и то некрутой подъемъ, а затѣмъ—вся дорога ровная и удобная. Чтобы сдѣлать безопаснымъ проѣздъ по этому новому пути, Урусовъ основалъ на р. Чебаклѣ крѣпость. Впослѣдствіи, когда главная торговля была перенесена въ Троицкъ и въ новопостроенный Оренбургъ, Чебаклинская крѣпость была упразднена, такъ-какъ обозы въ Орскую крѣпость стали ходить прямо на Губерлинскую крѣпость, черезъ горы.

Въ бытность Урусова начальникомъ Оренбургской Коммиссіи, въ Оренбургъ пріѣзжали владѣльцы Средней киргизской орды Аблай и Абуль-Махметъ, изъ которыхъ первый пользовался особеннымъ вліяніемъ на киргизъ^{д)}. Въ то же время ханъ Малой орды, Абуль-Хаиръ прислалъ въ Оренбургъ своихъ сыновей Ирали и Нурали, извиняясь, что лично онъ не могъ явиться за болѣзнію и дальностію пути; на самомъ же дѣлѣ онъ боялся пограничнаго начальства за нарушеніе имъ своей присяги^{е)}. Сыновья Абуль-Хаира, избѣгая встрѣчи съ владѣльцами Средней орды, постарались тайно уѣхать изъ Оренбурга^{ж)}, а Абуль-Магметъ и Аблай, получивъ богатые дары, обѣщали полную покорность; но Аблай, по интригамъ Абуль-Хаира, принялъ потомъ извѣстнаго уже намъ Каракасала, а Абуль-Махметъ, отличавшійся болѣе тихимъ и миролюбивымъ характеромъ, удалился въ Туркестанъ. Въ 1741 г. изъ Самары былъ посланъ въ Киргизскую

^{а)} Тамъ же.

^{б)} Тамъ же, стр. 124 и 128.

^{в)} Тамъ же, стр. 139—140.

^{г)} Тамъ же, ч. I, стр. 152.

^{д)} Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, ч. II, стр. 139.

^{е)} Тамъ же, стр. 141.



орду къ Абуль-Хаиръ хану, поручикъ Оренбургскаго драгунскаго полка Дмитрій Гладышевъ^{а)}; но время его возвращенія и результаты этой экспедиціи относятся къ 1742—1743 гг., когда вступилъ въ управленіе краемъ Неплюевъ, а потому мы и скажемъ объ этомъ при разсмотрѣніи отношеній Неплюева къ пограничнымъ среднеазиатскимъ странамъ и ихъ обитателямъ. Относительно школъ, заведенныхъ Татищевымъ въ Самарѣ, Урусовъ распорядился, чтобы они все были собраны въ домъ князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго, сосланнаго въ Самару „по нѣкоторымъ несчастнымъ его случаямъ“^{б)}. Въ мартѣ 1741 г., увѣдомляя Татищева объ успѣхахъ заведенной имъ въ Самарѣ татаро-калмыцкой школы, Урусовъ писалъ о татаро-калмыцкомъ лексиконѣ и переводахъ книгъ съ восточныхъ языковъ на русскій: „Во всемъ томъ стараюсь у меня г. Рычковъ, и ему оное поручено, котораго въ томъ охота и прилежность, надѣюсь, вашему превосходительству извѣстенъ“^{в)}.—Вообще, Урусовъ относился весьма сочувственно къ Самарской татаро-калмыцкой школѣ и, сколько могъ, заботился объ ея улучшеніи. 20 іюля 1741 г. Василій Алексѣевичъ Урусовъ скончался отъ цынги въ Самарѣ, гдѣ и погребенъ въ трапезѣ церкви во имя Казанской Божіей Матери; надъ могилой его доселѣ видна чугунная позолоченная плита съ надписью и его фамильнымъ гербомъ.

Такимъ образомъ трудами Кириллова, Татищева и Урусова, при живомъ содѣйствіи со стороны Правительства, Оренбургскій край былъ введенъ въ общую систему прочихъ областей Россійской Имперіи; его разнообразныя административныя части получили общую организацію и были подчинены надзору мѣстной высшей власти, на которую и были возложены обязанности, устраивая и развивая силы края, предуготовлять его къ тому великому будущему, какое завѣщалъ ему Петръ Великій. Выполнить эту задачу Преобразователя, какъ увидимъ, пришлось его любимцу, Ивану Ивановичу Неплюеву.

~~1741-1743~~

^{а)} Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. I, стр. 161.

^{б)} О. Васселаго: „Общ. Морск. Списокъ“. ч. I, стр. 67.

^{в)} Пекарскій. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 11. Входящія письма 1741—1743 г. въ архивъ Акад. конференціи.



~~7700~~

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ

Иногородніе и книгопродавцы могутъ обращаться или въ книжный магазинъ Коммисіонера Императорскаго Казанскаго университета, **А. А. Дубровина**, (Гостинный рядъ, № 1.) или прямо къ автору по слѣдующему адресу: Казань, наставнику Казанской учительской семинаріи и преподавателю словесности въ Маріинской женской гимназіи, **Владиміру Николаевичу Витевскому** (домъ Спичарной, на Пошовой горѣ). Книгопродавцамъ другихъ городовъ книга на комиссію не высылается, а лишь—по полученіи отъ нихъ денегъ; уступка—по соглашенію.

Тамъ же можно получить слѣдующія, оставшіяся въ самомъ незначительномъ количествѣ, сочиненія того же автора:

1) *Расколъ въ Уральскомъ войскѣ и отношеніе къ нему духовной и военногражданской власти въ концы XVIII и въ XIX в.*
Цѣна 1 р. 75 коп.

2) *В. А. Жуковский въ своихъ письмахъ, какъ человекъ и наставникъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.*
Цѣна 50 коп.

Главный складъ изданій у автора.

~~XXXXXX~~

орду къ Абуль-Хаиръ хану поручикъ Оренбургскаго драгунскаго полка Дмитрій Гладышевъ^{а)}; но время его возвращенія и результаты этой экспедиции относятся къ 1742—1743 гг., когда вступилъ въ управленіе краемъ Неплюевъ, а потому мы и скажемъ объ этомъ при разсмотрѣніи отношеній Неплюева къ пограничнымъ среднеазиатскимъ странамъ и ихъ обитателямъ. Относительно школъ, заведенныхъ Татищевымъ въ Самарѣ, Урусовъ распорядился, чтобы они все были собраны въ домъ князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго, сосланнаго въ Самару „по нѣкоторымъ несчастнымъ его случаямъ“^{б)}. Въ мартѣ 1741 г., увѣдомляя Татищева объ успѣхахъ заведенной имъ въ Самарѣ татаро-калмыцкой школы, Урусовъ писалъ о татаро-калмыцкомъ лексиконѣ и переводахъ книгъ съ восточныхъ языковъ на русскій: „Во всемъ томъ стараюсь у меня г. Рычковъ, и ему оное поручено, котораго въ томъ охота и прилежность, надѣюсь, вашему превосходительству извѣстна“^{в)}.—Вообще, Урусовъ относился весьма сочувственно къ Самарской татаро-калмыцкой школѣ и, сколько могъ, заботился объ ея улучшеніи. 20 іюля 1741 г. Василій Алексѣевичъ Урусовъ скончался отъ цынги въ Самарѣ, гдѣ и погребенъ въ трапезѣ церкви во имя Казанской Божіей Матери; надъ могилой его доселѣ видна чугунная позолоченная плита съ надписью и его фамильнымъ гербомъ.

Такимъ образомъ трудами Кириллова, Татищева и Урусова, при живомъ содѣйствіи со стороны Правительства, Оренбургскій край былъ введенъ въ общую систему прочихъ областей Россійской Имперіи; его разнообразныя административныя части получили общую организацію и были подчинены надзору мѣстной высшей власти, на которую и были возложены обязанности, устраивая и развивая силы края, предуготовлять его къ тому великому будущему, какое завѣщалъ ему Петръ Великій. Выполнить эту задачу Преобразователя, какъ увидимъ, пришлось его любимцу, Ивану Ивановичу Неплюеву.

^{а)} Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. I, стр. 161.

^{б)} О. Васелаго: „Общ. Морск. Списокъ“. ч. I, стр. 67.

^{в)} Пекарскій. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 11. Входяція письма 1741—1743 г. въ архивъ Акад. конференціи.



7709

ОБЛАСТНОЙ
МУЗЕЙ

Иногородніе и книгопродавцы могутъ обращаться или въ книжный магазинъ Коммиссіонера Императорскаго Казанскаго университета, **А. А. Дубровина**, (Гостинный рядъ, № 1.) или прямо къ автору по слѣдующему адресу: Казань, наставнику Казанской учительской семинаріи и преподавателю словесности въ Маріинской женской гимназіи, **Владиміру Николаевичу Витевскому** (домъ Спичарной, на Поповой горѣ). Книгопродавцамъ другихъ городовъ книга на комиссію не высылается, а лишь—по полученіи отъ нихъ денегъ; уступка—по соглашенію.

Тамъ же можно получить слѣдующія, оставшіяся въ самомъ незначительномъ количествѣ, сочиненія того же автора:

- 1) *Расколъ въ Уральскомъ войскѣ и отношеніе къ нему духовной и военногражданской власти въ концѣ XVIII и въ XIX в.*
Цѣна 1 р. 75 коп.
- 2) *В. А. Жуковский въ своихъ письмахъ, какъ человекъ и наставникъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.*
Цѣна 50 коп.

Главный складъ изданій у автора.

~~1881~~

ЦѢНА ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ 1 Р. 60 КОП.